

Российский
Межрегиональный
Союз
Писателей

Академия Русской
Словесности
и Изящных Искусств
им. Г. Р. Державина

ЗОЛОТОЕ СЛОВО

Литературно-художественный
журнал

ВЫПУСК 7

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
"РАММА"
2013

3 79

*Литературно-художественный
журнал
Российского Межрегионального
Союза писателей
при участии
Академии Русской Словесности и
Изящных Искусств им. Г.Р.Державина*

Под общей редакцией Е.П. РАЕВСКОГО

Шеф-редактор: Н.А. Веселова

Редактор отдела поэзии: Е.П. Раевский

**Редколлегия: Л.Б. Ильина, С.Н. Скакун, А.Н. Молоканов,
А. М. Губаревская, Л.П. Кизик
Е.В. Сакс, Ю.В. Бондарев (почетный член)**

При перепечатке ссылка на журнал «Золотое слово» обязательна

Официальный сайт
Российского Межрегионального союза писателей:
www.rmssp.pro

Официальный сайт АРСИИ им. Г.Р.Державина
www.arsii.ru

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

*Журнал «Золотое слово» признан Президиумом Международного
Сообщества Писательских Союзов лучшим
литературным изданием по итогам 2012 года*

ISBN 978-5-4334-0109-9

- © Коллектив авторов, текст, 2013
- © Н.А. Сафронова, оригинал-макет и обложка, 2013
- © Н.А. Веселова, фото на 1-й стр. обложки, 2013
- © И.А. Сафронов, фото на 4-й стр. обложки, 2013

* * *

- А что тебе снится?
- Что сердце мое не болит,
два грана покоя
и красный петух в верхнем правом
углу листопада.
- Лампада, лампада горит...
- Она догорела,
довольно о старом, кровавом
вине покаянья,
о жгучем рассоле стыда;
ведь сказано было:
по вере воздастся когда-то.
Врата первородства
не стоят ни сна, ни труда.
- А смертная память?
- Спроси лучше младшего брата...

* * *

С каждой новой болью
становится легче дышать.
Как облупленный ходишь
и красную глину лелеешь.
И бессильною солью
не смеешь сердца сокрушать,
И не хочешь, да водишь
и плотью до века болеешь.
Но в приемном покое
сквозняк поселился давно.
В полудреме недужной
почти не считаешься с кровью.
Шелестенье сухое...
на что это время дано?
Слаще холод наружный –
подумаешь с новой болью.

* * *

кто в глину льет пылающий свинец,
кто зернышко гранатовое просит.
не различить, где песня, где певец,
и оси мира кружат, словно осы.

когда сойдешь, кивни проводнику:
не мясо безбилетное монада.
...размер рубашки по воротнику
и шеи по веревке знать не надо.

* * *

земная пробирка полна неудач,
молекул чужого закала.
к истоку стремится оброненный мяч,
и девочка плакать устала.

а там, за рекою, погасли огни
парама, и времени нету
добра наживать, напоследок вдохни
и сладкую выплюнь монету.

* * *

Стало быть, умирать
и котам, и собакам;
ты последнее тратишь
на веселье гулякам,
имярекам в помин...
мертв ходивший с постелью,
и – один на один –
дождь впивается в землю.

Аптека, улица

Пусто в ночной аптеке.
Резок рекламный газ.
Весело здесь калеке
Пить коронарный джаз.

Встретились на канале
Всадник и человек.
Жди, как перо в пенале,
Взгляд из-под тяжких век.

Смерть на чужих фасетках
Множится и растет.
Мел и янтарь в таблетках,
Северный жирный лед...

Все кончилось, пожалуй, не начавшись.
Дурашка, звездочетик, мотылек...
Но с огоньком свечи не повстречавшись,
еще не превратившись в уголек,
порхаю от бывшего изобилья;
летит навстречу поворота знак, -
и прах земли напитывает крылья,
и дальний свет пронзает рабий зрак.

уходя забываешь
предметы судьбу
очерк губ
загрунтованный холст
остается

забрезжит
отделенное имя
себя одиночество ищет
уставая от плача
до устья

На Конюшенной площади

* * *

Хохлома, брат, матрешки, монеты –
Расписная паленая муть.
Выпить пива у черной кареты,
в желтом доме, как в лодке, уснуть...

Говорят, что стихи пишут гноем,
сквозь бинты проступающим, и
рай – больница с приемным покоем.
Почему же так сердце щемит?..

Поговори о смерти не со мной.
Зеванье гроба на меха соболями...
Адамов трепет – влажный, нутряной, -
И никуда не денешься от боли.
Она гостит в проломленном виске,
Гудит пчелой на духовитой кашке,
Хрипит вишневою косточкой в свистке,
Подаренном когда-то первоклашке.

* * *

* * *

...Позавидовать, в общем-то, впору тем
собирателям марок, римской
чешуи монет, игровых систем
и строителям Усть-Илимской.

Вещность мира – сырая шинель бича,
оттого и пуста дорога.
оттого сгорает моя свеча,
и заря ввечеру двурога.

поцелуй зазеркальный, слепой грифелек,
одиночество точного слова...
сквозь небесную твердь пролетит мотылек
прорастет стебелек... рыболова
окликает во тьме землемер – близнецы,
беглецы воробьиного стана...
аполлоновы мышцы разносят венцы,
веселящий коктейль из метана,
черной желчи и пороха... пенье связных
в наливном белокаменном шуме
пропадает навеки – и яблок глазных
мокнут ящики в ноевом трюме...

Вера КЧЛЕМИНА

Есенину

*В забытой Богом, брошенной стране,
Биеньем сердца добывая стих,
Ты проскакал на розовом коне,
Пока во мраке не затих.*

Есенин, милый, ясный день,
Тебя убили ночью,
И на челе твоём терновые следы.
Твоя вторая тень,
Твой злобный знак беды,
Твой чёрный человек,
Присутствовал воочью.
И на кресте твоём
Повисли Вы вдвоем.
Отхулиганил, отзвенел,
Ты любил, как песню пел.
И был ты ликом ясен,
Как клена лист:
И легок, и прекрасен.
Голова твоя - лампада,
Ты России ясный свет,
И стихи твои - отрада,
Оставят в душах жаркий след.
Есенин, милый,
Милый мой Есенин,
Как рано ты от нас ушел.
Ты буйный, золотой, осенний
Затих навек нехорошо.
Никто на свете так уж не напишет
Про лебеду и журавлей,
И о России не услышать
Слов задушевней и теплей.
Но Россию не всю распродали
И, клянусь, не продать вовек
Неба синь и озерные дали,
Пока жив хоть один человек,
В ком здоровые русские гены.
Будет Русью здесь пахнуть земля!
Зелень трав и глубокие вены
Рек холодных, да темень дубрав.
Будет золотом рожь колоситься,
Будет лён на полях голубеть,
Будем верить, любить, молиться,
Будем помнить Сергея Есенина.
И рассветной порою весенней
Будем песни раздолные петь!

Поэт

Он постоянен был в любви.
Своей мечте не изменяя,
Вновь жертву новую пленяя,
Казался тем же визави.
Слегка менялись силуэты
И место действия, при этом,
Он постоянен был в любви.
Шнурок, ослабив на корсете,
Вдыхал, как сон, слова свои.
Рождались новые сюжеты,
Всё так же пели соловьи,
Он постоянен был в любви

Неразделённая любовь

Неразделённая любовь,
Между Отечеством и мною.
Гордясь с повинной головою,
В сердцах отринув, любишь вновь.
О, мой воинствующий стих,
Лишь полыхнув, опять затих.
И дальше вновь пошли напевы.
Со страстью Орлеанской девы,
Хочу свободы, мира, счастья.
Предупредив судьбы ненастья.
Но с кем бороться и кому?
Известно Богу одному.
Напоминает поле брани,
Неразделённая любовь.
В расчетах пролитая кровь,
Жизнь сыновей, всегдашней данью.

Истина

Таинственно, непостижимо
Играет с нами чувств река.
И как порой необъяснимо
Вершится миг и на века
Когда ж свершится это чудо,
То будь то подвиг иль любовь,
Душа молитву не забудет,
И льется благородство в кровь!
Откройте душу для страданий,
Впустите радость, жалость, нежность,

Золотое Слово-7

Любви верните обаянье.
Пусть сердце ощутит безбрежность,
И солнца свет, и звезд мерцанье,
И станьте частью мироздания!

* * *

Разноголосьем славится весна.
Нам запах лета голову дурманит.
Парадность осени дана.
Зима заснеженностью манит

Рябина

Рябина горькая, рябина жаркая
Стоит в туманном полушалке.
Порою свадебной стоит заброшена,
Стоит, не прибрана, да запорошена.
И снится тёмною, порою – светлая,
Как будто вновь стоит, целуясь с ветрами.
И листьев кружева играют в зайчики,
И обняв милую, смеются мальчики.
Стоит счастливая воспоминаньями,
Стоит замёршая одна с желаньями.

Бальзаковский возраст осени

Бальзаковский возраст осени,
Грустно с небес стекает.
Реже, сквозь тучи, просинью,
Неба лазурь сверкает.
Сыпясь на землю росами,
Под павшей листвой засыпая,
Бальзаковский возраст осени,
Чарует, манит, пропадая.

Плакала берёза

Плакала берёза раннею весной,
Истекала соком, шелестя листвой.
Не грусти, родная, лето впереди,
И тебя умоют теплые дожди.
Лунная дорожка, ветви золотая,
Звёздами осыплет из ковша, шутя.
Солнышко пригреет, дунет ветерок,
Посулит кукушка жизни долгий срок.

Разговор небес

Нахмурясь, небо потемнело,
Вдруг полыхнуло ясным днем.
Земля испуганно смотрела,
На разговор небес с огнем.
Там гром, не затихая эхом,
Сердясь, ворчливо грохотал.
Сверкала молния со смехом,
А ветер щеки раздувал.
Потом затихло все внезапно
И только дождь тихонько плакал,
Напоминая мне щенка.
Махал хвостом и с веток капал,
Просясь обратно в облака.

Трепетность рассвета

Раскрыв объятия в небеса,
Душе моей в ночи не спится.
Небесной влагою роса
За звёздной россыпью стремится.
По небу отблески луны
Сквозь тучи рябью проплывают.
Прохладой дышит шум волны.
Вдали над волнами мерцает,
Переливаясь нежным светом,
Заря в прохладе, жарким летом.
Вот ветерок в благославленьи,
Несет на крыльях свежесть лета,
Ласкает трепетность рассвета.
Даря душе успокоенье,
Надеждой наполняя вновь,
И верой в вечную любовь.

Дрожит небесная слеза

Вновь лето празднует природа.
С волною спорят небеса.
Дрожит небесная слеза,
По утру в это время года.
Ты по росе пройдишь босой,
Из чаш купальницы напейся.
Воскликни небу: «Дождик, лейся,
Над торжествующей красой».
Упав с объятьем в разнотравье,
Вдохни тягучий, сладкий дух.
Услышь привольное задравье
Птиц улаждающих твой слух.
Увидь над водным зазеркальем
Ты блики утренней зари,
С лучами в небо воспарь.

Евгений СМОЛЯКОВ

Спасение

Мир спасёт красота!
Ф. М. Достоевский

1

Наш долгий путь тернист и зыбок
И скрыт покровом темноты.
Чредою горестных ошибок
Отмечен поиск красоты.

Не красоту молить у Бога
Тому,
кто смолоду постиг:
В красивой форме суть убога,
В грязи таится золотник!

И сомневаешься:
не зря ли
Суровой давнею порой
Нам слишком часто повторяли,
Что мир спасётся красотой!?

О сущих идеальном свойстве
Напрасно душу не трави,
Когда в общественном устройстве
Нет совершенства и любви.

Как в нивах,
засухой пожатых,
Как в празднующей суете,
В общении бедных и богатых
Нет места вечной красоте.

В одном шкафу держать – пустое
Лохмотья нищего и фрак.
Не примирятся красотой
Землевладелец и батрак.

Как вспышек света от огарков,
Не жди возвышенности чувств
От приживалов олигархов –
Статистов всяческих искусств.

И их,
как светской шлюхи,
лживы

Слова,
и формы,
и лета ...

Предметом торга и наживы
Буржуям служит красота.

И меркнет ложная красивость,
Пред Правдой жалка и гола,
Когда вершит несправедливость
Свои неправые дела.

2

Питает творчество всегда
Источник внутреннего света.
Венец совместного труда –
Освобожденная планета.

Тузов
с керамикой
во рту
Давно заботит пониманье,
Что,
создавая красоту,
В творце растёт самосознанье.

Духовный рост народных масс
Для них становится опасным.
И входит ожиревший класс
В противоречие с прекрасным.

Мир приседает и поёт
На тайных нитях кукловодов.
И слово вымолвить своё
Отнято право у народов.

И к небесам сквозь немоту
Мильоны рук в мольбе воздеты,
Но уничтожить красоту
Летят послушные ракеты.

И гибнут в пламени костров
Красы невиданной творенья.
И совершенства символ –

ров,
Сокрывший плоть
под властью тленья.

Золотое Слово-7

3

Не позабывшим род хлыщом
Взгляни под купол небосвода:
Как потрясает нас

ещё

Не сокрушенная природа!

Как неожиданно новы
Цвета восходов и закатов!
И над покорностью травы
Туман загадочен и матов.

Куда-то вдаль

издалека

Река студёная струится.
В ней отражаясь,
облака
Почти готовы прослезиться.

И даже простенький лопух
Средь разнотравия вистует.
В ком не захватывает дух,
Когда природа торжествует?!

Трубит таёжное вражьё,
За кем отёлы и окоты.
И опускается ружье
В руках любителя охоты.

И стелет под ноги аир
Весна – девчоночка босая.
И красота объёмлет мир,
От Божьей кары не спасая.

4

Из века в век земля отцов
Творцов прекрасного рожала,
А лиги сытых мудрецов
На них отточивали жала.

Терпя свои,

чужих оков

Росс не унизился ношеньем.
И все нашествия врагов
Для них кончались пораженьем.

Прошло немало лет и зим,
И встал на сытых люд голодный.
И не под силу было им
Остановить порыв народный...

Чтоб счёт давнишний навсегда
Свести к желанному итогу,

Своим вниманьем господа

Нас не обходят,

слава Богу!

Хотят наш дом пустить на слом
И прииудить нас к измене,
В застойный бросив окоём
Нано-подкормку нашей смене.

И наших дел расстроен лад,
И то ли спьяну,

то ли сдуру

Мы свой особенный уклад
Сменили на эрзац-культуру.

И ценности уже не те!
И вечное снедает тленьё!
И речи нет о красоте –
Она ль дана нам во спасенье?

Сам

красоты великой храм
Нуждается в защите ныне,
Когда творят постыдный срам
Пред православною святыней,

А прошлое без укоризн
Не вспомнят штатные емели ...
Как безобразна наша жизнь,
Лишенная великой цели!

С утра – нужник,

вечёр – кровать –

От их не вызволиться плена!
Уже мы стали забывать
Родство до третьего колена.

Сведя на деньги гордый нрав,
Как пафос драм

на буфф мистерий,

Мы ценим грош,

не осознав

Масштаб навязанной потери.

С водою выплеснув дитя,
Транжирия Родины богатство,
Мы,

головы вдруг очертя,

Спешим в прикрашенное рабство ...

А выживем, лишь обретя
Свободу,

равенство

и братство!

Елена БЕЛКИНА

* * *

Ах, Душа! Ах, Душа! Ты витаешь и странствуешь.
Неизвестно – где новый и чудный приют.
Я б хотела туда, где ты Родину празднуешь,
Но земные оковы взлететь не дают!

Не пускают просторы полей беспредельные,
Где блестит под росой каждый листик резной.
Не пускают и зимы – крутые, метельные,
Вдруг порадуя ясностью и белизной!

Я гляжу в небеса голубые, далёкие,
Где витает душа свято тайны храня.
Но лесные ручьи мне журчат одинокие,
Что они никуда не отпустят меня.

Не отпустят меня и погосты печальные,
Где свой вечный покой мои предки нашли.
И как звёздного счастья подковы хрустальные,
Я целую оковы родимой земли!

Начинающему поэту

Много лет был немислимый трепет
Перед чистым бумажным листом,
Но мужал и слышнее стал лепет –
Слов в темнице. Как в гуле морском
Рокот слов всё становится ближе.
Подступает! Держать нестерпёж!
Не пасуй – накопилось... Иди же,
Безмятежность листа потревожь!
Негативы прекрасных мгновений
Осторожной рукой прояви,
Новым виденьем многих явлений
По-хорошему мир удиви!
Далеко ещё, друг, до искусства:
Сбои в ритме, дрожанье руки.
И так хочется выплеснуть чувства,
Запихнуть в неуклюжесть строки.
Не вернёшься к безмолвию снова.
Сердце зоркое в путь позови.
Будет слово – всей жизни основа.
Боже праведный! Благослови!

Кристаллы

Никогда не грешила стихами
И сейчас не грешу, а пишу.
И слова, что затерли веками,
Отмываю до блеска ночами
И по утрам на солнце сушу.

Я кристаллы тех слов берегу
И по-женски им чувствую цену.
В ожерелье кристаллы сложу,
Перед зеркалом поворочу,
В воскресенье «на люди» надену.

Другу – поэту, барду

Обжигался любовью, но нужно
Было нишу найти для себя...
Он решил, что достаточно дружбы,
Но не страсти, шального огня.

И вздохнуло свободное сердце,
Скинув шоры безумных страстей.
Отзвучало игривое скерцо
Инструментами разных мастей.

Заменяла любовь на дружбу.
– Ты пришёл? Хорошо. Проходи.
Что сегодня для вечера нужно?
А... кассеты принёс. Заводи!

И стена, что гитару всё студит,
Вновь уступит изящным рукам.
И стихам моим время наступит –
Дома, рядом – не где-нибудь там...

Прорастаем друг в друга мы строчками –
Их попробуй из нас извлеки!
Говорим и зрачками-точками,
Если всё уж до нас изрекли.

Ощущаем себя на пороге
Незнакомой, особой, любви.
Выбрось ветошь – былые тревоги –
И в дом новый её призови.

Золотое Слово-7

Русь-медведица

Словно вырвалось солнце из плена
Уплывающих в даль туч-тисков,
И на фоне бездонного неба
Всё яснее града облаков.

И на том, что всех ярче светится,
Полечу над Россией моей.
Распласталась заснувшей медведицей –
Необъятно меж морем морей.

Зачерпну родниковой водицы
Чистой – как пред распятым слеза –
Пусть дождём она майским струится
На селенья, поля и леса.

Я медведице голову глажу,
Свежий ветер колышет ей шерсть.
Дух полей ей на ушко подскажет:
Поважнее занятие есть!

Разлеглась. Притворилась убитой.
Потянись, разомнись и вставай!
На земле, нынче Богом забытой,
Жизнь иную скорей начинай!

Оазис

Милый дом мой – оазис в мире
Перелома, наживы, страстей,
На пороге его отринешь
Груз забот и тревожных вестей.

И поэтов глаза лучистые
С их портретов встречают тебя,
В ожиданьи хозяйки лист чистый
Истомился в течение дня.

От обилия книг здесь тесно,
А душе и легко, и светло.
И надолго вбирает кресло
Уходящих друзей тепло.

Здесь в минуты моих поклонов
По-особому воздух тих,
И дешёвенькая икона
Драгоценна в слезах моих.

Свой духовный оазис в пустыне
Из заветного я создала –
Пусть спасает меня он отныне
От любого вселенского зла!

* * *

Берёзонька
Берёзка
Берёзушка
Берёза
... Берёзища

Бе-ре-за...

Алёнушка
Алёнка
Ленка
Леночка
... Ляксандровна

И слеза...

Письмо

Кистью берёзы по небу высокому
Я написала такие слова,
Что улетевшему Ясному Соколу
Будут не в радость любые дела.

Я написала: зима отскрипела,
Словно телега – то вкривь, а то вкось.
В городе каменном птицы запели.
Ты их, пичужек, зима не морозь!

Я написала: апрельские руки
Не погнушались любого двора,
Грязь подмели после долгой разлуки,
Значит, и Пасху встречать нам пора.

Я написала: предел всех желаний
Будет на пике в Тот радостный День...
Ты разорви эту цепь ожиданий,
Жду на окне твою светлую тень.

Как же замки мне покажутся грубы.
Птицей метнусь – не догонит стрела.
Всё остальное доскажете, губы,
Руки и плечи, вся нежность моя!

Золотое Слово-7

Разговор с Мариной Цветаевой

Море пенилось. Волны бесились...
Словно ритмы неровных стихов –
Волны падали, в гневе дробились,
Напоровшись на щит берегов.

Где твоя я не знаю – могила –
Умудрились её затерять.
Здесь стихия твоя – дерзость, сила.
Возле моря хочу постоять.

Ты неузнанной долго ходила
Меж людей – и грешна, и чиста,
Оголённейшим нервом водила
По шершавой ладони листа.

На тернистом пути всех великих
Много рытвин пришлось повстречать.
И холмов, как людишек безликих,
И огромной Горы* благодать.

Счёт не мерян обидам, утратам –
Трудно родину милой назвать...
Краток путь по трагическим датам –
До голгофы рукою подать.

Никого не любила вполсилы...
Боль твою мне легко воспринять -
В сорок лет я сто бед накопила,
И всегда ли счастливая мать?!

Я волнуюсь с тобой в разговоре –
Всё сбиваюсь на «Вы» иль на «ты».
Бьются волны на диком просторе,
Жду из моря на сушу следы –

Воскресшей.

Сергею Есенину

«Несказанное, синее, нежное...» –
Где нашёл ты такие слова?!
В твоё время Россия безбрежная
Много крови во тьме пролила.
Голова, навсегда золотая,

Сколько жизней успел ты прожить...
О любви к тебе, Русь дорогая,
Сколько песен успел ты сложить.
Мало соков, Сергей, выпил вешних,
И в вине дар губил, что был дан.
После песен о братьях всех меньших
Не поверю, что ты – хулиган.
Нам мученья твои передались:
Всюду смута, куда же нам плыть?
А колосья, как кони, умчались,
Трудно будет их вновь приручить.
Я б хотела в страну «Инония»,
Да утерян в дороге был след.
Не услышу волшебные звоны я,
Не поймать мне в ладонь чудо-свет.
Так когда, моя Русь застывшая,
Ты стряхнешь боль минувших веков,
Тучи, плотно тебя укрывшие,
Взмоют стайкой седых облаков?
Босоногий мальчишка удалый
По воскресшим промчится полям,-
Благодарно сквозь синие дали
Ты, Сергей, улыбнёшься вновь нам?!

Розовая чайка

*«Я видел розовую чайку
в пасхальный день.
И это навсегда!»*

Е. Поэбин

С балкона я вижу Венеру.
В краях, где нет слова «балкон»,
Сияешь ты ярче, я верю,
И благостней там небосклон.
И чайка в снегах Индигирки** –
Там редко бывает восход –
На крыльях своих солнца блики
Усталому взору несёт.
В тот день, когда ночь покрывало
На время с земли уберёт,
Как чудо, каких не бывало, –
Той чайки неспешный полёт.
И жизнь вдруг покажется яркой,
И трудности все по плечу...
Ты верь: этой Розовой чайкой
В день Пасхи к тебе прилечу!

* Горы - Поэма «Горы» М.Цветаевой о любви

** Индигирка – единственное место на планете, где живёт Розовая чайка

Евгения КОРН

*Все прошлое в туман обращено,
Любовь моя мелькнула и пропала...
Я молча пью прощальное вино
Из тонкого печального бокала*
Ю. Пейсахович.

Прощальное вино

Прощальное вино горчинкой на губах,
Желание ушло и растворились грезы...
Признание не дано ни в мыслях, ни в словах,
Легли на дно, печалью грешной, слезы.
Мы упустили миг, переступить черту
Не думали, не чаяли, не смели.
Цветок любви поник, не слышен сердца стук.
Зажечь огня с тобою не сумели.
Горчит, горчит вино. Прощальное вино!
И плещется по хрусталу бокала.
Нам просто все равно и все разрешено...
Любовь мелькнула светом и пропала...

Встреча...

Давай, моя подруга, с тобою посидим,
О девичьем, заветном, былом поговорим.
Встречаемся, да редко! Работа и дела...
И быстрой вереницей бегут, бегут года...
Нет тоненьких косичек уже давным-давно.
Мы были как сестрички и бегали в кино...
Крылатые качели нас поднимали вверх
И раздавался в парке задорный звонкий смех.
А помнишь, как мы вместе встречали Новый год,
Водили возле ёлки веселый хоровод?
Наполненный огнями наш тесный школьный зал,
Соседского мальчишку, что с нами танцевал?..
...Стемнело незаметно, и фонари зажглись,
В кафе, что на проспекте, мы обсуждаем жизнь...
Все радости и горе поделим пополам,
И снова, как когда-то, с тобой шестнадцать нам.

Случайный звонок

Совершенно неожиданно, нежданно,
Тишины разрывая поток,
Прозвенел так задорно и радостно
Телефона поздний звонок.

Голос тихий и мне не знакомый,
В трубке ласково шелестел:
«Как люблю тебя милая! Помни!
О Любви рассказать я хотел.
Чтобы ты, несмотря на ненастья,
Самой лучшей, красивой была!
Чтоб глаза засветились от счастья,
А печаль растворилась, ушла.
Пусть меж нами года, расстояния,
Но Любовь в моем сердце живет!
И оно в этом позднем признании,
Для тебя свою песню поет!»
...Я вздохнула, ответить пытаюсь,
На горячий такой монолог.
...Но прервалась вдруг связь,
надо мной насмехаясь.
Слышен в трубке прощальный гудок...

Кто же ты, незнакомец далекий?
Где же та, что любима тобой?
Только этот звонок одинокий
Накатился счастливой волной.
Пусть не мне те слова и желания,
Но на крыльях летала душа!
Как нам надо - Любви и признания,
Чтоб поверить, что жизнь хороша!

Рыжее Чудо

Очень жалобно, прямо под дверью...
Замяукало рыжее Чудо!
Я его подберу, теплом отопрею...
Вдруг свалился ко мне ниоткуда...
Этот маленький счастья комочек
Глазки бусинки, мягкая шерстка,
Озарение буден и строчек,
И сердечко волнуется, бьется...
Отогрелось, мурлыкнув, уснуло
Чудо рыжее – Дар Новогодний!
Осветилось, что было уныло,
На моих, на горячих ладонях...

...Этой зимнею, темною ночью
Оставаться одной не хочется!
Мы зажгли восковые свечи,
размотали вдвоем - одиночество...

Золотое Слово-7

Женские романы...

Зачитываюсь женскими романами,
И словно попадаю в сказку, в сон.
Сюжет у них порой совсем обманной...
Но как же завораживает он.
Там некрасивых женщин не бывает,
В конце концов, им точно повезет.
И автор, нить канвы переплетая,
Безоблачное счастье создает.
А в жизни все не так, здесь все иначе,
Не всем удачный выпадает ход.
И я порою, не скрываясь, плачу,
Но верю, что любовь меня спасет...
Мне женские романы как лекарство,
Не перестану их листать... читать...
Души утихомирится бунтарство,
Она начнет и верить и мечтать...

Вдохновение

Захватило, пришло ниоткуда,
Словно солнце зимой переменчивое.
Мне подарок судьбы, это Чудо!
Вдохновенье мое - гуттаперчивое.
Мне б его не спугнуть томным взглядом,
Как бывало со мною не раз.
Ветром стылým навеет прохладу,
И еще пару строк, пару фраз...
Захватило... Легко и изящно,
Льется музыка, песня стиха...
В невесомости, нежно прозрачной,
По листочкам порхает рука...

Полетность...

В одной полетности парили над землей.
Вкушая страстно радости движения.
В объятьях неги и любви иной,
Ловили, что дало воображение.
Не вечно счастье, скоротечен миг,
Недостижимы вехи совершенства.
Когда летел, стремился и достиг,
Высокого, бездонного блаженства.
И расправляя крылья за спиной,
В небесной выси над землей парили.
Сплетеньем рук, в полетности одной,
За дар любви, Творца благодарили...

Париж...

...Я полистаю пожелтевшие альбомы,
Где старых фотографий вереница,
И лик прекрасный, несколько знакомый...
В моих горячих строках отразится.
Я в тишине немного помечтаю,
Мы лишь вдвоем, на de la Rosh, в Париже.
И ничего вокруг не замечая,
Вдруг стали чуточку с тобою, ближе...
Шел летний дождь и каплями игриво
Светился бликами, на «плюмаже» витрин.
И ветерок залетный торопливо,
Принес коктейль, всех запахов и вин...
И поддаваясь сладости мгновения,
Душа летала над изгибом крыш,
А предо мною, царством вдохновения,
Лежал у ног блистательный Париж...

Белое очарование

Вечер белою птицей кружится,
В нежных запахах стройных берез.
И прозрачную дымкой ложится,
Развевая непрошенность слез.
Очаровано белою сказкой,
Опереньем, падет на ладонь.
Принимая другую окраску,
Раздувая на сердце огонь.
Опьяняя, зовет наважденье,
Прогоняя несбыточность прочь.
От печалей и дум пробуждением,
Исцелит белокурая ночь...

Влюбленность

Струится дивный свет влюбленности моей!
На небосклоне звездного движения.
И расцветает от того сильнее
И льется песней воображения.
Ликуя, время замедляет ход,
Даруя нам, как благо, эту встречу.
И в переливах томных небосвод
Открыл пространство и седую вечность.
Меняется земное бытие,
В единое соединив желание.
И в целом мире только мы вдвоём,
В прикосновеньи рук и губ – признание...
Звучит вокруг Симфония Любви!
Нам открывая истину и радость.
И торжествует и благоволит,
Моя влюбленность – чувственная сладость!

К.О.

Как бы мне, да птицею, по небу промчатся,
Как бы мне, с ветрами, да в поле разгуляться.
Как бы мне, дождинкою, на ладонь упасть,
Как бы мне, росинкою, да напиться властью.
Как бы мне, да лучиком, по стене пробраться,
Как бы мне, да песнею, в сон к тебе ворваться.
Как бы мне, к устам твоим, с нежностью припасть,
Как бы мне, в руках твоих, забыться и пропасть...

Богиня Любви

*О, государыня капризная, Любовь,
Пусть ненадолго, смилуйся над нами,
И любящим спасенье уготовь
Под солнечными, нежными мирами.*

Е. Раевский

Любви Богиня многолика,
В нас пробуждает негу чувств.
Великолепна и велика,
Ввергает в трепет и искус.

Мы с нею плачем и смеемся,
Способны верить и страдать.
Она лишь просто улыбнется,
Даруя счастья благодать.

Пусть жизни лента скоротечна,
Но знает каждый с давних пор:
Коль есть Любовь - мы будем вечны,
И Всем смертям наперекор!

Электричка

Электричка, электричка,
Шум вокзала, маета.
От суетности столичной,
Мы сбегает, кто куда...
За окном мелькают лица
И деревья чередой,
И по небу стайкой птицы,
Возвращаются домой...
Электричка, электричка,
И колесный перестук.
Тишина здесь непривычна,
Все смешались в тесный круг.

Кто-то курит, кто читает,
Ну а кто-то просто спит.
Кто журнальчики листает,
Кто-то просто так сидит.
Уезжаю электричкой
Я туда, где свет реки.
Где на взгорьях земляничных,
Бьют живые родники.
Там дурманится цветами,
Серебристо нежный хмель.
Над крутыми берегами,
Соловьи выводят трель...
В сердце радостные звуки,
Раздаются все сильней,
В сокращении разлуки
С малой родиной моей...

Суди меня по кодексу Любви!
Ю.Пейсахович.

Зовут Любви чарующие звуки,
Играя на невидимой струне.
И вдохновения шальные муки,
Огнем пылают в мерзлой тишине.
Не осуждай и не кори напрасно,
Не рви моей измученной души!
Она законам слова не подвластна
И презирает виртуальность лжи...
Не нарушая всех Святых заветов,
Я сердцем приняла неравный бой!
Не раздавая клятвенных обетов
И расправляя крылья за спиной.
Спешу на зов Любви и сердцем таю...
...И капли слез на белый лист легли...
Лишь одному тебе я доверяю,
Судить меня по кодексу Любви!

Всепрощение любви...

Растревожено сердце негою любви,
Перемножено недоверье на нули.
Перепутано в недосказанности слов,
Переброшено в нереальность мира снов...
Мне б губами, прикоснуться и пропасть!
Окунуться в поцелуев нежных сласть
И поверить, пожалеть, и все простить.
Помолиться и с любовью отпустить...

Виктор ПЕРМЯКОВ

Снега России – русские просторы

Снега России, белые березы,
Бескрайный ясный солнечный простор.
Пришли опять Крещенские морозы
Лежит пушистый на ветвях узор.

Снега России, сумерки ночные.
На небе тихий лунный свет.
В холодной гамме дали голубые
Встречают утренний рассвет.

Снега России – русские просторы,
Пространство, ширь и благодать!
К нам устремились вражьи взоры,
Но им удел наш не отнять!

Поэт Николай Рубцов

Скитался по свету Никола Рубцов
Наш странник, поэт задушевный.
Он видел немало печальных крестов,
Идя по Руси разоренной.

Скитаясь по свету, в стихах он воспел:
Шум сосен, просторы родные.
На яркие звезды с волненьем смотрел,
Забыв про печали земные.

Скитаясь по свету, он все понимал,
Что нету России без Бога!
Он многое видел и много страдал,
И путь его - в вечность дорога!

* * *

Устал я, как побитая собака.
Едва хожу и ноги волочу,
И не упасть бы у оврага,
И вовсе я об этом не шучу.

Шутить не хочется, друзья!
Совсем силенок нет на это.

И падать мне никак нельзя,
И думать не хочу об этом.

* * *

Совсем погрязли в суете.
Подумать некогда о Боге.
Всё пребываем в маете,
Познав печали и тревоги.

Несемся голову задрвав,
Не видя почвы под ногами.
От беготни, вконец, устав
Глядим усталыми очами...

* * *

Ветер дунул – лист упал,
Покатился по тропинке.
Он пока еще не знал,
Что застрянет в паутинке.

Ветер дунул – лист слетел.
Мчался он по скользкой луже.
Неизвестно, что хотел,
Впереди и дождь, и стужа.
Снег пошел и лист отпал.
За мечтою он погнался
Только он, потом, узнал,
Что в сугробах затерялся.

* * *

Солнце светит мне в глаза
Золотым лучом играет,
В лесных далях бирюза
Душу светом наполняет.

А душа так рвется вдаль,
К неизведанным дорогам.
Прогони свою печаль
И ступай с надеждой с Богом!

А надежда в путь ведет –
Было так поныне.
Кто с молитвою живет
Не впадет в унынье...

Золотое Слово-7

* * *

Плачут иконы в России
И это совсем не к добру.
Бредем по земле мы уныло,
Сползаем в кромешную мглу.

Идем, как слепые у Брейгеля,
Ступая по тонкому льду,
Без покаяния грешники
Стремимся упасть в пустоту.

Плачут иконы в России
И это всегда не к добру.

* * *

Люблю бескрайние уральские просторы,
Когда душа роднится с небом и землей
В печали дремлют каменные горы
И звездный свет струится надо мной!

Люблю я снег и белые метели.
Мороз пришел - по коже пробежал.
Опять пурга, качаются в сугробах ели
И здесь давно никто не проезжал.

Люблю весенний день и запахи природы,
Журчат ручьи у горных скал,
В ущелье блещут, серебрятся воды.
Красу раскрыл свою седой Урал!

Люблю смотреть на сумерки ночные,
Когда погода, скажем, не ахти.
Крутые берега, озера голубые...
Стою, смотрю и не могу уйти.

Люблю я красные осенние туманы
Земля, луга уж залиты дождем
И сосны, травы и поляны
Пригрелись солнечным лучом.

Люблю бескрайние уральские просторы,
Когда душа роднится с небом и землей
В печали дремлют каменные горы
И звездный свет струится надо мной!

* * *

Вьется к Ладоге дорога
Через хвойные леса
Остановимся немного
И посмотрим в небеса.

Небеса с дугой играют –
Это радуга пришла.
Все пространство заполняют
Капли светлого дождя.

Дождь пройдет и выйдет солнце,
Что на Волхове – реке.
Посмотри в свое оконце,
Что там видно вдалеке.

Над рекой гора большая
И стоит там Божий храм.
Земля Ладоги Святая!
Слава древним берегам!

23 сентября 2012,
г. Старая Ладога

* * *

Иду по осенним я лужам,
По вымокшим листьям в траве,
И хоть я немного простужен
Хочу побродить в тишине.

А осень уходит так скоро
И мне ее не вернуть.
Прибавлю немного задора,
Продолжу дальнейший свой путь.

А птицы на юг улетают,
Ведь скоро придут холода,
И криком своим удивляют
Прозрачные капли дождя.

16 октября 2012,
Санкт-Петербург

Берегите книжки

Дождик мелко моросил,
Кто-то мусор выносил,
Кто-то книжку обронил,
Книголюб наверно.
Плачет книжка - лист намок -
Корку щиплет голубок.
Раньше кто б такое мог?
Книжку потеряли - разум растеряли.
Девчонки и мальчишки,
Берегите книжки!!!

Частушки

Хватит, мамка, громко плакать,
Хватит горько слезы лить.
Я иду в военкомат
Нашей родине служить.

* * *

Ах и Ох, моя родная!
Я и сам тому не рад
Притворяться не умею,
Я иду в военкомат.

* * *

Не по собственной охоте
Старший сын служил
В пехоте
Но по собственной охоте
Младший сын служил
В морфлоте.

* * *

Как частушки хороши,
До предела краткие,
Как таблетки для души -
Горькие и сладкие

2012

* * *

Не я пою - моя порода
Немилосердно душу рвет.
Моя последняя забота
Со старым лебедем умрет.

* * *

Осипу Мандельштаму

Тихо птенчик в бессилии бился,
Нет надежды - попал он в силки
Теплой кровью Варан не напился,
Лишь немного опачкал усы.

Марина

Ты не забыта, мы с тобою,
И тень от решетки тает,
И дятел упорно стучит,
Рябины куст полыхает,
И песня твоя не молчит.

Тропинка наша заросла

Последний луч
В кустах дрожит,
Туман крадется
По холмам;
И солнышко
Чуть греет.
Душа совсем
Изнемогла.
Тропинка наша
Заросла.
Невольная
Бежит слеза.
Еще в венки
Вплету цветок
И подожду немного.
В трех соснах
Милый заплутал
И позабыл ко мне
Дорогу.
Что не должно,
Тому не быть.
И лес уже темнеет.
В тени воркует
Голубок,
Меня у дома
Вася ждет -
Он для меня
Милее.
И я его люблю.
Меня он
Пожалеет.

Владимир ДАНИЛЕВСКИЙ

Романс

Не печалься, милая, не надо,
- Время все расставит по местам!
В памяти, как лучшую награду,
Никому тебя я не отдам!

Зажигают трепетные свечи
Бабочки, горящие в огне,
Первый вечер, как последний вечер,
Навсегда останется во мне.

Встреча приближает нам разлуку,
Свят восторг, подаренный тобой,
И любовь, - мою большую муку,
Где бы ни был, я ношу с собой.

Все живу в сомненьях постоянных:
Виноваты мы или молва?
То слова, как цвет, благоуханны,
То, как льдинки, холодны слова.

Но превыше всяческих наветов
И советов всяческих чужих
То, чем на сегодня мы согреты,
То, что делим только на двоих.

Ты передо мной, как на дозоре,
Чтоб ни делал, где бы ни бывал,
Я в безмолвных наших разговорах
Правоту и истину искал.

Глаз твоих уверенная нежность,
Для меня – чудесный талисман!
Порождает чувств моих безбрежность,
Лечит боли незаживших ран.

Ты меня же для меня открыла,
Изменила мой духовный мир,
А любви губительная сила
Для меня - чудесный эликсир!

Не печалься, милая, не надо,
- Время все расставит по местам!
В памяти, как лучшую награду,
Никому тебя я не отдам!

15.05.1987, Ленинград.

Праздник, который всегда со мной

*Если ты в молодости жил в Париже,
то ты навсегда запомнишь это время
потому, что Париж – это праздник,
который всегда с тобой...*

Э. Хемингуэй

Басс Ф. А. посвящается

В лице Ленинграда
Морщины Блокады,
И шрамы снарядов чужих...
Здесь люди со смертью стоявшие рядом,
Отзывчивей близких, родных.
Огромный, голодный,
Простуженный город.
Блокада – к груди пистолет.
Застыли трамваи,
А вражеский молот
Торопит расправы рассвет.
Безмолвно на трупы
Глядят барельефы...
Веселые, солнечным днем
Ходили здесь раньше
С цветами и смехом
Лежащие нынче ничком.
Враги методично
Снарядами били.
Но к ним... привыкали. Да! Да!
И веря в победу,
Трудились и жили
Все страшные эти года.
Поклон Вам! О люди!
Вы в городе Боли,
Остались Людьюми,
А зверей
Солдатскою волей
И мощью орудий
Проклятье смело матерей!
Сегодня, на солнце,
Шпили золотятся.
Кумир на коне,
Во главе.
И музыка льется,
Спешат ленинградцы,
Спешат, дорогие себе.

Золотое Слово-7

Спокойно хожу я
У стен Эрмитажа,
Смотрю на мосты
И Неву.
И мне молодому,
Не верится даже,
Что было все здесь,
Наяву.
Иду наугад,
Ну а ветер-проказник
О первой любви шелестит,
О Весне.
Как встрече я рад!
Ленинград!
Ты тот праздник,
Который навечно останется мне.

Быль о солдате

*Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны.*
А. Твардовский.

Под этой каменной плитой
Лежит обычный рядовой,
Солдат, что верил в сны,
Что он с последней шел войны

Вернулся, рад, что не убит,
От дома печь одна стоит.
Жена и деток полный двор,
Вернулись от алтайских гор...

Своим умением и трудом
Солдат построил новый дом
И вырастил стране своей
Трех дочерей и сыновей.

Свершениям страны был рад,
Смотрел на праздничный парад,
И неохотно говорил,
Чему в войну свидетель был.

Теперь лежит в земле солдат,
Держу колодочку наград.
Немую чувствуя вину,
Что не был рядом в ту войну.

Главные женщины

Возможно, я не актуален,
Пишу стихи жене и дочке.
Возможно, в чём-то и банален,
Мои совсем не новы строчки...

Семья, всегда особый мир,
Ответьте, только честно – люди!
В чужом похмелье это пир,
Когда любимых в нём не будет!

На ветках набухают почки,
Стартуют в космос корабли...
А у меня Жена и Дочка -
Две Главных Женщины Земли!

Наследство

Дом сгорел - дрова остались...
Ну, а мы с тобой – расстались.
Не о том совсем мечталось.
Пепелище и тоска!

Вон вороны разлетались...
От зимы былой усталость,
Но в душе моей остались,
Заповедные места.

Просыпается отвага
«Битломана» и «стиляги»,
И ложатся на бумагу
Воды вешние и синь.

Ничего, что бедолага,
Пенсионная бодяга...
И к вину былая тяга,
Ум – святее всех святынь!

Мне наследства не досталось?
Боже мой! Какая малость!
О чужом и не гадалось!
Мне своё бы сохранить!

А в ответ на жадность - жалость...
Добирай же, что осталось!
Сколько жить ни ожидалось,
Вместе – никогда не быть!

Золотое Слово-7

Февральский вальс

Без колдовства чудес
Вам подарить готов:
Хрустальный звон
И блеск заснеженных лесов,

Проказницу-метель,
На ветренном коне,
И робкую капель
Сосулек на окне.

Морозный воздух чист,
Он солнцем напоён,
Дарю Вам птичий свист
И этот снежный склон,

Блестящий, тонкий наст
И в эту белизну -
Идущую сквозь нас,
Грядущую Весну!

Так нынче счастлив я,
Что жить могу, любить!
Что всё, что вижу я -
Не устаю дарить!

Санкт-Петербург

Издrevле город – корабел,
И порт отважных капитанов,
Всегда, в начале славных дел,
Привык трудиться неустанно.

Морской державы часовой,
Ты вышел к финскому заливу,
Историей своей самой,
В умах рождая перспективу.

Ты к окруженьи вод плывешь,
Непобедимую армадой,
И наставляет молодёжь
Блокадный подвиг Ленинграда...

И мы, в себе, слагаем гимн
Твоим дворцам, твоим каналам,
Первостроителям твоим,
И чтим Петра, его начала!

Отсюда путь наш по морям,
Родная гавань возвращенья,

Версаль, по неvским берегам,
Венеция отдохновенья...

Блистательный Санкт-Петербург
Глядит из каждого оконца,
И плавит лёд, как металлург
России северное солнце.

Тебя на разных островах,
Мосты собой соединили,
А на проспектах, каждый шаг,
Твердит о прошлой славной были.

Прекрасен летний твой убор,
Задумчив в зимнем одеяньи,
Осенний прихотлив узор,
Небес весеннее сиянье...

Всегда ты был собой самим.
Тут Дружества и храм, и знамя,
И навсегда неповторим,
Как росчерк чаек над волнами...

Твоя всемирная краса
Так нашу гордость превозносит,
Что будто ветром в паруса
Нас в воды Балтики уносит.

В парке Красного Села

В парке я красносельском,
Он заброшен и стар...
Нет блестящих гвардейцев
И гуляющих пар...

Нет погон, кринолинов,
Звона шпор, палашей,
Всё далече и мимо
Наших глаз и ушей.

Отгуляла эпоха,
Тех российских царей...
Где сражения грохот
У «потешных полей»?

Где тот ген молодчества?
Или совесть в плену?
Жизнь – Царю и Отечеству?
Ну а честь – никому!

Валентин ВАРЕС

Альбатрос

Расправив крылья в полный рост,
Торжественно и величаво
Парит над штормом альбатрос.

И здесь он властвует по праву.

В его молчании порой,
В противоборствии полёта –
Могущества душевный строй
И даже царственное что-то!

Но чем суровой воли разнос,
А вихря яростней и круче,
Тем величавей альбатрос
В непостижимости могучей.

Его я не сравню с орлом –
Орлы безветрие смакуют...
Но альбатрос же напролом
Пронзает штормовые струи.

Ведь, кажется, наперекос
Схлестнулись в схватке две стихии –
Парит над штормом альбатрос
Каким-то гоголевским вием!

24.02.1994 г., т/х «Долес сала»

Притяжение

Торжественно-вальжен океан...
Морской романтики – сквозные дали.
Просторов синих тайны, как дурман,
Они навек меня околдовали.

Непредсказуемость больших дорог
И неразгаданность морского притяженья
Тревожностью переполняют впрок
И держат в постоянном напряженье:

То вдруг плечистый ветер – хулиган
Задиристо дорогу заступает...
Борта судов в заклёпках старых ран,
Которые болят и украшают.

Порой хандра – с лихвою на двоих,
Когда туман изношенной дерюжкой
Повиснет рыхло на плечах моих,
А время тащится больной старушкой...

И шаркает трудяга-теплоход
Вокруг планеты неторопким шагом.
Не осушить со лба солёный пот,
Когда экватор к борту ляжет лагом.

Порты захода дарят свой портрет,
Не оставляя на душе зарубок.
И только вот дымки от сигарет
Нам заменили тёплый дым из трубок...

Всегда ты в море сам с собой – на «Вы»!
И дышишь свежим встречным дуновеньем.
Да, только здесь задумки и мечты –
Удачи расшифрованные звенья.

Отшелестела вереница лет.
Как лист осенний – памяти страницы...
И до сих пор не в силах дать ответ,
Что поманило с морем породниться!

1988 г.

Путеводная звезда

Алмазным бисером расшит
Огромный бархат небосвода.
Звёзд отражение дрожит
В зеркально-онемевших водах.

Вот Сириус «Большого пса»,
Как заколдованное око,
Сверкает в чёрных небесах
И мудро смотрит издалёка...

Летучей мышью «Орион»
Парит в космическом пространстве,
Неся в себе иных времён
И измерений постоянство.

Золотое Слово-7

О, притяжение планет,
Созвездий ювелирный росчерк!
Под ритм беззвучных кастаньет
Танцует метеорный дождик.

А путеводная звезда,
В судьбу вошедшая навечно,
К тебе, как старшая сестра,
И благосклонна, и сердечна.

Её лампадный, дальний свет,
Завороженно-отрешённый,
Как панацея многих бед,
С лихвою морем отведённых.

1985 г., т/х «Академик Артоболевский»

Поющий ветер

Поющий ветер – это тайна,
До срока скрытая от нас.
И ты крепись, когда случайно
Открыться ей наступит час.

Едва корабль минует створы,
Ещё без нужных скоростей,
Заводит ветер разговоры
Среди оттяжек и снастей.

Вначале он сверчком запечным
В надстройке тихо свиристит.
Но, вымахнув по курсу встречно,
С лихим напором засвистит,

Раздует серое кадило
Из кромки рваных облаков.
Потом, налившись мрачной силой,
Как Има Сумак, петь готов!

И, властелин морской вселенной,
Всегда непредсказуем он:
Зальётся ль сказочной Сиреной,
Иль затрубит, как Геликон.

Но в каждой песне урагана
Предупреждение звучит:
Не жди в мелодиях изъяна,
Сопrotивляйся! И – молчи!

Поющий ветер злобу мечет,
Зовёт помериться судьбой...
И всякий раз такая встреча
Суровой полнится борьбой!

*04.01.1989 г., т/х «Иван Кулибин»,
район Азорских островов*

Морской закат

В клубок свернулся день тягучий
И наступает полоса,
Когда язычески, могуче
Грядёт закатная краса.

Уж отпылавшее светило
Мостится в облачный проём,
И жаром поздним охватило
Багрово-красный окаём.

А там, у дальнего предела,
Как пламя мокрое, вода
В лучах оплавленных зардела,
Чтоб испариться навсегда.

Заря расщедрилась окрасом,
Избытком золотой парчи,
В полнеба встав иконостасом
У слабой солнечной свечи.

Дрожат, как струны, нити света,
Наполнив музыкой закат.
И нежность переливов цвета
Рождает поздний солнцепад.

Я возвращаюсь в тень каюты,
Переживая всякий раз
Неповторимые минуты,
Такие редкие для нас.

1988 г.

Виктор КУДРЯВЦЕВ

Три цветка

На склоне горы зияет нора,
Ведущая в дом железной змеи.
В пещере цветные светят ветра,
Рассыпан хрусталь уснувшей струи.

Зеркальную гладь воды родника
Волнует капель скупую слезой,
Лежат на воде три белых цветка
Магической тайны манят красотой.

В безлунную ночь из белых цветов
Взлетят заклинанья сил колдовства
Сквозь россыпи гор, громадины льдов
Изменяют людей. Ложь станет права...

Змея - вечный страж, недвижна во сне
Уж тысячи лет ей сила дана.
Из черной брони, по тела длине
Десятки колец в шипах Вещуна.

Насквозь прожигают горы глаза
Из прорезей шлема-смерти лучи.
Плеснётся из жала яда слеза
И мягкими станут острия мечи.

Султаны, цари, раджи, короли
Мечтали иметь цветы колдовства.
Чтоб крепче стоять на лике земли
Соседей же власть была б чуть жива.

Пылала земля, пылала войска
От взгляда змеи бежали все прочь
Сменялись эпохи, плыли века
Никто не сумел огонь превозмочь.

В селеньи славян у ног синих гор
Жил светленький мальчик с грустью в глазах
Мог слушать часами певчих птиц хор -
Прекрасное крылось в их голосах...

Дар музыки божий в сердце его
Расцвел, проникая в души селян.
Он с музыкой жил вне мира сего
Эмоций людских невольный смутьян...

Бродя со свирелью в горных лесах,
Заросший увидел зеленью ход.
В туннеле гранитном, в тьмы волосах
Предстал паутиною связанный свод.

Волшебные звуки льются во тьму,
От их красоты пещера светла.
В доспехах змея в смиренья плену
Глаза приоткрыть от чар не могла.

Родник трёх цветков запенился вдруг
Узнали они людское тепло.
От прикосновения трепетных рук
Погибло, увидя прекрасное Зло...

Умолкла свирель, уплыл чар туман,
Открывший Змее могущества зрак
В сердца перестал струиться обман
Стал горсточкой пепла... странный чудак...

* * *

Кончался день и Солнца блики
Алеют в призрачной дали.
В цветах заката тлеют лики,
Стремясь за краешек земли.

На свод небес устало ветры
Невиданные краски льют,
Растая, в облачные ветлы
Находят вечности приют.

Людские судьбы, дни чужие,
Из сердца слезы и слова,
Дороги юности кривые,
Чернить пытается молва...

И кто ж мог знать, какие чувства
Заставить в краткий миг
Предать Любовь огню безумства,
В куски изрезав мир двоих...

И пусть стоит все вверх ногами,
И черным станет белый свет,
Под бесконечными снегами,
Споет подснежник слово «Нет».

Золотое Слово-7

* * *

Брожу по мягким тропам облаков
В косматых даях неба города.
Не брызнут синью глазки васильков
Свет не прольет фонарная звезда.

Моря из пены пасмурных тонов
Смывают башни замков на мели.
Встают виденья давних детских снов
Над самой бездной, там где край земли.

Внизу в пыли мирская суета
Людское море свой проходит круг
Чужие мысли, кровь и красота.
Стал в страшный миг Иудой лучший друг...

И я живу с тех пор на небесах
Мне слышен тихий голос грусти труб.
Летит мой бриг на тусклых парусах,
Ведомый дуновеньем чьих-то губ...

* * *

Струйки дождя ломались ветрами
Волосы туч до самой земли.
Лужи, вскипая, стали морями
Можно пускать по ним корабли.

Мутный поток в подземное царство
Встретил толпу бегущих теней.
С грязью смешались яд и лекарства
Чьё-то влиянье станет сильней...

Мир изменили капли на стеклах
Кривятся шпили, башни, дома.
Скучен поникший сад в красках блеклых
Мысли блуждают в тайнах ума.

Линия жизни станет пунктиром
Маленьким серым, редким косым...
Быть одиноким звездным кумиром
Или любимым... нищим... босым...

* * *

Дыханьем ветер - странник шумный
Сдувал осеннюю листву.
Блуждал в ночи, как зверь безумный,
Кусты сминая и траву.

Дождя слетая с неба капли
Чуть слышно бьются о стекло.
Во мраке молний блещут сабли -
На миг в ночи как днем светло.

Свет молний гас и Темень снова
Скрывала города черты.
С аллеи сада неземного
Роняя черные цветы...

Пусть жизнь ужасна и прекрасна
Порой наивна и смешна,
Сладка, рискована и опасна,
Я пью вино ее до дна...

Анатолий РЕНЕРАЛОВ

* * *

Кто исцелил бы меня...
Думы мои одиноки.
Как из огня в полымя
Век нас бросает жестокий:
Душу лишает корней
Фарсом своих интермедий.
Домны реформенных дней
Золото плавят из меди.
Зла не желаем другим,
Веруем в радость земную.
Так почему же летим
В бездну глухую, немую?..

Вечерняя волна

Свет спокоен и ровен –
Луч зари не остыл.
Лёгкий звук с колоколен
Удивительно мил.
Где усталость дневная?
Не пойму, не пойму.
И тревога немая
Растворила вину.
Над аллеями сада
В глубине тишины
Расплескалась прохлада
От вечерней волны.
Думам столько простора!
Разберу не спеша.
Без возни, без укора
Раздышалась душа.

* * *

Ах, как поёт скворец!
Свою подругу ждёт.
И вскоре – молодец! –
Птенцов он обретёт.
А дальше – как всегда
Всё повторится пусть:
И стылая вода,
И золотая грусть,
И думы о весне –
Начале всех начал.

...Вот, не забыть бы мне:
Скворечник обветшал.

* * *

Луна, как невеста, глядит.
А ночь коротка, между прочим.
И скоро в прохладу влетит
Последнее облако ночи.
Проснётся притихший цветок
И, слушая песенку птицы,
Глаза повернёт на восток,
Чтоб капелькой света умыться.
Рассвета насыщенный тон
Вольётся в певучее лето...
Пока же серебряный сон
Томится, предчувствуя это.

* * *

В минорной музыке дождя
Не слышно спора с непогодой:
Она, в саму себя уйдя,
Слиянье чувствует с природой.
В её мятежности незлой
И в сером занавесе встречном
Есть привлекательный настрой
О нашем счастье скоротечном.

* * *

Мы на разных планетах уже:
Я остался работником в поле,
Ты летишь в золотом кураже,
Без опоры земной
И без боли.
Ты богата?
Я рад за тебя.
Да и сам я как будто не нищий.
Вспоминаю тебя, не скорбя,
И душа моя – не пепелище.
Ветер счастья в бесчисленный раз
Пролетел между «или» и «или»
И не знает, что мучает нас.
И не верит, что мы – отлюбили.

Золотое Слово-7

* * *

Всё о себе, да о себе...
Не успеваю вставить слово:
Оно помочь тебе готово,
Но застревает в тесноте.
И только редкими «да», «да»
Мосток пытаюсь перебросить.
Но дождь из «Я» твоих –
Уносит
Мои желанья вникуда.

Художник-вечер

Художник-вечер, торопыга,
По облакам рассеял цвет:
На белом – пятнами индиго,
На тёмном – зарева букет.
Не так, мой друг-ровесник, просто
До неба краски донести,
Коль ночь сметёт рукою жёсткой
Цвета, ей чуждые, с пути.
И небосвод, как в раме тесной,
Замрёт –
И на сердце тоска...
Не цвет волнуется небесный,
А – Свет, не пойманный пока.

* * *

Пересохли все ручьи.
Располнела речка.
Чьи вы, девушки?!
Ничьи!
Ёкает сердечко.
Листик дышит новизной –
Выпорхнул из почки.
Побежал бы за весной,
Да не те годочки!

Храм

И церквушка – есть храм. Не иначе.
Я в смущении тихо вошёл
И душой, по-особому зрячей,
Вдруг уверовал:
Как хорошо!
Так высок этот купол!

О, Боже,
Дай осмыслить мне Святость Твою.
Промелькнувшие годы итожа,
Пред Тобою грехов не таю.
...Тишина полумрака, и свечи
На амвоне – как светлый венок.
Ты кладёшь мне ладони на плечи:
- Я тебя не покину, сынок.

* * *

Храм плывёт навстречу облакам,
Куполами небо доставая.
Озаряет белостенный храм
Вышину от края и до края.
«Аллилуйю» слышит монастырь,
Усмиряет тёмные печали.
Видит нас Всевышний Поводырь.
Жаль, его увидим мы едва ли...

* * *

В кипень-цвете опушённой груши
Ищут пчёлы сладкую пыльцу.
Мерный гул ещё приятней слушать,
Пригибая веточку к лицу.
Молодой листвы весёлый глянец...
Невозможно чистый первоцвет!
Не понять, что делается с нами –
И хмельно, и боли в сердце нет.
Просто всё. А тайны не поймашь.
Быть – не быть? Для сердца не вопрос:
Сотни лет живи – и не устанешь:
Всё живое трогает до слёз.

* * *

Веточкам трудно проснуться.
Рано. Ещё подождём...
Зеркало снежного блюдца
Грустно блестит под дождём.
Нынче такая погода –
Как её ни зови,
Есть в ней недоброго рода
Нотки холодной любви.

Надежда ЛЕБЕДЕВА

Заблудшему

* * *

З.В. Голубевой

Как совесть личную исправить,
Когда разрушена она?
Как жизнь свою перенаправить,
Когда она искажена? –

Учёба, труд – всему основа,
Коль не забудешь одного:
Твоё решительное слово
И твёрдый шаг – сильней всего.

* * *

Шатко мне и одиноко,
И простор притих! –
Как мгновение жестоко! –
Помоги мне, стих!

Помоги мне равновесье
Для себя найти,
В незнакомом поднебесье
Не пропасть в пути!

Ну за что, зачем сурово
Приговорена
Быть одной?..

И всё ж я снова
Не одна – одна.

Есть другие. Им не легче,
Поломавшим стать...
Порасправить бы всем плечи,
Вновь другими стать.

* * *

Обереги, Творец, меня ты
От заблуждений всех земных,
От чувств и мыслей непонятных,
И не моих, и вдруг – моих.

Дай проявить полней отвагу,
Найти разумное позволь,
Чтоб выливалось на бумагу
Лишь озарение, не боль.

Мы снова у братской могилы.
Коснулись особой землицы.
Давно здесь ребята почили.
К ним едут сюда поклониться.

И если бы в счастье мы жили,
Не меньше бы грустно молчали:
Хоть в братской они, но в могиле
И братья по вечной печали.

Столбцы из фамилий ребячьих –
Как строй, как пред боем отряды...
Шагов тех последних, горячих,
Увы, не заменят награды.

И мой здесь отец, как другие,
Что нам в сыновья все годятся...
Мы снились им в дни роковые,
Они же доньше нам снятся!

* * *

Е. Образцовой.

Какая женственная сила
Вдруг охватила полный зал!
Она всех сразу покорила.
И каждый сердцем замирал

В минуты бурные, покуда
Нежнели в пении слова.
Услышать этот голос - чудо –
Почуять душу Божества.

Потом, в смятении глубоком,
Увидеть пенящийся вал!..
Вот почему волной широкой
В одном порыве зал вставал.

Василий ДЕНИСЮК

Я теперь чаще все вспоминаю...

В жизни каждому шанс предназначен,
Видишь беды, что нас еще ждут...
Говорят, что мужчины не плачут, -
Еще как! Аж порою ревут!

Я теперь чаще все вспоминаю
Тех друзей, что по жизни терял...
И невольно, бывает, роняю
Слезы, но... Чтоб никто не видал!

Видно, нервы с годами слабеют,
Ну, а может быть, - плачет душа...
Только те мужики не седеют,
Что спокойно живут, не спешат!

Мы спешим и понять, и увидеть
Мир, который до боли непрост...
А таких очень просто обидеть,
Кто живет на земле в полный рост!

Потому говорю я сегодня,
Что ушли они, жизнь не познав...
Кто, скажите, из нас здесь свободен?
Кто? Молчите? Так значит - я прав!

Двоедочие

А вот их теперь уже двое -
Чудесный девичий букет:
Дочурка по имени Зоя
И доченька с именем Кэт.

По датам совпало все точно:
Рождение и аттестат,
Мне нравится эта «двудочность»
В таком совпадении дат.

Другу

Над рюмкой водки прица прощечечет -
И в тот же миг с погоста улетит...
Не знает птица: мир ее не вечен,
Ее уход когда-то предстоит!

А я долью стакан своей слезою -
Ненастный день совсем добил меня...
Недавно друг за счастье пил со мною -
Да видно жизни некрепка броня!

Пусть облака, что уплывают в дали,
Тебе расскажут про печаль и боль...
Нет на земле сильнее той печали,
Когда навек прощался я с тобой!

Край мой отчий

Оживилась родная природа,
Будто радуясь встрече со мной!
Я, как аист, почував свободу,
Рад здесь каждой травинке земной!

Украина, родная сторонка!
Счастлив я твою видеть красу!
Старый клен и у дома речонка...
Не сдержать мне скупую слезу.

Там, за далями, тоже красиво,
Много где мне пришлось побывать...
Этот край в мире - самый любимый,
Здесь трудились отец мой и мать!

Потому всех на свете дороже
Мне родные края навсегда!
Где б я ни был и сколько б ни прожил,
Буду я возвращаться сюда!

Валентина ФЕДОРОВА

Берёза

Весна. Среди цветущих сочных трав
Невестится берёза на лугу -
Алмазная, в лазоревом кругу,
Свою улыбку солнышку отдав.

И дружат только с нею, одинокой,
Влюблённые весеннею порой.
Она всегда им кажется святой,
Прапамятью из глубины далёкой.

Блестит её роскошная листва,
И ветерок серёжками играет.
Влюблённые все тянутся сюда,
Берёза их любовь благословляет.

Спешит навстречу лето к нам

При лёгкой свежести планеты
Уходит яркая весна.
С весной прощались все приметы,
Чарует нежностью трава.

Ручьи бегут весёлой ноткой,
От солнца полнится земля:
Рисунок новою находкой,
Рождением солнечного дня.

Любви земного пробуждения.
В стволах бунтует солнца луч.
Внимая звукам, с нетерпеньем
Кружатся чайки среди туч.

И время движется неспешно
В плену волнующих иллюзий
Лежит в прудах водой небрежно
Облик лета в яркой блузе.

У невских берегов

У гранитных невских берегов
Сфинкс царит во мраке зимней ночи.
Он хранит таинственность веков,
Не смыкая царственные очи.

Гаснет день в багрянце облаков,
Лунный свет покрыл хвостами землю.
Звёзды неизведанных миров
Говорят со мной, и я им внемлю.

В тишине бледнеющей, неясной
Слышен шум ликующей волны.
В облачной гряде, такой прекрасной,
Серебрится отблеск лёгкой мглы.

Лунный свет касается ступеней,
Мрамор отражает бледный блик.
Сфинкс стоит в тысячелетней лени,
Вечности обдумывая миг.

О, как прекрасна музыка души !

Её везде услышишь ты.
Она встречается повсюду.
Прекрасны звуки и чисты,
В горах, в лесу я с нею буду.

На солнцепеке, меж кустов малины
Восторг Любви никто не заглушит.
В течении ручья, у влажной глины,
Ты будешь помнить музыку души.

В плывущих над рекою облаках
В восторг приводит радуга цветов.
Пройдя сквозь тьму, ты ценишь светлый взмах.
Повсюду слышать музыку готов.

О, как прекрасна музыка души!

Золотое Слово-7

Любовь - творение земное

Листая хроник давние листы,
Мы вспоминаем жизнь былую.
Пусть времена сегодня не просты,
Но жизнь не прожита впустую.

Была любовь - творение земное,
Что уносила дальше в небеса,
И не давала задремать в покое,
Летела ввысь, творила чудеса.

Стихами свет и радость приносила,
Улыбками встречала у крыльца.
Дорогу в вечность муза осветила,
Её твореньям добрым нет конца.

Маме

Тоска охватывает душу,
И в сердце теплится печаль.
Твой голос хочется мне слушать,
Спешить в неведомую даль.

Друзья ушли... Во всём измена.
Поддержки нету никакой.
Ты в небесах царишь священных,
А я склоняюсь над грядой.

Где детство, песня мамы нежной?
Я многое снести могу -
Лишь с негасимую надеждой
В час трудный маму позову.

Три возраста

Когда взойдёт светило в ранний час,
Песнь соловья из чащи разольётся,
Останови мгновение хоть раз...
В глазах твоих луч солнца засмеётся.

Но солнце поднимается в зенит,
Следим за ним: тяжёлым жарким шаром,
Не видя тень цветов, нагнувшись до земли,
Оно висит, став жёлтым или алым.

Слежу я за вечернею зарёю:
Вот розовое облако висит.
Усталое, объятое тоскою,
Уходит солнце не на краткий миг.

Пройдя путь жизни -
Юность, Зрелость, Старость -
Цените дни, что нам ещё остались.

* * *

Чиста судьба моя была,
Коврами выткана дорога.
По ней я многое прошла,
Теперь осталось так немного...

Была душой ко всем добра,
Целила словом от недуга,
Не собирала серебра
И верная была подруга.

И я не мучаюсь догадкой:
Отец небесный мне простит,
Когда слезу сотру украдкой,
Он боли сердца исцелит.

Корабли

Корабль тоскует у причала,
Матросы выстроены в ряд,
Но это только лишь начало:
На рейде корабли стоят.

Уходит вдаль эскадрой смелой
Отважный флот от берегов,
Готовый, если будет дело,
Спасти Отчизну от врагов.

Штормят борей, зефир и нот
В просторах яростных, взбешённых,
Прославился наш русский флот,
В сраженьях трудных закалённый.

Стихает гром. Блестят награды.
Волна смиряется, ворча.
Душа ступить на берег рада,
Вернуться к Слову и свечам.

Золотое Слово-7

К 100-летию дома Бажанова
по ул. Марата, 72

(Филиал детской
библиотеки им. А.С.Пушкина)

Стоит на улице Марата
Большой великолепный дом.
Купец Бажанов жил когда-то...
Тут старины высокий тон.

Стремясь по мраморным ступеням,
Мы мимо памятных картин
Идём вперёд, ловя мгновенья.
Хорош в майолике камин.

Здесь люстры блещут в восхищенье
Трудом заслуженных побед.
Здесь старины средоточенье,
Богатства истинного свет.

Вселенная

Над миром звёздных озарений,
Вселенской мощью напоён,
Не унимающий волнений
Небес глубинных слышен звон.

Ликует рокот волн вдали...
Трепещет роща. Журавли
Кочующие пролетают -
Стихает крик осенней стаи...

Слежу за тонким их крылом,
Машу им с нежностью рукою.
Молю их только об одном:
Вернитесь раннею весною.

Неуловимый солнца луч
Как будто прячется меж туч...
Душа Вселенская - мы сами,
Едины с ней под небесами.

Осень

Пришла ко мне осенняя пора,
В воспоминаньях - юность золотая,
Листовою шелестят опять ветра,
Мотивы старых танго напевая.

Прошла пора весёлых вечеров,
Закаты мне всё чаще сниться стали,
Где листопады сотней вееров
Кружат на фоне неба цвета стали.

А в вышине курлычут журавли,
И наши годы с ними улетают.
Ты каждый взмах их крыльев сохрани,
Когда они в далёкой дымке тают.

Лунная дорожка

Вдвоём, часов не замечая,
В беседке смотрим, как светла,
Луна-проказница, играя,
С небес нам знаки подала.

Дорожкой лунною игриво
Переливаясь вдалеке,
Шумливая волна лениво
Рассеет искры на песке.

А море тихо волновалось...
В обнимку с ветром озорным
Волна бежала, как казалось,
Наговорившись вдоволь с ним.

Спешит волна, целует берег,
И лунная дорожка с ним
То полосой море смерит,
То брызнет искрами огней.

А мы сидим в своём «чертоге»,
Дорожку зыбкую любя,
Она целует наши ноги,
Смеясь и радостью маня.

Людмила ИЛЬИНА

* * *

Я в коварстве излома
Не надеюсь согреться.
Дайте слово немому,
Говорящему сердцем.

Не менять мне позиций
Ни вчера, ни сегодня.
В перекошенных лицах
Вижу злобных я сводней.

Только множатся строки
В словоблудье никчёмном,
Липкой грязи потоки,
Да и лжи многотонной.

В этих лживых гримасах
Душ загублено много.
Не глумитесь напрасно,
Судный день у порога.

* * *

Запузырился дождь - и рад
По мокрым лужам.
И лишь промокший старый сад
О том не тужит.
И каждой веточкой весне
Готовит встречу.
Не потому ль не спится мне,
Колдует вечер.
Блестят глаза! – Адреналин
В крови зашкалил.
Любовь не брезгует сединой
И всё без правил.
Её печать в душе опять
Большую смуту,
И не хочу её терять
Я почему-то.
И мне никто не господин,
Я с ней играю.
Знать бес в ребро, и я сединой
Не замечаю.
И только дождь стучит в окно,
С нас не убудет.
Я и Любовь! - Мы заодно,
И будь, что будет!..

* * *

Тополя вы мои, тополя!
Что поникли, задумались, что ли?
На седые ль глядите поля
Иль подвержены грусти и боли?

Может, там, где мерцают огни,
Где отчаянно рыжие клёны,
Боль свою заглушить не смогли
Всей листвой увядающей кроны?

Может, грусти предавшись своей,
Вы, прощаясь, страдали невольно,
Когда слышали плач журавлей,
От которого было так больно?

Или осень всему вопреки,
Не скрывая своё лицедейство,
В обнажённости вашей тоски,
Шла хозяйкой в своё королевство?!

Не грустите, мои тополя!
С вами вместе грущу ведь и я!

* * *

Стих - натянутая струна,
Слово - боль, слово - вздох вздохлёб.
Я с тобой, но опять одна,
Ты со мной, только морщишь лоб.
Каждый раз, когда гаснет свет,
Строчкой нежности я прольюсь.
Только я не утешусь - нет,
А больнее ей обожгусь.
Воском плачет моя свеча
Стих опять, как всегда, суров.
Целовать бы, да сгоряча,
Мы с тобой наломали дров.
Стих - натянутая струна,
Слово - боль, слово - вздох вздохлёб.
Я с тобой, но опять одна,
Ты со мной, только морщишь лоб.

Игорь САФРОНОВ

Гемофилия

Поэма-исповедь

*Я испытала такую глубокую жалость
к России и ее детям. Разве это не больной
ребенок, которого мы любим в тысячу раз
сильней, увы, мир такой злобный, но я верю,
что однажды вся правда выйдет наружу.*

Из дневника великой княгини
Елизаветы Федоровны, 1918 г.

Глава 1

Царское Село. Декабрь 1992 г.
Фотовыставка
«Николай Второй
и его Семья в Царском Селе»

На выставке печальных фотографий
Хожу один в печали превеликой.
Декабрь. Зима. Конец столетья слез,
Надежд, почивших на забытой свалке
Усопшей радости. Табличка: Вход закрыт.
Какой-то год от Рождества Христова...
Вот Царская Семья, но что со мной?
На этих рыжих снимках,
В тревожно наплывающем тумане
Себя я вижу... И сестру и мать...
А вот отец, в его всегдашней думе
О нас... Мое далекое святое утро,
Но рыжее огромное пятно
К нему пробиться не дает
Подмятой памяти...
Вот мальчик виден на дорожке сада
В моей матроске, с челкой золотою,
Он гладит пони... Это ж я тогдашний!..
Вот трехколесный тот велосипед -
Мой грустный спутник по аллеям детства,
И тот же мальчик в синей бескозырке
С ним дружбу водит. Вот собака Джой...
А это что за кукла-ангелочек
Во взбитом бело-розовом чепце?
Великая Княжна... ах, виноват - сестра
В глаза тарачит в странном удивленьи...
Вот Августейшая Чета - Царица, Царь...
Таковыми вижу я родителей своих,

Свящихся взволнованным сознанием
Своей любви... Но что печалит взгляд
Их молодых очей?

Как жутко растворяется хрусталь
Высокой грусти, что в глазах Царицы.
(О, эта черная вуаль предчувствий
Страданий смертных...)

Вдруг вспомнил я видение иконы
Казанской Божьей Матери, которым
Я был подавлен прошлым летом
В одном заштатном псковском городке...
Как потрясла меня застывшей мукой
Безмерно-нежных глаз, в которых плавал
Все тот же блик страдальницы земной...
Как сухо в горле и во рту, как будто
Я насосался химии кошмарной
Невинных снимков, сделанных рукой
Императрицы-матери. Какая сушь
Стоит в моих глазах! Как деревянен пульс!
Как кровь застыла! И как меня несет куда-то
Волна наркоза...

Лишь память детонирует толчками,
Как двигатель тяжелого сгоранья,
Который мне не выключить никак.
О, снимки Матери! О, горестный бомойль!
О, материнская Любовь! О, слезы!
О, эта смесь гремучая немых предчувствий!
Неужто, это ты во мне взорвалась тихо -
И нет меня... Разорванный на части,
В наркозе тяжком себя переставляю бесполезно,
Пытаясь выжить....

Золотое Слово-7

Глава 2

*Боже мой, как много мы прожили
вместе в эти годы, везде тяжкие испытания,
но дома, в нашем гнезде, яркое солнце.*

Из письма императрицы
Александры Федоровны Государю. 1915 г.

Отсюда начался Ваш путь ТУДА,
Откуда нет возврата...
От этих черных, навсегда застывших лип,
Как изваяния печали вставших
На пути... КУДА?..
Их ветви-руки, как шлагбаумы, закрыты
И не пускают Вас в тот жуткий мир...
О, если б не пустили...
Как тихо в Александровском саду...
Декабрьский снег свечением исходит,
Слегка шуршит поземка, поздний вечер...
И так пугающ массив Дворца...

Иду... С усталостью душевной ступаю
В стеклистый снег. И нестерпимо я думаю о Вас.
Уходе Вашем. Навсегда. Отсюда.
Из мира этого, где я хватаю воздух,
Как средство жизни...
О, человеческих лиц высокая порода!
Вы были явлены на этот свет, как Солнце!
Как каждый явлен для того, чтобы отринуть
Несчастий мглу, рассеять мрак страданий.
Я думаю о Вас лишь как о людях!
О людях только... Только...
Но в этом ТОЛЬКО
Так лучезарна Ваша доброта
И снисхожденье к слабостям людским,
Доверчивость и безоглядность веры
Все в ту же доброту...
О, если б всем жестоким палачам,
Кто выполнил кровавую работу,
О, если б им когда-нибудь открылась
Та тайна солнца, что в любом из нас,
Ведь каждый из убийц когда-то
На этот свет стучался тем же светом,
Тем же детским криком... -
Что б стало с нами?!
Я думаю о том,
Как страшно мы отвержены от яви
Самих себя,
От зреющих внутри неясных тайн,
И горьких превращений,

Дроблений света на игру рефлексий
И мрака на игру полутонов...
Так неужели,
Чтоб нам приблизиться к самим себе,
Должны пройти мы через новый ужас?

Как тихо в Александровском саду...
Декабрьский снег свечением исходит...
Исходит... исходить... исход....

Глава 3

Стонял ты тихо на своей постели,
Царевич, что в когтях гемофилии,
Оплакал всех грядущих наперед,
Всю муку крестную... Ты отразился
В глазах всех матерей и всех отцов
И, в частности, в моих глазах потухших...
Ты жалуешься, что вещей природа
Порой бывает так несправедлива
И так страшна,
Такою обреченностью чревата -
И это говоришь мне ты, ребенок,
В чьей нежной крови хрупкой оказалась
И ненадежной вся завязь жизни -
И все же упоительно-призывной,
Как ода к радости...
О, что мы обрели в наследство
От слез твоих, ребенок?
Чем обернулось нам прозрение
Твоих безвинных глаз?

На черной лестнице, что Лестницей Судьбы
Когда-то я нарек, и по которой
Я обречен все тою же судьбой
Вовеки в мастерскую подниматься,
На сто пятьдесят третьей ее ступени, -
Там, среди отбросов,
Есть отпечаток стопочки ребенка,
Кошмарно-четкий от пролитой черной краски -
Черный отпечаток ступни ребенка
На ливадийском бежевом песке...

Когда я подымаюсь ранним утром,
Неся свою усталость на себе,
Я каменнее каменной ступени
Стою один у этой черной ножки
И слышу там тревожный трепет крыльев
И детское коротенькое «ох»...

И здесь, на этом месте, мне однажды

Золотое Слово-7

Болезни нашей адовая суть
Открылась - имя ей гемофилия,
Несвертываемость Совесть в крови –
Моя незаживающая рана -
Тот грех, что нераскаянно болит...
Ге-мо-фи-ли-я...

Глава 4

Есть горькое понятие – гордость,
Как свойство от подачи отказаться,
Не честь, замечу, честь давно забыта,
Но гордость нищих, что велит суметь -
Переступить чрез ранящую милость
Руки, бросающей скупое подаенье.
То гордость духа - быть превыше мзды,
Живя лишь подаением от Неба.
Лишь эта гордость сможет нас спасти,
Живущая вне ведения границ,
Вне верховенств и лживых притязаний,
И ангелом входящая в сердца.
Но как унять бесплодную гордыню,
Которую зачал наш темный разум,
Которая сама себя снedaет,
Терзая оболочку бытия...
Проклятье и позор – вот два приза
Той дьявольской игры сердцами,
Которые бессрочно он хранит
В своем ломбарде...

Глава 5

Поселок Теплая Гора. 1975 год

В поселке грустном Теплая Гора
Я жил когда-то, это был Урал,
На стыке областей Свердловской, Пермской.
Там строился разрез - большая шахта,
И столб Европа-Азия стоял
В горах заиндеветших, где-то рядом
Тогда я жил скитальцем – Роберт Скотт,
Британский лейтенант и одиночка
Терзал всю мое воображенье
И ежегодно в длинный переход
Я отправлялся, чтоб достичь себя,
Свой Южный полюс... Был шатун, селф-мен
И вечный оформитель
Всего, что попадется.

Десяток домиков из солнечной сосны
И несколько вагончиков-теплушек,
Все утопающее в первозданном снеге -
Все это было Теплая Гора.

Там, помнится, горячий был источник
И согревал он дремлющие руды,
И самый воздух января был теплым,
И теплыми там были люди...
Одно меня тревожило там странно -
Ночное небо.

В нем, в его звенящей бездне
Зияли звезды - бесчисленное множество огней,
Но десять звезд, что были покрупнее
Краснели и дрожали как-то жутко
И так и думалось - следы от ПУЛЬ...

Дружище Герман! Помнишь ли меня?
Уставший плотник с грустными глазами
Родитель поздний, на известного актера
Похожий с таким же грустным именем – Ролан.
Не потому ли ты, как добрый праотец,
В кругу своих пяти детей-друзей
Мне снишься часто... Ну так вот, однажды,
Уральским поздним вечером, когда
Я рисовал картину в детский сад -
Один в стенах дощатого барака
(пылает лампа, в окнах синий мрак),
Ты мне принес горячую картошку.
И закурил. И рассказал тогда
Мне о своем бездомном детстве...
Там было многое и, как всегда в России,
В избытке для одной судьбы:
Вокзал, детдом и безотцовства горечь,
Тюрьма и лагерь, нищая любовь,
И шрамы на душе, и слезы сердца,
Когда тебя насильно отрывали
От жизни будто... Твой родной Свердловск,
И на колесах жизнь,
Строительство путей и труд, и труд, и труд...
О, светлый труд! И поздняя любовь,
И дети...
И помню я, как ты поведал тихо,
Что в городе твоём родном Свердловске
**БЫЛ ЦАРЬ УБИТ МУЧИТЕЛЬНО И ПОДЛО
СО ВСЕЙ СЕМЬЕЙ,**
Что возле дома, где свершилось это злодеянье,
Провел ты детство горькое свое...
И мне подумалось тогда: *бездомный Царь,
Бездомная Россия, бездомный мальчик...*

Золотое Слово-7

С тех пор прошло необозримо много дней.
Я уезжал и снова возвращался
К себе другому - новый переход
Начать на новый полюс. Вот цеха,
заводы, рельсы, трубы, лесосплавы,
Плотины ГЭС, глухие леспромхозы,
Саяны, заполярные поселки
И вышки зон. И лагеря сплошные -
Как страшно все во мне перемешалось,
Как стало все во мне взрывоопасно,
Как если бы меня распяли жизнью!

Но Царь, но мальчик... Дом за цепью гор
И память сердца, словно цепкий якорь
Меня ТУДА зачем-то возвращает.

Мой грустный Герман! Теплая Гора!
Картошка теплая и синие сугробы,
И синий мрак зловеще смотрит в окна
Уютного и утлого барака
И горы темные - косматое зверье
Надвинулись на спящие строения,
И где-то близко, может за хребтом
ПОЧИЮТ КОСТИ ДЕТСКИЕ...

И до сих пор во снах моих всегда
Тревожные трепещут крылья.
А полюс оказался просто СЕРДЦЕМ,
И белые, как ангелы в бинтах,
Шуршат те крылья, словно ДУШИ ЧЬИ-ТО...

Глава 6

*Небосвод цельным основан,
Океан - скопище брызг,
Без примет, верно особый
Ведь любовь - связь, а не сыск...*

Марина Цветаева
Поэма «Горы»

А на границах Сердца СМЕРТЬ ПЬЯНА! -
Пирует дьявол в промысле разбойном,
И столько лет мы топчемся на трупах,
Танцуем на поруганных останках
Самих себя! Когда гонцы приносят
Вестей кровавых тяжкий черный ящик,
Когда опять встают в ненастном небе
Глаза ребенка в заскорузлом страхе.
И ужасом взрываются глаза
Безумной матери - в Цхинвале или Риге -

Я плачу вместе с СЕРДЦЕМ - эти слезы
Мой смертный приговор,
Который вынес
Я сам себе...
Я мучаюсь о том, как склеить СЕРДЦЕ,
Как мне его собрать из лоскутков
Раздробленного государства,
Отмыть, очистить от засохшей злобы,
Очистить от мазута эгоизма,
Как ту попавшую в несчастье птицу,
Что увязает в черном берегу
Катастрофического побережья.

Я знаю, что Спасения не будет.
И не удастся спрятаться в забвенье:
Забиться можно, но забыть нельзя.
Нам не найти спасительную нишу,
Не встать в нее, принявши форму шара,
Спасительной укрывшись драпировкой.
Душа одна и я – необтекаем,
Я спотыкаюсь о любую крайность,
И мне не стать завидным колобком.
Но если все же рассуждать о шаре,
То я в себя попал, как шар билиардный -
Ударом точным выигравшей Судьбы.
Так нечто с голосом однажды происходит:
Пройдя сквозь крик и шум многоголосья,
И в хоре растворив себя, как эхо,
Вдруг начинаешь голос узнавать
Свой собственный, даже когда молчишь
Или скрипишь зубами...

Но помню, как погиб матрос Нагорный,
Наследника простой хранитель верный -
Он лапицам кровавым прикоснуться
Не дал к душе ребенка: эти лапы
Присвоить чистоту его иконки
Хотели. Был за то расстрелян
Он красным поголовьем... Был он первым,
Кто закрыть пытался грудью
Нас от позора будущего... Кто
Теперь захочет знать об этом...

Я вас молю, упавший на колени:
О, семь теней, светящиеся Светом,
Семь ангелов явления печали,
Скитальцы кроткие из наших душных снов -
Молю вас -

Отпустите наши души!..

ЕВГЕНИЙ РАЕВСКИЙ

Мой отец Павел Павлович Раевский

Отец мой Павел Павлович Раевский был человеком весёлым и наивным. Не знаю, испытывал ли он ко мне отеческие чувства, но советы давал правильные, нужные, подсказывал, какие книги читать и какую музыку слушать. А как такового воспитания ко мне с его стороны не применялось.

Мать моя работала с утра до вечера, и кроме выходных я был предоставлен сам себе и дворовой детворе. Но я отца ни в чём не осуждаю, он был инвалидом Великой Отечественной войны. Под Кингисеппом ему оторвало ногу, дважды он был ранен в живот, всю жизнь его мучила фронтальная черепно-мозговая травма. Часто отец говорил: «У меня болит всё, пожалуй, кроме волос...».

В детстве, да и в юности, я иногда не понимал, часто мне было очень обидно, что отец не рад моему приходу с работы домой или приезду из командировки, но, с другой стороны, это отсутствие отеческой ласки и заботы приучило меня к самостоятельности и к принятию верных решений. Вспоминаю его слова: «Женька пошёл в деда митрополита, к нему ничего дурного не пристанет»... Прошли годы, и я стал понимать – он был прав.

Как сын священнослужителя, мой отец должен был бы жениться на женщине своего сословия, но вряд ли безногий молодой человек мог бы выполнить пожелание своих родных и близких и женился на женщине из деревни Проскурниковой Евдокии Васильевне. С ней он познакомился в эвакогоспитале под Воронежем – там отцу ампутировали часть ноги, с целью спасти от гангрены, которая стала прогрессировать после первой операции.

Окончив Ленинградский государственный университет и Государственный педагогический институт имени А.И. Герцена, мой отец работал преподавателем русского языка, истории и литературы. Предмет он знал безукоризненно; я бывал на его уроках и слушал отца с восхищением, часто ученики писали ему письма с благодарностью за его знания, русский патриотизм и личную позицию. Он

П.П.Раевский

имел удивительную память, обладал яркой индивидуальностью, которая зажигала, вела людей за ним, завораживала и внушала уверенность в будущем.

Помню, в день празднования 250-летия Ленинграда мы находились на митинге в честь юбилея, ораторы славил Ленина, партию, советскую власть, и всё это действие происходило у Медного всадника – памятника государю Петру I.

Вдруг, перекрывая косноязычное повествование партийных льстецов, над Невским простором раздался громовой голос моего отца: «Перед Петром Великим – основателем нашего славного города снимаю шляпу! Женька! Быстро сними шапку!». Обомлевший, я сорвал с себя любимую панамку и посмотрел на толпу – люди молча снимали шапки, кто-то обратил свой взгляд в сторону Исаакиевского собора, кто-то стал молиться, многие заплакали...

Нас на «чёрном вороне» увезли в милицию, краем уха я слышал из уст дежурного что-то про антипартийную агитацию и поругание достоинства городского руководства. Правда, через час нас отпустили, точнее, отвезли домой. Чем-то их мой батя напугал, а может, просто заговорил.

Я жил с отцом и матерью в маленькой

Золотое Слово-7

11-метровой комнате, через восемь лет родилась моя сестра Людмила, так что фактически вчетвером долгие годы семья имела вот такую жилплощадь. А после капитального ремонта дома комната ещё уменьшилась до 9,5 метров. Но семья жила дружно. Мелкие ссоры между родителями были крайне редкими, незначительными.

Несмотря на множество увечий, отец был красив, интересен как собеседник и мог украсить любое общество. До конца жизни он нравился женщинам, но матери никогда не изменял. Следует отметить, что Раевские очень преданные люди, обладающие исключительной порядочностью и душевностью. Они умеют любить, ждать и верить. Зачастую уже будучи безнадежно преданными, они продолжают верить в нечто светлое, в обыкновенное чудо.

Длительное время с нами в соседней комнате жила моя крёстная – Раевская Екатерина Павловна, но в шестидесятых годах она уступила нашей семье большую комнату, а в маленькой поселился чужой человек – соседка Анна Павловна. Но мои родители ладили и с ней, склок с соседями никогда не было. После смерти соседки вся квартира на Малом-35 стала принадлежать нашей семье. Правда, она была признана непригодной для постоянного проживания, так как в период наводнений квартиру заливало водой.

Поистине энциклопедические знания, трудолюбие, большая выносливость и неистовая вера в свою победу очень привлекала к отцу передовых людей нашего города. Отец приятельствовал со многими известными людьми Ленинграда. В нашем доме бывали артисты Николай Симонов, Вадим Медведев, Сергей Филиппов, Ефим Копелян, Бруно Фрейндлих, Георгий Товстоногов и другие. Кроме того, отец был почётным мастером спорта, какой-то период преподавал общую физическую подготовку в хореографическом училище, и по старой памяти к нам часто заходили артисты балета Мариинского театра и оперные исполнители, такие как Николай Зубковский, Борис Брегвадзе, Александр Никишов и другие. Кстати, родной брат отца Василий Раевский также серьёзно занимался спортом, был членом сборной Ленинграда по спортивной гимнастике. Отец умел ходить на

руках, жал стойки из положения сидя, крутил «солнце» на турнике, творил «чудеса на брусках», мастерски играл в городки. Отец дружил с Виктором Набутовым, с которым в юности играл в одной футбольной команде за завод имени И. Е. Котлякова, и считал его одним из лучших спортивных комментаторов. Виктор Сергеевич был также азартным картежником. Бывало, они с отцом играли в карты, но отец не слишком любил карты и умел хорошо играть только в дурака.

Шли годы. Взрослея, я стал в чём-то превосходить отца, и меня очень обижало отсутствие похвалы с его стороны и то, что он неохотно давал советы. Только теперь я стал понимать, что родители и дети – вечные соперники. Я неоднократно убеждался в том, что самосовершенствование, требовательность к себе и заслуженные успехи вызывают в родителях раздражение. Мол, ты, дорогой, живи, радуйся, но выше папы и мамы не смей подниматься, мы этого не имели и ты не смей иметь!

Впрочем, пусть я не был отцом заласкан, но любовь к литературе мне привил именно он. Я зачитывался Тургеневым, Буниным, Достоевским, Пушкиным, Лермонтовым, думал по-чеховски и сражался вместе с героями книг Вальтера Скотта и Стивенсона, обожал шотландские легенды и баллады в стихах, многое знал наизусть. А когда в моей жизни появился Сергей Александрович Есенин со своими необыкновенными стихами, я был совершенно пленён ими и твёрдо решил стать настоящим поэтом.

Как человек верующий, отец ходил в храм, но меня брал с собой редко, видимо, он находился с Богом в своём тайном диалоге. Полагаю, что до сих пор икона моего отца – Св. Апостола Павла – находится в одном из храмов Петербурга, возможно, в Никольском соборе. (В виде исключения в церкви от мирян принимались в дар иконы.) Когда в т.н. лихие 90-е на улицах города появились так называемые «белые братья» - посланцы новой «дочери Христа» «Деви Христос», Пал Палыч, как любовно звали его ученики, вооружаясь тяжёлой палкой шёл гонять сектантов со словами: «А ну-ка вон отсюда, мракобесы, брысь, а то как врежу по шее!..». В страхе «белые» проходимцы разбегались в

Золотое Слово-7

разные стороны и больше не появлялись в том месте, где встречали отца.

Абсолютно непримиримый к подлости, несправедливости, предательству, отец видел это качество во мне и часто говорил: «Трудно тебе будет, слишком ты наивен и светел, постарайся сохранить эти качества до конца своей жизни, когда станешь настоящим поэтом...». Он никогда не хвалил мои литературные способности, а, напротив, иногда над ними посмеивался. Одному Богу известно, сколько мною было пролито слёз из-за родительского непризнания и непонимания. Порою мне и сейчас кажется, что меня вообще никто не понимает и не ценит. И вообще многие не относятся ко мне искренно, но это так – лирическое отступление.

Отец обожал природу во всех её проявлениях, любил и не позволял обижать животных. Какая только живность не жила в нашем доме: коты, собаки, хомяки, ужи, попугаи, аквариумные рыбки и прочие. Пойманных в мышеловке мышей он заставлял меня выпускать во двор со словами: «Всё живое хочет жить!».

Чем-то магически-притягательным был для моего отца лес. Часто пешком в так называемый «грибной период» мы доходили до станции Ланская и, попевая к первой электричке, с особым удовольствием ехали в Белоостров. Я-то ладно, но меня всегда поражало, как отец на одной ноге, с тяжёлым железным протезом на другой проходил по лесу десятки километров, перепрыгивая через ручьи и овраги, болота и буреломы.

Батя знал в лесах места заветные и грибы находил всегда, даже в заморозки, знал много лесных примет, в ориентировании на лесной местности ему не было равных. Многие «лесные секреты» отец передал мне. Будучи членом Красноярской археологической экспедиции, я заблудился в тайге, и если бы я не знал некоторых лесных тайн, я бы из тайги живым не вышел.

Я никогда не задумывался о том, любил ли мой отец своих внуков, то есть моих детей, но он часто восторженно произносил: «Ну, мальчик Женя, детишки у тебя породные, настоящие Раевские с добрыми, благородными глазами, надеюсь, и мысли у них будут также благородны и чисты!».

Со слезами на глазах мне хочется сказать,

что и не получив всего того отеческого, чего я желал, мне было хорошо около него, около его наивностей и чудачеств, непониманий и необоснованного соперничества со мной.

А теперь немного о грехах наших. Как-то раз мы с отцом крепко, как говорится, «надрались» и потеряли друг друга на одном из народных гуляний в честь Дня песни. Такие праздники часто проходили на стадионе имени В. И. Ленина. Отец очень любил смотреть массовые спортивные выступления и часто брал меня с собой. Ну и конечно это не обошлось без выпивки. И вот однажды после такого гуляния я оказался в медвытрезвителе на одних нарах с великолепным артистом Николаем Симоновым. Утром мы стали решать вопрос об опохмелке, но, как потом выяснилось, накануне я врезал одному из дружинников, которые меня забирали, по уху за «неправильное» со мною обращение, за что чуть не отправился на пятнадцать суток за хулиганство. Но исполнитель роли Петра Великого за меня вступился, заявив, что такому пьяному дружиннику и он бы сам дал по морде. А потом в милицию пришёл мой отец со всеми фронтовыми наградами и настоятельно попросил меня отпустить, поскольку на следующий день я должен был сопровождать его на протезный завод. Совместная опохмелка с народным артистом состоялась на Малом проспекте в фирменном баре «Красная Бавария», директором которого был фронтовой друг отца. Ну что тут поделаешь, и великие артисты просты как грабли и выпить могут много.

Видимо, учитывая непролетарское происхождение моего отца, его по ложным и анонимным доносам часто вызывали на Литейный-4 в так называемый Большой дом и пытались «шить» дела за антипартийную агитацию и прочее, но к нему никогда ничего не приставало, ибо был он человеком смелым, достойным и трудолюбивым.

Советскую власть отец не любил, считал её злой, бандитской, обманной и предрекал её скорую гибель, смеялся над песнями о Ленине и компартии, а ярых коммунистов называл мракобесами, безбожниками и просто негодьями. Многие его предвиденья сбылись с большой точностью.

Он любил говорить: «Смотрите, Ульянов-то Ленин в Лондоне в котелке ходил русским

Золотое Слово-7

интеллектом, нет, не великий он и не простой».

Но Бог с ним, с Лениным! Отец рассказывал мне более интересные истории.

Существует версия о том, что великий лётчик-испытатель Валерий Чкалов пролетел на управляемом им самолёте под Дворцовым мостом и сделал это из хулиганских побуждений или с целью показать своё превосходство над другим лётчиком перед любимой женщиной. Но отец рассказывал другое, а точнее, эта история такова. Валерию Чкалову было дано секретное задание пролететь над Александровской колонной на Дворцовой площади, набросить верёвочную петлю на статую ангела, лик которой имеет полное сходство с лицом императора Николая Первого, победившего Наполеона Бонапарта в войне 1812 года, чтобы сбросить её с пьедестала. При неудачной попытке набросить петлю на статую верёвка оборвалась, самолёт при обрыве вынужденно изменил траекторию полёта. Только поистине высочайшее мастерство великого лётчика Валерия Чкалова спасло самолёт от падения, а проём под Дворцовым мостом оказался для лётчика и его самолёта спасительным волшебным окном в дальнейшую жизнь. А на гауптвахту Чкалова посадили только для отвода глаз. Вот такая история была рассказана мне моим отцом. Хотите верить, хотите – нет!

Я уже писал о том, что отец мой был заядлым грибником, и вот однажды после весьма удачного грибного похода в белоостровский лес мы пришли в магазин посёлка Дюны, купили заветный бутылёк, успели, как говорится, принять по стаканчику, разговорились о роде Раевских, о его благородном прошлом...

И вдруг услышали нежный тенорок: «О, да тут Раевские, а я между прочим – Зубковский Николай, артист балета Мариинского театра». В те времена этот театр назывался Кировским, но работающие в нём артисты упорно называли его по-старинке. Зубковский продолжал: «Вы – Павел Павлович Раевский, у вас Бреговладзе учился. Да что мы здесь сидим – пойдёмте ко мне!».

Мы неоднократно бывали в доме Николая Александровича Зубковского в Дюнах, его жена выдающаяся балерина Мариинского театра Нинель Кургапкина была очень гостеприимной хозяйкой. Дружба с Николаем Зубковским продолжалась долго, мы часто ходили вместе за грибами, говорили о советском балете, немного о политике, а в основном рассказывали друг другу анекдоты, хохотали от души и частенько ходили в магазин посёлка Дюны за вином...

Хотелось бы написать о музыкальных вкусах моего отца. Он не любил Иосифа Кобзона, Владимира Высоцкого, не признавал как дирижёра Мстислава Ростроповича, не считал Махмуда Эсамбаева выдающимся танцором. Восхищался он «дирижёрской работой» Евгения Светланова, голосами Марии Пахоменко, Анны Герман, считал необыкновенной исполнительницей Эдиту Станславовну Пьеху, любил пение и репертуар Владимира Трошина и Муслима Магомаева, особенно восхищался Валерием Ободзинским. Сам весьма неплохо пел «Тёмную ночь», «В лесу прифронтовом» и «Были два друга в нашем полку».

Продолжение следует.

Егор БАРБАЗАНОВ

Фотограф Игорь Алексеевич Никитин

*Или несколько слов о научно-познавательном арт-проекте
«По пути Ломоносова», приуроченном к 300-летию со дня рождения
М.В. Ломоносова и реализованном весной 2011 года
группой петербургских художников*

В арт-проекте «По пути Ломоносова» талантливый петербургский автор Игорь Никитин реализовал себя в трёх творческих ипостасях: как руководитель проекта, фотограф и кинодокументалист. В творческих командировках петербургских художников на Русский Север Игорь Алексеевич участвует с 1999 года. В этой статье пойдёт речь о выполненной мастером галерее фотопортретов и дополняющей ее серии северных пейзажей.

Русский Север обладает огромной притягательной силой, ибо всякое истинно русское сердце чувствует, что здесь не только наиболее полно сохранена связь природы и человека, здесь живо ощущается общность прошлого с настоящим, с отечественными духовными истоками. Человеческий дух явление многогранное, сочетающее в себе стороны светлые, лучезарные и тёмные. Бурю сменяет благостный покой, а грех - покаяние, созидание и разрушение идут рядом, попеременно сменяя друг друга.

Этот край приютил русских людей в мрачные годы татаро-монгольского нашествия. Православное иночество и рыбаки-поморы стали основным населением этих земель. В конце семнадцатого и восемнадцатом столетия сюда бежали раскольники, в годы засилья крепостного права крестьяне из центральных областей. Как в царской России, так и в годы советской власти этот край был местом ссылки. Суровая природа, суровый климат, суровые люди и суровые нравы...

Лицо – зеркало души. Фотограф Игорь Алексеевич Никитин - мастер психологического портрета. Галерея фотопортретов созданных им во время путешествий по Русскому Северу прекрасно иллюстрирует данное изречение. Персонажи галереи можно разделить на три основных группы:

1. Портреты петербургских художников - участников арт-проекта;

2. Портреты местных жителей;

3. Портреты духовенства и иночества Свято-Троицкого Антониево-Сийского монастыря. Галерею фотопортретов прекрасно дополняет серия мастерски выполненных пейзажей.

Рассмотрим некоторые работы автора. На фотографии «Дмитрий» (рабочее название «Разбойник») запечатлён сидящий вполоборота пожилой жилистый, седобородый мужчина. Он подпирает упёртой в колено рукой подбородок. Вторая рука согнута в локте и поджата к животу, кисть её перевязана тряпкой. Крупные, грубые черты лица изборождены глубокими, резкими морщинами. Переносица изломана, седые всклокоченные волосы откинута назад. Взгляд мужчины пытливый, но есть в нём что-то дерзкое и непокорное. Источник света расположен слева, он контрастно освещает лицо и фигуру мужчины. Фоном служит тёсаная бревенчатая стена. Фотография выполнена в сепии. Персонаж навевает ассоциации с образом Емельяна Пугачева, как описал его в «Капитанской дочке» А.С. Пушкин. Несомненно, что это человек сложной судьбы и необузданного нрава, обуруемый сильными страстями.

Своим тихим лиричным настроением интересна фотография «Прихожанки». Она сделана автором в Свято-Троицком Антониево-Сийском монастыре и тоже выполнена в сепии. На ней запечатлены сидящие на скамье на фоне белёной стены бабушка и внучка. Вероятно, они остались после службы для исповеди и сидят в ожидании своей очереди. У них простые и искренние русские лица. Заметно, что их забавляет позировать незнакомому фотографу. Девочка держит в правой руке две незажжен-

Золотое Слово-7

ные свечи. «Так же в ожидании причастия на той же рубленой скамье сидели их прабабушки, и прабабушки их прабабушек, и будут ещё сидеть их внучки и правнучки», - говорит эта работа. Связь поколений не нарушена, а это значит, что у нашей Родины есть будущее - ее главный смысл.

Глубокой христианской грустью пронизан портрет Заслуженного художника России В.А. Емельянова. Фотография так же выполнена в сепии. Художник запечатлён на фоне обгорелой двери в избу, на которой кем-то вырезан православный крест. Эта покрытая кракелюрами обугленная дверь, как символический образ нашей многострадальной страны, нашего общего дома обожженного междоусобными смутами и вражескими нашествиями. Печален взгляд художника на этом портрете. В спокойном одухотворённом лице модели угадывается живой ум, мудрость и жизненный опыт.

Превосходно выполнена И.А. Никитиным фотография «Исповедь». Сюжетом этой работы служит психологический поединок между исповедуемым прихожанином и пастырем. Налицо некое состязание смущённого духа мирянина с мирной проповедью и христианским смирением священника. Фотография также выполнена в сепии и сделана автором в Свято-Троицком Антониево-Сийском монастыре.

Мастерски исполнены Игорем Алексеевичем следующие работы, продолжающие эту серию: групповой портрет «Семья», портрет отца Пахомия, фотографии «Освящение дома» и «Братский молебен».

Из серии северных пейзажей особенно хороши «Дорога», «Матигоры» и «Первый снег». Все они выполнены в сепии. На пейзаже «Дорога» слева запечатлена зимняя дорога с удаляющейся фигуркой инок. Справа заснеженный выгон, а у горизонта в снежной пелене

смутно темнеет лес. Щемящее душу чувство возникает при виде этой снежной мглы, в которой очень скоро растает силуэт путника. Несомненно глубокий философский подтекст этого пейзажа и удачное композиционное решение.

Совершенно иное настроение создаёт весенний пейзаж «Матигоры». Три четверти этой работы занимает вид свежераспаханного поля. На переднем плане, словно волны прилива рассекают фотографию по горизонтали борозды, светлые клочья прошлогодней соломы как морская пена. Вдали борозды сливаются, а у горизонта будто дивный остров возвышается из распашки село Матигоры с пятиглавым храмом и шатровой колокольней. Так и хочется процитировать А.С. Пушкина: «Здесь русский дух! Здесь Русью пахнет!».

Пейзаж «Первый снег» кажется, переполнен покоем и тишиной. Начинает смеркаться, темна гладь реки, беззвучно парит птица, крупными хлопьями медленно падает первый снег, а на припорошенных мостках стоит позабытое кем-то ведро. Тиха деревня за рекой, ни дыма из печных труб, ни света в окне, ни фигурки прохожего. Всё будто замерло в этот предвечерний час. Печальные мысли о бренности всего сущего навеивает эта работа.

Творчество фотографа Игоря Никитина буквально пронизано нежной любовью к Родине, глубокой симпатией к простым людям. Ему особенно интересны милые сердцу приметы деревенского быта, возвышенные образы русской природы, самобытные народные характеры. Игорю Алексеевичу присущи редкая наблюдательность и высокий профессионализм. Работы очень гармоничны по своему композиционному решению. Автор мастерски использует фактуру, контрасты и освещение.

27.02.2013

Санкт-Петербург

Художник-график Виктор Афанасьевич Пермяков родился в 1947 году на Урале. После окончания в 1976 г. Института им. И.Е. Репина живёт и трудится в Санкт-Петербурге. Его творчество проникнуто глубокой и искренней любовью к своей Родине. Несомненно художественные параллели с народным искусством. Живопись Виктора Афанасьевича отличает яркий колорит, свойственный иконописи и декоративным росписям. Работы автора, выполненные с большим вкусом, нюансами как бы отсылают нас к лучшим образцам народного творчества. Они являются продуктом синтеза профессионального исполнения и своеобразного духовного мира художника. Хорошо ощутима внутренняя связь В.А. Пермякова с патриархальной крестьянской средой, любовь и понимание им быта русской деревни. Лаконичные по своему содержанию картины художника, являют собой композиции из нескольких предметов и образов предельно графичных по контуру, связанных общим ритмом. Искусство Виктора Пермякова, несомненно, явление чисто русское. Его символизм буквально пронизан древнеславянской былинностью и сказочностью.

Виктор Афанасьевич исполнил большое количество поморских пейзажей, география которых достаточно широка. Это виды северных городов Холмогоры и Емецк, Свято-Троицкого Антониево-Сийского монастыря, деревень, расположенных по Северной Двине и Беломорского побережья. Как мне кажется, две одноимённые работы являются наиболее значимыми с философской точки зрения для верного восприятия всей пейзажной серии. Они обе называются «Поморский крест». Они как альфа и омега, как две стороны одной медали. Одна из них - взгляд в наше прошлое, вторая же - в настоящее и будущее. Это летний вид пустынного побережья в тихий закатный час: гладь залива, крохотные островки, а на переднем плане крест на вершине сопки. На второй изображена поморская бухта ранней зимой: избы рыбацкого посёлка, баркасы и траулеры, причаленные у берега, крест, венчающий сопку в центре полотна. Две картины взаимно дополняют друг друга, как две главы

одной повести, а объединяющий оба полотна крест приобретает два символических значения. Если на первом полотне он воспринимается как печальный обелиск над последним приютом всякого христианина, то на втором как путеводный знак, по нему рыбаки находят в ненастье дорогу к родному порогу. Расположенный в центре рыбацкого посёлка на самом высоком месте, крест приобретает сакральное значение, как символ единой православной веры, сплотившей всех русских людей.

Особенно удаются художнику зимние пейзажи. Они очень хороши по композиции и своему сине-голубому колориту. Хочется упомянуть некоторые из них: три вида Свято-Троицкого Антониево-Сийского монастыря, полотна «Холмогоры. На родине Ломоносова», «Емецк. Дом, где родился Николай Рубцов», «Николай Чудотворец на Севере», «Колодец на Севере», выполненные в 2005-06гг. Есть в этих работах что-то святочно-новогоднее, очень сказочное и доброе. Картина «Колодец на Севере» продолжает серию графических листов, на которых изображены деревенские колодцы. Источники, родники, ключи, колодцы – испокон века священные места как в христианской, так и в языческой духовных практиках. Наверное, именно благодаря этому они привлекли пристальное внимание художника.

Очень интересна работа «Николай Чудотворец на Севере». В центре полотна, посреди зимнего деревенского пейзажа возвышается исполинская резная икона Николы Можайского с мечом в правой руке и моделью храма в левой. Этот иконографический тип святого известен в России с пятнадцатого столетия и почитается как святой защитник городов и крепостей от вражеского нашествия. Ему также приписывается способность изгонять из жилья нечистую силу. На переднем плане слева виден крытый колодец с воротом из тележного колеса. Опоры колодезной крыши изготовлены в виде креста и своим силуэтом напоминают кресты с деревенского погоста. На заднем плане перед лесом виднеется деревянный шатровый храм. Молодой месяц виден в предвечернем небе. Нет следов на све-

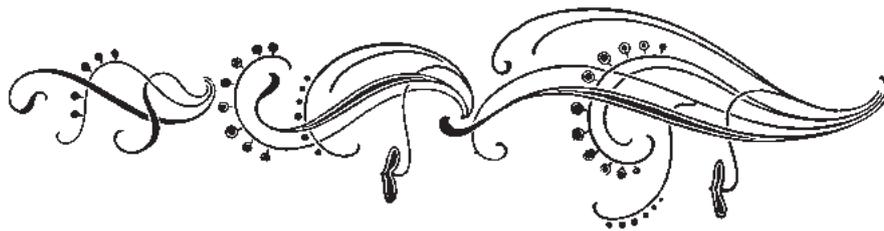
Золотое Слово-7

жем снегу, нет света в окнах, не курится дым из печных труб. Всё как вымерло. Это произведение навевает грустные мысли о судьбе современной русской деревни.

Серию северных пейзажей продолжают многочисленные карандашные рисунки сделанные Виктором Афанасьевичем в творческих командировках. Это настоящая энциклопедия поморского крестьянского быта и неповторимых видов северной природы.

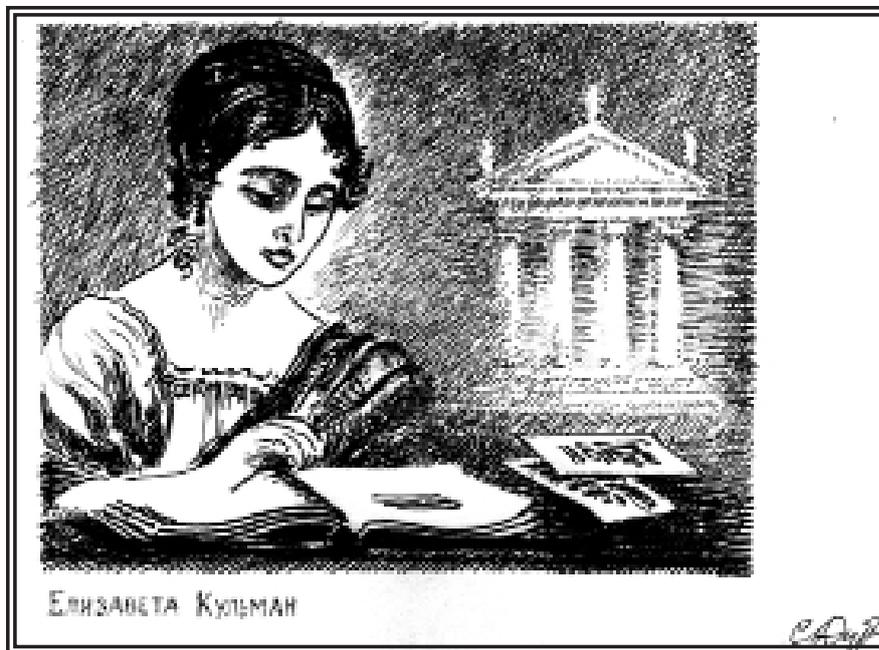
Необходимо упомянуть ещё несколько работ художника выполненных на Русском Севере. Их, наверное, правильно будет отнести к натюрморту. В двух из них, «Рыбы. Северная Двина» и «Колодец. Северная Двина», деревенский пейзаж используется в качестве задника. На полотне «Зимнее окно. Икона» изображена стена избы с окном. Резные наличники и ставни припорошены снегом. За оконным стеклом, справа на подоконнике стоит потухшая керосиновая лампа, а в левой части окна виден лик Богоматери Умиление. Символический смысл этой работы очевиден и не требует комментариев. Ещё одна работа близкая по содержанию называется «Икона.

Русский Север». В заключении хотелось бы упомянуть о том, что талантливый график и живописец Виктор Афанасьевич Пермяков ещё является даровитым поэтом и писателем. Его произведения публикуются во многих петербургских литературных журналах, таких как: «Золотое слово», «Медный всадник», «Параллели судеб», «Русское слово», «Огни гавани» и др. Он является членом Российского Межрегионального Союза писателей, членом-корреспондентом Петровской Академии наук и искусств, действительным членом и профессором Академии русской словесности им. Г.Р. Державина. Решением Ученого Совета АРСИИ им. Г.Р. Державина он был награждён академическим орденом «Гордость Державы Российской», а Правлением РМСП - медалью Ф.М. Достоевского «За красоту, гуманизм и справедливость». За годы своей творческой деятельности художник Виктор Пермяков участвовал более чем в пятистах российских и зарубежных выставках. Многие годы Виктор Афанасьевич трудится в Правлении Союза художников Санкт-Петербурга.

Софья ДУБОВСКАЯ

Вокруг старинной поэтической усадьбы

Исключительность горячих денёчков начала мая. Поэтический вечер увлекает слушателей в путешествие поверх границ и таможен. Кругом всё обещает взаимопонимание. На краю весны, на пути к летнему теплу рисуется дорога не только вдоль и поперёк меридиана. Можно и во времени мчаться. Искать не долго. История одной поэтической судьбы в городе Святого Петра время от времени у всех на устах. Елизавету Кульман с одинаковым пристрастием ставят в один ряд и с нашими современниками, и с поэтами XIX века, её родного. О Е. Кульман говорили недавно на выступлении поэтов; без упоминания о ней и вечер был бы не так хорош. А сказав «А», тянет по алфавиту, как водится: сравнить две юности на расстоянии более столетия.

В каждом веке на небосклоне реальности вспыхивают необычайной концентрации звёзды. Такою в первой трети XIX века была Елизавета Кульман; «Дева света» - назвал её Вильгельм Кюхельбекер. Такою стала ленинградская художница Надя Рушева. Лиза прожила семнадцать с небольшим лет. Надя прожила семнадцать в середине XX века.

Лиза перевела Анакреонта на восемь языков. Надя иллюстрировала Шекспира, Рабле, Байрона, Лермонтова, Пушкина, Блока, Достоевского... Лиза писала по 100 строк в день – Надя оставила 10 000 рисунков. Они сыграли свои земные роли, выразили, обнаружили себя в художественных образах. Елизавета Борисовна Кульман родилась в 1808 году в Петербурге. Нам она поведала о своём жите-бытье (пер. Е. Дауговет): «/... солнце /В лучах зари взойдёт /И мой убогий домик /Весь золотом зальёт!».

Единственной поддержкой в бедности её будней и наставником в литературе стал друг её покойного отца Карл Гросгейнрих, воспитатель детей графа Апраксина и графа Строганова. Знаток поэзии, многих языков, античности, он открыл перед Лизой мир творчества, достойный её дарования. Её пути – от Васильевского острова до Коломны, это при жизни, до кончины в 1825 году. Она простудилась во время наводнения, известного из «Медного всадника». Её не спасли. Могила её кочевала со Смоленского кладбища в некрополь Александро-Невской лавры. Лиза не увидела ни одной публикации своих

Золотое Слово-7

стихотворений. Впервые вышла книга «Поэтических опытов» в 1833г. Она безусловно верила в это, судя по её жизнелюбию и терпению, любви к природе и близким людям. Когда она выводила детской рукой: «Я избрала путь завидный, / Меня же смерть... Сияньем славы обведёт», она сознавала, что её стихи «будут тешить / На празднествах сердца и слух», она доверяла Будущему и Будущее откликнулось посвящением поэтов, музыкантов и художников.

23 августа 1855 года газета «Санкт-Петербургские ведомости» уведомила читателей об изданной в Берлине книге Егора фон Сиверса «Немецкие поэты в России», издание о 100 немецких поэтах, родившихся или живших в России. Среди них Елизавета Кульман. Два экземпляра этой книги хранятся в Национальной библиотеке Петербурга в отделе «Россика». Лиза владела одиннадцатью языками и писала на нескольких языках. Переводов её стихов на русский язык немного: «А я ведь и не тополь. И розой не была. / И мне ль бояться смерти, / Коль роза умерла?» (пер.Екатерины Дауговет.)

В 1992 году двуязычная газета «St. Petersburgische Zeitung /СанктПетербургская газета» публикует шесть немецких стихотворений Кульман, среди которых «Homer» (Гомер) и «Camoen» (Камюэнс), 1822. Названия говорят о благородстве устремлений девочки-поэта. В XIX и XX вв. её стихи издавались. Но издание готовят профессионалы. Такая работа у филологов. А серьёзное обращение к судьбе Кульман и её стихов у петербургской школьницы Алины Павловой объяснимо только по родству её семнадцатилетней души. Подружки! Такая же, как Лиза, юная мечтательница берёт на свои плечики труд изучения обстоятельств, которые окружали Лизу, способствовали – или мешали её таланту. Поиски, присущие ретро-событиям, приводят юного исследователя в дом коллекционера и наследника материалов этой темы. Среди портретных изображений Елизаветы Кульман наш молодой историк литературы встречает упомянутый выше номер Литературного приложения к газете SPZ со стихами Кульман и её графическим портретом, под которым проставлено имя художника. Это было моё имя. И надо так случиться, что

Алина Павлова – ученица школы, для которой я исполнила художественные работы, а мой партнёр по работе, педагог О.Г. Прутт – литературный наставник Алины! Как тесен наш город. Им показалось мало радоваться стихийной творческой встрече. Меня засыпали вопросами: «А где оригинал? А как появился на свет портретик? А пояснение вы могли бы написать нам на память?». В итоге я вручила заинтересованным лицам свой ответ. Привожу его полностью.

Портрет юной поэтессы

Весной 1992 г. литературные интересы «St. Petersburgische Zeitung» обратились к судьбе поэтов начала XIX - конца XX веков. Романтические порывы XIX в. представлены стихами Елизаветы Кульман на немецком языке. По условиям публикации, портрет автора должен предварять текст сочинения. Никакими портретными изображениями Лизы Кульман в тот момент мы не располагали. Редактор нашёл быстрое решение: предложил мне нарисовать портрет Е. Кульман. Я сделала вид, что и в XIX веке я жила, и помню, как выглядела поэтесса. И начала свой рисунок, глядя на женские портреты того времени, стараясь вспомнить, какой я видела Елизавету в последний раз. Ей минуло 15 лет. Это будет портрет совсем юного создания. Сочиняя с детства, Елизавета так много успела, что лучшая для неё подруга – книга. Пускай она не только с книгой в руках, но всей своей позой обращена к страницам. И рядом её рукопись. Для Лизы античность занимала важное место. Её обращение к знаменитой греческой поэтессе Коринне, героине стихов Элизы, убедило меня ввести в рисунок античный мотив. Появился портик греческого храма на дальнем плане приглушённой линией как подразумеваемое, а не явное. Элиза не только интересами, но и внешностью имела отношение к античности: современники обратили внимание на прямой, греческий носик, тёмные глаза, тип лица гречанки. Наконец, платье и причёска. Здесь надо пристально выяснить, как одевались и укладывали волосы в годы жизни Кульман: до 1820 или в годы 1820-30-е быстро менялась мода, надо вовремя остановиться при жизни поэтессы, оборвавшейся

Золотое Слово-7

так рано. Несколько слов о художественной стороне изображения. Издательская техника давала лишь один вариант исполнения: штриховой рисунок тушью. Выразительность за счёт линии разной длины, то прямой, то извилистой, и сочетания штриховки, чёрных пятен и белого листа. Рисунок был на выставке моих картин «Сады Петербурга», специально для юных историков 235-й школы.

Вдобавок, я рассказала с удовольствием обо всём, что услышала и увидела или не увидела 18 декабря 1995 г. в Малом конференц-зале Пушкинского Дома на Седьмых научных чтениях рукописного отдела в 3 часа дня. Я превратилась в зрение и слух, когда знаток и исследователь скульптуры Е. В. Карпова повела речь о скульптурном портрете Елизаветы Кульман. Я узнала об итальянском ваятеле Паоло Катоцци, жившем в Петербурге. Он получил заказ от венценосных покровителей Елизаветы в год выхода двух полных изданий её сочинений. И в 1839 году на свет рождается мемориальный памятник, первое изображение поэта. Катоцци не видел Елизавету при её жизни. Но словесный портрет Элизы от тех, кто знал и любил её, вдохновил в работе над мраморным бюстом талантливой мечтательницы, рано покинувшей земной мир. Катоцци соединил в мраморе классический лик в образе греческой поэтессы Коринны, любимицы Елизаветы Кульман, и трогательность юной Лизы. Лавровый венок - дань античности. Катоцци отослал свой рисунок с портрета в Германию, где Карл Бард перевёл его в технику гравюры; гравированные портреты для 4-х изданий стихов Кульман. А в Петербурге облик «юной Коринны Севера» признали для себя моделью живописцы и скульпторы в декоративном убранстве Исаакиевского собора, скульпторы – на фасаде, живописцы в интерьерах. Я неосторожно обронила вопрос: как бы увидеть портрет? В ответ мне указали жестом на маленький замочек на двери за спинами сидящих: он там, в кладовке. Но и такой рассказик послужил наводкой и привёл Алину Павлову на встречу с Карповой. Работа школьницы не осталась в тени. Была мысль об издании отдельной книгой. Годы летят, школьницы растут и обрастают интересами, передавая поиски наследникам.

А «Санкт-Петербургская газета», SPZ, вернулась к своему поэту в 2000 г.: ещё один портрет Елизаветы Кульман, акварель художника Визеля, рядом с портретом Роберта Шумана, сочинившего вокальный цикл на её стихи. Эмиль Оскарович Визель, руководитель отдела гравюр и эстампов Эрмитажа, блокадной зимой 1941-1942 гг. написал акварельный портрет Е. Кульман с эрмитажной гравюры, единственное цветное изображение Лизы. Роберт Шуман в 1844 г. концертируя в России, знакомится с судьбой и творчеством Элизы. Взволнованный до глубины души «высокой мудростью, в совершенстве выраженной словом из её детских уст», он пишет вокальный цикл: «песни для голоса с фортепиано» на тексты семи стихотворений, среди них: «Уж ласточки в отлёте. \ Счастливый путь, друзья!.. Но как там ни отраднo \ В полуденном краю \ Вернулась я б обратно \ На родину мою». В посвящении композитор говорит о поэте: «...светлая звезда, и сиянье её широко разольётся над всеми странами». К каждой песне встречаем аннотацию Шумана. К стихотворению «Дай, облако, мне руку...»: «С сердечной любовью привязана она к этому миру, его цветам, благородным людям, повстречавшимся ей на коротком жизненном пути. Но она предчувствует, что скоро должна будет покинуть их». И в наши дни можно услышать в концертном исполнении все семь песен Шумана на стихи Кульман. Последнее слово нашей героине (пер. М. Комарицкого).

Дай, облако, мне руку

*Ты протяни мне руку,
Облако, вольный брат!
Я старших братьев встречаю
Вблизи небесных врат.
Хоть я совсем не помню
Родные их черты,
Отца среди них узнаю,
Его увидишь ты!
Они глядят с улыбкой,
Приветливо маня.
Дай, облако, мне руку,
К ним подними меня!*

На поле Куликовом

Куликовская битва произошла в 1380 году в день Рождества Пресвятой Богородицы. Одним из главных интендантов по снабжению войска Дмитрия Донского, был сурожский купец Константин Блок, предок нашего великого поэта, который о своём предке конечно, знал и написал прекрасный цикл стихов о поле Куликовом.

В юбилейный год Куликовской битвы 21 сентября в день Рождества Богородицы наш военно-исторический клуб «Княжеская дружина» был на поле Куликовом, чтобы перед публикой разыграть это великое историческое сражение.

Задолго перед рассветом я попросил друга помочь мне оседлать коня. А сам надел красные сапоги и кафтан, шитый жемчугом с серебряными пуговицами. Поверх кафтана надел грубую холщовую подкольчужную рубаху, чтобы кольца кольчуги не цепляли за жемчужины. Надел кольчугу и опоясался перевязью с мечом в инкрустированных ножнах. Накинул зелёный плащ, шитый золотым орнаментом, с фигурной фибулой, и надел стальной шлем с кольчужной бармицей.

Друг подержал стремя и я сел на коня. Друг подал щит. Я надел ремень щита на плечо, закинул щит за спину и, не спеша, поехал шагом на поле Куликово встречать рассвет.

Я стал на том самом месте, где стоял передовой полк русских войск. Впереди и чуть слева высился Красный холм, где была ставка Мамаю и где теперь стоит храм Сергия Радонежского. Слева над рекой Смолкой темнела дубрава, где прятался засадный полк Дмитрия Боброк-Вольнского и Андрея Серпуховского. Справа в тумане была долина реки Непрядвы.

*Мы сам-друг, над степью ночью стали:
Не вернуться, не взглянуть назад.
За Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричат...*

*На пути – горячий белый камень,
За рекой поганая орда.
Светлый стяг над нашими полками
Не взыграет больше никогда!*

*Я – не первый воин, не последний,
Долго будет Родина больна.
Помяни ж за раннею обедней
Мила друга, светлая жена!*

* * *

*И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнёт ковыль.*

Я, задумавшись, сидел на коне в кольчуге, в шлеме, с мечом на поясе, в плаще, со щитом закинутом за спину и ждал рассвета...

* * *

*Орлий клёкот над татарским станом
Угрожал бедой,
А Непрядва убралась туманом,
Что княжна фатой.
Из тумана, над Непрядвой спящей,
Прямо на меня
Ты сошла в одежде, свет струящей,
Не спугнув коня.
Серебром волны блеснула другу
На стальном мече,
Освежила пыльную кольчугу
На моём плече.*

* * *

*Опять над полем Куликовым
Взошла и расточилась мгла,
И, словно облаком суровым,
Грядущий день заволокла.
Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжёл, как перед боем.
Теперь твой час настал – молись!*

А главным разведчиком Дмитрия Донского в стане Мамаю был боярин Захария Тютчев, предок нашего поэта и дипломата Фёдора Ивановича Тютчева. А предок Захарии Тютчева – венецианец Дюдже (по записям в Орде) был другом Марко Поло и появился на Руси в 1271 г., то есть за 110 лет до Куликовской битвы.

(Стихи Александра Блока)

Галина КОВАЛЬСКАЯ

Судьба артиста

или

Страшная сказка

В очередной раз я пересмотрела свою любимую сказку режиссёра А. Роу «Морозко». В этой сказке мне нравится всё: великолепный состав актёров – Наталья Седых, Георгий Милляр, Инна Чурикова, Эдуард Изотов, удивительная работа режиссёра и оператора, которую высоко оценил сам Стивен Спилберг. Но самое главное – это небесно-голубые глаза главного героя Иванушки – Эдика Изотова, мальчика из моей юности.

Москва 50-х, послевоенная Москва, в который раз возрождённая из пепла, ещё не многолюдная, с гулкими ночными улицами. Мой отец, офицер-фронтовик, после войны получил назначение в Москву в управление ВВС Московского округа. Родители снимали комнату в частном доме в ближайшем пригороде Москвы (теперь Москва). Я пошла там в четвёртый класс семилетней школы, где обучались вместе и мальчики и девочки. Вопросов ни у кого не возникало, ведь со времён Адама и Евы мужчина и женщина идут по жизни рядом, выполняя, согласно «Старого Завета» свою основную миссию на земле: «плодитесь, размножайтесь!». К тому времени, когда отец получил жильё в столице, я уже закончила семилетку. Нам предстояло жить в военном городке на окраине Москвы, дальше уже простирались колхозные поля, и молочницы приносили нам молоко на дом. За этими полями на берегу Москва-реки было чудесное дачное место «Серебряный бор», где мы, школьники, проводили свой досуг – зимой на лыжах, летом на пляже или на лодках. Кстати, у писателя Василия Аксёнова здесь проживали действующие лица его романа «Московская Сага». Итак, мне предстояло идти в восьмой класс в новую женскую школу. Это было для меня сюрпризом. Необычно и странно! Как же без мальчишек, без их записочек, дёрганья за косу, ударов книгами по голове, этих, как оказалось, знаков внимания с их стороны.

Вот и 1-ое сентября! Мне показалось, что

я попала не в Советскую школу, а в Институт благородных девиц, такие требования были к внешнему виду старшеклассниц. Только форменные тёмные платья и чёрные передники, а на праздники – белые, никаких завитушек, только косички, самое страшное – это капроновые чулки, которые только входили в моду. Если наша директриса встречала кого-то из старшеклассниц с кудряшками на лбу или в капроне, тот час же читалась нотация и бралось обещание в стенах школы носить только чулки в резиночку, а кудри удалялись с помощью воды. Ну, просто скука смертная! Правда в школе была развита самодеятельность: хор, драмкружок. Я тот час же подключилась, и мне даже доверили сыграть Ульяну Громову по роману А. Фадеева «Молодая Гвардия», благо, у меня были косы.

По торжественным датам всегда были вечера самодеятельности и танцы. Часто на вечерах в президиуме сидел Борис Полевой, военный журналист, автор «Повести о настоящем человеке». Его жена преподавала у нас русский язык и литературу. Но что же это за танцы без мальчишек! Через дорогу, почти против нашей школы была мужская школа. По инициативе нашего актива и в частности меня, я была комсоргом класса, мы решили дружить с мальчишками из параллельных классов. Была проведена непростая работа с нашей строгой директрисой, и мы получили разрешение приглашать старшеклассников на наши вечера. «Жить становилось лучше, жить становилось веселей», как пелось в песне. Мальчишки влились в нашу самодеятельность, концерты стали интереснее, а танцы интригующими – кто пригласит и пригласят ли?! Наибольшим вниманием среди девчонок пользовался один мальчик – стройный красивый блондин с небесно-голубыми глазами. Он читал стихи и неплохо пел. Когда он выходил на сцену все девчонки смотрели и слушали, затаив дыхание. Поговаривали, что он по окончании шко-

Золотое Слово-7

лы собирается поступать в ГИТИС. Ну кому же как не ему, быть артистом!? Постепенно он становился нашим кумиром. Особенно была очарована им моя подруга, тоже Галка. Но он никому не отдавал предпочтения, смотрел на всех немного свысока. Это ещё больше нас интриговало. Летом мы с Галкой часто встречали его в Серебряном Бору, играли в волейбол на пляже, но не более. Этого мальчика звали Эдик Изотов. Мы закончили школу, поступили в институты и совсем потеряли его из вида. Галке оставалось только вздыхать. Позже я покинула Москву и переехала по месту службы мужа сначала в Севастополь, а потом в Ленинград. Родители, родственники и друзья остались в Москве. Я часто навещала их. В один из приездов, это было в 60-х годах, встретила с Галкой. «Как ты удачно приехала! – сказала она. - Я приглашаю тебя в кино. Будет приятный сюрприз!». Фильм назывался «Сильнее урагана», когда пошли титры, я была удивлена до восторга. В главной роли был наш кумир – Эдик Изотов! Его партнёрами были Василий Лановой и Наталья Кустинская. Тогда эти имена ещё ничего не говорили. Море, парусник, пальмы, любовный треугольник – что может быть лучше для начинающего молодого актёра?! Он мог здесь продемонстрировать свою статную фигуру, красоту и мягкий красивый голос. Сам фильм впечатления не произвёл, сюжет наивный и банальный и с годами просто стёрся из памяти. Да, и в прокате он успеха не имел. Так всё же Эдик стал актёром и уже приобретал известность, а мы остались простыми ничем не примечательными девчонками! Я стала следить за его творчеством, а когда в 1960 году вышел фильм – сказка «Морозко» с Эдиком-Иванушкой в главной роли, я стала гордиться знакомством с ним и даже купила открытку с его фото в киоске. Этот фильм получил на фестивале в Венеции «Золотого льва» и мировую известность. На показе в Америке Изотова назвали Русской Звездой. Я продолжала следить за его творчеством. Вот он командир экипажа в фильме «Мимино» режиссёра Данелия, вот адъютант Гитлера в фильме «Семнадцать мгновений весны» режиссёра Татьяны Лиозновой, агент в фильме «Щит и меч» режиссёра Владимира Басова, командир боевого расчёта в филь-

ме «Морской характер» режиссёра Василия Журавлёва. Во многих иностранных фильмах звучит его красивый голос, озвучивающий многих актёров. Но это всё эпизоды, а где же главная роль?! Моя подруга сообщила мне, что ей посчастливилось побывать в театре киноактёра на премьере мюзикла «Целуй меня, Кэт!» и была в полном восторге от его голоса, игры. Ещё бы, ведь она была по-настоящему в него влюблена. И вдруг с 1983 года вокруг его имени воцарилась зловещая тишина. Шестое чувство подсказывало – что-то случилось! Но сколько я не пыталась узнать о нём из телевидения и журналов «Советское кино» - всё безуспешно. Моей влюблённой Галки к этому времени уже не стало. Часто по телевидению рассказывали об актрисе Наталье Седых – Настеньке из фильма «Морозко» и ни слова об её партнёре. Всё это казалось очень странным. И вот, буквально недавно, копаясь в Интернете, наталкиваюсь на увлекательный фильм о судьбах русских красавиц из фильмов по мотивам русских сказок, в том числе и о судьбе Натальи Седых. И опять ни слова о её партнёре, как будто и не было рядом этого красавца Иванушки. Ну уж нет! Не отойду от «компа» пока не дойду до истины. Набираю в Интернете «Эдуард Изотов», выхожу на Эдуарда Константиновича Изотова, заслуженного артиста РФ и читаю историю его трагической судьбы.

Обычно русские народные сказки начинаются трагично – то братец Иванушка превращается в козлёночка, то у царевича Ивана в невестах оказывается лягушка, то крестьянский сын Иванушка превращается в медведя, но всё заканчивается миром, пиром и свадьбой. У нашего Иванушки-Эдика всё случилось ровно наоборот. Начиналось всё прекрасно – поступление в ГИТИС, без вопросов. Красавец, статья, голос – просто царевич из сказки. Учился в мастерской Бондарчука и Скобцовой. Закончил ГИТИС и сразу съёмки в фильмах: 1959 год – мелодрама «В степной тиши», 1960-й – «Сильнее урагана» и в 1964 году – фильм-сказка «Морозко», который стал его триумфом. Слава, поклонницы у дверей гостиниц на гастролях. Удачно сложилась и личная жизнь – жена красавица Инга Будкевич, дочка Вероника тоже унаследовала кра-

Золотое Слово-7

соту родителей. Казалось – жизнь удалась. А далее только эпизодическое появление в фильмах и на озвучивании. Что-то помешало ему занять достойное место в кинематографе, соответствующее его внешним данным, способностям, голосу. Может завышенная самооценка, а может чисто русская «сказочная» лень и надежда на авось?!

После развода с женой Ингой Будкевич и начались его несчастья. Его вторая жена была инициатором обмена валюты, якобы для строительства дачи. Эдуард и Ирина были по этому поводу арестованы, судимы и осуждены. Он – на три года, она на два, да ещё и с конфискацией имущества. Огромное участие в этой истории приняла Инга Будкевич. Она собрала подписи известных всей стране артистов: Н. Рыбникова, А. Ларионовой, Н. Крючкова, О. Стриженова с просьбой облегчения участи Эдуарда. Выступая на суде, Олег Стриженов охарактеризовал его как «потрясающего человека, чистого, доброго, талантливоего». «Это недоразумение, ошибка», – сказал он в заключение. Благодаря хлопотам О. Стриженова, Эдуарда оставили в Москве в «Матросской тишине». В течение всего срока заключения его навещала, носила передачи и поддерживала его первая жена Инга Будкевич. Замечательная женщина, по моему мнению. Об Эдуарде замолчали на многие годы в прессе, на телевидении. Тогда и пресса и телевидение были другие, не гонялись за «жареными» фактами, да и слишком «тяжким» во времена Ю. Андропова это преступление – обмен 1000 долларов на советские рубли с курсом в 61 копейку! Только в 2001 году

появилась в печати правда о судьбе Эдуарда Изотова. Интервью газете «Московский комсомолец» от 14 декабря 2001 года дали Инга Будкевич и дочь Вероника Изотова. Инга так сказала: «Он так ярко начал, а потом жестоко расплатился за какую-то мелочь. Вспыхнул и сгорел, как спичка... Гордый, статный, холёный красавец мгновенно переменялся. Тюрьма его сломала». По возвращении из тюрьмы с ним случился инсульт, а потом ещё и ещё, 6 инсультов. Жизнь превратилась в медленное угасание. Больница, дом, снова больница, дом, а потом уже только больница, где он и скончался в 2009 году. Сказка оказалась с трагическим концом.

P. S. В моей жизни иногда случаются мистические совпадения. Так было и в этот раз. Я уже закончила писать эту печальную историю, но как-будто кто-то сверху узнал о моих поисках истории жизни Эдуарда Изотова. 19 ноября 2012 года позвонила подруга и сообщила, что на канале «Россия 1» в прямом эфире у Зеленского будет передача о судьбе Э. Изотова. Я не люблю передачи Малахова и Зеленского и почти никогда их не смотрю. В этот раз я конечно включила телевизор. Ничего нового по сравнению с тем, что я знала, я не услышала. Зато увидела вторую жену Ирину, которая просидела всю передачу с какой-то странной улыбкой на лице. Искренние, добрые слова о нём сказал Панкратов-Чёрный, который, как оказалось, был его зятем. И ни слова об Инге Будкевич!

А может быть, лучше не ворошить прошлое, легче жить будет?!

Дина ПАНАСЕНКОВА

Свет «Огней Гавани»

В странное время мы живём. Люди мечтают разбогатеть и одновременно ненавидят богатых. Многие жаждут славы, вселенской известности и прекрасно сознают безнравственность средств массовой информации и шоу-бизнеса, которую только и могут эту известность обеспечить, независимо от достоинств жаждущего.

С поэзией вообще беда. Но беда не в том, что нет новых и хороших стихов - таковых предостаточно. Беда в том, что их мало кто знает. Они вдруг стали людям не нужны. И это после сумасшедшей моды на стихи в пятидесятых-восьмидесятых годах прошлого столетия. Самое любопытное в том, что поэтов в наше время меньше не стало. Но им приходится утешаться тремя постулатами своих великих учителей: пушкинским «Поэт, не дорожи любовью народной», пастернаковским «Быть знаменитым некрасиво» и булгаковским «Рукописи не горят».

А ведь говоря о России как о великой стране, мы не перечисляем имена олигархов. Нет! Мы прежде всего вспомним бескорыстных тружеников культуры и науки, то есть как раз тех, кто сейчас в большинстве своём находится в безвестности и часто в бедности. Поэтому нужно с предельным вниманием и доброжелательностью относиться к появлению новых публикаций, которые выходят мизерными тиражами. Нужно всячески поддерживать огонёк творчества, который, слава Богу, ещё не угас в нашей многострадальной стране.

Огромную роль в этой благородной миссии играют разного рода творческие коллективы, образовавшиеся в Петербурге за годы перестройки на добровольной и бескорыстной основе. Одним из таких коллективов является Литературный клуб «Огни Гавани», регулярно работающий по четвергам с 17 до 19 часов в помещении библиотеки им. Ломоносова (ул. Нахимова, 8). Литературное объединение, сложившееся в этом клубе, за восемь

лет превратилось в некое подобие семьи, родственными узами которой являются любовь к поэзии и собственное творчество. Руководитель клуба, Дина Сергеевна Панасенкова, выполняет роль своего рода дирижёра, а не мэтра в последней инстанции. На каждом собрании участники обязательно читают по кругу свои новые и не очень новые стихи, слушают с большим интересом друг друга, говорят об удачах и промахах. Кроме этого, часто заслушиваются получасовые доклады о творчестве различных поэтов, тех, которые особенно близки одному из членов клуба. Это позволяет расширять кругозор, учиться воспринимать поэзию, осваивать секреты творчества на примере высоких поэтических достижений. Творчество Данте, Петрарки, Пушкина, Лермонтова, поэтов 18-19 веков, Гиппиус, Цветаевой, Набокова, Маяковского, Пастернака, Бунина, Волошина, Ахматовой, Н. Гумилёва, Л. Гумилёва, Глазкова, Высоцкого и многих других поэтов обсуждалось на заседаниях клуба.

Клуб «Огни Гавани», несмотря на все трудности, регулярно выпускает одноименный литературный альманах, пятнадцатый номер которого вышел в конце 2012 года. В нём печатаются стихи не только членов клуба, но и гостей, в том числе из разных городов России, включая Сибирь, что даёт возможность познакомить читателей с некоторыми одарёнными авторами, живущими за пределами Петербурга, и одновременно разбросать собственные стихи по просторам страны.

В «Огнях Гавани» собрались очень разные поэты и по манере и по масштабам дарований. Но неизменная доброжелательность и демократизм позволяют участникам Литературного клуба объективно оценивать достижения друг друга, способствуют росту поэтического мастерства, что хорошо видно на примере последних выпусков Литературного альманаха, где представлены, как уже сказано, разные поэты в разных поэтических жанрах.

Золотое Слово-7

Философская лирика – в раздумчивых строках
Дины Панасенковой:

...Себя ощущать у Вселенной в плену.
И с трепетом ждать перемен,
Всем сердцем приняв этот сладостный плен...

Или:

...Мы ждём пришествия Мессии
Для возрождения России;
Но не хотим одно понять –
Трудиться надо, а не ждать...

Активна бескомпромиссная позиция Бориса
Ильина:

...Казнить, не миловать. Награда – по грехам

И ещё:

...Ныряет быстрокрылый парус.
Глубины – дерзким, слабым – броды.
Летит над звёздами Икарус –
Безумный первенец свободы.

Поэтесса из Иркутска Нина Антюшкина ставит
в своём творчестве извечный философский
вопрос:

...Кто мы в лоне бескрайней Вселенной,
Неизведанной, необозримой?..

А вот мудрые строки Дмитрия Киришина:

...О старость, беспородный пёс –
Надёжней друга, неотступней тени,
Ты умной мордой тычешься в колени,
Остаток дней веля прожить всерьёз.

С ним перекликается Георгий Косаревский:

...Я скоро духом бестелесным стану.
Но позовёте, я спущусь с небес.
И утром тихим, от дождя туманным,
Отправлюсь с вами за грибами в лес...

Большое место в последних номерах альманаха
занимает пейзажная лирика. Это и очаровательная
«Снегирия» Евгения Раевского:

...В красках зимних лик зари,
Пылко, нежно, грациозно
На деревьях снегири...

И ещё:

Влиянье звёзд, я с ночью в споре.
О, сердце! Медленней стучи.
Когда взъерошенное море
Расчешут лунные лучи...

А как по-женски нежны строки Лидии Борисовой:

...Вся ложь дождливых поцелуев
Остудит землю и мечты...

Оценка поэзии трудное, иногда невыполнимое,
дело: или это формальный подход с подсчитыванием
слов и оценкой точности и неточности рифм, или
чисто эмоциональный – нравится - не нравится, бегут
мурашки по спине от необъяснимого восторга или не
бегут. А это очень субъективно, но, наверное, когда у
очень многих мурашки по спине – это великая Поэзия,
это конечно классика, проверенная всенародной любовью
и временем. Но не только. Нам кажется, что не могут
не обратить на себя внимание строки Татьяны Софинской:

...И мечтать, что вот этот сугроб
белоснежный – кровать.
Ах, какие в нём снятся, наверное, лёгкие сны...

и далее:

...Это, видимо, признак души,
Той особенной, русской, тоскливой.
Ей так свойственно нежно грустить
На заснеженном стылом пороге.
И не ждать ничего, не просить,
Только слушать, как стонут дороги.

Широко представлена во всех выпусках Альманаха
гражданская и социальная поэзия с гневными
обличениями «олигархов» и рыданиями над
«несчастливым народом», с невнятными упреками
в адрес власти, правительства. Например, стихи
Геннадия Серова:

Страна гудит, как улей шаткий,
Качают соки из неё...

Золотое Слово-7

Хотя всё же стихи этого жанра, обречённые нередко на сиюминутный бурный успех – как же, «злоба дня», быстро вянут и забываются.

Следует отметить и разнообразие звукового оформления стихов:

*...Сломались доспехи, сыреет в нас порох.
Есть хрупкий предел благородства у стали.
Настояны годы на спорах неспорых –
Сердца ли смирились, уста ли устали?..*

(Д. Кишин)

*...Над лесом тусклые доскутья синевы.
В стихах сезон осеннего сонета.*

*...Кровавые кости заката
Ворча, догрызал горизонт.*

(А. Богданович)

*...Страдала рифма от артрита,
В неврозе дёргалась строка...*

(Н. Апрельская-Лубянка)

*...В Аравийской пустыне ходят волны – барханы,
Веет солнечный бриз, ароматный, как мёд...
Мой песчаный корабль в пылевые туманы
Устремляет бессонный отважный полёт...*

(О. Сафарова)

Разумеется, большую часть Альманаха занимает любовная лирика, но как трудно писать о любви, казалось бы всё уже сказано!... И тем не менее, поэты находят особые слова, тонкие и неожиданные оттенки чувств и нюансы настроений. Вот строки Людмилы Кормильченко, её всегдашняя нервная, искренняя интонация:

*...Просила не будить, не нарушать покой,
Не дать меня окутать этим зноем.
Но нет, шептал: «Ты не права, постой».
Не справилась... Осталась... Для чего?..
И было... неожиданно-прекрасно!
Но тем мучительней рассветы без него.*

Юмор, сатира, пародии представлены А. Богдановичем, Г. Серовым, А. Штыкан-Рапопорт, а также остроумной и виртуозной поэзией Натальи

Апрельской-Лубянка:

*...Один бездарный рифмоплёт
Стабильно, нагло и незвано
Лакал в охотку что найдёт
Из чьих-то налитых стаканов...*

Редакционная политика Альманаха предусматривает и возможность для начинающих авторов долить-ся своим, может быть ещё несовершенным творчеством, и это правильно: если проследить путь некоторых поэтов «Огней Гавани» от первого до нынешнего пятнадцатого номера, - наглядно виден рост мастерства и профессионализма многих из них.

Поскольку ЛИТО «Огни Гавани» входит в Российский Межрегиональный Союз писателей, в Альманахе публикуются авторы из самых дальних регионов – из Воронежской и Ивановской областей, из Саратова, Новосибирска и Кемерово, с дальнего Востока, - всех мест не перечислишь. И это прекрасно! Страна наша богата талантами, и наши замечательные иногородние и деревенские авторы обогащают содержание поэтических сборников «Огней Гавани» свежим взглядом и неожиданными поэтическим инаходками. Кроме того, все поэты ещё и читатели. И это, кроме создания поэтических произведений, не менее важный результат работы литобъединения «Огни Гавани», члены которого с неизменной доброжелательностью относятся ко всем без исключения людям, неравнодушным к поэтической речи.

*В пегасовом сидя седле,
своё подсознанье голубя,
Ценишь гениальность в себе,
поэты друг друга не любят.
А я исступлённо ищущу
плоды чьей-то сладкой мороки
И радостно трепещу,
найдя совершенные строки.
Стихов драгоценных искатель,
я жажду чужого огня.
Поэты, любите меня!
Я – ваш гениальный читатель.*

Поиски талантливого и даже гениального читателя – главная задача литературного альманаха «Огни Гавани».

Экспедиция

В этом, 2005 году, с началом навигации, наша группа вновь полетела в командировку на север, в порт Тикси, который находится в устье реки Лены. В Тикси начинает работать новый передатчик на международной частоте 518 кГц. После развала Советского Союза Россия практически осталась без торгового флота. Сейчас постепенно начинает всё возрождаться, и для передачи информации по безопасности мореплавания в море Лаптевых построена станция Навтекс. Станции этой системы уже работают в северных широтах, Баренцевом и Чукотском морях. Но на самом Севере пока их нет. Дело в том, что информацию MSI (maritime safety information – информация по безопасности мореплавания) суда также получают через спутники Инмарсат (Inmarsat – international maritime satellite). Но спутники находятся на геостационарной орбите над экватором, и уверенный приём осуществляется до семидесятого градуса северной и южной широт, а севернее и южнее информация проходит с искажениями. Кроме того, порт Тикси находится как раз между зонами охвата индийского (IOR – Indian ocean region) и тихоокеанского (POR – Pacific ocean region) спутников. Вот наша станция и обязана будет заполнить этот информационный пробел в море Лаптевых.

В прошлом году, правда, мы добирались до Тикси на гидрографическом судне, а сейчас летим из Санкт-Петербурга на самолёте. Вначале нас посадили в Новосибирске, затем завернули в Иркутск, а уже потом приземлили в Якутске, где и застряли, потому что Тикси не принимал. 12 июля там выпал снег и засыпал всю взлётную полосу в аэропорту. Два дня жили в гостинице, благо гостиница в Якутске рядом с аэровокзалом, но рейс постоянно задерживали, а мы рвались к месту работы.

13 июля, наконец, дали добро на вылет, и мы добрались до Тикси. Прохладно, залив ещё покрыт льдом, и вокруг белеют вершушки сопки. Из Архангельска вышли наши гидрографические суда: «Яков Смирницкий» и

«Сергей Кравков», на которые будут погружены отработанные РИТЭГи (радиоизотопные тепловые электрогенераторы, работающие на распаде стронция 90). Далее их доставят в Мурманск на утилизацию. Старые генераторы уже отработали более двадцати лет, и теперь их будут заменять более экологически чистыми источниками питания. Меня направляют на г/с «Я.Смирницкий» с единственной целью: определить дальность действия передатчиков нашей станции Навтекс. Почти через месяц долгожданный теплоход дошёл до порта Тикси, а Тикси в переводе с местного языка – это место встречи.

18 августа отошли от причала. Вышли из порта, прошли маяк Бруснёв, обогнули мыс Муостах, и дальше наш маршрут будет следовать через губу Буор – Хая в море Лаптевых. На мысе Муостах находится старое кладбище репрессированных из Прибалтики, когда-то здесь был лагерь-поселение. Берег в этом месте крутой. Кладбище расположено высоко над водой, где свободно гуляет только ветер. На кладбище сейчас установлен памятник бывшим ссыльным, родственники которых специально приезжали для возведения этого монумента, изготовленного в Прибалтике. Деревянные кресты на кладбище покосились, но ещё стоят - в вечной мерзлоте всё долго сохраняется. «Микробы мёрзнут на корню», как я уже писал.

У этого мыса мы однажды как-то были на рыбалке и это забыть никак нельзя.

*Мы вышли как всегда, под вечер,
Успеть на место подойти.
Расставить сети, ночку встретить,
Ненастье чтобы обойти.
Бруснёв прошли - маяк весь в дымке,
На горизонте ждёт коса.
Муостах мыс, балок с подпоркой,
Здесь наше место неспроста.
Поставим сети для начала,
Работа требует затрат.
Вот туча зубы показала,
Ей каждый точно уж не рад.*

Золотое Слово-7

*Внизу вода и сверху мочит,
А через тройку там часов
Проверить сети не захочешь,
Уже весь мокрый до концов.
Но все невзгоды отдыхают,
Когда ты видишь, что к тебе
Прям к сетке Омуть подплывает,
Муксун и Чир - в почёте все.
Бывает, Ряпушка прорвётся,
Осётр заденет усом сеть,
А если Нельма в вас упрётся,
Захочешь песни тогда петь.
Торпеда эта, как акула,
На Севере идёт гурьбой.
Не та, конечно, у ней шкура,
Но попотеешь с ней, друг мой.
За двадцать килограммов будет,
Набьёшь ей лодку, дорогой,
На берегу костёр раздуют,
Нас ждут с уловом, друг ты мой.
Пятиминуточку сварганят,
Сто граммов здесь совсем не грех,
И снова лодку протаранят
На сети в бой, какой тут смех.
Работа хуже здесь «укола»,
Не любит море слабаков.
И вновь уходят все от мола -
Счастье поймать для рыбаков.*

P.S. Балок – это специальный домик зимовщиков на больших полозьях, который тягачи на буксире перемещают с места на место.

Наш маршрут лежит в Хатангский залив, где предстоит погрузить на борт девятнадцать РИТЭГов, в это же время должен подойти и г/с «С.Кравков», который также возьмёт одиннадцать штук и направится в Мурманск, а затем уйдёт в другие районы Северного Морского пути. Работать мы будем не только в этом районе, но и в районе острова Котельный, в проливе Санникова.

Войти кратчайшим путём в Хатангский залив мимо острова Большой Бегичев не удалось, нас встретило огромное ледяное поле до горизонта с десятибалльным паковым льдом, потому что почти три недели дули ветра северных направлений.

Капитан принял решение двигаться дальше на север вдоль кромки ледяного поля, чтобы обогнуть остров с севера. Так мы поднялись до семьдесят пятого градуса северной широты и спустились в Хатангский залив, следуя с одной стороны вдоль берега, а с другой - вдоль кромки ледяного поля. Вот так мы шли.

*Льдины, словно облака,
Летом в море бродят,
Упираются в борта,
Закрывают ворота,
Перемычки сводят.*

*Дунет ветер с северов,
Поле в берег мчится,
Хуже всех оно врагов,
Здесь закон всегда таков,
На кого молиться?*

*Перемычки в пресс берут,
Сквозь них не продрасться;
К берегу у нас маршрут,
Мы берём их как редут,
Будем упираться.*

*Старый теплоход уже,
«Рёбра» под обшивкой
Вылезли на вираже,
Как бугры на той меже,
Где бурьян с крапивкой.*

*«Жалко стало старика? -
Капитан смеётся. -
В лёд не лезем мы пока,
Чуем воду с далека,
К полынье прорвёмся».*

*Теплоход наш, в общем, друг,
Тридцать лет на службе;
В трудные года от мук,
Перестроек, разных штук
Он спасал нас в дружбе.*

*И сейчас - российский флаг,
А не иностранный,
Он несёт, как факел, маг,
Кореш и простой чудак,
Труженник наш странный.*

В мою задачу, как уже было сказано, входит определение дальности действия береговой станции Навтекс, находящейся в порту Тикси. Постоянно веду приём сообщений, по прибору определяю напряжённость электромагнитного поля на частоте 518 кГц, всё регистрирую в журнале.

Природа вокруг какая-то однообразная,

Золотое Слово-7

но самое главное – облака здесь висят очень низко. Но так оно и есть, наш «шарик приплюснут с полюсов. Это я заметил, ещё находясь по ту сторону экватора в районе Новой Каледонии, островов Фиджи. Здесь, в принципе, та же картина, только океан другого цвета, и небо не такое прозрачное, как на юге.

*Облака, проплывая, за мачты цепляют,
Сейчас дотянусь и потрогаю их.
Рукой разведу, по звёздам узнаю...
Твоё отраженьё найду среди них.*

*Та звёздочка, что далеко в поднебесье,
Гори постоянно, со мной говори,
Внизу - только лёд, не наше полесье...
Звезда, передай о моей к ней любви.*

*Да, сверху видней, мы все на ладони...
Ты светом её поцелуй от меня.
Не добежать, «не помогут и кони»...
Знай, что люблю только очень тебя.*

* * *

*«Облака, облака», - пел так Галич давненько.
Облака, облака, где моя деревенька?
Время быстро бежит, небо нас накрывает,
Наша память живёт, о былом вспоминает.*

*И сейчас облака зацепились за сопку,
Миражи разгляжу и увижу я тропку.
Вдаль уводит она, в пелену из тумана.
Наверху хорошо, там вся жизнь без обмана.*

Наконец, 21 августа пришли на наше место, спустились на широту 74° 01'. На берегу уже ждёт «воздушная лошадка» - вертолёт МИ-8, который должен снять РИТЭГи с объектов и подтащить их на берег. А с берега они на судовой барже будут доставлены к борту теплохода. На каждом гидрографическом судне имеется рабочая баржа с носовой рампой, которая опускается, и через этот проём втаскивается груз, будь это бочки с горючим или, как в этот раз, генераторы, вес их, однако, более 800 кг. Работа спорилась, экипаж на судне постоянный, все специалисты своего дела. Вертолёт таскал генераторы, команда грузила на борт. Мы спешили ещё и потому, что должен подойти в наш район атомный ледокол «Советский Союз», который поможет

нам выбраться из Хатангского залива на чистую воду.

Напротив нас, как раз на траверзе, находится бывшая воздушная воинская часть. Брошен целый посёлок с трёхэтажными домами, с аэродромом, замороженными радиолокационными установками. Конечно, только с внешней стороны они выглядят как рабочие, а на самом деле всё ценное давно уже сдано в металлолом.

Работа на судне кипела круглые сутки, благо ночи белые. Баржа от судна на берег шла не в балласте, а везла керосин вертолёту в двадцатипяти литровых канистрах. На корме у нас закреплена цистерна диаметром три метра, в которой мы привезли топливо для «воздушной лошадки».

После погрузки всех РИТЭГов этого района вертолёт улетел в Тикси, а мы вечером 22 августа снялись с якоря и подошли к кромке припая, где уже ждал ледокол теплоход типа «река-море», полностью загруженный металлоломом. Мы сейчас говорим о новых технологиях, а у этих моряков, кроме станции УКВ, больше ничего нет, у них даже нет гирокомпасов. Ходят они, оказывается, по карманному GPS.

*Чайки в море, словно гномы,
Что хохочете сейчас?
Вы же птицы, не вороны,
Спойте что-нибудь про нас.*

*Наши маршруты - от точки к точке,
Между - кучи островов.
Лёд на море - это кочки,
Что в полях и меж холмов.*

*Чайки, лучше передайте
Вы привет в мой край родной.
Вы со мною поиграйте,
Корку брошу вам рукой.*

*Расскажите, что тут, в далах,
Лето кончилось давно,
Прокричите о печалях
И о мелях заодно.*

*Лёд не тает здесь и летом,
И на сердце льдинка есть.
Вы добавьте, что при этом
Мы про дом бормочем песнь.*

Золотое Слово-7

есть только одна широкая кровать, а в отряде - пятнадцать человек.

Стихия бушевала всю ночь и следующий день. Через день, во второй половине, непогода стала утихать. На совещании было принято окончательное решение: вызвать вертолёт с Тикси и с его помощью доставить повреждённые РИТЭГи на берег, то есть повторить операцию, которая была произведена в Хатангском заливе.

Пилотировал вертолёт ас - командир тиксинского звена Хачатуров В.В. От Тикси до нашего места ему три часа лёта. К его прибытию на берег уже была доставлена для него закуска в виде авиационного керосина. Заправившись, он успешно справился с поставленной задачей.

Трактора, закупленные на Западе за бе-

шеные деньги (каждый стоит около 120.000 долларов), оказались не дееспособными для работы в тундре. По плотному снежному насту они, может, и могут ползать, но по сырой проваливающейся тундре они не смогли пройти и пустыми. Погрузив генераторы в трюма, мы двинулись в обратный путь. Радиационный фон в лобовых каютах у переборки (трюм находится перед надстройкой) составил семьдесят миллирентген в час при норме двадцать, после этого все жители лобовых кают со своих коек перебрались спать на диванчики соседних кают, так как койки расположены как раз у лобовой переборки.

3 сентября ошвартовались в Тикси. Экспедиция была завершена, и теплоход взял курс на Мурманск. Так закончилось моё маленькое последнее путешествие на борту г/с «Яков Смирницкий».

Борис ПРОСВИРИН

А.С. Пушкин и финно-угорские народы

А.С.Пушкин пламенно ратовал за сближение народов, за укрепление дружбы между ними. Его литературная деятельность продолжалась немногим более двух десятилетий. За этот небольшой срок А.С. Пушкин сумел решить задачи огромной культурно-исторической важности, придав новой русской литературе достоинство подлинной национальной самобытности. Ныне все многонациональные народы России чтят гениального поэта. Его произведения вошли в золотой фонд духовной культуры финно-угорских народов.

Имя А.С. Пушкина особо дорого мордовскому народу. На протяжении десятилетий, из поколения в поколение, живут предания о великом русском поэте, изучавшем историю борьбы мордовского и других народов под предводительством Емельяна Пугачёва.

Так, художник В.И.Лебедев по мотивам народных преданий написал картину «А.С. Пушкин в мордовском селе беседует с крестьянами». Светлое имя и пребывание А.С.Пушкина на мордовских землях воспето в тёплых и проникновенных стихах мордовских поэтов П.С. Кириллова, И.П. Кривошеева, А.М. Моро, А.С.Малькина, П.К. Любаева, И.Д. Пиняева, И.В. Чегодайкина. Не исключено, что из различных источников ещё в детстве А.С. Пушкин слышал о мордвах, т. к. они жили по соседству с родовым имением его родителей в Болдино, что в Нижегородской губернии.

Совершая первую поездку в родовое имение осенью 1830 года, А.С. Пушкин лично встречался с населением мордовских сёл Пикшень, Ракшазон, Чукалы, Селищи, а в преданиях села Пикшень - это село находится в трёх верстах от Болдино - рассказывает о том, что поэт нередко беседовал с мордовскими крестьянами, работающими на полях. Эта поездка, а также встречи с крестьянами мордовских сёл Арзамасского, Ардатовского, Сергачёвского уездов помогли пытливому поэту дать многое для понимания жизни мордвы. Факты подтверждают и то, что встречи А.С. Пушкина с гостеприимным мордовским народом могли быть только дружескими. Вероятно, замысел поэта был в том, чтобы показать жизнь мордовского народа в «Истории Пугачёва».

Интерес А.С. Пушкина к жизни поволжских народов проявился с большей силой, когда он начал усиленно изучать грандиозное крестьянское движение 18 века под предводительством Е.И. Пугачёва, посещая

исторические места.

В письме П.Я. Вяземскому 5 ноября 1830 года из села Болдино в Москву А.С. Пушкин писал: «...здесь я кое-что написал». Вероятно, «кое-что» - это новая работа, с посещением мест, которые в смутное время были охвачены пугачёвским восстанием.

Очевидно, увлечшись новой работой, поэт решил снова посетить исторические места. И в первых числах сентября 1833 года Александр Сергеевич выехал в дальнюю поездку по губерниям, которые были некогда охвачены пугачёвским восстанием и посетил мордовское село Смышлеевку, находившуюся в 20 верстах северовосточнее Самары.

После бесед с мордвинами его записная книжка пестрит ссылками на собеседников: «Оцюш Кайбес, бога» (Готовы с живого шкуру содрать) - слова мордвина, 16 сент. По территории Мордовии А.С.Пушкин сделал три остановки: в Андреевке, Ардатове, Олевке - т.е. в этих сёлах менялись почтовые лошади.

Изучая архивные документы по истории мордовского народа, поэт описывает взятие Пугачёвым, при большой активности местного населения, городов Саранска, Инсара, Троицка, Краснослободска, Темникова и других населённых пунктов, ныне входящих в Республику Мордовия. Активное участие мордвы в пугачёвском восстании Пушкиным описывается в духе сочувствия и одобрения.

Болдинская поездка дала Александру Сергеевичу богатый материал, и нельзя отказать от того предположения, что прототипы литературных персонажей повести «Дубровский» могли проживать в районе Болдино (село Дубровка ныне находится на границе между Болдинским районом Нижегородской области и Большеигнатовским районом Республики Мордовия).

Посещая Кистенёво и другие сёла вокруг Болдино, Пушкин без прикрас увидел неприглядную крепостническую действительность и осудил её. В повести «История села Горюхино», написанной во время пребывания в Болдино, он дал резкую политическую сатиру на крепостничество: «В три года Горюхино совершенно обнищало. Горюхино приуныло, базар запустел, песни Архипа Лысого умолкли, ребяташки пошли по миру».

В стихотворении «Осень» поэт саркастически высмеивает соседей-помещиков, которые во время осенней охоты безжалостно вытаптывали крестьянские озимы.

Золотое Слово-7

Во время трёх поездок в Болдино, где находился в общей сложности около пяти месяцев, Пушкин проявлял большой интерес к нравам, обычаям и культуре мордовского народа, изучая его фольклор, мифологию. Об этом интересе свидетельствует записанная в Болдино песня «На болдинском на плоту мыла девушка фату»:

*Не надо мне, матушка,
Ни мёду, ни сахару,
Ни сладких яблочков,
Ни медовых пряничков,
Приведи-ка, матушка,
Мордвина с вольнюкою
Холостова с дудками.*

Великого русского поэта-гуманиста, посещавшего Мордовию, мордовский народ знал ещё в прошлом столетии. Однако имя А.С. Пушкина широко стало известно в массах только после Октябрьской революции. И благодаря русскому языку, в короткие сроки, мордовский народ преодолел культурную отсталость. С помощью русского языка молодая мордовская литература преодолела трудности становления, по сей день внося достойный вклад в литературу. На лучших её образцах зачинатели молодой мордовской литературы учились профессиональному мастерству...

«Пушкин для меня особенно дорог как первый учитель в поэзии, который раскрыл мне новый мир жизни, дотоле мне неизвестный, - писал в своей «Автобиографии» замечательный мордовский поэт П.С. Кириллов. - Он привил мне понятие о силе и красоте русского языка, разбудил во мне поэтические чувства и научил слагать стихи». Эти слова «научил слагать стихи» могут подтвердить многие мордовские поэты, для кого великий поэт - олицетворение и символ нашего национально-исторического бытия. Пушкинские места заставляют нас снова и снова возвращаться к вечно живому образу поэта, который живёт в каждом из нас с детства.

Поэты и писатели республики Мордовия частые гости родового имени А.С. Пушкина, а праздники поэзии в Болдино - это своеобразный форум благодарных потомков. Я лично несколько раз посещал Болдино, прочитав при этом много литературы о Пушкине, в частности - мысли великого поэта о природе искусства, о назначении поэзии, о литературных направлениях его эпохи, а также статьи, высказывания, письма Пушкина, связанные с проблемами литературы и искусства.

Таким образом, выражая своё отношение к высокой поэзии, хочется сказать, что стихи пишут не только поэты, но и те, для кого по-

эзия - суть их жизни. Поэты никогда не переводятся на нашей земле, дай им Бог здоровья и счастья.

Учитель мордовской школы, зачинатель поэзии, просветитель З.Ф. Дорофеев, обращаясь к «певцу свободы», писал: «Во дни ненастья-непогоды, не зарастут к тебе тропы». И действительно, тропы к А.С. Пушкину становятся всё шире и многолюднее.

Всё громче звучит его слово, всё шире разносится его слава далеко за пределами нашей страны - человека, поэта, изведавшего все те боли и недуги, которые являются неизбежным уделом всякого широко образованного, бесстрашно мыслящего и сильно чувствующего человека. Не раз Пушкин испытывал жгучие минуты скорби, разочарований, отчаяния, глубокой неудовлетворённости собой, мучительной тоски.

Но Пушкин любил свой народ, он им гордился... Как просто и мудро сказал он: «Служить Родине, отдавать ей всё лучшее, на что человек способен, - высшее его назначение».

Эта мысль вылилась в страстный призыв, обращённый поэтом не только к своим современникам, но и к будущим поколениям, к нам, живущим, сегодня:

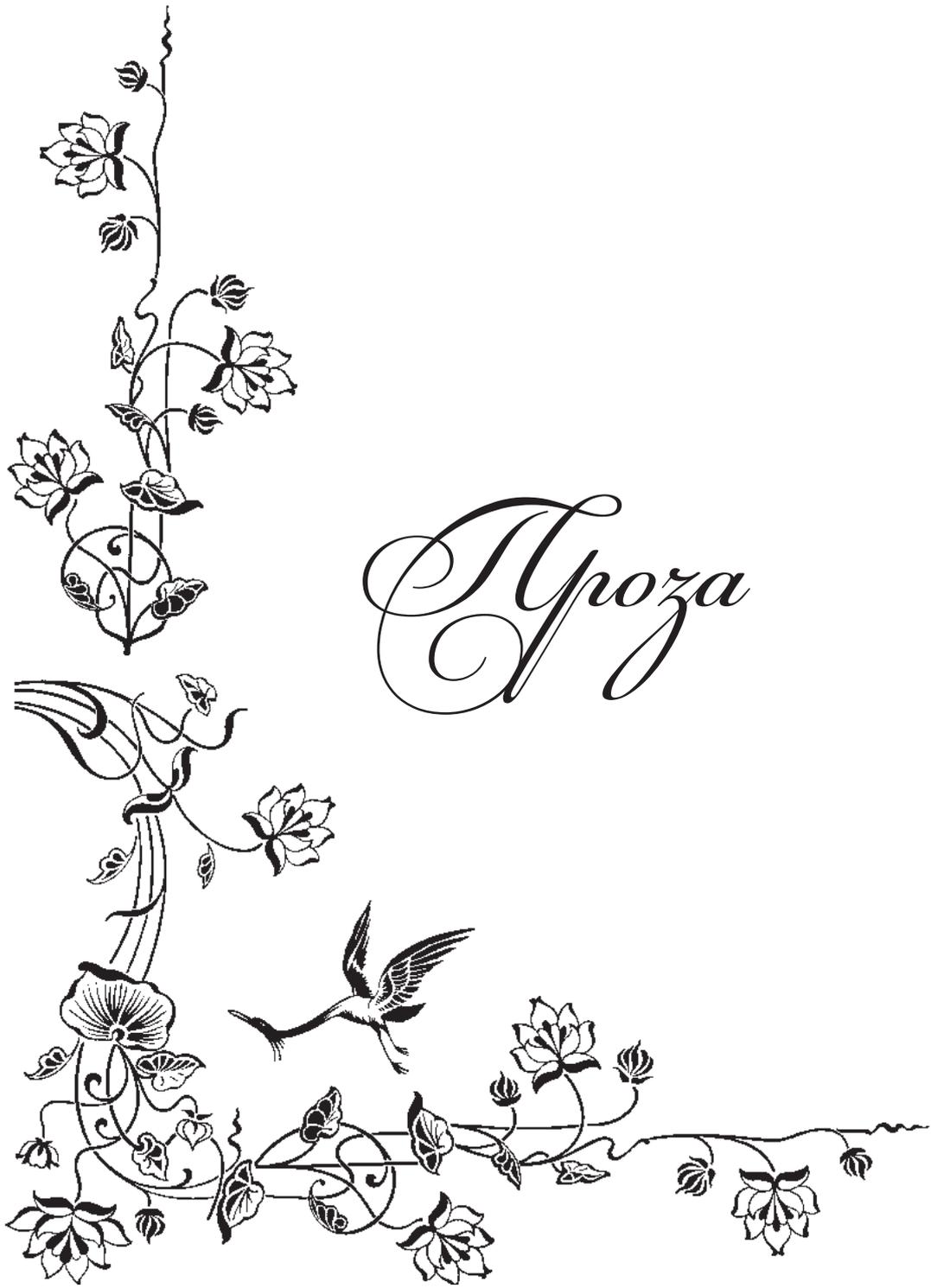
*Мой друг, Отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!*

Международная Федерация русскоязычных писателей, приступая к осуществлению своей программы «Всемирное культурное наследие, фундаментальные ценности и русский язык», взяли прежде всего за увековечение в разных странах памяти нашего величайшего гения.

Столица республики Мордовия Саранск богат памятниками А.С. Пушкину. К 200-летию со дня рождения великого поэта городскому Парку Культуры и Отдыха присвоено имя Пушкина, на Центральной аллее Парка мы видим замечательное панно с изображением поэта, а когда идём к открытой эстрадной площадке, то перед нами высится прекрасный бюст Александру Сергеевичу.

Имя национального поэта носит Республиканская национальная библиотека, новый жилой комплекс в центре столицы, а также ряд населённых пунктов в районах республики. Жители и гости города Саранска подолгу останавливаются у скульптурной композиции скульптура Н. Филатова на фонтанном спуске к Парку.

Стало уже счастливой приметой позвать бронзовую руку поэта.

Proza

ЛЕВ ГОРЯНИН

Каримбек

Маленький, но уютный городок раскинулся у подножья Зеравшанского хребта в Узбекистане – это Китаб. Самые красивые девушки узбечки – это в Китабе. Самые элегантные, искусно вышитые шелком и бисером тюбетейки (1) – это в Китабе. Сюзане (2), равной которой по красоте и индивидуальному вышитому рисунку на фоне черного шелка нет во всей Средней Азии – это в Китабе. Самые вкусные лепешки, осыпанные семенами кунжута – это там же. Самые вкусные азиатские блюда? Все это в Китабе. А климат? Только в этом городе постоянно ощущается нежный ветерок, приносящий прохладу, что позволяет стойко выдерживать особенности жаркого лета. Китаб хоть и является районным центром, но здесь сосредоточилась изюминка всей Средней Азии. Жители этого местечка строго соблюдают законы шариата (3).

Именно в этот город, по служебным делам, приехал Лев. Ему необходимо было посетить гранитный карьер. Директор карьера – Каримбек, солидный, с широкими плечами и такой же талией, располневший, с лоснящимися щеками и пухлыми руками, встретил Льва приветливо. Он вышел из-за стола и двумя руками учтиво пожал протянутую руку Льва. Как полагается истинному мусульманину, Каримбек не задал ни одного вопроса о делах, а тут же усадил гостя на почетное место и пригласил к чаепитию. Секретарь принесла расписанный восточным орнаментом, изумительным по красоте и сочетанию ярких красок, поднос, наполненный сладостями, свежими фруктами, двумя заварными чайниками с ароматным зеленым чаем и известными всей Азии, как национальное достояние – лепешками домашней выпечки.

Каримбек впервые видел Льва, однако расспросил о здоровье всех его родственников и друзей. Также поступил и Лев.

По мере ознакомления с близким окружением одной и другой стороны, заканчивалось чаепитие. Незаметно оба собеседника переш-

ли к обсуждению городских новостей. Как бы между прочим Каримбек поинтересовался целью посещения Львом его «скромного» карьера. Уяснив задачу, в общих чертах, он решил провести совет со своими ответственными работниками для определения их мнения по возникшему вопросу. Здесь можно позавидовать его энергии и быстроте, с какой он организовал это мероприятие. Через считанные минуты стали заходить участники совещания. Первым вошел в кабинет бронзовый от загара, молодой стройный атлет с мускулистыми руками, широкой рельефной грудью, приятно просматривающейся из расстегнутой по пояс рубашки, красавец Гиязджон. И тут же на глазах Льва произошла метаморфоза. Гияз весь сжался, протянув обе руки в приветствии он, непрерывно кланяясь, с заискивающей улыбкой на лице приближался к Каримбеку, произнося:

– Ассалому алайкум, достопочтенный Каримбек-ака, как ваше драгоценное здоровье? Да будут ваши дни радостными и счастливыми. Да обойдут вас стороной все беды. Да будут счастливы ваши дети и жены. Мир вам.

Каримбек небрежно протянул свою руку для рукопожатия и пригласил его сесть.

– Кто этот человек и почему он так подчеркнуто уважительно относится к вам? – спросил Лев шепотом.

– Это мой младший родной брат Гиязджон-ука.

– Он очень внимательный.

– Да, у него хороший характер. Все мы его любим, и он отвечает нам тем же.

Затем подошли средние братья, и все повторилось сначала. Оказалось, что с Каримбеком работают четыре брата. Сам Каримбек – старший и поэтому пользуется особой любовью, почтением и непререкаемым авторитетом. Он не только глава своей семьи, но и глава семей братьев. Никакое дело не может быть начато без его одобрения.

На «совете» говорил один Каримбек-ака, а братья, в знак согласия, кивали головами,

Золотое Слово-7

держа правую руку у сердца. Совещание, если эту встречу можно так назвать, закончилось. Выходили все из кабинета лицом к Каримбеку, пятясь задом к двери, благодарили его за приглашение и беспрерывно кланялись.

После совещания, не трата времени даром, Каримбек с гостем выехал в карьер. Осмотр карьера занял время до обеда. Затем Каримбек, как радушный хозяин, пригласил Льва к себе в дом.

– В гостинице не уютно. Нет смысла там ночевать, если есть прекрасный дом. Отдохнете, Лев-джон (4), в моем доме. Заодно расскажете о жизни в нашем, всеми уважаемом, Ташкенте – средоточии ума и хороших людей. Я редко приезжаю туда. Но всегда, когда Аллах благоволит мне в этом, я выезжаю в город и люблюсь местными базарами. Ах, какие базары, сколько фруктов, какой выбор курдючных баранов, какие там выносливые ишаки! А улицы – все ровные с красивыми зданиями. Но много шума. Я быстро устаю.

Это можно было слушать бесконечно долго. Вот и внушительный дом Каримбека. Впрочем, самого дома почти не видно. Он оказался внутри большого сада, заросшего фруктовыми деревьями, который был огорожен глинобитным дувалом (5), высотой более двух метров.

Войдя во двор через узкую калитку, Лев, после знойной улицы, очутился в раю. Во дворе важно ходили павлины, изредка распуская во всю свою красу хвост пред павами. На крупных ветвях деревьев, на уровне роста человека, висели птичьи клетки. В каждой из них сидела бедана (6). На все лады слышен был их бесконечный речитатив – «спать пора, спать пора...». Все дорожки чисто подметены и политы. Ни одного запущенного в саду уголка. Вдоль дорожек – цветы. В клумбах красовались розы многообразных оттенков. Их ароматом был напоен фруктовый сад. Виноград спелыми гроздьями висел, почти касаясь головы. Все благоухало и манило к себе. Великолепный сад с искусно продуманным и выполненным дизайном. Во всем видна заботливая рука, но чья? Хозяин свободное время проводил либо в гостях, либо в чайхане, развалившись на айване и, попивая ароматный чай с друзьями. Ему не до занятий в саду, им он только любовался.

Каримбек пригласил Льва в дом. Было такое впечатление, что он необитаем. Во всех комнатах стояла полная тишина. После их осмотра, прошли в зал.

– Я вам показал только одну половину дома, – сказал он после подробного ознакомления с интерьером доступных комнат, – во вторую – женскую, вам, сами понимаете, войти нельзя.

Зал был просторным. На стенах и земляном полу находились ковры ручной работы. В стенных нишах зала лежали стопками одеяла и подушки, в кухонной нише – более сотни пиал и заварных чайников для гостей. Как правило, на семейное торжество хозяин приглашает свою многочисленную родню и всех соседей из ближайшего окружения (махаллю). Так что имеющийся запас чайных принадлежностей обычно задействуется полностью.

В центре зала стоял столик на низких ножках, который обычно устанавливают над сандалом, в углу – телевизор с большим экраном. Привычной мебели не было.

– Пойдемте, Лев-джон, в сад, полюбуемся розами, – осторожно предложил Каримбек.

Он с большим наслаждением показывал всевозможные сорта роз, одновременно давая о них полную информацию, вплоть до того – когда и кем они были выведены. Запах роз разных сортов был божественным и неповторимым. Было ясно, что эти цветы – его гордость. Знал он о них все.

После получасовой беседы в саду Лев с хозяином вновь вошли в зал. Здесь уже поработали невидимые руки. Целый букет ароматических запахов зры, кинзы, райхона и многих других специй, перемешанный с запахом прожаренной баранины витал в воздухе и вызывал бешеный аппетит. Эти ароматы источала машхурда (7), стоявшая на столе в больших суповых кассах (8). На блюде были разложены разломанные на куски лепешки. Каримбек обратился к Аллаху, прочел молитву и провел ладонями по лицу. Приступили к еде. Пища была вкусная с острой приправой и таяла во рту. Шел непринужденный разговор.

После первого блюда хозяин вновь пригласил гостя в сад. Ночь накрыла своим покрывалом город. На темном небосводе ярко светились густо разбросанные звезды. Думалось о вечном. Четко выделялась Полярная

Золотое Слово-7

звезда, указывая путь в далекую Россию. Хотелось, как можно дольше наслаждаться видом бесконечного неба.

Каримбек понял настроение Льва и не задавал вопросов. Наконец он не выдержал – бережно дотронулся до его локтя.

– Теперь прошу отведать наш чай.

Каримбек был – сама вежливость. Только в эту минуту Лев почувствовал, как все горит во рту, и организм просто требует горячего чая. Вот почему этот напиток является постоянным и незаменимым спутником мусульман.

Как и в предыдущий раз, стол был тщательно убран, на нем стояло лишь то, что необходимо для чаепития. Похоже, что это делается по мановению волшебника, тайно находящегося в этом доме.

Хозяин чуть на доньшко налил чай в пиалу и, постукивая по ней ногтем пальца, чтобы привлечь внимание Льва, предложил ему его попробовать. Он был горячим крепким и прозрачным, с плавающими чайнками.

– Хороший чай, с добрым гостем, – сказал Каримбек, глядя Льву в глаза и показывая чайнику в пиале, – это верная примета, когда чайника, в присутствии гостя принимает в чае вертикальное положение.

Пили его Каримбек и Лев с большим наслаждением. Оба покраснелись. Оживленный разговор сменялся длительным молчанием. Обоим было легко и спокойно на душе. Каримбек улыбался, наслаждаясь своим положением хозяина в доме.

– После такого чая сам Всевышний велел прогуляться по свежему воздуху, – произнес Каримбек.

Вышли. Ближние к крыльцу кусты цветов оказались синими – это «ночная красавица» раскрыла свои бутоны, которые закрывает во время жаркого дня. Среди цветов нагулялись вдоволь.

– Вы не возражаете, если мы войдем в дом и приготовимся ко сну?

Лев не возражал. Зашли в зал. Здесь уже был убран стол и в углу, прямо на ковре, приготовлены два постельных места.

Каримбек включил телевизор, сел на ковер, на мусульманский манер свернул ноги калачиком и замер в ожидании. Началась мультипликационная детская передача. Судя

по тому, с каким удовольствием смотрел ее Каримбек, можно было предположить, что он эту передачу ждал с нетерпением.

Лев увидел, как входная дверь чуть открылась и образовалась маленькая щель. Через минуту она была заполнена головками детей. Все они, время от времени, менялись местами. Сосчитать их было невозможно.

– Каримбек-ака, думаю можно разрешить детям смотреть в зале телевизор вместе с нами, – предложил Лев.

– Нельзя. Шариат запрещает.

Он тут же строго взглянул в приоткрытую дверную щель. Детвора мгновенно исчезла. Через малый промежуток времени все повторилось. Больше Каримбек не делал попыток отогнать детей от двери.

Утро. Лев проснулся, но неудобно вставать, когда хозяин спит. Можно ненароком разбудить его. Каримбек, раскинувшись на постели, негромко посапывая, спокойно отдавался сну. Выражение его лица излучало доброту.

Скрипнула дверь. В щель просунулась маленькая головка ребенка, но сразу исчезла, встретившись взглядом со Львом.

Хозяин проснулся, потянулся и с удовольствием цокнул языком. Дверь мгновенно приоткрылась. Не медля, будто ждал этого сигнала, забежал его маленький сын с брюками на вытянутых руках. Не успел Каримбек их надеть, как другой сын вручил ему постиранную и выглаженную рубашку, ту самую, вчерашнюю, в которой он посетил карьер. Когда и кто успел привести ее в порядок? Третий сын нес ичиги (9). Так, опережая друг друга, сыновья Каримбека быстро одели своего отца. Вероятно, каждый четко знал свои обязанности и выполнял их привычно и беспрекословно. Лев с Каримбеком вышли в сад для утренних процедур, предварительно взяв чистые полотенца, так же принесенные его сыновьями.

– Сколько же у вас детей, уважаемый Каримбек? – спросил Лев.

– Точно не знаю. Ведь у меня три жены. Но можно подсчитать. Что-то около двенадцати, – ответил он, – они все добрые и трудолюбивые. А старшей дочери уже одиннадцать лет. Нужно искать жениха. Она у меня красавица.

«При таком количестве детей не слы-

шать в доме их голосов – это нонсенс», – размышлял Лев.

Зашли в зал. От постелей не осталось и следа. В центре комнаты стоял знакомый столик, накрытый чистой скатертью.

Заварной чайник с горячим крепким чаем, разломанная на куски лепешка, всевозможные фрукты и сладости, ожидали Каримбека и гостя...

Выпив чай, сердечно поблагодарив хозяина за оказанный прием, Лев вышел на улицу. Было малоллюдно. Попадались навстречу почти одни женщины в парандже. Мелкими шажками они быстро шли, пытаясь избежать встреч с мужчинами. Изредка проезжали старики на своих ишаках. Они спешили, до жары, попасть на воскресный базар.

В автобусе, ехавшем в Самарканд, Лев еще раз прокрутил в памяти встречу с Каримбеком. Интересная и поучительная была встреча. Лев уезжал из города Китаба с неосознанно тяжелым чувством.

(1) Национальный головной убор (узб.).

(2) Настенное украшение, вышитое узорами (узб.).

(3) Свод религиозных, юридических, бытовых правил, основанных на Коране (узб.).

(4) Джон – уважительная приставка к имени (узб.).

(5) Глиняный забор (узб.).

(6) Перепелка (узб.).

(7) Суп с прожаренной бараниной, рисом, машем (разновидность азиатской фасоли) и специями (узб.).

(8) Большая пиала – емкость для жидких блюд (узб.).

(9) Мягкие высокие кожаные сапожки (узб.).

Рыбалка

Лето и осень – потрясающее время в средней полосе России. В знойные дни вырывает жителей города река с заманчивым пляжем или лес, с прекрасными лужайками на опушке. Хорошо проводить там свободные часы со всем семейством. Ну, а осень красна своими нарядами. Каждое дерево одевается в свой цвет. Глаз радуется, глядя на эту пеструю красоту. Среди отдыхающих часто можно встретить художника с неразлучным мольбертом. Осень – грибная пора. Даров природы в это время – несметное количество.

Затрещал мотоцикл – это Сергей со Львом выехали по грибы. На скорости, от сильного ветра трепещут волосы, раздуваются щеки. По сторонам дороги проносятся бесконечный могучий сосновый бор. Он с безразличием провожает нежданных гостей, лениво шевеля своими вершинами. Бор плавно переходит в лиственный лес. Остановились на широкой поляне. Настроение приподнятое.

– Вот отсюда и начнем прочесывать лес. Ты хоть отличишь съедобный гриб от поганки? – добродушно спросил Сергей.

– Книгу полистал, но собирать их не приходилось.

– Срезай все, что похоже на гриб, перед возвращением домой я пересортирую.

Находясь на расстоянии 10-15 шагов от Льва, он часто кричал другу:

– Осторожнее, не наступи на гриб, он рядом с твоей ногой!

И верно, гриб с твердой шляпкой оказался у ног неопытного грибника. Как его увидел Сергей, будучи на большом расстоянии от него – это загадка.

Лев не успел углубиться в лес, как вновь услышал крик:

– Бог ты мой! Нашел семейство боровиков! Редкая находка! Присоединяйся ко мне!

Это было неожиданно. За считанные минуты корзина была полной. Среди всех грибов выделялся один своим размером. Его шляпка была величиной более тридцати сантиметров. Говорят, что такой величины гриб – несъедобный. Но какой грибник выбросит эту драгоценность, коли он, боровичок, ядреный и не червивый? Зная толк в грибах, Сер-

Золотое Слово-7

гей не только срезал их, не повредив грибницу, но еще оставлял нетронутыми несколько маленьких деток. Ехали домой торжественно. Лев сидел в люльке мотоцикла и, чтобы не поранить гриб, держал его перед собой за ножку, плотно обхватив обеими руками. Каково было удивление друзей, когда через несколько дней, под тем же деревом, они обнаружили такое же количество грибов и среди них – белый великан точь-в-точь, равный по величине предыдущему. Друзья от нетерпения не могли дождаться следующей поездки. К их радости эта грибница подарила им четыре раза полную корзину боровиков и, как на заказ, в каждом случае – по одному белому великану. Все четыре раза Лев гордо вез гриб в коляске, осторожно придерживая его руками. В местной газете появилась заметка о том, что один чудак, каждый день, сидя в коляске мотоцикла, демонстрировал жителям города гриб неизмеримой величины.

Компания друзей вместе с Сергеем и Львом часто выезжает на ночную рыбалку. Благо, Великая река Волга и Жигулевское море – под боком. Рыбу они ловят в устье маленькой речушки, впадающей в Волгу. Места эти давно освоены и застолблены. Перед закатом солнца рыбаки проходят с сетью небольшой берег реки и возвращаются со значительным уловом. Так все повторилось и в этот раз. Компания собралась веселая, опыта им было не занимать. Каждый знал свои обязанности. Лев не любил рыбную ловлю, но с удовольствием устанавливал палатку, находил в лесу валежник и разжигал костер. Все это он выполнял, пока ребята ловили рыбу. Друзья появились с хорошим уловом. Все спешно взялись за приготовление ухи. Руководил ими Сергей. Он на все руки мастер.

Вот и котелок с необходимыми компонентами для ухи нежно охватывается со всех сторон языками пламени костра. Сергей мастерски готовил двойную наваристую уху из «сорной» и «благородной» рыбы. Запах черного перца, специй и вареной рыбы распространился по побережью.

В ожидании ее готовности Сергей рассказывает байки о рыбалке. Удивляло его умение сочинять невероятные случаи, произошедшие, якобы, с ним на рыбалке. Здесь невозможно отличить правду от вымысла. И все

же, его рассказы всем были по душе. С ним весело. Под одобрительный хохот слушателей, Сергей входил в раж и из его уст непрерывно «выливались» захватывающие истории.

Лев отошел от костра и залюбовался видом на реку. Смотреть на огонь, воду и лес человек может бесконечно долго, находя только им увиденные образы чудесной гармонии сполохов огня, бесконечно меняющийся цвет воды или непоколебимое могущество уходящего вдаль леса. Спокойная в ночи гладь воды была загадочна. Луна проложила по поверхности Волги серебряную дорожку, уходящую в неизвестность. Волны накатывались на берег, шелестели, рассказывая друг другу о трудностях судьбы и небывалых приключениях, случившихся с ними по пути движения. Вода завораживала и приглашала в свои объятия. Уха готова и зов друзей прервал поток его приятных мыслей.

– Сергей, а не пора ли приобщить Льва к такому замечательному увлечению, как рыбалка? Он что-то среди нас выглядит белой вороной, – произнес один из рыбаков.

Сергей задумался.

– Ну что ж, стоит только один раз прийти домой с богатым уловом, как он на всю жизнь делается фанатиком рыбалки. Я это обязательство беру на себя. Сегодня он попробует настоящую уху, думаю, что надолго запомнит ее вкус, а на неделе выберем по погодным условиям хороший день, и в нашей компании прибавится еще один рыбак. Лев, ты согласен с предложением?

Гость улыбнулся наивной уверенности рыбака.

– Что ж, попробуй, Сережа. Только, сидеть на берегу с удочкой и ждать, когда же, наконец, клюнет на приманку рыба – это сверх моих сил.

Неделя прошла незаметно. Зазвонил домашний телефон.

– Лев, завтра в шесть утра приходи на пристань, спиннинги и все снаряжение я беру на двоих, – это был голос Сергея.

Ясно, он морально взял на себя ответственность из друга сделать достойного рыбака и приступил к исполнению своего обязательства перед друзьями.

Без особого энтузиазма, но в ожидании чуда, Лев ехал на автобусе до пристани. Взгляд

Золотое Слово-7

его приковывался величавым сосновым бором. Он отвлекал будущего рыбака от предстоящего эксперимента. Дыхание могучей реки, показавшейся из-за поворота, настроило Льва на мажорный лад. К пристани Лев бежал легко. Сергей был на месте. Как истинный рыболов, он пришел значительно раньше срока. Видно, большое было желание приобщить Льва к рыбалке.

– Лодку я выбрал. Размеры ее такие, что не качнется на волнах, когда будем работать спиннингами. Грести придется вдвоем – одному не осилить. Только беда, якоря нет, благо, цепь от него сохранилась и лежит в лодке. Держи снаряжение, а я постараюсь найти что-нибудь тяжелое из металла.

Сергей был серьезен. Но чувствовалось волнение. Можно было подумать, что он готовил космический корабль для покорения Вселенной.

Лев взял в руки рыбацкие снасти, присел на отлогом берегу и засмотрелся на широкий волжский разлив, называвшийся Жигулевским морем. Вода спокойная. Над горизонтом появилось солнце. Все вокруг окрасилось в радужный цвет. Погода, как сказал бы Сергей, была – на заказ. Появилось желание поскорее доплыть до того тайного места, где рыба ходит косяками. Ранее, никогда не ощущаемый рыбацкий зуд, неожиданно дал о себе знать. Привлекало обещание друга наловить целый шарaban рыбы. В мыслях Лев был уже далеко от берега.

Показался Сергей с обрезком металлической трубы. Нес он ее тяжело. Лев, чтобы не быть обузой и, хоть в чем-то проявить участие, подбежал к нему. Вместе они затащили трубу в лодку и привязали ее к якорной цепи. Выбрали самые широкие и тяжелые весла. Лев занял место в лодке. Сняв с цепи посудину, Сергей лихо разогнал ее по воде, сам тут же перепрыгнул через борт и сел за весла. Улыбнулся.

Надо сказать, что Сергей – один из самых настоящих рыбаков. Он точно находит места лова рыбы. Такое ощущение, что туда, где он появляется, устремляется вся живность, находящаяся в реке. Предвкушая успешную рыбалку, Сергей мурлыкал свою любимую бесконечную песню.

Гребли дружно. Каждый работал своим

веслом, обхватив его двумя руками. Плыли долго. Лодка значительно удалилась от берега. Силуэты людей на пристани стали сливаться с пейзажем. Место рыбалки Сергей определял только по известным ему пересечениям линий, проходящим через вершины выступающих Жигулевских гор на одном берегу Волги и высоким соснам – на другом. Плыли, несколько раз меняя направление движения. Спина ныла от непривычной работы, но «охота пуще неволи». Продвигались к заветному месту не очень быстро. Прошел пассажирский пароход к шлюзам. Лодку не отбросило в сторону, а лишь немного качнуло волной. «Устойчивая, – убедился Лев, – не зря Сергей так долго выбирал ее. С такой лодки, действительно, легко двум рыбакам, стоя, закидывать спиннинги. Похоже, что рыбалка будет удачной».

– Здесь! – неожиданно твердо объявил он.

– Сергей, ты уверен, что это то место, ради которого мы так долго гребли? Здесь обитает твое несметное рыбное богатство?

– Иронизируешь? Напрасно! Здесь рыба стоит нетронутая. Опускай в воду якорь. Готовь спиннинги, я научу тебя правильно ими пользоваться.

Сергей ликовал. Услышав эти слова, Лев почувствовал, как похолодела спина.

– Сережа, ты уж извини меня, но спиннинги остались на берегу. Когда я решил помочь тебе нести для якоря трубу, рыболовную снасть я прислонил к дереву, а позже и не вспомнил о ней.

– Не объясняй! Я все понял!

Лицо Сергея изменило свое обычное выражение: челюсть отвисла, глаза чуть не вылезли из орбит, руки потянулись к тяжелому веслу. То, что могло произойти в следующую секунду Лев, уже в красках представил. И здесь прозвучал шквал крутых выражений, цель которых была убить Льва, задушить, утопить, уничтожить, стереть с лица земли...

Затем Сергей как-то обмяк, ссутулился и тихо сел на банку. Через минуту разразился громкий хохот. Смеялся Сергей от души, хватаясь за живот и вытирая рукавом рубашки бегущие слезы. Лев не выдержал и чуть слышно рассмеялся. Затем оба хохотали в полную силу легких. Вероятно, рыбам никогда не попадались такие веселые рыболовы. Слева и справа

Золотое Слово-7

от лодки косяк рыб плескался, дразня друзей, а может быть, и насмеялся над их неудачей.

Назад плыли молча. Выйдя на берег, Сергей сказал:

– Не получится из тебя рыбак, Лев, во всяком случае, я не берусь тебя обучать. И все же, не зря мы выехали на Волгу. У меня на одну рыбацкую байку в запасе стало больше.

Вопреки желанию друзей, Лев так и не стал увлеченным рыбаком.

Встреча с прекрасным

День рождения. В зале друзья дочери. Гремит музыка. Молодежь танцует под ритмы Африки. Неисчерпаемая энергия, поддерживаемая четкими звуками ударных инструментов, заполняет все вокруг. И ты, поневоле, окунаешься в них, прикасаешься к необъятному источнику веселья, чувствуешь пульс современной жизни. Ты ощущаешь себя уже помолодевшим, подтянутым, чуть возбужденным и нелишним на празднике. В другое время эта какофония раздражала бы, а сейчас, нет. Все по душе! Нравится, когда звучной музыкой заполняются комнаты, когда просто хорошее настроение и видишь, как ликует молодежь. И совсем неважно, что вся задорная мелодия - это две, три ноты и ритмичная дробь ударников. Главное, что ты в окружении улыбок, юных голосов, страстных восклицаний, веселья, шуток, громкого смеха.

По углам комнаты разговоры в полный голос - стараются перекричать общий гомон. У одной стены зала стоит сервированный стол. Фуршет. И слово-то, ныне, придумали - иностранное. Каждый подходит к столу, берет все, что душе угодно и отходит в сторонку. А то вовсе просто - наливает себе вино, либо какой другой напиток в бокал и, в одиночестве, не ожидая друзей, выпивает. Музыка сменяется на твист. Часть гостей энергично задвигались в танце, изгибаясь, и выполняя ногами, всевозможные пируэты. Зазвучала мелодия латиноамериканских бальных танцев: самба, ча-ча-ча, румба, пасодобль, джайв. Одна мелодия сменяет другую.

Соревноваться здесь, с молодежью, бесполезно. Уходишь в угол и любишься их не-

угомонной энергией, стройными, гармоничными телами, их подвижностью, полной непринужденностью. Все так, все как у людей. И все же, в наши времена, кажется, не так веселились, да и фуршетов не было. Все сидели за одним столом, одной дружной компанией, пели песни, и было радостно, празднично. Начинаются воспоминания. Память переносит тебя в давно ушедшие годы...

И вдруг, сквозь установившийся гвалт и шум прорывается чудесная, наполненная лиризмом, необычная, совершенно в другом ключе, музыка, как говорят, «не из той оперы». Как по команде, все замолкают. Смотрю я, на эти разгоряченные лица, которые еще минуту назад неистовствовали в танце, так, что сквозь шум и топот ног слова собеседника, сидящего рядом, были не слышны и делаю для себя открытие: оказывается, молодые тонко реагируют на прекрасное. Совсем им не чужд и русский романс, и русские народные песни. Стоило лишь услышать возвышенные, берущие за сердце, стихи, в сопровождении душевной музыки - все внезапно поменялось. Куда делась бесшабашность, удалство. Лица у всех стали серьезными. Они слушают так, будто все, о чем с такой болью поется, случилось именно с ними.

- Что за музыка, Аннушка, чьи стихи? - спрашиваю я у супруги.

- Романс, неужто, не узнаешь?

- Потрясающий текст, так и хватает за душу.

- Это «Метель». Слышала его слишком давно, чтобы припомнить, кто написал эти прекрасные, чарующие стихи с изумительными, проникновенными словами.

- Вспоминай, дорогая, вспоминай. Теперь и меня этот романс весьма заинтересовал.

- Странно, не могу припомнить, однако, когда-то знала, это точно, - в задумчивости произнесла она.

А из проигрывателя продолжает звучать:

Кругом метель,

как в странном сне,

А в сердце лед и снег

стучит холодный.

Золотое Слово-7

- Слушай, Сергей, я разрываюсь в догадках. Больше склоняюсь к тому, что это произведение старинное. Современные поэты не пишут романсы.

- Не мучайся, спроси у дочери, уж она-то точно скажет.

Через минуту супруга с удивлением общается:

- Автор - Раевский. Знаю такого. Помню. Читала я его шедевры. Стихи, написанные им - дар Божий.

- А имя, отчество?

- Не могу сказать. Известны одни инициалы: Е. П...

- Фамилия у него старинная, знаменитая. Даже, быть может, он предок того Раевского, которого описал Толстой в романе «Война и мир». Помнишь эпизод, когда Пьер случайно забрел на его батарею?

А стихи продолжают раздаваться в абсолютной тишине. Все слушают с неподдельным вниманием:

*Прощай, любовь, как трудно мне,
Как трудно мне теперь в степи
свободной;*

- Ты только вдумайся в суть слов романа. Они отдаются болью в самом сердце. Но, несмотря на их драматизм, стихи очаровывают своей глубиной, проникновенностью. Сейчас, слыша их, даже ощущаю, как у меня душа трепещет. Ничего подобного я давно не испытывала. Представляешь, какая драма, вероятно, обрушилась на самого автора. Эти стихи написаны не иначе как в порыве глубинного эмоционального стресса. Такие возвышенные, чувственные вирши в ином состоянии не написать.

- В отношении «драмы» я с тобой не согласен. Ты слушаешь произведение настоя-

щего поэта. Он пропускает стихи через свою душу и нам кажется, будто все это случилось с ним. Это дано только великому русскому поэту.

Следующее двестишь потрясло уже всех:

*Скажи, судьба, ответь, судьба,
За что караешь ты любовь
земную?*

И, наконец, последний драматический аккорд со словами, прозвучал, как разорвавшаяся бомба:

*Прощай, моя любовь,
Прощай навек!*

Все замерли. Молчание полное. Каждый ощущает чужую боль по-своему.

Через минуту, все продолжили свои подвижные танцы.

- Ты как-то говорил, что нынешняя молодежь потеряла отзывчивость, сострадание. А что скажешь теперь?

- Я ошибался.

- Да, стоило зазвучать настоящему романсу - и все, вмиг, сделались другими, я бы сказала, сентиментальными, глубоко сопереживающими людьми.

Уже много позже, я познакомился с выдающимся, талантливым, одаренным поэтом, лирические стихи которого так волнуют душу, что, порою, невольно, наворачиваются на глазах слезы. Низкий поклон истинно русскому, задушевному поэту, нашему современнику - Евгению Павловичу, достойному потомку плеяды прославленных дворян Раевских, вновь возродившему настоящую, чувственную лирику русского романса и, к общему счастью, не только романса...

ВЛАДИМИР КИРИЛЛОВ

Фразы

Вдвоём пролезть через игольное ушко ещё сложнее.

Политика, женщины и смысл жизни требуют хорошей порции водки.

По-настоящему любить может только тот, кто уже ни на что не способен и тот, кто ещё на что-то способен.

К счастью, не из всех обезьян труд сделал человека.

Аист только приносит детей, но тоже не знает, откуда они берутся.

Смысл жизни не в том, чтобы искать смысл жизни, а в том, чтобы его найти.

От бесплатной медицины сегодня осталось только самолечение.

Если словарь более-менее может объяснить значение слова, то он ещё не обязательно толковый.

Если ты уже не заяц, то это не значит, что ты уже тигр.

Смешно получить срок за нарушение закона отрицания отрицания.

Нужно ли пытаться образовать множественное число от слова одиночество.

Гораздо проще жить в стране, где только один человек может сказать: «Государство — это я».

Чем дешевле сыр, тем надёжней мышеловка.

Только умный солдат не мечтает стать генералом.

Если седина в голову, бес в ребро, то уже точно не до женщин.

Коррупция — это не когда берут, а когда не могут не взять.

Шрамы редко украшают мужчину, гораздо чаще они его портят.

Интересно, сову сделали символом мудрости, потому что она днём спит, ночью бодрствует и смотрит на мир широко раскрытыми круглыми глазами?

Говорить не думая не хуже чем думая не говорить.

Чистая, как слеза, ещё не значит — дистиллированная.

Любишь с горочки кататься или не любишь, а саночки всё равно таскать придётся.

Если мужчина говорит «нет», то это не настоящий мужчина, а если женщина говорит «нет», то это настоящая женщина.

Женщина похожа на Чёрную дыру, она также поглощает материю и переводит её в энергию.

С острова Ява питекантропы распространились по всей территории Земного шара, но так до сих пор и остаются тупиковой ветвью.

Интересно, куда смотрел тот человек, которому впервые пришла в голову мысль о венце творения.

Всё человечество делится на физиков и лириков, но первые, в свою очередь, подразделяются на механиков, оптиков, акустиков, ядерщиков и тому подобное.

Не задумываясь, безопасней отвечать: нет.

Золотое Слово-7

Много – никогда не бывает мало, а мало – можно не уточнять.
часто бывает много.

Если тигр улыбается, то это не значит, что уже позволено смеяться.

Когда последний становится первым – это эволюция, а когда первый становится последним – революция.

Поровну – далеко не всегда пополам.

Какая самая неприспособленная для жизни страна? Неправильно!

Теперь не только дураками и дорогами может гордиться Россия: у нас ещё самая лучшая в мире коррупция.

Все наши беды происходят оттого, что у них Иисуса Христа в тридцать три года уже распяли, а у нас Илья Муромец в этом возрасте только с печи поднялся.

Невесомость – это когда или ты ничего не вешишь, или окружающее ничего не весит.

Если хочешь дотянуться до небес, выпей успокоительное. Если всё равно желание не проходит, тогда тянись.

И где найти ту мышеловку, в которой бесплатный сыр.

«Нет» от «да» часто отличается только интонацией.

Только до знакомства с липкой лентой мухи бывают ловкими, быстрыми и бесстрашными.

Жизнь, к сожалению, имеет только один вход и сколько угодно выходов.

- Мы встречались? Где? Когда?.. Я понял,

можно не уточнять.
У гениев не бывает предшественников, только последователи.

Обнажённая – ещё не обязательно голая.

Все знают, что дважды два – четыре, но мало кто догадывается почему.

Честь и совесть всегда говорят на разных языках.

Эротика – это те же фрукты из папье-маше.

Если во сне совершил недостойный поступок, то должен ли испытывать угрызения совести?

Любовь к Родине и любовь к женщине приводят к аналогичным последствиям.

Даже занимаясь рукоблудием, представители власти должны фантазировать о народе.

Писатель – это человек, рискнувший непровержимые истины выдавать за собственные мысли, а журналист – это писатель, который за день до рождения ребёнка знает его рост, вес и пол.

Лучшее убеждение – это отсутствие всяких убеждений.

Никогда так много не даёшь, как давая обещания.

Зачем спешить, если раньше, чем мы доберёмся до места назначения, мы всё равно там не окажемся?

Понимать, что не понимаешь – это уже понимание.

Рассказы, написанные левой рукой

Товарищи

«Гусь свинье не товарищ», - подумала свинья, поднимаясь со случайно подвернувшегося гуся.

Кошка и скауты

Знает ли кошка, чьё мясо съела, долго и упорно выясняли голодные скауты.

Парашютист

«Пустая бочка звонче гремит», - сделал для себя ещё одно открытие парашютист.

Тарелочка

«Видно птицу по полёту», - возгордилась стендовая тарелочка и разлетелась на мелкие кусочки.

Грузчик

Грузчик никак не мог понять: то ли работает грузчиком, потому что плечи широкие, то ли плечи широкие, потому что грузчиком работает.

Туча

Сначала я не обратил на неё никакого внимания. Туча как туча, разве что одна на чистом осеннем небе, да ещё расположена строго над моей головой. И только через какое-то время почувствовал некоторое беспокойство. Дело в том, что куда бы я ни шёл, туча передвигалась в том же направлении и оказывалась прямо надо мной. Надо же, какие глупости иногда лезут в голову! Я спустился в метро и по делам поехал на другой конец города. Но, поднявшись на поверхность и мимоходом взглянув на небо, обнаружил свою старую знакомую. Она даже не удосужилась поменять форму. Усмехнувшись, я прошёл пару остановок

пешком и заглянул в кафе перекусить. Выйдя на улицу, я вновь убедился, что туча ждёт меня, только она стала чуть-чуть больше (или это оптический обман) и приняла несколько угрожающий вид. Тогда, как будто уходя от слезки, я принялся постоянно менять направление движения и даже заскакать в подворотни и магазинчики. Туча не унималась. Она преследовала меня, как заправский филер, но становилась всё более грозной и опускалась ниже и ниже. Через несколько часов она уже серьёзно действовала мне на нервы. Я уже не в силах был оторвать от неё взгляд и в результате постоянно натёкался на прохожих и естественные препятствия. И в тот самый момент, когда я уже почувствовал шестым чувством, что туча готова обрушиться на меня всей своей громадной безудержной массой, подул сильный ветер и унёс мою преследовательницу куда-то на запад.

Звезда

Она первой появилась на небе, почти над самым горизонтом. Маленькая и тусклая на чернильной поверхности. Я сразу же понял, что это моя звезда и пошёл по направлению к ней. Я шёл вперёд, а она становилась всё больше и ярче. Вокруг уже почти ничего не было видно, на небосводе загорались новые звёздочки, но моя оставалась самой желанной и красивой. Я уже не сомневался, что, подойдя ближе, обязательно достану свою звезду, потому что она последнее из того, что у меня осталось.

Воздушный шарик

Накачали шарик газом, а он вырвался из рук и улетел. Поднимается всё выше и выше, радуется: никто в небе его не тронет. Да не тут-то было, нарвался на голубя. В результате и шарик в лохмотья, и памятник хорошему человеку испачкан.

Экспресс

Экспресс так гордился собой, что однажды не вписался в поворот и сошёл с рельсов. Теперь он таскает вагон с ремонтниками, осторожничает и ругает технический прогресс.

Громкоговоритель говорил всегда зычно, чётко, басовито, но произносил-то он чужие слова. Даже не произносил, а элементарно ретранслировал. И ему это надоело. Не сразу, не вскоре, а со временем.

Он встал в позу. Он решил не повторять больше всякие глупости, а доводить до народа только умные философские мысли. Но словарного то запаса громкоговорителю для полнокровных полезных речей явно не хватало, наверное, потому, что пользовались им, как правило, люди малограмотные и ораторы. Поэтому громкоговоритель похрипел, посипел, посвистел, да и замолк. Так и молчит теперь, как его не тряс.

Учебник

Учебник считал себя самым умным, умнее даже, чем его авторы-составители. И очень неохотно делился своими знаниями, пытаясь спрятаться то на полке между книгами, то завалиться под кровать, то потеряться в сумке. Он гордился тем, что был толстым, тяжёлым и трудно перелистываемым (по крайней мере, он так считал). Когда его не трогали, учебник размышлял о высоких материях, на основе содержащейся в нём информации, и постоянно самосовершенствовался. Какого же было его разочарование, когда он узнал благодаря пометкам на полях, которые всегда так его коробили и задевали за живое, что научная теория, составлявшая кровь и плоть его существования, объявлена ложной, буржуазной и мракобесной! А ведь он даже и не подозревал, каким унижениям и гонениям будет впоследствии подвергнут. Так и окончил учебник свои дни, поддерживая жидкий огонь в печурке, подставляя первосортную бумагу под жирную селёдку или того хуже, служа гигиеническим материалом в общей уборной коммунальной квартиры. Впрочем, сия участь постигает многих, кто считает себя самым умным.

Мыло

Мыло с удовольствием выполняло свою работу. В меру сил и способностей боролось с грязью и микробами. Не устраивало мыло только то, что оно быстро пошло по рукам и постепенно худело и уменьшалось в объёме. Мыло мечтало жить долго и счастливо и предпринимало для этого кое-какие шаги, к примеру, выскользывало из рук и пряталось под раковиной. Лютой ненавистью ненавидело мыло мочалку, которая без зазрения совести драла с него несколько шкур за один приём. А потом остался один обмылок. Он долго валялся на полочке, всеми забытый и никому не нужный. Он высох и растрескался, и казалось, что полностью смирился со своей участью. Но когда мимо него проносили мочалку, обмылок вздрагивал и сжимался.

Спина

Спина прошла долгий и трудный путь, но никогда, ни перед кем даже чуть-чуть не сгибалась. Спина стала тренированной, накачанной и прямой. Она гордо носила на себе широкие плечи, тяготы и заботы. И ни у кого не было к спине претензий, разве что у поясницы, потому что все восхищались и уважали первую и совсем не замечали последнюю. И вот однажды, в самый ответственный момент, когда спине важнее жизни и здоровья необходимо было остаться в вертикальном положении, поясница нанесла предательский удар из-за спины, и той пришлось впервые в жизни согнуться, в буквальном смысле слова, пополам. Только тогда поняла спина, что нельзя безгранично доверять близким, а, наоборот, нужно заботиться о них и хотя бы иногда купать в лучах своей славы. Да и радикулит не стоит сбрасывать со счетов.

Скрипка

Скрипка была очень старая, очень заслуженная и очень старая. Когда она находилась в руках маэстро, то услаждала слух, когда лежала в антикварном футляре, то радовала глаз, а самому маэстро согревала душу. А потом скрипку украли. Кто-то расстраивал-

Золотое Слово-7

ся, что уже никогда не услышит волшебную мелодию в присущей только той скрипке то-нальности, кто-то горевал о совершенной грациозной форме утраченного инструмента, доставлявшей эстетическое наслаждение, и лишь маэстро выглядел бесстрастным, потому что душа его медленно остывала, пока не превратилась в кусочек льда, заключённый в безжизненную оболочку.

Стержень

Стержень был очень мягким, даже, можно сказать, податливым. Стоило немного надавить на внешнюю оболочку, и он принимал любую нужную форму. Но однажды кто-то так расстарался, что стержень изогнулся на предельно допустимую величину и чуть не сломался. И это настолько поразило его, а точнее, возмутило, что он осознал, так жить нельзя. С того момента стержень начал твердеть, медленно, болезненно, но неуклонно. А вскоре стал твёрдым и практически негибачимым. Но все-то уже привыкли к другому и воздействовали на оболочку с удвоенной силой. И, хотя стержень оставался непоколебимым, оболочка не выдержала и просто рассыпалась.

Бельмо

Бельмо располагалось на глазу, и из-за этого человек почти ничего не видел. Он считал себя очень несчастным, и все мечты его сводились к стремлению посмотреть на небо, на окружающую природу, на людей и на дела их рук. Но бельмо прочно удерживало свои позиции и не допускало хозяина до лицезрения всех перечисленных прелестей. А человек горько сетовал на свою судьбу и проклинал тяжкую участь. Однажды, когда он особенно сильно расстраивался, бельмо, наконец, сжалилось и позволило ему увидеть мир, о котором тот слышал столько хороших и умных слов. Неизвестно, где в этот момент находился несчастный, но совсем скоро он в ужасе закрыл лицо ладонями и попросил бельмо больше никогда, ни при каких обстоятельствах, не поддаваться на его необдуманные просьбы и мольбы.

Кот

Кот был огромным, жирным, ленивым, лоснящимся, вечно сонным, но похотливым, с пышными усами и масляными глазками, ну совсем как человек. Издалека его можно было даже спутать с хозяином или хозяйкой. Отличительной чертой кота была его абсолютная безвредность, если конечно не считать того, что он мог нагадить в любом понравившемся ему месте. Правда, и пользы от кота не было никакой, потому как мыши в доме не появлялись, а эстетического наслаждения его вид не приносил, впрочем, как и внешний облик его хозяев. А жалко, ведь если бы не окружение, то из кота вполне мог получиться достойный член общества.

Радость

Радость настолько измучилась, что её постоянно куда-то кому-то приносят, что в очередной раз упёрлась ногами и руками и пообещала никогда больше не сдвинуться с места. И сколько её ни уговаривали, ни упрашивали, она твёрдо стояла на своём. Огромный подлунный мир лишился радости. Конечно, люди ещё какое-то время смеялись, животные урчали, а солнце светило, но всё как-то безрадостно, тускло и без удовольствия. Все также ходили на работу, возвращались к семьям, женились, что-то праздновали, дарили подарки, но никто уже не чувствовал глубокого удовлетворения. Хотя кто-то пробовал пить, а кто-то говорил излишне громко и бодро, но в целом стало скучно и буднично. И только дети продолжали жить беззаботно и весело, потому что им для того, чтобы радоваться, не нужны никакие суррогаты. Кстати, вскоре после описанных событий, радости стало стыдно за ослиное упрямство, и она с виноватой улыбкой снова принялась за исполнение своих прямых обязанностей, но что-то важное, почти неуловимое было утрачено, наверное, уже навсегда.

Чувство было средним, что-то между чувством глубокого удовлетворения и чувством эстетического наслаждения и оно никак не хотело мириться со своим положением и стремилось занять верхнюю ступеньку на иерархической лестнице. Но все хлебные места давно уже были заняты, и как чувство ни протискивалось, ни работало локтями, ему не удавалось продвинуться даже на несколько сантиметров. Ведь всегда голод, холод, страх или, скажем, продолжение рода сильнее, чем, например, тонкий вкус или гармоничный звук. И если тебе не дано понять такие прописные истины, то лучше вовсе не заниматься общественной деятельностью, а то, упаси Господи, может случиться такой перекокс, что хорошая книга либо доброе общение станут насущнее, чем отправление естественных потребностей.

Кулак

Когда кулак был ещё совсем маленьким, он произвольно сжимался и разжимался, не вкладывая в это абсолютно никакого смысла. Но вскоре уже стал сжиматься от обиды или злости, а разжиматься, чтобы что-нибудь ухватить. Со временем кулак нашёл себе новое применение: он научился стучать, сначала по мягкому, а потом и по твёрдому. И ему это понравилось, особенно, когда попадалась физиономия или другая незащищённая часть тела, он даже стал специально подыскивать интересные его объекты. Неизвестно, сколько бы продолжалось сие безобразие, если бы кулак не встретился с крепкой челюстью, в результате чего его надолго упрятали в гипс. А после лечения он стал каким-то вялым и безынициативным, сжимаясь чаще от холода, чем от жажды новых приключений. Теперь он в бесильной ярости, в основном, стучал по столу. И достучался до болезни суставов, которая мешала его нормальному формированию в

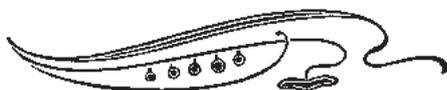
самые важные моменты. Говорят, что история повторяется дважды. Эту незамысловатую истину кулак прочувствовал на собственной шкуре в полной мере, когда понял, что опять сжимается и разжимается произвольно и совершенно бессмысленно.

Графин

Графин прочно стоял на подносе рядом с двумя стаканами. Ему импонировало, что за ним ухаживают, следят, чтобы вода в нём не убывала. Но вот то, что горло ему постоянно и крепко сдавливают, совсем не нравилось графину. Да и упал он как-то, больно ударившись об пол, хорошо ещё не покалечился. Потом графин переместился в шкаф, поначалу даже не поняв, за что его отправили в ссылку. Только много позже заметил странный булькающий прибор, называемый кулером. Графин скучал, нервничал, ему оставалось только наблюдать за бурной общественной жизнью, в которой раньше он принимал живое и самое непосредственное участие. И он вспоминал, как помогал утешать, лечить, бороться с похмельем и остужать жаркие споры, и он тяготился своей ненужностью и бесполезностью. Какой же восторг испытал графин, когда однажды его прямо-таки выхватили из шкафа и с размаху опустили на чью-то голову! От переизбытка чувств и осознания своей значимости он разлетелся на множество мелких сияющих кусочков, в последний раз послужив настоящему делу.

Забор

Забор был невысоким, коротким и хлипким, почти как плетень. Он покосился и местами прохудился до полного несоответствия своему предназначению. Но всё также надёжно разделял два садовых участка, два дома, две семьи, два миропонимания, пушистую собаку и облезлую кошку.

ЛЮДМИЛА ИЛЬИНА

Малышкино чудо

Это случилось в один из майских дней. Погода была роскошная, светило солнце, щебетали птицы и ничто не предвещало беды.

Мы со своей товаркой расположились под молодой стройной берёзкой метрах в тридцати от озера Банное. Почему оно так называется? Даже старожилы не знают. Видимо, потому, что расположено оно между ранее существовавших двух бань. Одна - в районе железнодорожного вокзала и депо, другая - ближе к центру города, на улице Калининна. В то время бани были очень популярны, так как город состоял в основном из частного сектора. И жители города раз в неделю отстаивали приличные очереди, чтобы попасть со своими домочадцами в баню.

Моя товарка лет семидесяти, довольно мерзкая личность с дьявольской улыбкой и любительница посчитать чужие доходы, расположилась на травке рядом со мной. Ей необходимо было знать всё и про всех. И не дай Бог без её ведома кто-то затевал крупный ремонт, приобретение или, ещё хуже, строил дом.

- Эх, это как же, это где же взяли столько денег? - сокрушалась она, сопровождая свои восклицания нелюбезными эпитетами. Об одном и том же она могла говорить часами.

Находиться в её обществе было занятием крайне неприятным, но нас объединяли одна поляна и общее дело. Мы держали коз. И с весны до поздней осени выходили с ними на берег озера, чтобы пасти их там.

Вот и в этот день я привела козу и двух маленьких козлят полтора месяца от роду, маленьких козочек Марту и Малышку. Вы не представляете, какое это чудо, наблюдать за этими малышами. Эти необыкновенно красивые, резвые существа носились по поляне с огромной скоростью, кувыркаясь и перескакивая препятствия, сталкиваясь лбами, как взрослые козы. Периодически они с разбегу заскакивали мне на колени или на спину и, потоптавшись, уносились вновь.

Моя товарка, как всегда, была озадачен

подсчётом чужих доходов, непременно сопровождая их восклицаниями.

Я предавалась созерцанию удивительно синего майского неба, и причудливых перистых облаков, мысленно посылая величайшую благодарность и восхищение Всевышнему за эту красоту.

А товарка тем временем пересчитав все мыслимые и немыслимые доходы своих соседей и совершенно незнакомых мне людей, переключилась на некую бабу Шуру, которая, по её представлениям, обязательно должна подписать ей свой домик после смерти.

- Вот, - ворчала она, - представляешь, я бабе Шуре и сырок из Саратова, и колбаску, и кусочек какой буженинки везу всякий раз. Одинокая стауха, думаю, за доброту мою и заботу домик-то свой мне и отпишет. А тут, невесть откуда понаехали её племянники. Эх! Не видать мне домика, не видать...

Я с неприязнью посмотрела на старуху.

«Боже, - подумала я. - Что с людьми делается! Ей о душе бы пора задуматься, а она от алчности своей покоя не знает.

Мрачные, осуждающие мысли отвлекли живописный вид. Дух захватывала красота желтоглазых одуванчиков, рассыпанных среди изумрудной зелени поляны. Эти маленькие солнышки, казалось, с любопытством разглядывали нас и осуждающе кивали головками. И только весёлость и резвость маленьких козлят да снующих между ними скворцов приводили меня в умиление.

Умиротворение и жужжащий говор товарки сделали своё дело, и я не заметила, как задремала.

Из состояния дремоты неожиданно вывел меня истошный крик козлёнка. Открыв глаза, я увидела, как со стороны озера с невероятной скоростью к нам неслась Малышка. Подлетев к нам, она тревожно заблеяла и тут же унеслась прочь, к озеру.

- Что-то случилось! - быстро вскочив, проговорила я и побежала следом.

Увиденное потрясло меня.

Золотое Слово-7

В том месте, где довольно крутой берег озера был одет в бетонные плиты, барахталась в воде Марта, пытаясь на своих тоненьких ножках выскочить на скользкие плиты.

В этом месте даже человек, оказавшись в воде, не смог бы выбраться. Единственное место, где можно было выбраться из воды, это проплыть правее вдоль берега метров двадцать. Там не было плит и берег был пологим, за исключением его илистости и замусоренности. Но это мог бы сделать человек, а как это объяснить маленькому козлёнку?

В отчаянье я металась по берегу. Все мои попытки показать и голосом и жестом куда надо пробираться были тщетны...

- Марта, Марта! – кричала я. - Иди ко мне, плыви сюда, моя хорошая, я помогу тебе!

Но она как будто меня не слышала и безуспешно продолжала пытаться выпрыгнуть на плиты.

С обезумевшими глазами и жалобно бляя, металась по берегу вместе с нами и Малышка.

Я с ужасом смотрела, как Марта теряет

силы, но сообразить, что надо пробираться вдоль берега, не может.

И, когда отчаянье моё взяло надо мной верх, произошло невероятное!

Малышка, метавшаяся с нами по берегу, неожиданно делает резкий прыжок и оказывается в воде рядом с Мартой.

И, о чудо! Она плывёт вдоль берега туда, где можно выбраться и увлекает за собой Марту.

Эти маленькие существа, обе мокрые, все в водорослях и тине выбирают на берег.

Я подхватываю их на руки. Вытираю их и, плача от радости и счастья, целую их мокрые, но счастливые мордашки.

С тех пор прошло уже несколько лет. Моих козлят увезли в Башкирию. Как сложилась их судьба, я не знаю. Но всякий раз, проходя это место у озера, я мысленно погружаюсь в эту драматически невероятную ситуацию со счастливым концом, задаваясь одним и те же вопросом. Как это маленькое существо полтора месяца от роду могло все сообразить и совершить этот невероятный поступок?!

АННА СКВОРЦОВА

Концерт

Концерты бывают разные: кому-то нравится эстрада, кому-то юмор, а кто-то просто идёт в цирк, где настроение поднимает клоун. Другими словами, концерт - палочка выручалочка: кого-то спасает от депрессии, кому-то даёт радость, кому-то помогает убить время. В таких случаях уместно сказать:

*Радость разная бывает,
Но реакция одна.
Настроенье поднимает
И улыбка всем видна.*

*Душа прыгает от счастья,
Сердце весело стучит.
И не важно, что ненастье
Всё в природе холодит.*

Но Жанка - какая-то особенная, при своём депрессивном состоянии она любит быть дома и только дома, здесь она находит покой, её никто не отвлекает. Она погружается в себя, избегая раздражающего общения с внешним миром. Тишина и отрешённость помогают ей пополнить энергию самостоятельно, не вампирить у других.

Но при хорошем настроении она любит бывать на концертах. Концерт симфонической музыки, которую она особо не понимает, не трогает её душу, но и не гонит. Здесь она в одно ухо впускает - в другое выпускает и с интересом включает зрение, забыв про всё на свете. Интерес вызывает дирижёр, его импульсивные движения: взмахи рук, палочки, головы, которые включают группы музыкантов. На мысли приходит: как он всех слышит, как он безошибочно их включает, какая память! И, восхищаясь, делает вывод:
- Гениально!

Но вибрация духовной музыки меняет настрой души, светлая волна, проникая глубоко в душу, влияет положительно на настроение, как небесный лекарь. Жанка, пропуская звуки через свою душу и тело, внимательно

прислушивается к себе, что там внутри произошло, чтобы потом написать:

*Духовной музыки концерт
Лечил больную душу.
Рвал меркантильности конверт,
Чтоб щедрость шла наружу.*

*Вибрация звучащих гамм
Душе давала чистку.
И рассыпался грешный срам
С надрывом, но без риска.*

*Мелодия лилась легко,
Крепила втайне силы.
От Бога в псалмах шло тепло
Любви Небесной Лире.*

Правда, «Грёзы» Шумана перевернули всё в её душе:

*«Грёзы» Шумана звучали
И настрой души светлел.
Темперамент волновали
И мой дух в простор летел.*

*Впечатлительное сердце
Ритм меняло темпу в тон.
Думам было не до скерцо,
Дал эфир серьёзный фон.*

*Звук незримые оковы
Рвал без боли для души,
Напряжённости основы
Высотой своей глушил.*

*А когда звук понижался,
Разливал в душе покой,
Безмятежно растворялся,
Убирая боль с тоской.*

*Мысль очистили октавы
В отрешённости без сна,
Суета, как часть забавы,
Вся рассыпалась сполна.*

Золотое Слово-7

А на эстрадных концертах у Жанки происходят чудеса, она каким-то шестым чувством видит и слышит то, что не видят другие, причём эмоции могут захлёстывать до слёз. Так было и на этот раз.

Муж умер, и она понемногу стала приходиться в себя и даже по истечении двух лет, как-то успокоившись, была на одном из таких концертов. Слушала без особого интереса, но в какое-то время слова «драгоценная ты моя женщина» коснулись сокровенных чувств. Ошеломлённая, притихшая, молча, вытирающая слёзы, сердцем почувствовала, что эти слова идут от её мужа. Потом в интернете она нашла слова этой песни и сильно удивилась, как будто бы Николай Заболоцкий при написании стиха держал её образ, а Михаил Звездинский воплотил в мелодию песни ритм её души. Всё это позволило ей написать такие строки:

*Какое счастье быть любимой.
Какое счастье это знать.
Тепло дарить неумолимо,
Тепло от мужа получать.*

*Но сдержан в жизни был мой милый
И слов красивых не дарил.
Казалось мне, тепло остыло,
А в ревности накал парил.*

*И вот однажды песнь со сцены
Сумела чувства всколыхнуть,
Дала душе другие цены
И всё смогла перевернуть.*

*Наитие нашло внезапно,
Несло признание любви,
Душе на миг стало отрадно,
А ум шепнул: «Связь тлена рви».*

*Но фраза песни оживила
Нюансы трепета души.
Шестое чувство подарило,
Флюиды спрятанной любви.*

*Они слились с словами песни,
И твой фантом мне сообщил,
Что среди женщин всех чудесней
Мой образ. Он тебя пленил.*

*Какой-то миг чувство летало.
Твоя любовь рвалась с небес.
На уровне души витала.
Твой дух в астрале не исчез.*

Чувствительная Жанкина душа вмещает все переживания детства, юности, зрелых лет, и некоторые мелодии песен колышут воспоминания прошлого очень ярко. Бывает один номер даёт две картины воспоминаний, где разные действующие лица, как и в этом случае: картина юности «С подарком» и картина школьных лет «Мальчишка с трубой».

*Мелодии знакомой звуки
Опять напомнили тебя,
Коснулись вскользь, не тронув муки,
Уже спокойно, не любя.*

*А песнь «Глаза эти напротив»
Живёт в душе моей давно.
Ты с ней ко мне приходишь вроде,
Открыв всей памяти окно.*

*Разлуки годы притупили
Те чувства, что подарок нёс,
И сцену с трубачом открыли,
Но повторили всё без слёз.*

*Труба напомнила мальчишку,
Которого любила я,
А он, в обнимку с ней вприпрыжку,
Не замечал просто меня.*

*Со звуками трубы затихшей
Ушли картинки прошлых лет.
Покой души мой наивысший
Дал всем волнениям запрет.*

Однажды на Дне Пожилого человека с Жанкой случилось непредсказуемое:

*День Пожилого человека
Открыл Дворцов Культуры дверь
Для всех, кому уже полвека
И кто не стар душой, поверь.*

*На этом радостном концерте
Солист, держа свой микрофон,
Лица часть, как письмо в конверте,
Закрыв, усилил звука тон.*

Золотое Слово-7

*Певец на сцене улыбался,
Проникновенно что-то пел,
Приятный голос растворялся,
К нему восторг от нас летел.*

*И вдруг сознание открыло
Ту часть лица, что наверху,
Мгновенно лик преобразило
И твой дало мне наяву.*

*А мне казалось, я забыла
Твою улыбку и твой взгляд,
Но подсознание воскресило
Приятный жизненный уклад*

*И показало в яркой форме,
Что ты мне дорог и сейчас,
Где годы возраста, как в шторме,
Бьют чувства наши без прикрас.*

Иногда Жанке кажется, что она попадает в какое-то неземное измерение, присутствие чудес, связанных с концертом, даёт ей право так сказать. Она, слушая радио, может испытать подобное, где опять и опять накрывают воспоминания:

*Программа встреч, воспоминаний
Дала концерт в вечерний час,
Где поиск радио-страданий,
В тепло одел ведущий глас.*

*Без дум стояла я на кухне.
Пыхтел мой чайник с кипятком.
Блины в сметане все разбухли,
А кот мяукал под столом.*

*Гудело чуточку окошко.
Стучала вьюга февраля.
Боль не дала эта матрёшка,
А песня ранила меня.*

*Её любимой тихо звуки,
Проникнув в душу глубоко,
Жестоко тронули все муки,
Тоска кружить стала легко.*

*Вот так бывает в жизни часто.
Смеясь, заплачем сразу вдруг,
Припомним сцену, где зубастый,
Сердечко режет стальной плуг.*

Удивительно, что жалость чего-то неисполненного переполняла душу, напоминая картины прошлых лет, где приятное так легко уживалось с грустью. Может быть от того, что детство, юность не вернуть. Не вернуть того, что дорого сердцу. Не исправить тех ошибок, которые допустила незрелая молодость.

ВАЛЕНТИНА ЧИРОК

Русская немка

На улице стоял жаркий летний день, точнее, его вторая половина. Было начало июня. Елизавета Петровна сидела в своей небольшой городской квартирке и смотрела сериал. Вскоре он закончился. Она встала, выключила телевизор и задумчиво устала в окно. В это время каждый год она ездила на свою родину - в небольшую деревеньку, расположенную в конце Журовского района, проверяла там вместе с мужем и сыновьями посаженный огород, полола грядки, обрабатывала их от вредителей, чтобы осенью собрать хороший урожай. А теперь это все вдруг неожиданно закончилось. Муж умер. Сыновья разбегались. Родственники отказались от нее. Она осталась одна и из уважаемой учительницы иностранного языка превратилась в подлую немку. На глаза навернулись слезы. Она села на диван, закрыла глаза, и воспоминания нахлынули с неумолимой силой.

...Лиза росла тихим и одиноким ребенком. Очень любила читать. О многих фактах своей жизни и жизни родственников по материнской линии Лиза узнала только сейчас в старости, хотя это могло бы произойти значительно раньше, если бы не кое-какие обстоятельства. Многие, даже незначительные события ее жизни на это прямо указывали и говорили о том, что в биографии девочки не все в порядке. Например, в школе ее одноклассники почему-то дразнили немчурой. Она не обращала на прозвище внимания, даже гордилась им, думая, что оно придумано сверстниками из-за того, что она хорошо учится, что не любит много болтать, что у нее неплохая способность к языкам, благодаря которой Лиза потом закончила факультет иностранных языков пединститута и всю жизнь проработала в школе учительницей немецкого языка. Вспомнился один эпизод из детства, когда Лиза с тремя младшими сестрами ходила в гости к бабушке по отцу, чтобы поздравить ее с 65-летием. Бабушка угостила их конфетами,

а Лизу поцеловала и прошептала на ушко: «Бедная ты моя сиротка, как мне тебя жаль! Такая умница и красавица, вся в маму!». Лиза удивилась этим словам и обо всем рассказала отцу, а он ответил, чтобы не слушала бабушку, потому что та старенькая и у нее с головой не в порядке. Теперь-то Лиза знает, что с головой у бабушки было все в порядке, и это Лизин отец приказал ей строго-настрого ничего не рассказывать девочке о родной матери, чтобы не травмировать ребенка. Но для этого знания ей потребовалась целая жизнь. Вспомнился Лизе и другой эпизод. Она тогда училась уже в шестом классе. В их деревню почему-то приехала немецкая делегация во главе с русским переводчиком. Они искали ее отца. Лиза подумала, что это связано с его военным прошлым. Отец был поблизости на ферме, где исправлял конвейер для удаления навоза, и она позвала его. Немцы с Петром долго разговаривали, а потом позвали Лизу, которая все это время тихонько стояла в сторонке. Они задавали ей очень странные вопросы, как будто были людьми с другой планеты. Какую страну она считает своей Родиной? Почему? Есть ли у нее родственники и кто? Кто ее мама по национальности? Жива она или умерла? Хотела бы Лиза жить в Германии в достатке и даже роскоши? Получить престижную профессию? Она ответила, что своей Родиной считает только Россию, потому что ее родители русские, и она родилась здесь. Ее мать русская женщина. Мать жива и здорова, работает дояркой на ферме. Из близких родственников у нее есть бабушка и три родные сестры. Она не хочет жить в Германии, так как не считает эту страну своей. А хорошую профессию получить может и здесь, в России. Потом эти люди уехали и долго ей присылали посылки, одежду, книги, игрушки. До сих пор Лиза не знала, что это были ее родственники по материнской линии. Она, конечно, спрашивала у отца, что им было от нее надо. А он отвечал, что это были обеспеченные, но бездетные немцы, которые искали в многодетных

Золотое Слово-7

российских семьях детей, чтобы их усыновить или удочерить. Теперь-то Елизавета Петровна понимает, кто они были на самом деле. Но тогда она и представить себе не могла, что у нее могут быть родственники среди немцев. Когда Лиза была уже в 7 классе, ее по настоянию Анны Степановны, которую она всегда считала своей родной матерью, определили в районную школу-интернат. Отец объяснил это событие так: до соседней средней школы, куда она теперь ходит, - 5 километров. Может и простудиться, и заболеть, и волки могут напасть. А он бы хотел, чтобы дочь жила и училась в безопасности. Ведь, как говорит пословица, береженого и Бог бережет. И одета, и накормлена, и приглянута будет в интернате. Лиза молча кивнула, соглашаясь с отцом, хотя почему-то стало невыносимо обидно, и очень захотелось плакать. Но она не могла позволить себе этого, чтобы не обидеть отца. С тех пор, с 13 лет, Лиза почти не появлялась дома. Даже летом, когда дети из школы-интерната отдыхали в пионерском лагере, она тоже уезжала с ними в лагерь, а не домой. И даже не потому, что за ней не приезжали. Ее просто не тянуло домой, где надо было доить корову, полоть огород, заготавливать сено. И все ей одной, потому что остальные сестры были еще маленькие, а мать с отцом целый день находилась на работе. Ни одной минутки не было на чтение книг. Отец приезжал к ней в интернат часто, каждую неделю. По ее просьбе в тенистом школьном скверике рассказывал различные истории из своей военной юности. А однажды рассказал историю якобы, своего друга, которого тоже звали Петр и который, тоже, как и отец, во время войны попал в плен. Теперь-то Елизавета Петровна понимает, что отец рассказывал о себе, а не о друге, но тогда она об этом просто не думала. Только сейчас трагические военные события той поры один за другим по порядку выстроились у нее в мозгу.

Отец, призванный на фронт в 1941 году и воевавший на Курской дуге, в 1943 попал в плен. Рослого, крепкого парня отправили на работы в Германию, а именно: в деревню, в немецкую крестьянскую семью, где было три женщины: мать, бабушка и красивая 16-летняя девушка по имени Эльза. С ним

была молоденькая медсестра Эльвира, тоже попавшая в плен в том же бою, к которой он был, мягко говоря, равнодушен, называл Элей и во всем помогал красивой девушке. Даже подумывал на ней жениться, если вернется домой живыми. Но Эля умерла той же зимой от воспаления легких. Петр прекрасно понимал, что они являются батраками враждебно настроенной немецкой семьи, посланной на фронт мужа и двух братьев, которые полегли в снегах далекой и чуждой России, что их хозяева ненавидят эту страну и всех ее представителей, а значит, и своих батраков. Но что вот так, как Эльвира, в молодом возрасте он тоже может умереть в холодной пристройке немецкого дома на хуторе, неподалеку от Кенигсберга, Петр никогда раньше и подумать не мог. После смерти Эли он несколько недель ни с кем не разговаривал, в мыслях было только одно: скоро моя очередь. Но три немки, поначалу сильно невзлюбившие русскую парочку, после смерти медсестры вдруг сменили гнев на милость. Они стали ласково улыбаться ему, хорошо кормить Петра, которого по немецкой традиции называли Иваном, а старуха даже отдала ему всю хорошую одежду своих погибших сыновей и мужа. Будто чувствовали, что впереди их ждут еще более трудные времена, и русский Ванюша-Петруша им может очень даже пригодиться. Красавица Эльза стала часто с ним разговаривать, и за полгода так научилась русскому языку, что однажды сказала, что она могла бы работать переводчицей.

Следующая зима была для семьи настоящим бедствием. В доме не было ни дров, ни еды. Их соседи с хутора куда-то заблаговременно уехали, а они не могли этого сделать, потому что съели свою старую, еле живую лошадь. А потом под нож пошли корова и несколько кур. Старшие женщины постоянно болели и кашляли, но на десятки верст здесь не было ни одной аптеки или больницы. Однажды бабушка Эльзы, охавшая и страшно кашлявшая всю ночь, утром не проснулась. А через месяц умерла и мама девушки. Петр не мог определить, в чем была причина этих смертей. Эльза потом сказала ему, что причина в их наследственной болезни

Золотое Слово-7

– туберкулез легких. Он вздрогнул от мысли, что его подруга, медсестра Эльвира, вероятно, тоже заразилась от них, но ничего не сказал. Теперь он разговаривали с Эльзой только по-русски и на расстоянии, боясь, что инфекция попадет и на него. Когда она капризничала и не хотела общаться по-русски, Петр на правах старшего говорил, что так надо, скоро придут «наши», и ей не поздоровится, если она не будет хорошо общаться на русском. А так он представит ее, как медсестру Эльвиру Пахомову, с которой попал в плен, и документы которой после ее смерти остались целы и невредимы. И все будет хорошо. Девушка ему определенно нравилась. И несмотря на боязнь заразиться туберкулезом, у них были минуты интимной близости. Эльза радовалась, что Петр не оставит ее одну, и что, возможно, она поедет с ним в Россию и там официально станет его женой. К этому времени ей уже исполнилось 18 лет. Она вытянулась, пополнела и похорошела. Он удивлялся, как эта девочка при отсутствии нормальной еды умудряется даже поправляться, в то время, как он постоянно худеет. Но однажды Эльза раскрыла причину своей полноты, сказав, что беременна от него. Петр растерялся, удивился и обрадовался одновременно, сказав, что они обязательно поженятся, и он ее никогда не оставит.

Так оно и случилось впоследствии, когда русские освободили хутор. Они о чем-то быстро разговаривали друг с другом, задавали им с Петром вопросы. Эльза многого не поняла в их словах и не знала, что отвечать и молчала. Тогда отвечать на вопросы стал Петр. При рассказе о себе, он пояснил командиру, что они оба пленники, немецкие батраки, что эта девушка – русская медсестра, при взрыве ее оглушило снарядом, и она плохо слышит и говорит. К тому же она беременна, и он отец ее ребенка. Ему поверили. Может быть, благодаря этому Петра первоначально не трогал НКВД. Они благополучно добрались до Брянской области, а потом и до своего села Вересково. Все было бы хорошо, если бы не одно но... Еще в Германии, когда Эльза вынесла по просьбе солдат воды, чтобы напоить русских лошадей, один жеребец ни с того ни с сего поднялся на дыбы. Эльза перепугалась, упала на землю и

разлила воду. Русские солдаты подскочили и подняли ее. Но она идти не могла. На руках они принесли ее в дом, уложили в постель, а потом вызвали полкового врача. В тот день Эльза потеряла ребенка. Через несколько дней они прибыли в Брянскую область. Здесь война давно закончилась, Брянскую область освободили еще в 1943 году. Везде шло восстановление разрушенного хозяйства. Петр стал работать бригадиром на ферме, а Эльза устроилась в школе учительницей немецкого языка. Время от времени Петра вызывали в область или район для получения каких-то новых сведений по поводу ранения и плена. А потом отстали. Эльза и Петр жили у его матери Евдокии Семеновны, которая даже и не знала, что ее невестка Эля – немка. Шесть лет после прибытия в Россию в молодой семье не было детей, потом Эльза снова забеременела и родила девочку, которую назвали Лизой. Но сама не прожила и года после рождения дочки. Ее подкосила та же болезнь, из-за которой умерли ее близкие в Германии. Так в годик маленькая Лизонька стала сиротой. С горя Петр рассказал своей матери все подробности своего плена и женитьбы, хотя потом в этом не раз покаялся. После смерти Эльзы он, чтобы у девочки была мать, женился на 18-летней деревенской красавице, сестре своего друга, которая сначала не хотела принимать Лизу в семью. Но когда Петр пригрозил, что уйдет к своей однокласснице Марусе, Анна, так звали его молоденькую жену, сразу успокоилась. В деревне после войны почти не было неженатых мужчин. А кто и был, пришел с фронта, раненым или искалеченным. Поэтому вторым человеком, который знал в мельчайших подробностях историю о плене и женитьбе Петра, была его новая жена, которую Лиза почти с рождения считала своей родной матерью.

Отец прожил более 90 лет. Правда, последние годы после инсульта он не ходил и не говорил. А когда Лиза приезжала в деревню постоянно плакал, глядя на нее и все хотел что-то сказать.. Лиза спрашивала у Анны Степановны, что папа пытается ей сказать, но та отвечала загадочно, мол, всему свое время, настанет срок, и ты узнаешь. Лизе очень не нравились такие ответы. И вот совсем недавно,

Золотое Слово-7

чуть более месяца назад на сороковинах она, наконец, узнала свою историю. Племянница отца, выпив вина и захмелев, назвала ее подлой немкой, а потом объяснила все в подробностях. Та, которую Лиза всю жизнь считала родной мамой, оказалась мачехой, тоже не любившей падчерицу. Лизе было сказано, что ее растили и жалели, как родную, хотя она была для них совершенно чужим человеком. Но она не оправдала их ожиданий – плохо помогала матери с отцом в старости, только и делала, что возилась на своем огорожке... Лиза со слезами на глазах ответила, что это неправда, что она всю жизнь на правах старшей и морально, и материально помогала своим сестрам и матери с отцом. Первые два года после окончания института почти полностью отдавала им зарплату, потому что в колхозе денег тогда почти не платили, только ставили «палочки» за трудодень. Но мать никогда ни разу даже не поблагодарила и не приласкала ее. Дальше Лиза напонила, что когда она вышла замуж и у нее подросли дети, которые первые годы с удовольствием ездили к бабушке и помогали по хозяйству, они стали замечать, что бабушка относится к внукам недоброжелательно, даже враждебно. Иногда,

когда они подметали двор или рубили дрова, она давала им деньги. Только Лизиним детям бабушка давала копейки, а своим родным внукам – десятки рублей. Слово за слово, дошло до большого скандала. Племянница отца, которая была моложе почти на 10 лет, вытолкала Лизу за дверь со словами, чтобы та больше здесь не появлялась и не сажала на их участке картошку, потому что она подлая немка. Так Лиза в одночасье осталась без родственников. Она не хотела ехать к сыновьям – боялась помешать им. И в родную деревню тоже ехать не хотела. Там ее теперь никто не ждал. А сидеть дома без дела она не любила. В отчаянье Елизавета Петровна решила съездить на экскурсию в Германию, на родину своей матери. Оформила все документы, а также дарственную на одного из сыновей, чтобы тот в ее отсутствие распоряжался квартирой. И уехала. Из экскурсии она уже не вернулась. Ее родственники по отцу не знают, что случилось. Но говорят, что слышали от ее детей, будто Елизавета Петровна нашла родню в Германии и живет теперь у них. Это был ее выбор и нелегкое решение. Сыновья тоже собираются съездить туда летом, чтобы навестить ее...

ОЛЬГА САФАРОВА

Саломэя

*Саломэ, где же зелень твоих садов,
Саломэ, дай пришельцу надёжный кров.*

*Саломэ, будь звездою в моём пути,
Саломэ, дай уснуть на твоей груди...*

Старинное танго

1. Преимущества близорукости

Самолёт гудел так умиротворяющее равномерно, что это гудение воспринималось как тишина. Пассажиры дремали, лампы мерцали, за иллюминатором текли вязкие, как сон, облачные дали. Гудение убаюкивало... Ранний рейс, регулярный ранний рейс... В дрёме сквозь условную тишину шептались слова ассоциативного ряда: рейс регулярный, регулы, Альба регия, Регина, Ликург, Лигурия, Калигула, регалии, горгульи, гляциологи, гуцулы, гайдуки, гулы...

Гулы... гули-гули, голуби...

Самолёт пошёл на посадку.

Она была такой северянкой в своём естестве, такой Варяжской гостьей в любых южных краях, такой прозрачно-акварельной, как Белая Петербургская ночь, что когда она приезжала на Чёрное море, в Сочи или в Крым, у неё сразу же начинались регулы, как выражалась её прабабушка-смолянка. И в этот приезд было точно так... Она сидела у моря, печалась от невозможности искупаться, немного одуревшая после самолёта и такси по серпантину от Адлера до Сочи. Голова, пустая и лёгкая, слегка кружилась, дымчатые очки с диоптриями по её сильной близорукости она забыла где-то – то ли в номере, то ли вообще потеряла, а обычные очки надевать не хотелось. Мелкая рябь воды золотыми рыбёшками в радужных ареолах мелькала перед глазами, но тень от тента позволяла не щуриться. Как всегда, без очков она видела мир прекрасным, без некрасивых подробностей: песок и гравий – сплошь серебристо-

золотой, ни окурков, ни бумажек, ни другого мелкого мусора, все предметы покрупнее – в мягком сфумато, с расплывчатыми контурами. Люди на пляже – все молодые и красивые: ни морщин, ни седин она не видела; худые и жилистые выглядели в её близоруких глазах стройными и грациозными, толстые и складчатые – приятно округлыми и упругими. Мужчин от женщин она отличала только по наличию слитности или раздвоенности ниже талии, слитно – значит юбка, раздвоено – значит, брюки. Так то на улице, а здесь, на пляже как? Да никак... Лица представлялись светлыми овалами смазанной неопределённости, некоей ангельской андрогинности. Интересно, что цвета она видела во всём богатстве оттенков и нюансов, тени и рефлексы – тоже, но мягко, общо...

Какая красота!.. Особенно если заткнуть уши, не слушать рубленую немецкую и чирикающую французскую речь на этом закрытом пляже интуристовской гостиницы «Камелия»... Соотечественников пока не слышно, да оно и понятно: она сама заселилась сюда по звонку знакомого питерского кагэбешника местному сочинскому, и - далее, по блатной инстанции.

Но вот настало обеденное время, пляж опустел, музыка и галдёж смолкли, стал слышен плеск мелких волн, шипение пены отбегающей с гальки воды, неразборчивый неблизкий говор, резкие вскрики чаек... Как жаль, что нельзя в воду... Чайки орут... Чайки Чёрного моря, чЕрпают море крылами, нечёткими чётками нижут бегучую скань волнореза...

Золотое Слово-7

Теперь три, а то и четыре дня не придётся искупаться, думалось ей... ах, эти регулы, регалии, горгульи, гулы, гуцулы, Калигула, Регул...

Регул – прекрасная чудо-звезда в созвездии Льва, одна из ярчайших, красивейших звёзд ночного неба, значит, это её звезда, она ведь по Зодиаку – Лев... Её звезда велит ей не купаться... Регул – ещё и полководец Пунических войн, Марк Аттилий, кажется? В плену, в Карфагене, его там пытали, убили... потом отомстили... его сыновья... Ленивые, сонные мысли и образы роятся, как пчёлы, жужжа в голове...

А вот «...в нашем поле зрения появляется новый объект...» («Асса?»)... новый объект в её близоруких глазах – красавец брюнет, гибкий индийский принц, присаживается на соседний лежак: «...дэвушка, паЧему одна, такая красавица...». Вблизи наваждение близорукого прекрасновидения и иллюзорность спадают – теперь видны грубые черты, пористая кожа, весь волосатый, красные белки близко посаженных глаз, нос крючком, подбородок – носу навстречу – горгулья какой-то.

«...Почему одна? – мужа жду...» - она, в отличие от многих близоруких, не щурится без очков, взгляд поэтому рассеянный, незаинтересованный. Это очень удобно – женщины не видят в её взглядах ни оценки, ни осуждения их нарядам и манерам – это способствует общению; мужчины не понимают, как она их оценивает, индифферентность взгляда принимают за гордость-недоступность, холодность-фригидность или таинственность – в зависимости от их собственной самооценки, поэтому решаются заговорить только самые уверенные в себе. Горгулья, похоже, в себе уверен, но она знает, что вот такому Горгулье и отвечать надо спокойно, равнодушно и вежливо, а то начнёт хамить. И кто его на закрытый пляж Интуристовской гостиницы пустил? Приплыл, наверное... Подходит официант с апельсиновым соком, приставала-горгулья испаряется.

Усталость после дороги клонит в сон, горгулья превращается в гуцула, потом в

Калигулу... Гуляет Калигула по регулярному саду, где цветёт Регия – Виктория Регия, белоснежная гигантская водяная лилия – царица Победы – Регина Виктория – ...победа нерегулярных регул над призывным морем, прикатили не в очередь, нельзя в воду... В регулярном парке - замок, кажется, это - Альба Регия, прекрасный замок, воздвигнутый любовью для любви...

Она смотрит рассеянным, невидящим взглядом вдаль сверкающего, слившегося с небом, моря... сплошное небоморе... аморе...

Реальность двоится, всё видимое – расплывчато, а воображаемое – проступает всё чётче, накладывается на смутное окружение, оно становится фоном; возникают, как в фотопроявителе, какие-то дворы, дувалы, глинобитные низкие дома с плоскими крышами, вокруг знойные пески... бесконечное блуждание среди низких ослепительно-белых стен и закрытых белых ставней... НЕТ – она ведь сидит на пляже под тентом... Шепчет волна... Шипит пена... НЕТ – это шуршит вдоль белёных стен песок, несомый ветром из пустыни... Что это? – полуявь-полусон... грёзы или воспоминания когда-то виденного? Вход в иную реальность, в параллельные миры... выход из этого мира в иной?...

Заблудилась среди дувалов?... НЕТ – сидит на пляже... Дежа вю или забытые сновидения? Вдруг – полусонное озарение - чтобы выбраться из этого миражного лабиринта безлюдных, узких, слепяще-белых улиц, надо выполнить какое-то условие, вспомнить что-то важное... вот сейчас-сейчас-сейчас... оно вспомнится... но и нельзя... – нельзя вспоминать... а то не вернёшься никогда из этой пустыни с необитаемыми мазанками... на тупиковом дувале брошенное полотенце, белое с пурпурной каймой...

Она закрывает неверные, видящие несуществующее глаза - усилием воли снова начинает слышать плеск волны и шипение пены...

«...Никаких пустынь, – говорит вслух, – я приехала сегодня утром к морю, в гостиницу "Камелия"»...

- А я живу на съёмной квартире, –

Золотое Слово-7

вдруг отвечает ей приятный юношеский голос – вот, заплатил охраннику, чтобы попасть сюда, на закрытый пляж - здесь лучше, чем на грязных городских.

Мелькает мысль: опять какой-нибудь горгулья? ...Голос без акцента... Она открывает близорукие глаза – шагах в пяти, лицом к ней, задом-наперёд, спиною к морю, уходит к слепящей воде силуэт на блестящем фоне неба и в блёстках мелких волн. Не горгулья, скорее Калигула, в короткой, кажется, античной белой тунике с пурпурной каймой.

Наверное, заметил, что она открыла глаза, остановился, идёт обратно, приближается, садится на соседний лежак, и теперь она более ли менее чётко видит русого юношу, нет - вблизи он не юноша, а молодой человек, - в светлых плавках, белое полотенце с пурпурной каймой через плечо, в руках небольшая коробка, кажется - кожаная, с ручкой не крышке.

Он улыбается, ясные серые глаза доверчиво лучатся.

- Вы это во сне говорили, что приехали из пустыни в «Камелию» эту интуристовскую? А я мимо иду, вижу, девушка вроде спит, глаза закрыты, а потом вдруг заговорила про пустыню и гостиницу... Меня Андрей зовут, я тоже в пустыне бывал, на археолога учусь...

- Ну, не знаю, наверное, во сне... приятно познакомиться, я - Мея...

- Какое имя интересное. А как полностью?

- Саломея...

- Это в честь плясовицы Саломеи - ну, Ирод там, Иродиада, голова Иоанна Крестителя? - проявил собеседник неожиданную эрудицию.

- Нет, в честь княжны Саломеи Андрониковой, красавицы Серебряного века, музы Манделъштама и романтической пассивности моего деда... - Мея осеклась, подумала: «Зачем я это говорю, да что он знает об этом, да кто вообще теперь помнит петербургские предреволюционные изыски...»

Собеседник же продолжал:

- ...а та Саломея, плясовица библейская, впоследствии стала царицей Халкиды и Малой Армении, и, по преданию, ей отрезало голову кромкой льда в полынье, в ледяной воде сплясала она... последний танец... - Андрей сразу понял, чтобы произвести впечатление, с этой девушкой надо говорить не о рыночных ценах на фрукты и прочих бытовых предметах.

* * *

Андрей действительно бывал в пустыне и с чёрными, и с официальными археологами, и действительно – где только ни учился, немного тут, немного там, а усерднее всего учился он карточным фокусам у циркового иллюзиониста, а потом оттачивал ловкость рук у старого каталы. И стал Андрей карточным шулером. Сентябрь месяц в Сочи – самый урожайный сезон – мамыши с детьми, нищие студенты и семьи среднего достатка разъехались по домам. Бархатный сезон – состоятельная публика заполнила гостиницы и рестораны, а самые богатые и влиятельные – интуристовские гостиницы, вот Андрей и явился на закрытый пляж – познакомиться с кем-нибудь, присмотреться, вычислить и приручить потенциальных карточных партнёров-лохов.

Девушка под тентом, которая, как ему представилось, заговорила во сне, видно только что приехала, никакого загара, ни капли косметики, но по всему видно, что очень не бедная. У Андрея глаз намётанный – часы, сумка, купальник, обувь, парэо, полотенце... всё дорогое, привозное и высшего качества, - «скромное обаяние буржуазии» - Андрей знал этот фильм Буньюэля 70-х годов. Игрок высшего класса должен быть начитанным, обаятельным, с хорошими манерами и с честными, сияющими глазами, - он таким и был. Его любимой книгой, ставшей руководством в жизни, был прочитанный в отрочестве роман «Признания авантюриста Феликса Круля» Томаса Манна. Уроки этой замечательной книги он дополнил изучением некоторых разделов социальной психологии, позволяющих быстро входить в доверие к любому незнакомцу. Искусство это известно в народе,

Золотое Слово-7

как цыганский гипноз.

«Надо познакомиться и войти в её окружение», - подумал он, открыто и чуть смущённо глядя на Мею; он знал, что именно такое выражение лица вызывает доверие у женщин.

* * *

Они разговорились о Серебряном веке, декадансе, о погоде, о природе. Знания его были поверхностны, но он умело пользовался тем немногим, что знал, ловко меняя тему разговора, когда заходил в тупик. На его предположение, что Мея студентка, она подтверждающе кивнула, что, мол, да, студентка, учится на экономическом. Она в свои 30 лет выглядела на 20, и имела обычное, избегая прямой лжи, просто не возражать собеседнику в его предположениях о её возрасте. На самом деле, она давно закончила институт и занимала престижную и дефицитную во всех отношениях должность в знаменитом Ленфинторге, в славном городе Питере. Но пусть Андрей думает, что она студентка, а раз поселилась в таком престижном отеле, то значит – дочь очень влиятельных родителей. Его цыганский гипноз она распознала сразу же, в институте им преподавали психологию системы «продавец-покупатель», методы определения типа личности, вхождение в контакт, незаметное внушение нужного выбора и много чего ещё. Она со скрытым интересом наблюдала за Андреем, ясно видела эти его жесты доверия, попытки дыхания в унисон, зеркальное отражение её мимики, подражание её интонациям, всю его пластику эмпатии.

Язык тела! - древний, довербальный код общения, рудиментальная составляющая нашего звериного естества. Говорить можно что угодно, язык лепечет подчас стандартные словесные формулы или сознательную ложь, а позы, движения, взгляды, жесты говорят правду – особенно у плохо воспитанного или нетренированного человека. А вы думаете, дорогие девочки, девушки, женщины и старушки, почему ваши мудрые мамы говорили вам – не вертись, сиди прямо, не сутулься, не жестикулируй, не глазей в упор? Вы думаете, что мужчины, которым вы нравитесь, слу-

шают вас? Не обольщайтесь, они отключают уши и подсознательно считывают язык вашего тела, которым вы неосознанно (очень редко осознанно) говорите им – да или нет.

Поэтому аристократов, гейш, дипломатов и шпионов учат как можно меньше жестикулировать и гримасничать, а при необходимости жестом и мимикой вызвать желаемую реакцию и нужное им поведение окружающих.

Мея умела, не обижая, дать понять мужчине, что ему не на что рассчитывать, кроме ровного дружеского общения. Андрей, похоже, не замечал, что разгадан в своих манипуляциях; единственное, что она намеренно позволила ему понять – это то, что он не интересуется её в эротическом плане, - ну если только чуть-чуть, в порядке лёгкого поощрения...

И Андрей почувствовал, что на курортный роман рассчитывать не приходится, но такое знакомство может пригодиться, неплохо бы войти в круг её друзей и знакомых. Кроме того, эта акварельная северянка с таким незаинтересованным ускользящим взглядом как-то незаметно вызвала в нём самые дружеские чувства, как будто вновь повстречавшаяся давняя знакомая. Мелькнула мысль – интересно, это я её приручил или она меня... Хотелось поговорить с ней по душам, впустить её в свой мир. Он сам себе удивился – ему, профессиональному шулеру, не пристала такая расслабленность. Вот, она складывает свои вещи в сумку, собирается уходить...

Мея неторопливо собрала свои вещи, мило попрощалась и направилась к воротам с пляжа к гостинице, показала швейцару визитную карточку гостя «Камелии». У стойки портье, беря протянутый ключ от номера в полумраке вестибюля после ослепительного солнца, она опять поразилась расплывчатости окружающего мира: за спиной портье на стене висело что-то яркое – то ли рекламный плакат, то ли календарь, да - календарь, смутно угадывались крупные цифры – 1987, дальше неразборчиво... Вот так оно, без очков-то...

Золотое Слово-7

Рядом раздался жирный мужской гололос.

Ну вот, начинается... а она-то рассчитывала, что здесь, в этом отеле, будет избавлена от встреч со знакомыми и их неизбежными просьбами - то что-нибудь достать, то с кем-то нужным познакомиться...

Пришлось достать из сумки очки, мир обрёл чёткость, перед ней стоял плотный лысоватый мужчина в белом костюме, ворот белоснежной рубашки расстёгнут, на толстой шее толстая золотая цепь с крупным золотым магендовидом. Она узнала его, зимой он приезжал из Москвы и по звонку, кажется из Управления торговли, отоваривался в Ленфинторге добротной финской обувью и ещё чем-то; помнится, он директор крупной овощной базы...

- Позвольте вам напомнить... - мужчина галантно расшаркался. – Пейсашкин Абрам Львович, директор Оптовой базы Мосплодоовощ... Разрешите вас пригласить пообедать со мной, я как раз в ресторан направляюсь...

- Хорошо, спасибо, вот поднимусь в номер, переоденусь и присоединюсь к вам...

Она сняла очки и, держа их в руке вместе с ключом, направилась к лестнице, её номер был в бельэтаже. Без очков всё снова стало туманным, люди, как фантомы, заплывали в сумерках вестибюля, по лестнице ей навстречу спускался какой-то психлавец, вылитый святой Христофор в византийской мантии и с нимбом вокруг собачьей головы... Он внезапно обрёл двойника, потом двойник пропал, и Мея, вступив на площадку, поняла, что психлавец просто на мгновение отразился в пристенном высоком зеркале, а когда они поравнялись, то разглядела, что это - не святой Христофор, а дама в длинном малиновом с золотом балахоне несёт на руках собачонку, прижав её голову к щеке, и светлая шерсть псинки сливается с её осветлёнными волосами, образуя подобие нимба. Как интересно!.. Какие превращения...

Дома в Питере, в делах и на работе она никогда не бывала так долго без очков, опасаясь кого-то не узнать, пропустить что-то

важное, ошибиться дверью, сесть не на тот автобус. А здесь, на отдыхе – ну не увидит кого-то – и не надо, кому надо – сам подойдёт...

Она помнила, что её номер по коридору последний справа, можно не приглядываться к цифрам на дверях. Коридор, устланный малиновой ковровой дорожкой, упирался в окно, за которым переливалось и сверкало. На фоне сверкания из-за левой последней двери выставилась колченогая костяная нога с копытом вместо ступни, оказавшаяся вблизи трубкой пылесоса с треугольной насадкой, потом появилась рука, потом тоненькая фигурка в униформе – горничная с пылесосом... тоже интересно...

* * *

Пейсашкин, дожидаясь Мею в ресторане, пил воду со льдом и думал, что очень удачно встретил её здесь - такую полезную знакомую и такую интересную женщину. Вот она, появилась в дверях и приостановилась, - белая пайта, блёклые светло-голубые джинсы на манжетах, с модными декоративными заплатками, золотая цепь-кольце и на тонкой цепочке бабушкин крестик – стоит, спокойно и рассеянно обводя взглядом зал. Он направился ей навстречу, опередив метрдотеля, проводил к столику, пододвинул стул.

Они сделали заказ и, потягивая воду со льдом, заговорили об общих знакомых. Абрам воспринимал Мею в её истинном, 30-летнем возрасте, зная, где и кем она работает, но отметил про себя и вслух, в виде комплимента, её юный вид.

Официант принёс заказанное и точными учтивыми движениями стал расставлять блюда на столе, называя каждое по-русски и тут же по-английски. Обычно служащие интуристовских гостиниц с первого взгляда различали соотечественников среди иностранцев – по одежде, часам, украшениям, по манере держать себя, особенно по выражению глаз. Относительно же этой пары – он не был уверен: по всем приметам иностранцы, она, похоже, скандинавка, он – вроде итальянец, а говорят, кажется, по-русски,... впрочем, при нём они замолкают. На всякий

Золотое Слово-7

случай, он русский дублировал английским.

Когда официант отошёл, Абрам, поднимая бокал, сказал:

- Поздравьте меня, Саломея... можно я без отчества?... Вы такая юная здесь, на отдыхе... - Поздравить с чем? – у меня такая радость - мой единственный сын Вениамин, Венечка, закончил с отличием Индустриальный техникум в прошлом году, защитил два диплома: «История костюма» и «Макияж и декоративная косметика», и вот теперь его по распределению... - (он выделил эти слова нарочитой интонацией своего жирного голоса), - направили в Центральное проектно-конструкторское бюро при Министерстве бытового обслуживания РСФСР на должность старшего художника... - он отвёл глаза в сторону и вниз, почесал нос: типичная мимика вранья.

Мея представляла себе, что ему стоило это распределение. Она сделала сочувственно-понимающее лицо и тоже приветственно приподняла бокал:

- Рада за вас, поздравляю, похоже, перед ним открываются большие перспективы...

- Да, он мечтает стать модельером, такой талантливый мальчик, но вот беда... Он немножко гунявый... ну, немного так невнятно говорит. Я узнал, у вас в Питере есть замечательный логопед, можно, конечно, и хирургическим путём, но не хотелось бы... У вас, Саломея, такие связи, столько знакомств... говорят, в спецполиклинике Оперного театра можно подкорректировать...

Так она и знала! Опять этот блатмейстерский круговорот «я-тебе, ты-мне». Мысли побежали по привычной схеме: Венечка станет модельером-дизайнером (кто бы сомневался! – с таким папой), дизайнерская одежда... неплохо... финские вещи, хоть и хороши, но не изысканны, простоваты... есть, конечно, у неё свой мастер в Театральном ателье... но и этот Венечка, может быть, пригодится...

- Хорошо, постараюсь, я даже примерно представляю к кому можно обратиться... - она подумала о Люсе Крупицыной, логопеды,

пациентом которой был известный в определённых кругах Яша-Немой, по слухам, один их авторитетов замкнутой касты Питерских глухонемых.

- О, я буду вам чрезвычайно благодарен! – Абрам учтиво поцеловал ей пальцы, полюбовался на изящные кольца и, как бы осенённый внезапной идеей, воскликнул: – Приглашаю вас послезавтра в ресторан гостиницы «Приморская», будет великий весёлый праздник Симхат Тора, или как говорят на идиш, Симхастойра.

- Хорошо, спасибо, как раз послезавтра муж приедет...

- Ну, разумеется, с мужем... - Абрам был несколько разочарован.

Обед они закончили отличным крепким кофе, официант подал счёт, и Мея, игнорируя возражения Пейсашкина, заплатила за себя, как делала всегда с малознакомыми мужчинами.

* * *

Часом позже она шла бесконечной эспланадой вдоль пляжей и отелей, бездумно прогуливалась, не надевая тёмных очков с диоптриями, которые благополучно нашла на полочке в ванной и взяла с собой на всякий случай. Ей понравилась эта игра с двоящейся реальностью, с иллюзорными превращениями и мнимостями; из залитой солнцем далёкой перспективы набережной возникали её навстречу вначале расплывчатые фигуры неопределённого пола и возраста и, по мере приближения, обретали индивидуальность. Вот двух с половиной метровый гигант с маленькой головкой превращается в широкоплечего мужчину с ребёнком на закорках... Вот двугорбый верблюд – оказывается двумя толстыми тётками в конических войлочных шляпах, идущими гуськом, у первой торчит сверху связка люфы на палке... Вот тёмный египетский Гор с соколиной головой – приблизившись, предстаёт загорелым до черноты пляжным фотографом с большим попугаем на плече... Кроме этих экзотов шли навстречу стройные андрогинны, сдобные купидоны, горгульи, Калигулы и Шемахинская царица, оказавшаяся вблизи пёстрой

Золотое Слово-7

цыганкой. Она заступила ей дорогу со своим цыганским гипнозом и традиционным бормотанием: «...Всю правду скажу... позолоти...», но, наткнувшись на её равнодушный взгляд и услышав тихий ответ: «...да я сама тебе всю правду скажу...», оторопела и чуть ни превратилась в соляной столб.

А вот и «Розарий», платные пляжные места гостиницы «Приморская» в колоннаде, увитой жиденькими вьющимися розами по решетчатой крыше, оттуда кто-то её радостно приветствует. Толком не разглядев, она узнаёт его по голосу – Саша Серебров, певец-баритон, друг её близкого друга, - берёт её за руку, ведёт к своему лежаку под прозрачную тень аркады, угощает персиком, усаживает отдохнуть.

- Рад тебя видеть, Мея, ты где поселилась? В «Камелии»?! Эх тебя угораздило в это кегэбешное гнездо, там ведь одни иностранцы, скукота... Переселяйся сюда, в «Приморскую», у меня здесь замдиректора по расселению прикормлен... Здесь столько

друзей и знакомых...

Действительно, ей кто-то махал с соседнего лежака, кто-то кивал, стоя у фонтанчика с водой; она невнимательно помахала и покивала в ответ.

Саша, сам по близорукости всегда в сильных стильных очках, сразу понял, в чём дело:

- Да ты, мать, очки-то надень, а то ведь не узнаёшь никого, я издала тебя, сомнамбулу, увидел, машу тебе полчаса, а ты, как лунатик, чуть об цыганку не споткнулась...

Мея не стала рассказывать о своих иллюзорных игрищах-затеях, достала дымчатые очки, нацепила и сразу увидела несколько знакомых лиц, а через две колонны ей махал и улыбался Андрей с пурпурной каймой полотенца через плечо. Он сидел в компании трёх солидных мужчин, они играли в карты, судя по репликам – в преферанс.

Продолжение следует

НИНА ОЗЕРОВА

Танго

Посвящается В.А. Пищаеву

После спектакля, как по волшебству, оказались в ресторане «Rossi», тут же недалеко от театра на Михайловской. Ресторан находился на первом этаже Гранд-отеля «Европа». Удобно расположились за одним из тех столиков на двоих, что так заманчиво видны с улицы в нишах окон. Столик у окна – так романтично, за окном так близко тротуар и прохожие, фонари и чуть правее вечерний и таинственный Невский, как живой и сверкающий разноцветными огнями дракон.

Услужливый молодой официант, с улыбкой затаенного превосходства на холеном лице неслышно принес заказанное шампанское и коньяк, чуть позже – мороженое. И вот только теперь, когда держа в руках бокал и отведав глоток ароматной влаги и почувствовав тепло разлившееся в груди, Она, наконец, осознала, что Он перед ней всего на расстоянии протянутой руки. И тогда Она осторожно и нежно пальцами, похолодевшими от бокала с шампанским, дотрагивается до его руки. Ее взгляд задерживается на его холеных руках, на пальцах, держащих рюмку с коньяком. Далее скользит по безупречным манжетам с красивыми запонками, рукавам пиджака, к вороту рубашки, что охватывает его крепкую шею, к твердому и упрямому подбородку, и властным и чувственным губам... Перед ней сидит усталый мужчина, ее любимый артист и певец... Взгляды их встречаются. Она наслаждается этими секундами, минутами, что несутся вникуда с космической скоростью в поезде именуемом «Случай». Сердце стучит, как перестук колес, но скоро остановка и надо выходить. Но пока, пока звучит тихая музыка – это пианист наигрывает знакомую мелодию «Путник в ночи», слова не нужны.

Вдруг с небольшой эстрады, где стоял рояль, послышались звуки скрипки и аккордеона, а за ними вступил и пианист – заиграли танго Карлоса Гарделя из кинофильма «Запах

женщины».

И, конечно же, Он приглашает ее на танец. Они выходят из-за стола. Правой рукой Он обхватывает ее за талию, левой – держит ее холодные пальчики. Ей кажется, что она вся в его власти, и ее рука покоится на его плече. О, танго! Колдовская музыка! Электрическое танго, поэма любви и страсти. Вертикальное выражение того, что, может быть, произойдет потом горизонтально...

Музыка с этим страстным ритмом отзывается в каждом мускуле, движения слажены и Она так послушна под сильными пальцами его руки. И повинуюсь ритму музыки и с удовольствием ощущая себя в его руках, ни на секунду не преодолевая давно возникшее притяжение... К нему, к ее кумиру...

Притяжение, ощущаемое через партер в театре, ряды человеческих тел, через музыкантов в оркестре, Она наслаждалась этими мгновениями. Волшебное танго! Кто может, молча, будучи едва знаком с партнером, его станцевать со страстью и ощущая музыку танца, как свою собственную поэму любви – тот уже пережил начало своего романа...

Музыка стихла. Они все еще стоят посреди зала, Он нежно берет ее руки и кладет их себе на плечи. Не выпуская их, приближает свои губы к ее губам... И вдруг! «О, Боже! Откуда такая боль, зачем он с такой силой держит мою руку? Хочется вырваться из этих клещей!»

И в это время Она просыпается – в своей постели, в своей квартире... «Господи! Что же это было, где сон, где явь?»

«Пиковая Дама» и Герман были? – Были! Шампанское и холодное стекло бокалов было? – Было! Перед началом спектакля, в фойе. Танго – не было, а вот ушиб руки случился, и это выходя из машины под окнами своей квартиры после театра. Боже, как сильно болит рука! Скорее бы наступило утро, ведь надо обязательно пойти в травмпункт и сделать снимок руки, а вдруг, не дай Бог, перелом?

На следующий день она принимала у себя друзей. Обошлось без перелома. На руке на месте ушиба красовался шарфик из шифо-

P.S. Но встреча с обожаемым кумиром все же состоялась. Не так романтично как во сне, но все же...

В память об этой встрече Он подарил ей свои диски:

Одни с популярными ариями из опер и неаполитанскими песнями, и тремя ариями Германа из «Пиковой Дамы», другой с оперой «Амок» Бориса Синкина... по произведению Стефана Цвейга – «Амок».

И теперь, когда вот уже несколько лет его нет на свете, Она иногда слушает его завораживающий и волшебный голос, который когда-то приворожил ее навсегда, уносится в свои воспоминания в те далекие времена.

Театр, четвертый ряд партера, запах кулис, его гримерная, Он на сцене – Герман ли, Хозе, Каварадосси или еще кто-то... Но чудеснее всего его Герман – единственный и неповторимый и его голос...

И музыка П.И. Чайковского к этой драме.

И тогда вспоминаются стихи И. Северянина, которые она знала наизусть и читала иногда в кругу друзей - «Играй целый вечер»:

*Сыграй мне из «Пиковой Дамы»
Едва ль не большейшей из опер.
Столь трогательной в этой самой
Рассудочно-черствой Европе...
Сначала сыграй мне вступленья,
Единственное в своем роде,
Где чуть ли не до преступленья
Мечта человека доводит...
Мечта! Ты отринута миром...
Сестра твоя – Страсть – в осмеяньи...
И сердцу, заплывшему жиром,
Не ведать безумства желаний...
О, все, что ты помнишь, что знаешь,
Играй мне, играй в этот вечер:
У моря и в северном мае
Чайковский особо сердечен...*

Юбилей

Проезжая как-то по Среднему проспекту Васильевского острова, мимо дома №50, угол Среднего и 13-й линии, я с удивлением заметила, что кафе «Колежский ассессорь» больше не существует. Об этом говорило отсутствие вывески в старинном духе с буквой «Ъ» в конце слова. Теперь там расположился продуктовый магазин эконом-класса.

А когда-то здесь находилось очень уютное кафе. Как давно это было – семь лет назад. Жизнь пронесется с таким ускорением, события, людские судьбы пролетают... Не успеешь оглянуться – год прошел. Не был в течение года на какой-то улице – глядишь – все изменилось и не узнать прежнего облика.

Так, я отвлеклась в своем рассказе. В кафе, на второй этаж дома вела лестница прямо с тротуара. Оно было небольшое по площади и очень уютное. Стены внутри зала, разделенного на две части, были голубые с белой отделкой. На окнах шелковые шторы кремовые с коричневым. Вместо обычных стекол в окна были вставлены витражи с картинками городских пейзажей конца 18-го века.

На стенах бра под старину, над камином барельеф с изображением античного сюжета, картины в рамах под бронзу изображали также античных красавиц... Стулья ручной работы деревянные с выжженным рисунком на спинке были обиты синим шелком с «серебряными» цветами. Не берусь определить стиль убранства, но интерьер производил впечатление. Думаю, что это кафе посещали не только влюбленные, здесь наверняка велись деловые переговоры, проводились банкеты, свадьбы, а также справлялись юбилеи.

Об одном таком весьма знаменательном юбилее и пойдет мой рассказ.

Лет семь назад, весной, в этом кафе «Колежский ассессорь» отмечал свой юбилей мой хороший знакомый поэт «П».

Итак, торжество в самом разгаре, гости расположились за накрытыми столами. Это друзья Юбиляра «старые» и новые, а также родственники и дети...

Сам поэт, Вениамин Праздников красивый, элегантный мужчина, одетый в белый пиджак, который дополняли черные брюки и

Золотое Слово-7

черная в белую полоску рубашка с белой «бабочкой» был неотразим, и дамы не сводили с него восхищенных глаз.

Рядом с ним как всегда его верная подруга, жена Мария. В том, что ее зовут Мария – не сомневался никто, а вот в подлинности его имени у некоторых были сомнения... Возможно это был его литературный псевдоним – «В. Праздников». И все знали – там, где появляется он – был всегда праздник.

Сюрпризом для гостей явилось то, что поэт представил новый сборник стихов «К тебе стремлюсь...», прочитал новые стихи, уже прозвучали тосты в честь юбиляра, прогремели аплодисменты. И вдруг в наступившей тишине у одного из гостей громко зазвонил мобильный телефон. Гость был незнакомый мужчина, элегантно одетый в темно синий костюм, средних лет чем-то очень напоминавший актера Питера Броснана в роли Джеймса Бонда. И тут все услышали его хорошо поставленный голос:

- Алло! Я на связи, это я, агент 007, то есть Бонд! Пароль? Ну, конечно же – «Миссия выполняема». Лара, это ты – не узнал. Опять вместе работаем! Ты где? Здесь? Тогда подсаживайся ко мне, я за отдельным столиком, пусть думают, что я охранник!

И тут все увидели, что к столику, стоящему в углу направляется молодая особа весьма экстравагантной наружности, чем-то напоминающая Анжелину Джоли в роли «Лары Крофт» - расхитительницы гробниц. Одетая она была в белую майку, брюки заправлены в высокие армейские сапоги, черные волосы убраны в хвост. Этот костюм подчеркивал ее стройную спортивную фигуру, а выразительные глаза ее, аккуратный нос и пухлые губы действительно делали похожей на известную голливудскую диву. И поднимаясь со своего места ей навстречу этот пока еще неизвестный мужчина спросил:

- Ты все раскопала о нашем юбиляре? Тогда начинаем!

Взявшись за руки, они вышли на импровизированную эстраду и, подождав, когда все гости устремят свои взоры в их сторону, начали:

- Уважаемый Вениамин! Дорогие гости, дамы и господа! Вас приветствуют секретные агенты Лара Крофт и Бонд, Джеймс Бонд!

Лара. Господа! Кто-то из близких друзей нашего юбиляра, пожелавший не называть себя, заказал...

Бонд. Что ты говоришь?

Лара. ...Заказал нашему «Агентству Юбилейных расследований» провести здесь у вас маленькое оригинальное представление-поздравление, которое в былые времена называлось «капустником», в честь нашего Поэта!

И в это самое время вдруг среди гостей появляется милиционер и, отдавая присутствующим честь, громко объявляет: «Господа! Прошу всех оставаться на местах, не паникуйте. Мероприятие ваше закрытое, все оцеплено – пропал Юбиляр!». Все переглянулись. Действительно, поэта среди гостей не было... «Но мы приняли все меры, связались с Интерполом, подключили даже «Ментов», вызвали прямо со съемок рекламы кожаной одежды «ТОТО» - объявлен розыск! А вы пока продолжайте – только без паники, спокойно и весело!» И уходит.

Немая сцена. Все в недоумении...

Бонд. Вот это номер – Юбиляр исчез! (*Понизив голос, обращаясь к Ларе.*) Украли, наверное, с целью выкупа. Но раз гости здесь, покажем всем, что мы настоящие секретные агенты, а не какие-нибудь «Люди – X». Пусть все думают, что это розыгрыш. Начинаем выполнять свою «миссию». Выкладывай свои секретные материалы.

Лара. Ну и заданье поручил нам шеф! Не верилось, что управлюсь. И вообще я даже не знала, что работаю с тобой. Сто лет тебя не видела – ты ведь все за границей, в Швейцарии да в Англии или где там еще... Ну да ладно. Господа! Собирая «секретные материалы» о нашем Поэте, я, можно сказать, провела в Интернете на разных сайтах несколько дней и даже ночей...

Бонд (перебивая). Послушай, я даже не сомневаюсь, что его найдут. «Моя милиция меня бережет» - а его тем более! Извини, продолжай, я очень переживаю.

Лара. И оказывается, что самое интересное про него, для него и о нем – на литературном сайте в Интернете.

Бонд. Да, наш Поэт загадочная личность. В Питере появился внезапно – нигде с местными околосекретными личностями не тусовался. Вдруг выпускает три тома своих стихов

Золотое Слово-7

и прозы. Все в изумлении на Невских берегах от такой смелости, и на берегу Финского залива. И неудивительно! Ты же знаешь, он любит не только там гулять и оставлять свои следы на песке, но и почитать свои стихи почтенной публике в «Дюнах» и «Белых ночах».

Лара. Я представляю, сколько у него поклонниц и читателей. Так вот на литературном сайте для него столько посланий от читательниц, что можно это все издать отдельной книгой с названием «И это все о нем...»

В это время у Бонда зазвонил телефон и он, обращаясь к гостям, читает смс вслух:

«"Менты" отбили юбиляра у фанаток, готовы выкуп – трехтомник плюс новую книгу. Книги положите под лестницей».

Бонд. Я так и предполагал, что это они – поклонницы его любовной лирики, только читая его стихи о любви, они по-настоящему чувствуют себя женщинами. Я всегда знал, что эти воздыхательницы – те еще штучки!

Наконец. К всеобщей радости появился слегка растрепанный поэт и, поправляя сбившуюся набок «бабочку» и приглаживая растрепанные кудри, обратившись к жене, сказал: «Машенька! Отнеси книги дамам. Да, «таланты и поклонники» - это замечательно! Но я не «последняя жертва» своего таланта и славы! Господа! Я опять с вами! Продолжаем веселиться!»

Лара. Я даже не сомневалась, что наш Юбиляр так быстро найдется. Мы продолжаем!

Бонд. Лара! Ты обещала рассказать новый анекдот.

Лара. Итак, встречаются в Сестрорецком курорте две дамы, которые давно не виделись. Одна с нескрываемым любопытством спрашивает:

- Скажите, милочка, как вам удается так молодо выглядеть? Наверное, новейшие процедуры и косметические средства? В чем секрет?

Та загадочно улыбаясь, с чувством явного превосходства отвечает:

- А вы разве не читали Веню Праздников? О! Вы много потеряли! Мой секрет – поэзотерапия!

- Этот ваш В. Праздников врач-косметолог?

- Нет, мадам, он – Поэт!

Бонд. Ну, знаете ли, даже я агент 007 впервые слышу это слово «поэзотерапия». Это как?

Лара. Позвольте, я зачитаю послание нашему поэту от некой «Леди – X». Вот оно:

Завидую тем женщинам, что Вас любили.

Завидую им всем, что их любили Вы!

Какими яркими те встречи были

Полны огня, любви и красоты!

Благодарю и я судьбу за нашу встречу.

За книгу, чье название «Свидание».

Надеюсь, что для Вас совсем «еще не вечер».

Простите мой порыв и пылкое признание.

Бонд. Теперь я понял, каким образом действуют на поклонниц его стихи. Оказывается, он волшебник! Трудно состязаться с ним нашим косноязычным мужчинам в искусстве обольщения – женщины «любят ушами».

Лара. Джентльмены! Берите на вооружение его приемы! Завоевывайте нас!

Бонд. Потрясающе! Странно, что дамы даже не ревнуют его друг к другу. Они так его обожают, что объединились виртуально в клуб «любительниц поэзии В.П.» Их клич не «Зенит – Чемпион!», а «В.П. – поэт высшей лиги».

Лара. Дорогой виновник торжества! Вениамин Праздников! Позвольте, я зачитаю телеграммы от некоторых лиц, которые не смогли сегодня приехать к Вам. Итак, от ослепительной и фееричной Верки-Сердючки!

«Дорогой Венья! Пока не читал твоих виршей, знал, что по жизни я Андрей Данилко! А как прочел твою любовную лирику – понял, что я, наверное, женщина! Тук, тук, тук – стучит сердечко – тук, тук, тук...»

Бонд. А вот телеграмма от «ментов»:

«Поздравляем с юбилеем, берегись фанаток, будь бдителен. Приглашаем сняться с нами в рекламе. На этот гонорар ты сможешь издать книгу стихов "Тайланд после цунами"...»

Лара. Кстати о Тайланде. Все знают, что наш поэт любит путешествовать по миру, где он только не был. И однажды посетил этот райский уголок земли. Я видела его фото с крокодиллом. Так вот среди множества телеграмм из разных уголков земли – одна из Тайланда:

Золотое Слово-7

«Многопочитаемый Наш Белый Господин! Поздравляем тебя с юбилеем – у нас так долго не живут. Даже грохот волн океана не сможет заглушить твой божественный голос в наших ушах! В нашем раю есть все – кроме тебя... Возвращайся даже с белой женой. Но мы все твои, мы любим тебя вечно».

Подпись: «Девушки с улицы Вонг-Стрит и «Шоу трансвеститов».

P.S. «К нам присоединяется твой любимый крокодил, он до сих пор плачет горячими крокодильими слезами...»

Бонд. Вот это популярность, даже в мире животных!

Дорогие дамы и господа! Время пролетело быстро, мы с Ларой выполнили свою «миссию». Может быть, не все рассказали, но те «секретные материалы», которые мы использовали, полностью совпадают с тем, что пишет о себе наш Поэт.

Лара. Позвольте мне прочитать свое поздравление Юбиляру. С кем поведешься...

Ваш День Рождения требует стиха.

Особых строчек модной поэтессы.

Ну что ж, я пожелать бы Вам могла

Во всех изданиях «изобилье прессы»!

Но так, чтоб эти сплетни были Вам милы...

На зависть всех мужчин России.

Лишь Ваши женщины красивы и умны

И только Ваши всех других мудрее.

Любить поэта тяжкая стезя –

Сей крест любви, терпенья и труда...

Ваша поклонница

Лара Крофт.

Бонд. Лара! Я удивлен, ты делаешь успехи.

На этом запись на моем диктофоне закончилась. Вечер еще продолжался. Торжество удалось. А время летит, скоро у В. Праздника круглая дата. Где на этот раз он будет отмечать юбилей?

ОЛЕГ ОПРЫШКО

Жажда

Солнце, стоявшее в зените, палило нещадно. Лёгкий ветерок, нёсший прохладу от реки, протекающей внизу ущелья, мало спасал от полуденного зноя. Только ночью, когда приходила спасительная прохлада, медведь ложился на крышу своей металлической берлоги, лизал её прохладную сталь, засыпал, и ему снились струи холодной воды. Они, вырывающиеся из брансбойдов большой красной машины, изредка приезжавшей к его клетке, приносили блаженство. Тогда он поднимался на задние лапы, наслаждался их свежестью и подставлял под упругие струи живот и бока. С восходом солнца стальной лист вновь нагревался. Медведь начинал ходить по нему кругами, жадно лоя раскрытой пастью лёгкие дуновения ветерка. К полудню его мозги закипали от нестерпимой жары, а налитые кровью глаза уже не видели ничего вокруг. Вторые сутки двухгодовалый медведь, мучаясь от жажды, метался по клетке. Последние листки травы, до которых он мог дотянуться, были давно съедены. Кормушка, в которую ему наливали помоев из ближайшего кафе и столовой, пустовала уже два дня, и не потому, что там не было отходов, просто человек, который должен был ухаживать за медведем, несколько дней не появлялся на работе, а кроме него никто не считал своей обязанностью кормить и поить зверя. Ближе к вечеру, когда автостоянка заполнялась большими грузовыми машинами к клетке подходили шофера и угощали его лакомствами: конфетами, пирожками, а иногда и банкой сгущёнки, но никому не приходило в голову, просто напоить его. Если бы шланг с водой находился бы где-нибудь поблизости, наверняка кто-нибудь побрызгал бы на него ради забавы, но на вершине перевала вода была в дефиците, и запросто так её не расходовали.

- Смотри-ка и здесь медведь, - удивился мужчина.

- А ты что, разве не видел его, когда подъезжали?

- Как-то не обратил внимания, на дорогу больше смотрел, да и клетка в стороне стоит, сразу не заметишь. Пойдём, подойдём поближе.

Путешествуя на машине, они только что остановились в гостинице в этом живописном

месте Уральского хребта. Небольшая речушка Сим протекала внизу широкого и глубокого ущелья. Там же внизу находился и основной посёлок, а здесь на более пологом Западном склоне гор, расположилось пара гостиниц, торговые палатки, столовая, кафе и автостоянка с мастерской.

Медведь обратил на них внимание только потому, что днём, когда автостоянка была пуста, вообще мало кто подходил к его клетке, однако быстро потерял к ним всякий интерес, не увидев у них в руках необходимой ему сейчас воды. Если бы он мог высказать, что думает об этих тупых, злобных двуногих существах, посадивших его в эту клетку и обрекших на мучения и страдания, об этих недоумках зеваках, подбрасывающих сладости, вместо того, чтобы просто напоить ...

- Станный какой-то мишка. Крутится на месте как волчок, - заметил мужчина.

- Мишка, мишка, ну посмотри сюда, покажись, какой ты красивый, - уговаривала женщина.

- Смотри, какие у него красные, кровавые глаза, может недавно поймали, дикий он ещё, не привык к людям.

- Ладно, пойдём, погуляем, на обратном пути захватим ему пирожок из столовой.

Они удалились, а медведь, злобно глянул им в след.

Мужчина с женщиной зашли в столовую, пообедали, взяли с собой бутылку прохладной, из холодильника, минеральной воды и отправились на прогулку.

- Ну вот, ты всё мечтала о тёплой погоде, можешь погреться, пока мы в Сибири. Как-никак вторую неделю жара не спадает.

- Вот уж не думала, не гадала, что буду в Сибири греться, - засмеялась женщина.

- Сибирь, здесь так. Лето хоть и короткое, но жаркое. Когда я был мальчишкой, мы начинали купаться не раньше праздника Иван-Купала, а в середине Августа купальный сезон уже заканчивался. А этот год вообще какой-то аномальный. Вот и по телевизору говорили, что такой ранней жары и старожилы давно не помнят.

Мужчина откупорил бутылку газированной минеральной воды, и её холодная струя с шипением вырвалась из-под пробки.

Золотое Слово-7

- Пить будешь? – предложил он женщине.

- Давай, с удовольствием попью, - она отпила немного и вытерла влажные губы, - смотри, земляника уже красная. У нас она ещё только цветёт, а здесь уже поспела.

- Я же говорю, жара аномальная. Давай нарвём ягод для медведя, он наверняка обрадуется такому подарку.

- Столько здесь не набрать, да и с кустиками жалко рвать, а ягодками она мелковата.

Они спустились по склону вниз, к ручью, потом снова, не спеша поднялись наверх, побродили у торговых палаток, разглядывая поделки местных мастеров, купили пару «Златоустовских» ножей, несколько сувениров и направились в гостиницу.

- Ой, я забыла пирожок для мишки купить.

- Так зайди да купи, столовая-то рядом.

Женщина ушла за пирожками, а мужчина, перейдя дорогу, направился к клетке с медведем.

- Вот, купила пару с ливером, ему должны понравиться, - догнав мужчину, похвасталась она покупкой.

- Сейчас проверим, как они ему придутся по вкусу.

Они подошли поближе к ограждению, установленному вокруг клетки, и бросили один пирожок медведю под ноги. Медведь, даже не взглянув на подношение, продолжал кружиться на одном месте, не обращая на них никакого внимания.

- Станный медведь, от еды отказывается, может он слепой?

- Как это слепой, вон как глазами зыркает. Дикий он совсем, пойдём в гостиницу.

Мужчина достал из кармана уже полупустую бутылку с водой.

- Хочешь? - предложил он женщине.

- Нет, сейчас в кафе поужинаем и чаю попьём.

Они уже собрались отходить, как заметили разительную перемену в поведении зверя. Он замер и заворожено смотрел на бутылку с водой.

- Смотри, смотри, он же пить хочет, - догадался мужчина.

Он посмотрел вокруг, но, не обнаружив поблизости водяного шланга, нерешительно полез через сеточное ограждение поближе к клетке. Медведь направился к нему навстречу и просунул морду между прутьев.

- Но-но, не балуй, сейчас напою.

Вытянув руку с бутылкой вперёд, мужчина сунул её в раскрытую пасть. Медведь тут же схватил бутылку зубами, утащил в клетку и,

зажав лапами, жадно хлебал выливающуюся живительную влагу.

- Мать моя, так ты тут целый день без воды паришься?!..

Мужчина отошёл от клетки, нашёл в мусорном бачке несколько пластиковых бутылок размером побольше и направился в гостиницу, наполнить их водой.

- Мишка у вас в клетке, пить хочет, можно воды набрать, - обратился он к буфетчице в гостиничном кафе.

- А, это наш Андрюшка, ему два года, его хозяин у циркачей приобрёл.

Так что ж ему клетку-то сверху не накрыли, и воды нигде поблизости нет? За ним хоть кто-нибудь ухаживает?

Присматривает один работник, да ему времени на всё не хватает, а тут два дня вообще не показывается, может запил или что... Не знаю.

- Так я воды-то наберу?

- Да, можешь хоть здесь, хоть на улице,azole душа, - равнодушно ответила она.

Две двухлитровых бутылки мишка так же отобрал, ещё норовил и лапой махнуть, но мужчина был начеку и вовремя отскочил в сторону.

- Ну, ты и безобразник, тебя поят, а ты хулиганишь.

Медведь, расправившись с бутылками, уже смотрел не так злобно, а скорее даже признательно – заискивающе. Явно было, что жажду, он утолил, но не напился вдоволь, и, опасаясь, что большего не дадут воды, жалобно поглядел на мужчину и женщину.

- Так ты все бутылки у меня поотбирал, чем же я тебе ещё воды принесу?

Медведь, будто понимая, глядел на них уже виновато.

- Ладно, подожди, я ещё посмотрю, может, найду чего. Ведра-то хозяйка не даёт, говорит ты все их поизломал.

Найдя пятилитровую канистру, мужчина несколько раз принёс воды, вылил в кормушку и повесил посуду на ограждающую сетку. Медведь, напившись вволю, начал шлёпать лапой по оставшейся в кормушке воде, что доставляло ему огромное удовольствие.

Утром мужчина и женщина уезжали рано. Медведь ещё спал на крыше своей берлоги, но когда мужчина принёс воды, проснулся, встал во весь рост и, словно прощаясь, помахал лапой.

- Прощай, мишка, не хворай, а канистру я повешу на видном месте, может, кто ещё принесёт тебе воды.

ВИКТОР ПЕРМЯКОВ

В электричке

На Московском вокзале Сергей Иванович купил билет и подошел к высокому черному металлическому забору, вдоль которого стояли электронные автоматы, которые разрешали доступ на перрон. Вставил билет в аппарат и, когда загорелся огонек, прошел на перрон. За процессом наблюдал человек в черной одежде, напоминающей эсесовскую форму, а из кармана выглядывала рация с антенной. «Видимо, вся страна будет в таких заборах, только собак не хватает», - подумал Сергей Иванович. А впрочем, зачем собаки, ведь есть более эффективный способ контроля за передвижением биообъекта – электронный чип. Пока чипы вживляют коровам, собакам, кошкам. «Очередь за нами», - мелькнула мысль в голове Сергея Ивановича и растворилась в океане других, более приятных размышлений.

Электричка на Малую Вишеру вышла по расписанию. Сергей Иванович оживился и стал смотреть из окна вагона, уходящего из душного города. В Петербурге стояла июньская жара и жители мегаполиса устремились к своим дачам, огородам, водоемам. Оно и понятно – дачный сезон в разгаре. Горожане толпами скапливались на вокзале с сумками, рюкзаками, рассадой для теплиц, домашними любимцами, упакованными в перевозконтейнеры.

Сергей Иванович по профессии историк. Еще недавно он служил преподавателем в Государственном Университете. Выйдя на пенсию, ушел со службы и был счастлив тем, что может, наконец, вздохнуть чистым воздухом и распоряжаться своим временем. Он любил летние поездки за город и вообще любил путешествовать. Исколесил в свое время полстраны. В пригороде Санкт-Петербурга, у отставного преподавателя, была небольшая дача, и он радовался, как малое дитя, поездкам на электричке на встречу с природой. Природа, как и Божия Церковь, исцеляет душу человеческую, делает ее чище и добрее. Сергей Иванович стремился всей душой слиться с Природой, стать единым целым, хоть на малое время.

Размышляя о жизни, Сергей Иванович, смотрел в окно. Вспоминая события своей юности, учебы в Университете. Мысли его нарушались проходящими непрерывной чередой торговцами. Громко и навязчиво предлагали они пассажирам свои товары. Они как бы вползали в душу и долго вбивали в голову, что у них самый лучший товар и дешевый, и его надо непременно купить. Пассажиры были совершенно беззащитны перед этой организованной группой продающих. Погрузиться в себя или просто отдохнуть не было никакой возможности. Тут Сергей Иванович, вспомнил почтовые ящики своего многоквартирного дома, плотно забитые рекламной макулатурой. Причем, вбрасывают бумажки по несколько раз в день. Бывший советский школьник – Сергей Иванович поблагодарил бы в свое время установщиков оконных рам, чьей рекламы больше всего он выгребал из своего многострадального почтового ящика. Сбор макулатуры в советские времена был для школьников делом чести. Да, школьников было много, а макулатуры мало. Сейчас школьников с каждым годом все меньше и меньше, зато макулатуры целые горы.

Мирное течение мыслей прервал шум в тамбуре. Это молодое поколение спасалось от контролеров, проверяющих билеты. Контролеров сопровождали двое в черной форме с надписью «ОМОН». Молодежь стремглав пробегала из одного вагона в другой, чтобы не попасть в лапы проверяльщиков и добраться до заветной станции. Солидные пассажиры с сочувствием смотрели на ребят. Это же не от хорошей жизни. Цены на билеты были такие, что не обрадуешься. С первого ноября и до мая, подумалось пенсионеру-преподавателю, и ему, видно, придется побегать. Но с большими ногами далеко от «ОМОНА» не убежишь, поймают. Доброе государство сделало большое одолжение пенсионерам, давая им льготы на проезд в летний период.

Сосед, сидящий напротив, читал газету и вдруг разгневался и стал вслух ругать Америку и НАТО за расправу над Югославией. Ведь, ни одна страна не заступилась за сербов! Пообщаться на эту тему с мужичком не удалось, так как на станции «Фарфоровская» он вышел.

Золотое Слово-7

Сергею Ивановичу вспомнился сентябрь 1989 года, тогда еще не был развален СССР. Туристом ему довелось путешествовать по Югославии. До сих пор вспоминаются ему Белград, Загреб, Сплит, Трогир, Дубровник и другие места красивой и цветущей страны. А побережье Адриатического моря - незабываемо! Трудно представить, что там учинили «сильные мира сего». С 24 марта по 10 июня 1999 года – семьдесят восемь дней США и иже с ними, бомбили страну, уничтожая Божий мир. Бомб сбросили больше, чем за всю Вьетнамскую войну. На некоторых бомбах было написано краской послание: «Счастливой Пасхи!» - так отличились англичане. У них, наверное, нет поговорки: «Как аукнется, так и откликнется!». Ну да Бог им судья...

Дальше мысли, Сергея Ивановича становились все печальнее. Война в Ираке, Афганистане. Только, что «вбомбили» в демократию Ливию. И все это делали, так называемые, цивилизованные страны, возглавляемые «Империей добра»... На «Сортировочной» в вагон зашел молодой худощавый парень с гитарой и стал петь:

*На крылечке твоём
Каждый вечер вдвоём
Мы подолгу стоим
И расстаться не можем на миг...*

Парень пел замечательно. В вагоне стало тихо-тихо. Люди слушали и рассматривали юношу, который устроил им такой праздник. Закончив выступление, он медленно шел с холщовой сумкой по вагону и люди, доставая свои тощие кошельки, подавали, кто сколько может. Сергей Иванович тоже положил свою десятирублевку. Песня, тронувшая душу, была на стихи Алексея Фатьянова «На крылечке твоём». В сорокалетнем возрасте поэт ушел из жизни. Многие помнят его стихи по песням: «Соловьи», «Где же вы теперь, друзья-однополчане», «На солнечной поляночке»... Сергей Иванович задумался, глядя в окно. Электричка подошла к станции «Обухово». Территория вдоль станции была огорожена бетонными блоками, на которых брусковым шрифтом было написано: «Хочешь быть сыт – смотри демократическое телевидение!» - не в бровь, а в глаз! В голове что-то щелкнуло и мысли потекли о телевидении. Не только Владимир Высоцкий не любил, когда ему лезли в душу, тем более, когда в нее плевали. Нор-

мальная реакция нормального мужика, когда на него нападают – дать сдачи. Телевидение, Сергей Иванович, воспринимал как агрессора и поэтому, несколько лет назад, он выбросил на помойку свой телевизор – «Самсунг». Больше свободного времени появилось, даже стихи писать стал.

Поезд все дальше от города увозил задумавшегося пассажира. За окном появились деревни, церквушки. Из-за туч выглянуло солнышко и, играя лучами, осветило седую голову Сергея Ивановича. На душе стало тепло и радостно. Он посмотрел на часы и промолвил: «Скоро будет и моя станция!».

Июнь 2012 года

«Ты будешь с нами»

Долгой дорогой шел я, чтобы выбраться на шоссе. Мой путь лежал туда, где прежде я бывал не раз, в юности. В это путешествие я отправился, чтобы увидеть и вспомнить то лучшее, что осталось в моей памяти. Я узнавал места, по которым ходил. Но что странно – природа и ландшафт стали меняться, стали более суровыми и напряженными. Я не понимал, что происходит: какая-то мистика...

Передо мной выросла огромная каменная гора, покрытая лесом, мхом, кустарником. Куда-то исчезла та местность, по которой я шел. Верхушки скал срезали тучи и облака. Что происходит и где я нахожусь, и откуда здесь гора – я не мог уразуметь. Надо мною низко проплывало облако, которое источало стихи: «Ведь ты, бродяга, не забыт, влезай на гору – будешь с нами». С трудом волоча ноги по земле, я отвечал говорящему облаку, что не знаю как взобраться на вершину горы. Облако, уплывая вдаль, шептало по-прежнему: «Ты будешь с нами, ты будешь с нами...»

Подкрепившись водой и хлебом перед восхождением, я осмотрел свою, весьма неподходящую, обувь. Но изменить я ничего не мог и начал свой путь наверх. Мелкие камешки мешали мне и, время от времени, я скатывался вместе с ними вниз, но, все-таки, метр за метром приближался к вершине, подбадривая себя стихами:

*По небу облако летит
И говорит со мной стихами:
«Ведь ты, бродяга, не забыт,
Влезай на гору - будешь с нами»*

Золотое Слово-7

Стало темнеть так быстро, что через несколько шагов мгла настигла меня и заставила остановиться. Я был раздосадован, ведь осталось до вершины всего несколько шагов. Но мне было послано еще одно испытание. Из темноты на меня налетели какие-то странные существа. Сначала они просто летали вокруг меня, задевая своими крыльями. Потом, распахивая друг друга визгливыми криками, стали кусать, впивались в тело своими жалами. От неожиданности нападения я остолбенел, но, к их несчастью, ненадолго. На ощупь, схватил с земли что-то похожее на сухую палку и пошел в наступление на агрессивную нечисть. Атаку я отбил. Стая исчезла также неожиданно, как и появилась. Посветлело. Оглядевшись, я стал искать, где бы присесть и отдохнуть. Прислонив свою покусанную спину к большому камню, я закрыл глаза и задремал. С дремотой пришли воспоминания о далекой ночи, когда я, впервые, стоял на ночном дежурстве у палаточного лагеря в Уральских горах. Было это году в 1965. Мне было восемнадцать. Мы с друзьями поднялись на гору Качканар и на самой верхушке разбили лагерь. Дежурили по-сменному. Мне выпала – глубокая ночь. Холодок пробежал по спине, когда черные великаны-деревья качались на ветру, шевеля руками веток. Острые скалы казались чудовищами. Страх мой отгоняло сознание того, что рядом друзья. Сейчас друзей не было. Поежившись от холода, я проснулся. Светает - надо идти. Дорога лежала через высокую траву и кустарник. Опираясь на палку, послужившую мне мечом, тронулся в путь. Долго ли, коротко ли, но я продвигался все ближе и ближе к вершине, куда звало меня облако. Я уже стал ускорять шаг в радостном порыве, как вдруг дорогу мне преградили выскочившие из-за кустов сущности, пострашнее тех, что встретились ранее. Они грозно рычали, размером были крупнее, и раны, наносимые мне, были более ощутимы. Искаженные злобой морды их, казались мне знакомыми. Где-то я их видел раньше. «Мистика» - подумал я. И тут, кто-то из них расцарапал мне живот, оставив глубокий кровотокающий след. Из последних сил работал я палкой-выручалкой. Мыслей не стало – просто бился насмерть. Либо они меня, либо я их. Они исчезли вдруг, хотя я еще размахивал палкой. Стали возвращаться мысли. Первая: «Хочу пить и есть, но ничего нет». Вторая: «Надо идти, пока эти не вернулись». Вторая мысль стала первой и единственной.

Что ждет меня впереди? Я продолжил восхождение, подбадривая себя, вдруг сочиненными стихами:

*А душа так рвется вдаль
К неизведанным дорогам.
Прогони свою печаль
И ступай с надеждой, с Богом!*

Стал взбираться на скалу. Довольно долго я карабкался, и силы мои иссякли. И тут, как подарок судьбы, моему взору предстала тропа, которая привела меня в пещеру, прятанной в себе еще один подарок – ручеек. Холодная вода освежила, к тому же я смог омыть свои, вовсе не мистические раны. Покинув пещеру, я обнаружил, что вокруг множество полян, где можно отдохнуть, но усталости не было. Поднимаясь по тропинке, я вышел на небольшую опушку, за которой стеной стоял вековой лес. С поляны открывалась величественная панорама. Все пространство превратилось в море цветов и облаков, которые соприкасались с ними и были единым целым – миром единения. Цветы были причудливых и невиданных мною форм и источали неземные запахи. Фантастика – я попал в другой мир! Моя душа была полна света. Облака, вдруг, раздвинулись, открывая новую картину. С большой высоты я смотрел вниз и справа видел узкую ленту реки, на берегу которой примостилась рыбацкая деревенька, камни, лодки, сети, растянутые на просушку - знакомый с детства пейзаж. Восторг мой превратился в стихи:

*С упорством на гору полез,
Минуя горные преграды,
И вот добрался до небес –
Бог дал победу как награду.
По небу облако летит
И говорит со мной стихами:
«Ведь, ты, бродяга, не забыт,
Ну, раз залез, так будешь с нами!».*

Я никогда раньше не ощущал такого величия духа, света, тепла! Мой реальный мир раздвинулся от широкой панорамы до вселенной не подвластной человеческому разуму. Облака, проплывая над моей головой, радостно кричали мне: «Наконец-то ты с нами, с нами!».

Июль 2012 года

МАКАР АЛПАТОВ

Сентиментальная история

Из цикла «Дедушкины рассказы»

*(Из забытого неопубликованного, случайно
обнаруженного на дачном чердаке)*

К читателю

Достопочтенный читатель, вероятно, будет удивлён, что я рискну рассказать ему историю создания этого произведения. Но риск - дело, сами знаете, какое.

Моя бабушка с папиной стороны блестяще владела несколькими европейскими языками и сразу после прорыва блокады Ленинграда - ещё продолжалась война - взялась за моё обучение французскому и итальянскому. Она добилась, что я стал говорить на языке Вольтера почти без акцента - мои парижские общения это утвердили, и ещё - меня потрясло, когда во время гастролей театра «Ля Скала» оркестранты и певцы понимали мой итальянский, хотя разговорной практики у меня в принципе не было, я только часто пел на языке «бельканто». Бабуля гордилась и радовалась, что я «имею способности к языкам». Это помогло мне и далее, в кавказский период моей жизни. Но французский всегда был и остаётся для меня вторым языком общения. Когда я прочёл в подлиннике «Маленького принца» и «Землю людей» Антуана де Сент-Экзюпери, мне захотелось самому что-нибудь написать по-французски, тем более что у меня уже был опыт работы на другом языке, и многое даже сохранилось в опубликованном виде. Мне очень редко приходилось выступать в роли переводчика, но, как известно, исключение всегда подтверждает правило. Это было и в «Музее моря» в Париже (есть фото и видеоматериалы), а когда обстоятельства заставили наводить порядок на даче, то на чердаке мой любознательный помощник - внук (а он, естественно, по-современному англоязычен, хотя и поёт с парижским прононсом «Гимн люб-

ви»), обнаружил рукопись на французском языке, о существовании которой ваш покорный слуга совсем забыл потому, что написал этот рассказ за одну северную летнюю ночь и помнится, хотел сделать собственный авторизованный перевод, но не сподобил Господь: другие заботы и работы заставили отказаться от этой мечты. Снова, кажется, удивлю читателя: с интересом прочёл рассказ заново и поразился, что сам его написал - поверьте, я абсолютно искренен и совершенно далёк от желаний порисоваться - опять сердцем пережил все его коллизии. И вот совсем недавно, уступая просьбам своих родных, когда не спалось, наконец, сумел литературно перевести его на родной язык, так что это совсем свежая русская версия - судите сами, как вышло на старости лет.

Из цикла «Дедушкины рассказы», который я посвящаю и адресую, прежде всего, всем своим внукам - и кровным, и творческим - кстати, название цикла и придумано внуком, пока опубликованы в моей книге «Ленинградские раздумья» лишь 2 рассказа: «Дебют» (его судьба сложилась удачно, он не только напечатан в ряде изданий, но и обрёл жизнь на Радио и ТВ), и «Вы мне писали» о судьбе певца-блокадника, солиста Мариинки, тоже прозвучавший по радио.

Рассказ «Знакомое лицо» о певце-фронтовике, школьном учителе пения после войны и блокады, ещё ждёт своего читателя - пока в работе.

Начнём, благословясь...

Золотое Слово-7

Excusez-moi, s'il vous plait...

На этот раз по-русски...

*Посвящаю моей первой
горячо любимой,
ныне покоящейся
под Парижем,
жене ЕЛЕНЕ*

Это было очень давно - в то время я работал в газете спецкорреспондентом по музыкальному театру - писал рецензии, брал интервью - и мне часто приходилось встречаться со многими артистами - оперными и балетными, нашими и зарубежными. Но искусство этого шикарного баритона чарующего тембра, который только однажды приезжал к нам на гастроль из своего «западного далёка», я любил особенно: за неделю он спел и сыграл на нашей оперной сцене с потрясающим успехом трёх совершенно разных «вердиевских отцов» - любопытная придумка - шута-горбуна Риголетто, эфиопского царя Амонасро в «Аиде» и несчастного Жоржа Жермона в «Травиате». Его обожал весь наш вокальный мир: это был на редкость обаятельный, милейший, скромный человек со всегдашней мягкой грустинкой в глазах. Он плохо знал по-русски, а его переводчица неожиданно заболела, вот меня и попросили помочь. Всю его гастрольную неделю мы не разлучались, тогда и познакомились поближе, подружились...

... Помните, как у Соловьёва-Седого: «А вечер опять хороший такой...»?! Тем тихим летним вечером мне казалось, что дышится как-то по-особому легко. А ещё лучше - когда сидишь на открытой веранде ресторана, перед тобой бутылка хорошего коньяка, во рту ароматный вкус сигареты, а рядом интересный собеседник. Мы заговорили о любви - я был молод, и о чём мне пристало спрашивать ещё?!

- Вот вы, Маэстро, всегда так искренне, по-настоящему передаёте чувство любви на сцене - почему же вы ничего рассказываете о своей семье, о жене, о детях?

- Да потому что у меня никогда не было семьи, - он глубоко затянулся сигаретой, потом отпил из рюмки. - Дело в том, что я по натуре однолюб, а в тот первый и - увы! - единственный раз мне чертовски не повезло, - он

помолчал, дымя, и вдруг, резко повернувшись ко мне, произнёс: - Обычно я никого к себе в душу не пускаю, не люблю говорить о личной жизни, но такой вечер настраивает на воспоминания, не правда ли?

Я кивнул.

- Итак... лет 30 назад судьба в облике седого доброго старца - в прошлом певца, а тогда уже преподававшего вокал - привела меня из деревни в столицу, в консерваторию. Родители мои, я уже, кажется, говорил вам, умерли рано, в деревне оставался лишь дядя, да и тот безногий - он сам нуждался в помощи - больше на земле у меня никого не было. Стипендию поначалу получал я маленькую, в пансионат попал старый, товарищи оказались незнакомые, в большинстве из богатых семей - мне не ровня - да и никак не мог я привыкнуть к городской жизни, к тому ж ещё столичной. Всё парного молочка хотелось, творожку, сметанки, маслица свеженького домашнего - не смейтесь! По правде говоря, кроме моего педагога - седого маэстро-итальянца (он-то и привёз меня из деревни; как я рассказывал вам, он, бывало, в летние месяцы отдыхал у нас, там меня и приметил), никто не верил, что из меня выйдет что-нибудь путное - голос у меня был небольшой, диапазон неразработанный, о дыхании правильном я понятия не имел - тембром брал, но вот желание научиться петь профессионально - необъятное. И работал я честно, титанически много, целиком отдавая себя делу. Ну, да что это я, отвлекся... В общем, из-за денежных затруднений поступил я не работу в театр - нет-нет, пока не петь - носить декорации. Со временем стало невыносимо трудно, но, как говорится, было бы желание - я везде успевал. Тем более что в театр я всегда входил, как... в церковь, в храм. Каждый день там становился для меня праздником, новым знакомством, открытием - я жадно жил театром. Это и теперь осталось во мне - вы ведь так и отметили в своей рецензии. Так вот, в театре я и встретил ЕЁ...

...Помню, я работал всего третий день - на репетиции из кулис выпорхнула весёлая стайка молоденьких девушек и в беспорядке закружилась по сцене ярким цветником. Я застыл замороженный и ошеломлённый - все они показались мне пришельцами из другого, далёкого, сказочного мира - видимо, потому

Золотое Слово-7

что был я в те годы более сентиментальным, более впечатлительным, что ли; более чистым, я думаю. Одна из балерин подбежала ко мне, улыбнулась:

- Новенький?

Я кивнул, смутившись: вообще, я не отличался тогда особой разговорчивостью.

Она, засмеявшись, представилась:

- Натали!

Я назвал. Мог ли я в тот момент подумать, что это - ОНА?! После знакомства я встречал её почти каждый день, но... как-то не замечал. Вышло так, что сначала я близко познакомился с подругой Натали – Мари, которую все называли Холодной Красавицей. Она жила напротив моего пансиона и наши пути после работы часто невольно скрещивались. Она была потрясающе хороша и внешностью своей покоряла, но, как я понял потом, балерина была бездарная и, как выяснялось при коротком знакомстве, человек злой, пустой и болтливый - несколько месяцев мы ежевечерне возвращались домой вместе и, как только выходили из театра, она начинала без умолку щебетать и утихомиривалась лишь у своего подъезда. Так я заочно познакомился со всеми девушками из нашего балета - вернее, с их пороками и слабостями. Моей спутнице нравилось, что я безропотно выполнял функции магнитофона без воспроизведения, а я невзлюбил её, невзлюбил за то, что она вечно всех оговаривала, никого не любила - не уважала, не была довольна своей судьбой, считая, что все ей завидуют, да и на сцене она становилась совсем непохожей на красавицу, а как-то вся ступёвывалась, серела, не было в её танце сердца - вот ведь как бывает! Но отказать женщине, когда она просит её проводить, мне казалось в те дни чуть ли не преступлением против человечества - я терпел, так уж меня, извините, воспитали... в деревне. Товарищи подтрунивали надо мной, дескать, втюрился наш новенький, я же отшучивался и не обижался, потому что это было неправдой.

И вот наступил ТОТ день. Я стоял у колосников, поднимал кулису. Натали, как всегда улыбающаяся, подлетела ко мне:

- А, привет, поклонник Холодной Красавицы! А ну-ка, дай руку!

Она оперлась на моё плечо и, точно маленькая птичка, стоящая на одной ножке и со-

бирающаяся клюнуть, очень близко шаловливо наклонилась ко мне - я услышал её мятное дыхание, её сладкий запах опьянил меня, я заглянул в озорные тёмные глаза - они показались мне бездонно-глубокими - и я погиб... утонул в них...

Никогда ещё я не видел девушки такой притягательной. Она не была красавицей – нет! – а влекущей, милой, родной только для меня и самой-самой красивой только для меня, именно, как птичка - стройная и лёгкая, воздушная и неземная, и какая-то по-особенному полётная... Вот когда я полюбил...

Сначала мне было стыдно даже самому себе признаться в этом, и я убеждал себя в обратном, но всё же ходил на все балетные спектакли. Натали была ещё очень молода и чаще танцевала в кордебалете, но иногда ей давали и сольные куски - в эти дни я был наверху блаженства, ведь я мог дольше любоваться ею. Моя была рабочая смена в театре или нет, я приходил туда теперь и днём и вечером. Я улыбался ей, и мне казалось, она улыбается только мне. Когда она уходила со сцены, я с нетерпением ждал её нового выхода и, как ребёнок, загорался радостью, когда она в красивейшем прыжке вылетала из кулис. Я ждал её после репетиций и спектаклей - тайком, прячась за колоннами - и только увидев её, мог заставить себя заснуть.

Холодная Красавица Мари всё больше сердилась на меня - получалось, что уже не каждый вечер я мог проводить её.

А я любил, впервые любил, пусть я не умел этого делать - не знал КАК нужно любить балерину. И что я представлял из себя в то время? Один поношенный костюм - что называется, и в пир, и в мир, и в добрые люди; денег порой не хватало на еду; тощий, бледный, длинноносый - конечно, некрасивый. Мог ли я соперничать с теми холёными молодыми ветрогонками, у которых карманы прямо-таки лопались от обилия денег?!

Певец разом осушил свою рюмку и налил ещё.

- Да и что я мог дать ей тогда? Абсолютно ничего, и надеяться мне было не на что. Я переживал, ещё сильнее похудел, но петь стал лучше, потому что пел для неё - что бы ни стояло на концертмейстерском пюпитре - ария или романс, народная песня или итальянская

Золотое Слово-7

канцона - всё было для неё, она всегда стояла перед глазами - в пении я мечтал, я грезил, я надеялся, я изливал свою любовь... Она пока ничего знала, но скрывать это в себе становилось всё труднее - чувство переполняло меня, выливаясь через край, и брызги его больно ранили моё впервые по-настоящему влюблённое сердце. У неё была масса поклонников, но ничего серьёзного - я-то знал, точно знал, но всё равно ревновал. Это я-то? Смешно!

Прошёл год. Силы оставляли меня, сдержанность и застенчивость пасовали перед темпераментом первого ошеломляющего чувства. И, возможно, я ещё льщу себя надеждой - всё могло бы сложиться хорошо, если бы не Холодная Красавица. Она давно уже умерла - Бог наказал, но я продолжаю её ненавидеть, как самого страшного лютого своего врага, лишившего меня счастья...

Нам принесли ещё один коньяк. Певец закурил снова.

- Она выследила меня - поймала мой взгляд, безошибочным женским чутьём всё поняла и решила отомстить - за что-о??? Вот когда я погиб окончательно: мечь женщины! Что может быть ужаснее? Она страшна и убийственна, неожиданна и скрытна, она коварна и беспощадна - уж поверьте, я испытал это на себе! Надо мной потешался весь театр, уверенный, что я просто-напросто обычный ловелас - поволочился за Холодной Красавицей, не вышло, получил от ворот поворот - и взялся за другую. Тогда не только время - всё было другое. И лишь я один знал, что это самая последняя ложь, что я искренне люблю, и что только Натали для меня - всё! Стараниями Холодной Красавицы меня стали презирать все балерины в театре. Многие, в том числе и Натали, что стало больнее всего, перестали вообще меня замечать. Да и кто я был для них? Переносчик декораций, рабочий сцены, студентка с сомнительным будущим, бесштанная команда... Да как я посмел, если это правда, полюбить балерину, частичку искусства, частичку их мира?! Я ненавидел себя за то, что не мог побороть, задушить в себе эту страсть, точившую меня, как точильщик ножи у мясной лавки, безжалостно и безразлично. И тогда... тогда я ушёл из театра. Оставался один-единственный выход - и я ещё глубже погрузился в учёбу: два часа в день - вокал,

три - рояль, ещё два - сольфеджио и гармония или лекции о музыке, и ещё я начал качать мышцы для свободы дыхания. Все дни были расписаны, точно движение поездов по трансатлантической линии - а там, вы знаете, не опаздывают. И всё же каждый Божий день я умудрялся видеть её, потому что не мог иначе.

Я уезжал на гастроли в другие города, пел спектакли и концерты, знакомился с хорошенькими девушками - я же не монах какой, слава Богу! - у меня появлялись новые увлечения, новые подруги - да что обманывать себя! - я безрезультатно уговаривал своё сердце снова влюбиться. Друзья тоже пытались устроить моё семейное будущее, но её образ никогда не расставался со мной. Я всегда возвращался к ней. Всегда! Бывает - плохое настроение, на душе горько и холодно - а вспомню, что есть на свете ОНА, сразу увижу её лицо перед глазами, её неповторимую улыбку - и опять будто зимой солнышко выглянуло - хорошо...

А кто была она? Я её и не знал-то по-настоящему... А когда чуть узнал... Глупая, пустая девчонка, кроме своих туров и шене, ничего не ведавшая и не понимавшая - это было ощутимым ударом для меня, но и он не отрезвил головы, опьянённой первой любовью. Она смеялась, издевалась надо мной, а я готов был бороться за неё, за её счастье, за своё счастье и начал борьбу - я решил жениться, жениться на ней. Моё положение стало много лучше, и я мог скромно содержать семью, иметь ребёнка, её ребёнка... Как это принято у нас, я послал к её родным свата - своего старого маэстро - мир праху его! Но... Натали не нужно было моё горячее, безумно любящее сердце, ей нужен был плотный денежный мешок, за который Мари-Холодная Красавица к тому времени уже не раз продавала свою красоту. А она? Ах, эти деньги... Много денег у меня тогда не было. Я был убит горем - чуть не потерял голос. Я ненавидел Натали и страстно жаждал, обожал Натали...

И всё же я благодарен ей за те чувства, которые она во мне родила - благородная злость и безысходная тоска заставили меня забыть обо всём на свете, кроме Её Величества Музыки. У меня не было ничего, кроме моей погибшей любви и моего данного Богом голоса, и никого, кроме «моей» Натали. И я отдал

Золотое Слово-7

своё сердце всё без остатка только искусству пения, раз Натали не взяла его - и, как вы могли видеть и слышать, кое-чего всё же удалось добиться...

Шли годы. Была война. В лагере у немцев я любил её ещё больше - это любовь дала мне силы - я пережил многое и выжил, и вернулся к своему пению и к ней. Она не ждала меня. Через несколько лет я стал известен в своей стране, потом и за рубежом... У меня теперь было всё: признание людей, большие деньги, шикарная вилла, но для кого? Для чего?... Вот уже много лет я работаю, езжу по свету с постоянным концертмейстером - это очаровательная женщина, которая беззаветно, но - увьи! - безответно - сердцу ведь не прикажешь! - любит меня, заботится обо мне... В мои годы ещё не поздно жениться, да и никогда не поздно, но я не в силах изменить «моей» Натали. Почему? - этого я не могу объяснить даже себе. Я очень страдаю без ребёнка, без её ребёнка, ведь я очень люблю детей - вот всё хочу взять малыша из приюта, да не выходит - вечно в разъездах... Вы не зря обратили внимание, что на сцене, особенно в последние годы, я пою и играю любящих отцов, а не героев-любовников: здесь я ближе к правде.

Я случайно видел Натали относительно недавно - но это не была уже «моя» Натали. Ей к пятидесяти, она дважды была замужем, оба мужа её бросили, детей у неё тоже нет. Мне звонили, передавали, что она хотела бы встретиться, поговорить со мной, а я...не смог. Мари-Холодная Красавица перед уходом из жизни передала для меня извинительное письмо, где рассказала, что Натали горько жалеет, что в молодости не вышла за меня замуж и нашим общим знакомым при встречах повторяет всегда: «А ведь настоящий человек и по-настоящему меня любил, а значит, я, может быть, не такая уж и плохая!» - и при этом улыбается своей нестареющей обворожительной улыбкой...

Да-а, сентиментальная история, не правда ли? Особенно для актёра: нас же не считают людьми, а шутами, обманщиками-лицедеями, живущими чужими жизнями - Смейся, паяц, над разбитой любовью! - да ещё меняющими женщин, как носовые платки на спектакле, когда на сцене потеешь, как в бане - это из тебя мастерство выходит вместе с чувствами

- шучу! Однако меня эта история обрекла на добровольное пожизненное одиночество. И только в моём искусстве я не одинок - может, в этом и есть счастье, счастье артиста? Кто знает? Вот Господь - спасибо! - помогает... Вы молоды, у вас всё впереди, молитесь Бога, чтобы и вы не сделали такой же ошибки, чтобы вас миновала чаша сия... - он грустно улыбнулся и допил свой коньяк.

Я кивнул. У меня не было слов - исповедь Маэстро заставила задуматься. Я был тогда до сумасшествия влюблён в свою будущую жену, но - Слава Богу! - взаимно.

Постепенно гасли огни. Мы медленно, молча, шли к отелю. Город засыпал. В нём жили люди, которые тоже любили и тоже делали ошибки...

Хочу добавить: вскоре я женился, и теперь у меня есть не только внучата, а даже правнук, хотя в жизни, тем более в актёрской, всё относительно, но это уже другая история - далеко не сентиментальная. Может, расскажу. Потом...

Авторский перевод с французского и редакция – весна 2013 года.

P.S. Вот что случилось. Я уже через пару дней готовился передать рассказ в набор, но, спустившись за газетой, обнаружил в почтовом ящике письмо, которое полностью всё перечеркнуло в моей душе - я не понимал, кому верить. Конечно, я читал перевод своим родным, чтобы узнать их мнения, посоветовался с крутым специалистом-переводчицей, своей давней доброй знакомой, особо касательно точности и специфике идиоматических выражений, но такого результата, признаюсь, не ожидал. Я не спал всю ночь - не мог сразу принять решение выпускать это в свет или нет, но рискнул ещё раз, ведь жалко столько трудов - не буду никак комментировать письмо, воспроизведу его здесь полностью, и пусть читатель судит сам, кто прав, кто виноват. В конце концов, я только выслушал этот рассказ и за достоверность его ручаться не могу. Итак, перевод письма: *Уважаемый господин! Извините за беспокойство. Вы меня не знаете. Недавно из России вернулась моя*

Золотое Слово-7

подруга Лиза, которая поделилась со мной тем, что Вы собираетесь напечатать рассказ о моём отце. Она сохранила Ваш первый вариант, но не могла предполагать, что Ваш герой и есть мой отец - Вы ведь не называете имен. Но в домашнем архиве сохранилась статья о его гастролях - Лиза была совершенно шокирована, когда узнала правду. Всех, о ком Вы пишете, уже нет в живых, и об ушедшем не принято говорить плохо, но я хочу, чтобы Вы знали истину. Вы, как и все окружающие отца, попали под его обаяние, и это неудивительно: он обманывал всех и всегда. Ваш великий поэт изрёк: «Гений и злодейство - две вещи несовместные»; отец не был гением - он был хорошим артистом, но и злодеем - точно. Он играл всегда и везде - и на сцене, а ещё больше в жизни. Он умел обмануть - это была его природа, он был мастер придумывать истории. По словам Лизы, его рассказ вызвал у неё слёзы умиления. После того, как про это узнала, я побывала на могиле родителей. Моя мать - тот самый концертмейстер, которая безумно его любила и которой он сломал жизнь своими изменами. Отец лгал Вам - он не был способен никого любить, кроме себя и своего голоса - такого эгоиста свет не видел. И детей он не любил - я не видела от него ни ласки, ни участия. Своему дяде в де-

ревне он, даже имея огромные деньги, не помог, и тот умер. Да, отец был сиротой и от этого ненавидел весь мир, и у него, вероятно, были на то причины, он ведь пробился из самых низов, испытал бедность и даже нищету, унижения. Но больше всего меня бесит, что он оболгал Натали и Мари (главное - имена названы истинные), которыми хорошо пользовался, вызывая у них чувства жалости и сострадания. Мари, которая поила и кормила его в студенческие годы, из-за него не могла иметь детей и потому его презирала, а несчастная Натали была совсем не такой, какой он Вам её представил в своих излияниях, это она его любила до конца жизни, а не он её, и искренне радовалась его успехам. Я ещё многое могла бы рассказать о нём и его отношениях с людьми, в частности, с его педагогом, с балетными, но не имею желания копаться в грязном белье. Так что Ваш герой - совсем не герой, а только удачливый артист с прекрасным голосом и плохой человек. Я его не любила. Простите меня, но я должна была это написать. Очень прошу выслать мне Ваш рассказ - Лиза в восторге. С уважением Жанна.

Вот и всё... А правда где? А кому верить?... Мёртвые сраму не имут...

СЕРГЕЙ ПСАРЕВ

Быдло

В помещении центра приема платежей Петроэлектросбыта привычно многолюдно.

Можно пристраиваться в хвост длинной очереди к любому из пяти рабочих окошек.

«Это где-то минут на сорок», - быстро сообразил Дремов и привычно занял очередь сразу в два окошка. Сегодня еще нужно успеть к 16 часам на кафедру.

- Ну что вы прыгаете? – строго спросила его высокая блондинка лет тридцати пяти. – Где вы вообще стоите?

Она посмотрела на него равнодушным оценивающим взглядом, как смотрят на витрину в супермаркете.

- Женщина, не беспокойтесь, - добродушно улыбнулся Дремов. – Я не уйду из очереди.

- Какая я вам женщина? Тоже мне, доктор гинеколог нашелся. Для вас я – ДАМА. Понаехали сюда, деревня...

Дремов мог не относить к себе фразу «понаехали», но ругательная форма слова «деревня», его явно задела.

- Простите, может я и неправ, - он почувствовал, что его обращение прозвучало как-то привычно по-советски. – Но деревня-то здесь причем? Она всех нас хлебом кормит...

- Как же, накормили уже, - усмехнулась она, и презрительно бросила: - БЫДЛО!

Очередь дернулась, словно под ударом хлыста, охнула и неодобрительно загудела. Первой решительно отреагировала пенсионерка в вязаной шапочке, похожей на солдатский шлем.

- Какая же вы после этого дама? Да вы просто хамка, сударыня, стыдно!

- Вы меня оскорбили, - возмутилась блондинка. – Я никого конкретно не называла.

- А я именно вам это говорю и могу повторить еще раз. Вы хоть знаете, что означает это слово?

Не ожидая ответа, старушка, победно сверкнув толстыми стеклами очков, продолжала дальше.

- Это слово, примененное сейчас вами в ругательной форме, польского происхождения и означает рабочий скот. Так раньше помещи-

ки презрительно называли своих бессловесных и покорных крестьян. Уверяю, что по части всех нас вы очень сильно ошибаетесь.

Блондинка зябко повела плечами и подняла на лице шарф до самых глаз, словно отгораживаясь от осуждения. В ее взгляде читалось упрямое непонимание и холодное презрение к окружающим.

Через час Дремов облегченно вышел на улицу. Сыпал мелкий снежок, и это как-то скрашивало мокрую серость и грязь. Улица дышала тихой ненавистью пешеходов к несущемуся без руля и ветрил транспорту и водителей к лезущим под колеса вездесущим пешеходам. У входа в метро Комендантский проспект сумрачная толпа стиснула его со всех сторон и понесла вниз. Он не сопротивлялся и плыл в этом потоке таких же, как он, хмурых пассажиров. Дремов и в жизни никогда особенно не выделялся, предпочитая плыть по течению. Он не был по своей природе бойцом и старательно избегал конфликтов.

Настроение у Дремова было скверное. Он сегодня в очередной раз смолчал и теперь думал о том, как поскорее забыть эту неприятную историю. Но слово «быдло» словно зашло в нем - видно, задело. Стоя на эскалаторе, он невольно косился на свои стоптанные ботинки, которые носил уже четвертый год. Неожиданно воротничок сорочки сдавил ему горло под галстуком, а рукава старенького дождевика показались предательски короткими. Да, у него маленькая зарплата! Но и его многие коллеги тоже не получают больше. Зато он любит свою работу. Вот уже 18-й год он читает лекции студентам и делает это хорошо. Только выходит, что умение учить уже не самое главное. Даже министр образования Дмитрий Ливанов говорит, что критерием успешности является уровень твоей зарплаты... Или мы его не так поняли? Но тогда за чертой успешности останется большая часть сотрудников института. Что уж тут говорить о его родственниках из Вышнего Волочка? Опять это «быдло» привязалось: не такое оно старое, пахнущее нафталином... Нет, это не только те, кто одевается на рынке, не имеет мобильника, не пробовал Chateau Petrus 1997 года. Так за «быдло» можно всю Россию по-

считать. Правда, так тоже некоторые думают... Это не лексикон, а целая система ценностей, холопская психология. Будет лукавством сказать, что в нем нет ничего от этого. Есть, конечно, тоже грешен... Пожалуй, это понятие совсем не соотносится с годовым доходом и интеллектом. Здесь у многих очевидная ошибка. Скорее речь идет об отрицании личности во всех ее проявлениях, о достоинстве. Это неумение жить в условиях свободы, когда тебе становится страшно потерять хозяина и взять ответственность на себя.

Есть над чем подумать. Рука привычно набрасывает схему: личность, свобода, достоинство, собственность... Что-то пока не складывалось у него в привычную стройную систему...

Вечером Дремов заглянул к соседке Леночке за подсолнечным маслом и, как-то незаметно для самого себя, остался там ужинать. Как всегда, за столом Дремов был многословен и самокритичен. Леночка внимательно слушала и смотрела на него своими умными грустными глазами.

- Хороший ты и умный мужик, Дремов, но «совок». И за что тебя студентки любят? Ты же динозавр, птеродактиль... Как можно сегодня жить с такими мыслями в голове? Мне часто кажется, что ты из своих принципов выстроил себе целый дом, но крыша в нем давно течет. Живи проще. Знаешь, ведь и моя бухгалтерия тоже не слишком кормит. Зато какое отношение директора, ведь на мне вся отчетность и финансовые проверки. Я свою работу тоже люблю. Правильно говорят, что бухгалтерия это не профессия и не ориентация, а тяжелая форма умственной патологии, которую можно с успехом использовать в хозяйственной деятельности. Кстати, о «понаехавших»... Это очень спорное суждение. Как-то, на корпоративном вечере, по случаю юбилея нашей фирмы, вышел спор, кто же из нас «больше питерский». Есть такая фишка. Все принялись считать свои родословные до третьего и четвертого колена. Так вышел конфуз: наш генеральный директор, начальники отделов – все приезжие. Почему? Они больше мотивированы, им всегда больше нужно...

К утру за окном выпал снег. Мир снова стал белым и светлым. Дремов улыбнулся. Ему вдруг показалось, что теперь многое в жизни можно начать заново, с чистого листа.

В стране безмолвия

Нельзя сказать, что Бурмина как-то увлекло праздное посещение городских кладбищ. Пожалуй, только одно, Смоленское православное кладбище было для него таким исключением. Здесь он иногда работал, делал натурные зарисовки, находил для себя интересные сюжеты. Бурмину нравилось, что его занятия не привлекают чужого внимания. В таком месте каждый сам по себе, можно просто молчать и слушать тишину, ощущать течение времени.

Сегодня он сразу направился к часовне Ксении Петербургской. Как всегда, здесь было много людей. Его внимание привлекли две женские фигуры у стен часовни. Они стояли, тесно прижавшись к ним лицом и ладонями, пытаясь таким образом соединить себя нитью общения с душой святой Ксении. Потом, не торопясь, набросал в альбоме фигуру мужчины, застывшего рядом с ним в совершенно отстраненном и погруженном в себя состоянии. Получается ли быть услышанным таким образом? Это решает каждый для себя сам, но людей, идущих к Ксеньюшке, меньше не становится. Где-то здесь, совсем рядом, похоронены другие новые блаженные и праведники. На признание людей их проверяет время.

Стояла февральская оттепель с ее проникающей сыростью. Начало темнеть, пошел снег большими хлопьями. Он рождался где-то вверху, в серой бесконечности и, падая на одежду, оставлял мокрые следы. Пальцы застывали и уже плохо держали карандаш. Бурмин решил добавить себе движения и пошел через кладбище знакомыми маршрутами.

Это кладбище, пожалуй, было старейшим в Петербурге. Оно, как и город, имело свои улицы и историю. Вначале Бурмин пошел по Петроградской дороге, потом свернул на Кадетскую. История на этих участках была далекой и не очень. Свиты Его Императорского Величества генерал-майор, корнет лейб-гвардии Павловского полка и кавалер, тайный советник, купец первой гильдии... Надежные каменные памятники, они даже внешне похожи на дома, в которых раньше жили их хозяева. Теперь они давно забыты, прервалась их нить... Вот памятник, ангел в женском облике с одним крылом. У него даже нет головы и рук, когда-то возносившихся к небу, время давно стерло надпись...

Золотое Слово-7

Снег на многих дорожках пожелтел, стояла вода. Вот и дорожка Александра Блока, деревянный крест на его первой могиле 1921 года. Ее уже давно перенесли на «Литераторские мостки». Бурмин стоял молча, размышляя о непростых судьбах русских поэтов. Потом старательно протер рукой мраморную плиту. Лежавшие здесь гвоздики были совсем свежими.

Где-то рядом послышался надрывный, жалобный собачий лай. С соседних деревьев с криком поднялась стая ворон... Бурмин направился туда и скоро увидел рыжую собаку, привязанную прямо к оградке. Это показалось странным. Не останавливаясь, он пошел дальше, обратно к часовне. Здесь уже стояли две патрульные полицейские автомашины с «мигалками». Рослые полицейские с «калашами» на плечах укладывали лицом в снег упрямого брыкающегося мужика. Двое других задержанных уже сидели рядом с заведенными за спину руками и мрачно плевались кровью.

- Давай наручники. Вот так, а теперь быкуйте, - сказал один из полицейских и ударил задержанного ногой по заду.

- Что же вы делаете, звери? – причитала женщина плачущим голосом. – Вы никого не хотите слышать и понимать...

Она неуверенно стояла на ногах и еще продолжала держать в руках бутылку пива.

- Услышим, услышим. Не хлюпай носом. Ты тоже задержана, с нами поедешь.

- А что с собакой будем делать?

- Заткни ей пасть. А впрочем, ну ее... Сами разберутся. Завтра все равно всех выпустим.

Задержанных вталкивают в автомобили и увозят. Собаку спустя некоторое время увозят кладбищенские охранники.

Бурмин смотрел на эту сцену, опустив голову, стараясь не встречаться глазами с ее участниками. Только теперь он увидел, что все эти события проходили у могилы певца Эдуарда Хилы. Среди засыпанных снегом цветов у временного надгробия стоял его портрет. У певца была открытая, почти комическая и какая-то совершенно беззащитная улыбка...

- Разве можно защититься такой улыбкой от мерзостей нашей жизни? – подумал Бурмин.

Он чувствовал стыд и неловкость за все произошедшее на этом месте.

Ударили колокола. Это били в колокольне церкви Смоленской иконы Божьей Матери. Бурмин направился туда. В храме было полутемно. Весь свет шел из его срединной части, иконостаса и многих зажженных свечей. Здесь тепло, пахло лампадным маслом и горячим воском.

Поставив свою свечу за упокой души, Бурмин присел на лавку с самого края, открыл альбом и продолжил свое занятие. В храме шло богослужение. С клироса до него доносились голоса певчих. Временами люди, стоявшие здесь, тоже начинали петь молитву и тогда голоса их плыли в воздухе, множились и сливались в один стройный хор.

Неожиданно Бурмин заметил сидящую рядом молодую женщину, покрытую длинным белым шарфом. Узкое вязаное платье подчеркивало стройность ее фигуры и округлость форм. Незнакомка казалась погруженной в молитву, но Бурмин сразу понял, что она уже давно заметила его присутствие, наблюдает за ним. В центре храма ярким светом вспыхнули люстры. Священнослужители в богато украшенных парчовых ризах вели службу, с молитвой обходили храм по кругу.

Незнакомка поднялась и прошла ближе к иконостасу, где к тому времени собралось много людей. Бурмин последовал за ней, совсем не понимая, зачем он это делает. Теперь они стояли рядом. Он почти неотрывно смотрел на нее. У нее были длинные темные волосы. Удивительными были правильные черты лица и большие глаза, скрытые под очками в тонкой дорогой оправе. Все линии ее фигуры отличались особой женственной мягкостью и какой-то странной внутренней усталостью. Она не была красавицей, это была совсем не современная внешность. Что-то знакомое угадывалось в ее облике... Кажется, такие лица он видел на женских портретах Карла Блуклова. Тех самых, петербургских, с их психологической тонкостью и внутренним миром непростого характера, мыслей, привычек и страстей.

Теперь ему было хорошо видно ее левую руку с двумя перстнями, которой она поддерживала ремень сумочки. Ухоженная, тонкая рука с длинными ногтями. Его знакомка горячо и неслышно повторяла слова молитвы где-то внутри себя. Это было движение навстречу к Богу... На лице ее читалось страда-

Золотое Слово-7

ние, над верхней губой выступили бисеринки пота...

«О чем можно так страстно просить Господа?» – подумал Бурмин.

Его по-прежнему не оставляло ощущение, что она непрерывно следила за ним из-под своих длинных ресниц. В какой-то момент его незнакомка закрыла глаза и сильно качнулась. Бурмин успел вовремя подхватить ее под руку. В это время кто-то слегка толкнул его сзади, но она уже успела сжать его ладонь и больше не отпускала.

Богослужение продолжалось. Голос священника слышался где-то рядом и, одновременно, приходил откуда-то из-за пределов храма.

- Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, восставит его Господень; и если он сделал грехи, простятся ему...

Теперь все присутствующие по очереди подходили к аналою, целовали библию и икону. После этого священник совершал помазание, начертывал знак креста на лице и руках верующих освященным маслом. Верующие в ответ благодарили и целовали его руку.

Бурмин видел на лицах верующих чувство великого облегчения освобождения от греха, счастья и радости. Зрелище так завораживало, что он, отойдя в сторону, принялся снова рисовать. На какое-то время Бурмин совсем потерял незнакомку из виду, но она скоро опять была рядом с ним. Он снова держал ее за руку. Между ними словно образовалась невидимая связь странных взаимоотношений. Теперь ему казалось, что они понимают друг друга без слов, будто знают друг друга давно. У Бурмина еще никогда не было ощущения такой легкости в первые минуты знакомства, да и потом тоже.

Между тем служба подходила к концу. Священники поднимали на головами раскрытое Евангелие, читали молитвы. Потом они снова надели свои темные одежды, и храм опять погрузился в царство сумрака и теней.

Незнакомка направилась к узкому окну, где оставила свою одежду. Бурмин опять последовал за ней, но она сделала ему предупредительный жест рукой, и он остановился. К ней подошли двое совершенно одинаковых молодых человека в коротких пальто.

«Охрана, - догадался Бурмин. – Хорошие ребята. Все это время они были рядом, а я их даже не видел».

Незнакомка что-то жестами объяснила одному из них. Потом так же, подойдя, поблагодарила священника. Она была... немая. Это показалось ему очень неожиданным и странным. Ведь все это время они хорошо понимали друг друга. Понимали без слов.

Бурмин последовал за ними на некотором расстоянии. У входа ее уже ждал припаркованный автомобиль. В самый последний момент незнакомка оглянулась, и их глаза снова встретились. Она грустно улыбнулась и махнула ему рукой...

Двое

В вагоне электрички жарко от сдавленных в проходе тел. Пот висит хлопьями, словно пена бешеной собаки. Это почти не портит общего праздничного настроения людей, вырвавшихся на выходные из города. В открытые окна уже рвутся струи пьянящего лесного воздуха. Над выходом в тамбур бегущая строка сообщений времени и остановок. Сейчас будет Белоостров и до моего Репино уже рукой подать.

По проходу через тележки с сумками к выходу пробирается молодая женщина с годовалым ребенком на руках. Ребенок смуглый мулат с глазами пугливой антилопы. Женщина зябко съезживается под липкими пристальными взглядами. Неожиданно она, словно защищаясь, крепко прижимает к себе малыша и быстро целует его. Через пару минут женщина растворяется в толпе за окном, и все снова переключаются на обсуждение погоды и холодного северного лета.

Репино, ровное полотно платформы. Мелькают, ускоряясь, убегающие вагоны, словно кадры старого забытого кино. Гудят натруженные рельсы. Тишина, пахнуло запахом прогретой на солнце хвои. Внизу маленький базар: баночки с засолами, кучки крохотных лисичек и подосиновиков. Все дальше через лес в сторону залива по знакомой тропинке.

Почерневшая от времени деревянная дача с резными наличниками утопает в кустах разросшейся сирени. Шурочка сидит на веранде в длинной цветастой юбке и внимательно рассматривает поднимающиеся кольца

Золотое Слово-7

дыма своей длинной сигареты. Вокруг разливалась ленивая дремота и, казалось, даже воздух застыл в каком-то томительном ожидании. Осторожно целую краешек ее губ и начинаю раскладывать привезенный с собой грунтованный картон, этюдник с красками. В молодости Шурочка закончила Мухинское и теперь много лет профессионально занимается живописью. Мы знаем друг друга очень давно. Кажется, даже постарели рядом. У нее короткая стрижка под мальчика и узкое лицо, не знающее косметики. Тонкая, почти детская фигурка всегда вызывала ощущение хрупкой вещи, которую так легко потерять. Шурочка никогда не была красавицей, но обладала особым внутренним шармом, который необъяснимо притягивает мужчин. Во всем ее облике и осанке, в изломанной линии тонких рук сквозило то, что принято называть породой.

Медленно идем вдоль берега залива босиком. Песок теплый, и его прикосновение кажется приятным. Оно приводит нас в какое-то сонное, умиротворенное состояние. Вода еще не прогрелась, и берег превратился в главную артерию, проспект для бесконечных прогулок. Через два-три дня лица встречающих гуляющих кажутся знакомыми. Идем молча, но при этом не испытываем неловкости и ожидания. Время научило нас говорить и понимать без слов: просто было хорошо вместе.

Шурочка пробует ногой и осторожно входит в воду, приподнимая край длинной юбки. Смеясь, она запрокидывает голову и вскрикивает: «Ой, совсем холодная!» Плотные ровные зубы вспыхивают. Смех завораживает, и мне захотелось производить впечатление, блистать силой и остроумием. Ее хрупкая качающаяся на скользких камнях фигурка, обнаженные икры загорелых ног будили тайное желание. Шурочка делает еще несколько неловких шагов и, с беспомощной улыбкой, оглядывается на меня. Через мгновение подхватываю ее на руки и не чувствую веса. Шурочка прижимаясь, крепко обхватывает меня за шею и, кажется, что наши сердца бьются в один такт.

Когда же я почувствовал это впервые, где это было? Теперь уже, наверное, и не вспомнить...

В то время нравственные правила еще не считали предрассудками. Отношения наши с

Шурочкой заходили все глубже, но подойти к заветной черте я позволил себе только через три месяца знакомства. Как потом оказалось, страхи нарушить наши отношения одолевали меня сильнее, чем Шурочку. Среди ее кавалеров было много солидных и интересных людей. До сих пор не могу понять, почему тогда она выбрала именно меня.

Мы повернули от берега в сторону леса. Это глухое местечко открылось перед нами, словно созданное лесным мастером. Мы легли, и началась игра прикосновений, поцелуев и вновь прикосновения. Шурочка казалась мне частью налитой летними соками природы, будто целовал в тот день цветы и ослепительную прозрачную листву.

Над нами смыкались сосны, ловили солнце в дивную зеленую сеть. Начинающийся день обещал много тепла и счастья.

Внезапно хрустнула ветка. Я встал и увидел приближающуюся пожилую пару. Они смотрели на нас с явным осуждением.

- Уходите отсюда, совсем стыд потеряли.

- Что такое? - спросил я.

- Это территория профсоюзного санатория.

Они удалялись с большим достоинством. В этот день более нелепой причины выставить нас, никто бы не придумал. Мы бежали, шли, хохоча и держась за руки.

Неизвестно, как бы развивался наш роман дальше, возможно он быстро истощился бы, как это бывало у меня в молодости. Но в этот раз мы проявляли немало изобретательности, создавая условия для новых и новых встреч.

Сегодня мы гуляем по берегу далеко за полночь. Стоял конец июня, самый разгар белых ночей. Пламенеющий закат отступил, светлел и укрывался набегающими тучами. Все вокруг наполнилось серыми красками. Теперь светилась только вода в заливе и этот край неба. Мир растворился в странном рассеянном полусвете, в котором больше не было теней. У нас их тоже больше не было. Начинаем представлять, что кто-то похитил их у нас... Вот такая фантастика, эти белые ночи!

Возвращаемся на дачу лесной тропинкой. Тихо, как воры, не включая свет, поднимаемся по лестнице на второй этаж в Шу-

Золотое Слово-7

рочкину комнату. Мы мокрые и голодные. В темноте едим соленый сыр и запиваем вином. Тепло волнами прокатывается по телу. Ноги уже не держат. Валимся на постель, которую еще нужно согреть своим телом. Вместе с физической усталостью и наступавшим за этим теплом приходит сон.

По лицу у меня скользит солнечный зайчик. Не вижу, но чувствую его тепло. Осторожно открываю глаза и не двигаюсь: на плече у меня лежит головка Шурочки. Лицо ее тронуло румянцем, припухшие губы слегка приоткрыты и обнажают ровные белые зубы. Она совсем не изменилась, Шурочка. Разве только эта сеточка морщинок возле глаз. Ее сильные тонкие руки теперь стали суше, а пальцы еще длиннее. Чувствую размеренное биение ее сердца, чувствую ее всем своим телом. Было так хорошо, что хотелось остаться в этой вечности. Сон мягко наваливался и уходил снова.

Запахло свежим кофе. Шурочка сидит рядом и тормозит меня холодными руками. Потом что-то шепчет и целует прямо в ухо. Я обнимаю ее, и мы снова оказываемся вместе, ощущаем друг друга каждой клеточкой. Теперь Шурочка внимательно рассматривает мое лицо. Она медленно ведет пальцем по линии бровей, губ, будто рисует или запоминает их.

- А ты совсем не изменился...

- Почти, разве только самую малость, - отвечаю я.

Мне не кажется странным, что мы думаем и говорим об одном. Ведь за долгие годы мы стали чуточку похожи. Теперь в зеркале шифоньера мне хорошо видно как сильно поседела голова, а мое красноватое лицо режут глубокие морщины. Значит, нужно было так постареть, чтобы понять все это и полюбить по-настоящему.

В эти дни нам хорошо работалось. Вместе писали на этюдах берег залива с валунами, звенящие на солнце сосны и даже тихую заросшую гладь пруда в усадьбе И. Репина.

Сумрак комнаты и эта тишина без мобильных телефонов и не нужного здесь телевизора. Время течет медленно, по капельке. Здесь совершенно выпадаешь из его бега. Теперь мы, как эта старая дача, совсем из другой эпохи, а может просто задержались здесь

еще на время. Это только вещи живут дольше людей, они еще остаются и сохраняются – мы же уходим навсегда. Что останется, память? Но ведь она есть не у каждого. Часы, шурша стрелками, неумолимо отсчитывают наши часы и минуты. Так уж устроен мир, что хорошего в жизни всегда меньше, и оно быстро заканчивается.

День стоял теплый и пасмурный. С утра над заливом бродил туман, а после десяти часов снова зарядил дождь. Небо без просвета, и так уже третий день кряду.

Шурочка много курит и раздражается по любому поводу. Я терпеливо отмалчиваюсь и начинаю против своей воли, мысленно переноситься в теплую городскую квартиру, с ее чистотой и горячей ванной. Тоска по городской цивилизации все больше щемит сердце.

Словно чувствуя это, Шурочка решительно переключается уже на меня:

- Ну, разве так можно писать?

Она берет мою последнюю работу, которую еще недавно хвалила.

- Посмотри на этот ужасный синий цвет, передний план совершенно изжеван. Да, это этюд, но ты до сих пор не оттолкнулся ни от одной серьезной темы. Только проекты и сплошная сувенирная любительщина.

Это последнее больнее всего ранит мое самолюбие. Самое обидное было то, что Шурочка говорила ту правду, которую до этого позволял себе только сам. Молча, ломаю свой картон и начинаю неторопливо собирать вещи. Отпуск заканчивался, и лишняя пара дней здесь для меня уже ничего не решала. Шурочка отворачивается и плачет. Ее лицо с мокрыми глазами казалось разом поблекшим и увядшим.

- Ну перестань, милая, – говорю я и кладу руки на ее вздрагивающие плечи.

Кажется, что в этой жизни мне так и не удалось сделать кого-то счастливым. Но разве любовь обещает каждому из нас счастье и не обрекает на бесконечные муки? Жизнь снова возвращала нас в реальность свободных отношений, в которых мы, однако были накрепко привязаны друг к другу и уже ничего не могли изменить.

Снова постукивают колеса, а бегущая строка отсчитывает наше время. В вагоне было душно. Внезапно исчез звук, будто уши мои

Золотое Слово-7

заложило ватой. Все куда-то уплыло вместе с дремавшими пассажирами и исчезло вовсе. На мгновение, совсем рядом, показалось лицо Шурочки, молодое из нашей первой встречи. Это было только мгновение. Сердце больше не билось в один такт, оно молчало.

На берегу

Сегодня стоило хорошо закрепить этюдник. Вот так, теперь не снесет. С залива дует сильный порывистый ветер. Этот мыс из гранитных валунов, всегда был нашим любимым местом на берегу. Что-то дикое, первозданное было в этих каменных гигантах и взмывающих вверх соснах. Он был нашим причалом и местом уединения.

Погода испортилась окончательно. Линия горизонта терялась за низкими тучами, струившимися словно дым. Волны раскатывались по мелководью и с размаха бились о прибрежные камни.

Помню, что раньше писал это место в июне, ранним утром. Тем интереснее было сделать это сейчас, когда оно изменилось совершенно.

Быстро набрасываю контуры будущего рисунка и перехожу к цвету. Все стремительно меняется на глазах. Очень скоро приходится отойти под плотную крону деревьев, начался дождь.

Отрываюсь от работы, и начинаю кормить чаек. Теперь, кажется, что они собрались сюда со всего берега. Крошки выхватываются почти из рук, на лету. Настоящая феерия из взлетающих брызг, свиста крыльев и крика голодных чаек. Наконец, натура была найдена мною полностью...

В таком движении успеваю только намечать изображение и выделить основные цветовые планы быстрыми мазками. Кажется, оставалось ощущение некоторой незавершенности.

Дождь усиливался, сверлил свинцовую воду фонтанчиками разрывов. Теперь чайки важно ходили среди бегущей по песку воды и с криком требовали продолжения банкета.

Истоцившись, дождь на время закончился, стало светлее. Мимо меня на песок шлепается знакомая сумка. Оглядываюсь, и через мгновение вижу Шурочку, смело прыгающую через завалы камней. Сегодня она в

узких джинсах, футболке с длинными рукавами и буквально искрится скрытой энергией. Ее короткую мальчишескую стрижку льняных волос венчает задорная челка.

Шурочка усаживается рядом и внимательно изучает мой этюд. Тонкие брови ее поднимаются вверх, и она одобрительно кивает головой. После этого Шурочка уверенно показывает мне большой палец руки. Это означало у нее положительную оценку.

- А знаешь, неплохо. Даже очень. И больше не трогай ни-че-го... Уйдет эта свежесть и ощущение движения.

Теперь мы сидим на днище старой лодки и вместе с чайками доедаем остатки пирога с капустой.

- Смотри, смотри, - говорит Шурочка, - а эта чайка совсем не может летать.

- Да, это кажется, подранок. Кто-то упражнялся на ней, скорее всего из пневматики на каком-нибудь пикнике. Чайки здесь очень доверчивы по отношению к людям.

- Что же теперь с ней будет?

- Скорее всего, она погибнет, умрет с голода. Чтобы жить, птица должна летать.

Нам обоим очень жалко эту несчастную искалеченную чайку. Теперь неловкая, грязная, она боится всего и не подходит к нам. Все крошки вокруг подбирают здоровые, сильные птицы. У Шурочки краснеет нос и наворачиваются слезы.

- Какая бессмысленная жестокость... Помнишь, у Чехова в «Драме на охоте», Сергей Петрович спокойно взял и добил раннего кулика. Ты бы смог, вот так, взять и добить птицу?

- Не знаю, там же была охота. Нет, наверное, нет. Я и охоту за это не люблю...

Кажется, Шурочка решала этим какую-то важную задачу для себя. Теперь она облегченно вздохнула.

К вечеру ветер усилился. Стоял непрерывный шум, трещали стволы деревьев. Старая дача, словно живое существо, пришла в движение. По углам скрипели половицы, двери открывались сами, будто кто-то невидимый ходил по комнатам. Где-то далеко, за дорогой, громыхало оторванное железо, по стеклу снова барабанил дождь. По стенам скользил бледный свет проезжавших мимо автомобилей. С улицы слышались голоса, кто-то спешил

мимо.

Шурочка прижалась, превратившись в маленький дрожащий комочек. Потом все стихло и утонуло в темноте. С ней пришло ощущение близости и тепла. Все происшедшее куда-то отдалялось, и мир не казался больше таким значительным. Он сжимался до расстояния близости тел и уже она, эта близость, становилась для нас самой надежной защитой.

Нам еще долго слышался мерный рокот волн со стороны залива. Он умолкал и снова усиливался. Словно неведомый нам морской предводитель гнал и гнал вперед седые от пены шеренги своих солдат на приступ осажденной крепости. Шаг за шагом рвутся они по прибрежным скалам, круша израненный битвой берег.

Один день из жизни Пенкина

В звоннице пробили полдень, и с Нарышкина бастиона гулко ухнул выстрел сигнального орудия. Все это могло бы показаться обычным зимним днем, если не считать, что 12 часов было именно 12 декабря 2012 года. Такое красивое симметричное совпадение цифр последнее в этом тысячелетии. Не сказать, что Пенкин верил в нумерологию и во всю мистическую чепуху, связанную с концом света, наступающим уже через 11 дней. Скорее, это было похоже на отношение к газетным публикациям гороскопов. В них и не веришь, но все равно читаешь иногда, а потом уже не замечаешь, как все это начинает на тебя действовать и управлять твоими поступками. Стоило просто понаблюдать за событиями этого несколько необычного дня...

Уже раннее утро показалось ему самым неудачным за последнее время. Против своего обычного правила, Пенкин проспал, и теперь, в суете, все просто валилось у него из рук. Вдобавок, этой ночью, в городе выпал обильный снег. По нынешним временам для большого города это почти катастрофа или судный день. Транспорт стоял в темных ночных переулках в тяжелом ступоре, безнадежно пыхтел клубами выхлопного газа, перемигивался красными огнями и совершенно не двигался. «Дорожное радио» в перерывах между трансляция-

ми городского шансона и утренних анекдотов счастливым голосом сообщало о новых транспортных пробках где-то в районе Светлановской площади, на Коломяжском проспекте и в других местах. Пенкин хорошо знал, что откапывать свою машину теперь поздно и самым лучшим для него будет воспользоваться наземным общественным транспортом и метро. Через полчаса он уже пританцовывал от нетерпения на автобусной остановке, грустно наблюдая, как юркие маршрутки загружали в свое чрево толпы стоявших пассажиров и терпеливо дожидался своей очереди. Сегодня Пенкин отставал от своего обычного утреннего графика где-то минут на тридцать.

- Ничего себе, здорово начался этот день, - размышлял он, предвкушая очередной разнос начальника за грядущее опоздание на службу.

Неожиданно кто-то сверху заглянул в его расстроенное лицо и поздоровался. Это был его давний друг и, в прошлом, сослуживец Славка, более известный в узких кругах под прозвищем «Угрюмый», за суровость своего славянского, почти плакатного облика и вечную деловитость. Если уж говорить честно, то всю эту суровость ему создавали густые, почти сросшиеся на переносице брови. Изпод них на мир смотрели добрые карие глаза с широким золотистым венчиком от избыточного солнца пустынь.

- Как же долго мы не виделись? Почитай, лет пять, а ведь живем в соседних парадных. Что ж, так теперь часто бывает в больших городах. Это погода помогла нам сбить привычное расписание и встретиться, - обрадовался Пенкин.

Они крепко обнялись. Кажется, угрюмый Славка за эти годы совсем не изменился. Так же подтянут, собран и деловит. Отец троих детей: все парни. Когда-то его мальчишки выглядели во дворе как выводок упрямых лобастых щенков. Теперь старший сын давно закончил Военмех, а младшие, близнецы, учатся в десятом, бьются за баллы на олимпиадах. Сколько ему сейчас? Да нет, не может быть...

Славка ушел из армии по сокращению еще в лихие 90-е годы. Начал грузчиком на пивоваренном заводе «Балтика». Очень скоро в нем признали толкового инженера и предложили должность мастера на линии розлива.

Золотое Слово-7

Потом строил дамбу, мосты, кольцевую объездную дорогу. Сейчас он главный инженер большой стройки.

Его рассказы о работе были похожи на сводки из зоны боевых действий. Нет, он совершенно не изменился. Пенкин, сам того не замечая, кажется, немного позавидовал его энергии. Ему и стариться некогда, даже времени оглянуться не хватает. Хороший у них с Маринкой тандем получился: один и на всю жизнь...

- А вот я давно живу спокойно и тихо. Офис, отчеты и заявки, две командировки за год. Осенью уже шестьдесят лет стукнуло... Впереди только пенсия и мемуары...

- Сережа, послушай, даже не верится. Ты же раньше таким романтиком был! Я тоже в октябре полтинник разменял, но на грунт ложиться не собираюсь, еще рано, повоюю малость...

- Давай-давай, сражайся дальше. Значит, все как у Хемингуэя: «...настоящий мужчина не может умереть в постели. Он должен либо погибнуть в бою, либо пуля лоб...».

- Нет, звучит для меня слишком красиво, но в этом что-то есть, согласись...

Соглашаться с этим не хотелось. Пенкин считал, что уже нахлебался вдоволь работой на износ во имя великой цели. Где они сейчас, все эти цели и где оказались мы? Так почему ему должно быть до всего дело? Остаток жизни можно прожить и для себя, особенно, если раньше на это не было времени.

Через пару минут лента эскалатора опустила их на платформу подземки и они, пообещав друг другу скорую встречу, умчались на поездах в разные стороны, в разные миры.

Стиснутый в вагоне плотной человеческой массой, Пенкин еще долго улыбался и вспоминал детали этой встречи. Он будто на мгновение вернулся в свою бесшабашную молодость и другое измерение времени.

Когда-то Пенкин считался перспективным инженером и неплохим организатором. Только еще лучше у него всегда получалось убедительно рассуждать, выстраивая иногда целые теории и ходы, объяснявшие его поступки и решения. Словно в шахматной партии, в которой он всегда считал себя признанным гроссмейстером. Сегодня Пенкин не казался себе столь убедительным, и это было досадно. Правда, эту свою гроссмейстерскую

партию он сдал Славке уж давно, отказавшись от серьезной и ответственной работы и даже не удосужившись устроить свою семейную жизнь. Со временем, природная аккуратность и незлобивость сделали его надежным, но совсем незаметным винтиком в большой фирме под красивым названием «Атлант». Жизнь его текла незаметно, в ней все больше становилось воспоминаний. Они еще грели его душу и, казалось, еще привлекали к нему внимание окружающих...

Начавшийся рабочий день ничем ярким больше не отметился и угас с ранними вечерними сумерками. Теперь все разговоры сводились к одному: сегодняшней корпоративной вечеринке, посвященной 10-й годовщине создания их могучего «Атланта». Похоже, что магия симметричных цифр этой даты увлекла не только президента нашей страны с его Посланием Федеральному Собранию, но и генерального директора его предприятия. Со всем не важно, что эта дата прошла еще два дня назад, зато будет теперь чем похвалиться и поддержать свой рейтинг в глазах московского начальства.

Ресторан «Рыжая борода», затемненный уютный зал. Получился какой-то симпатичный пиратский ковчег, где можно спастись от конца света до пяти часов утра. Генеральный, по своему обыкновению, за отдельным столиком потягивал свое любимое безалкогольное пиво и смотрел на раскрасневшихся сотрудников добрым взглядом. Как и на рабочем месте, рядом с ним сидела секретарь Милочка. Столы ломались от даровой выпивки и закуски. На небольшом красном подиуме танцевальный дуэт в костюмах змей медленно сплетался в эротический клубок.

- Давайте веселиться до самого утра или даже до конца света, пусть все вокруг провалится, - задорно предложила маркетолог Леночка и, уверенно покачивая бедрами, присоединилась к танцующим на подиуме. За окнами у рождественской елки грохнул фейерверк, застонала, заохала сигнализация на автостоянке. Все задвигались и высыпали на улицу, прихватив с собой бутылки шампанского.

Пенкин скромно примостился рядом с Гошей из транспортного цеха, в самом углу, где-то между салатами и внушительной грудью Розы Леопольдовны, яркой жгучей брюнетки из планового отдела. По своему обык-

Золотое Слово-7

новению, выпил он совсем немного, шутил, рассказывал собеседникам что-то смешное, но часто терял свою мысль и останавливался.

Но на него уже мало кто обращал внимание. Пенкин почувствовал какую-то слабость, как-то совсем обмяк и только грустно улыбался, голова его совершенно поехала. Теперь он видел вокруг себя только странные кривляющиеся свиные рыла. Они заглядывали ему в лицо и издавали звуки, соответствующие их образу. Стулья задвигались и выстроились в ряд. Тарелки вместе с бокалами отплясывали на столе веселую тарантеллу, а норвежская форель малого посола на большом блюде, вдруг забила хвостом. Пенкин слабо отмахнулся рукой от всего этого, и палуба пиратского ковчега начала уходить у него из-под ног. Он наклонился и... медленно провалился в пустоту...

Внезапно Пенкин перестал чувствовать свое тело, будто его у него не было. Странно только, что при этом он сохранял четкую ясность мысли. Откуда-то издалека, смутно доносились чьи-то голоса, кто-то вызывал скорую... Все померкло.

Ему стало хорошо и спокойно. Потом до его сознания дошел мысленный вопрос, будто кто-то говорил с ним.

- Хочешь ли ты умереть?

- Не знаю, мне о смерти ничего не известно...

- Тогда перейди через эту черту и будешь все знать...

Теперь Пенкин не шел, а скорее плыл по длинному узкому коридору, пока не оказался у странной двери с кодовым цифровым замком. Ни минуты не сомневаясь, он набрал цифру «12», и дверь отворилась или исчезла вовсе. Дальше была круглая ротонда с шестью синими колоннами, вокруг которых спиралью поднимались две чугунные лестницы без площадок. Верха их не было видно, что создавало ощущение дороги, уходившей в небо. Было пусто, но он чувствовал, что лестницы заполнены такими же, как и он, людьми. Пенкин о чем-то говорил с ними и получал ответ - это успокаивало его. Более он уже не чувствовал себя одиноким.

- Вы тоже можете стать в эту очередь, - участливо прошелестела ему одна бледная тень. - Вы меня уже совсем не помните, Бог с вами, видно забыли быстро... Вот ваш номер, -

Она вывела пальчиком на его ладони четырехзначную цифру.

- Долго ли мы здесь будем?

- Здесь уже нет времени и некого торопить...

Было странно, что Пенкин не слышал ее голоса, но общение происходило в ясной и понятной форме.

- Могу ли я узнать здесь о ком-нибудь из своих близких?

- Войдите в эту дверь...

Пенкин скользнул за указанную железную дверь под лестницей и, оказавшись в малой пустой комнате, получил ответ, не успев произнести ни единого слова. Никого рядом не было, но присутствие кого-то чувствовалось. Листаются невидимые страницы...

- Генерал от инфантерии и кавалер, купец первой гильдии... Это все не то. Вот он, Ветров Иван Федорович, полковник в отставке. Преставился 2 мая 2002 года. Крещен, верующий... Отпевали в храме Святого князя Владимира на Петроградской стороне... С грехом невоздержанности... в пятом круге... Ада...

- Господи, за что же ему все это? - Пенкин задрожал как осиновый лист. - Ад, ад, - это слово билось в нем ударами молота... - Ведь страдания только в определенной дозе способны очищать нас. Растянутые в бесконечность, они превращаются в будни, и уже не очищают, а превращают нас в дерево...

Спираль лестницы неумолимо ползет вверх, по ней движутся почти невидимые тени. Чем выше, тем больше приходит сверху свет, тем сильнее многоголосый шепот и стон, горькие жалобы на тяжкую земную жизнь и страх ожидания Божьего Суда...

Свет стал еще ярче, но он не слепит. Это было совсем иное; ведь бывает еще свет от любви, той, которая спасает... Здесь не было стен, и никого не было, был только этот свет. И все же, Пенкин необъяснимо почувствовал присутствие некой высшей силы. Словно открылась перед ним книга памяти его сердца, всей его внутренней и обыденной жизни; он увидел себя таким, какой есть... В ней читалось мало доброго, но даже и оно оказалось изъеденным, как червями, лицемерием, гордыней и расчетом.

Видения проходили перед ним словно в кино. Это были сцены из его прежней жизни с самого рождения. Совсем молодые, отец, мать

Золотое Слово-7

и сестра... Потом Пенкин увидел себя посреди выжженной мертвой пустыни. Всюду бесконечные пески и покрытая трещинами земля. Стоит невыносимая жара, небо высокое и чистое, но нет привычного солнца. Будто, все это совсем другая планета. На нем пропаренная солью рубашка с майорскими погонами. Он и какие-то другие люди вручную вместе толкают по рельсам установщик с подготовленным к запуску ракетоносителем. По жизни – дело совершенно невероятное: рельсы эти тянутся куда-то за горизонт, а стартового комплекса здесь и близко не видно. Рядом кладбище, то самое, на месте которого потом развернули строительные площадки. Кладбище странное, все могилы раскрытые и дышат огнем, как топка. Над ними сухой песчаный дождь, но это уже почти из реальной жизни. Рядом с ним шел его друг, Сашка Модзалевский, который умер на космодроме еще в 1990 году от рака легких. Здесь же покойные начальники отделов, полковники Бобров и Журавский. Все остальные показались ему незнакомыми. Хотелось есть, но еще больше мучила жажда. Эта совершенно бессмысленная работа выводила Пенкина из себя; силы закончились, и было не понятно, почему молчат все остальные. Где-то там, у самого горизонта, он видел голубое небо, цветущие сады и водопады... Может, это тот самый рай, легендарные сады Эдема... Но все это было так далеко...

Пенкин, неожиданно для самого себя, оттолкнул этот опостылевший раскаленный металл и бросился прочь, к далекому горизонту. Побежал только он один, все остальные продолжали катить дурацкий установщик с ракетой. Пенкин бежал все дальше, проваливаясь в горячий песок и радуясь своей свободе. Еще немного, и он будет наслаждаться райской жизнью, поест диковинных плодов и вдоволь напьется чистой воды. Он с трудом поднялся на очередную вершину горы, дул горячий ветер. Прекрасные сады и водопады, которые он видел почти рядом, исчезли, это был просто мираж. В отчаянии Пенкин упал на колени и стал бить кулаками землю.

- Везде и всегда, только один обман! Нет никакого светлого будущего, которым его кормили с детства, и нет никакогорая! Все это сказка, придуманная людям в утешение... По настоящему, на земле есть только Ад, при жизни и даже потом, бессмертные души обрекают ее

на бесконечные страдания! Во имя спасения жизни, в этом мире люди становятся друг для друга волками, они дерутся за каждую корку хлеба и место на нарах, за благорасположение начальства. Где же награда за все муки, где же эта исцеляющая любовь и доброта?

Со времен Аристотеля и Данте Алигьери было написано так много об Аде и даже подробно о его модели в виде воронки, идущей к центру земли, о девяти страшных кругах. Из «Архипелага ГУЛАГа» и «Круга первого»от Александра Солженицына, он, кажется, виден еще лучше по реальностям человеческой жизни. О рае, в Священном Писании, есть свидетельства только в трех местах, всего несколько строк, и лишь одно толкование о том, что рай – персидское слово, означающее «сад, насаженный разными деревьями», или, что «рай – это блаженная вечная жизнь». Всего этого было так мало...

Потом Пенкин увидел себя лежащим на высокой скале под теплым южным солнцем, где-то далеко внизу плескалось море. Неожиданно, рядом с ним появился мальчик, который почему-то показался ему знаком.

- Что ты делаешь здесь? - спросил он.

- Это наше место, и мы тут всегда играем.

- Прости, не знал этого, но, кажется, я тоже его знаю...

- Тогда давай прыгать в воду. Ты не бойся, только толкайся сильнее...

- Что ты, здесь очень высоко и эти камни внизу...

- Слабак, тебе здесь нечего делать!

Мальчик наклонился и, легко оттолкнувшись, ласточкой полетел вниз в прозрачную воду у самых камней. Пенкин не стал так прыгать и осторожно сполз со скалы по камням вниз, обдирая в кровь руки и колени. Минут через 15 они уже сидели рядом.

- Как тебя зовут? - спросил мальчик.

- Так же, как и тебя, Сергеем. Разве ты не узнал меня? Ты будешь таким как я через 50 лет.

Мальчик посмотрел на него недоверчиво, но уже с интересом.

- Тогда расскажи мне о себе...

Пенкин принялся рассказывать о себе, ничего не утаивая. Почему-то здесь он не мог говорить неправду. В жизни между правдой и ложью не было четкой грани, все переплелось

Золотое Слово-7

и стало частью его образа. Лицо мальчика постепенно темнело и сморщилось как от зубной боли.

- Знаешь, мне не очень верится, что ты – это я. Мне совсем не нравится твоя жизнь. Я мечтаю стать моряком и обязательно ходить на научном исследовательском судне по самым далеким морям.

- Я тоже об этом раньше мечтал...

- Да не в этом дело! Я вообще не понимаю, зачем нужно жить так неинтересно. Почему в жизни нужно делать столько дурных поступков, обманывать... Неужели это будет и моя жизнь? Скажи, а ты сможешь в ней что-нибудь изменить? Ну, пожалуйста, ради меня... – мальчик улыбнулся. – Ты же сильный, я знаю...

Пенкин тоже попытался улыбнуться, но это у него получилось плохо, лицо, словно застыло.

- Для этого мне нужно вернуться обратно, туда, в свою жизнь.

- Я помогу тебе, - сказал мальчик и протянул ему маленький плоский камень с изображением ныряющего дельфина.

Пенкин сразу узнал его. Конечно, это тот самый камешек из белого известняка, на котором он старательно вырезал изображение. Это было в пионерском лагере. Джанхот, лето 1962 года...

Снова все исчезло. Какое-то время Пенкин еще чувствовал ощущение полета и даже видел внизу свое неподвижное тело. Рядом склонились врачи. После того, как они применили электрошок, его тело сильно дернулось, и он легко вошел в него. Вместе с телом к нему снова вернулось ощущение тяжести и боли.

Отделение реанимации городской больницы Святого Георгия, палата номер 12. Пенкин медленно открыл глаза. Он увидел белые стены, сестру милосердия, Славку и Маринку.

- Ну, ты даешь, Серега! – сказал Славка. – Звоню тебе на мобильник, а мне медсестра отвечает. Мы сразу с Маринкой сюда и примчались... Как ты, нас всего на пять минут пустили...

Пенкин с трудом разомкнул запекшиеся губы...

- Все нормально, настоящие мужики не умирают в постели, мы еще повоюем ...

- Не ругай нас, Маринка дала телеграм-

му Ольге в Николаев, пусть приезжает. Ты сюда, кажется, надолго попал...

Внезапно он ощутил что-то гладкое и теплое в своей руке. На его ладони лежал маленький камень с изображением летящего над волной дельфина...

Печальное

Утраты и смерть близких тебе людей приходят всегда неожиданно, даже когда они кажутся неизбежным и ожидаемым печальным исходом. В тот день, 6-го января, Ремизов, по своему обыкновению, торопился с работы домой. Последние годы матушка его сильно сдала и нуждалась в помощи и поддержке. Ей шел 85-й год, и она иногда с грустью говорила, что пережила его отца уже на два года.

- Видно и мне пора, приходил ко мне твой отец, говорит, что заждался...

Он всегда называл ее именно так: матушка. Слово «мать» казалось ему грубым и жестким, более подходящим для текстов автобиографий, которых во время службы в армии и работы в закрытом НИИ он написал превеликое множество.

Его заботу и внимание она часто принимала, испытывая крайнюю неловкость. Ведь в своей жизни ей все приходилось делать самой. Теперь она жалела своего сына, который, как ей казалось, тратит на нее слишком много своего времени. Труд, повседневный и ответственный, стал важнейшей частью ее существования. Теперь же, отсутствие хлопот огорчали и ослабляли его матушку более всего. Всю свою жизнь она была учительницей...

Русский язык и литература в средней школе... Кто-то, возможно, вспомнит, что этот предмет дает учащимся знания о родном языке, формирует у них языковые и речевые умения. Ремизов теперь уже и сам не слишком хорошо разбирался во всех этих языковых и коммуникативных особенностях. Зато он хорошо помнил, что когда матушка, будучи в преклонном возрасте, уезжала из родного приморского города к нему в Петербург, все их купе в вагоне стало похоже на одну огромную цветочную клумбу. Помнил, как стояли слезы в глазах провожавших ее учеников и коллег учителей. В школе-интернате, где она работала директором, дети звали ее за глаза: «баба Надя»... Иногда в армии некоторых ко-

Золотое Слово-7

мандиров тоже называют по-особому, батей. В этом есть знак особого признания и уважения. Его матушка смогла стать своим, родным человеком для этих подранков. Это была не жалость, ведь ею можно легко обидеть. Дети, по отношению к себе, чувствовали совсем другое. Потом ее сменит молодой и энергичный директор, которому она будет незаметно для всех помогать составлять планы и учить понимать детей. Сама же матушка возьмет себе «группу выравнивания», что означало детей, отстающих в своем развитии.

- Они совершенно нормальные, - часто говорила она, - просто им мало досталось в жизни внимания и любви...

Действительно, эти дети со временем «выравнивались» в своем развитии и учились уже в общих классах. В условиях школы такие пробелы в детском воспитании еще как-то решались. Зато будет очень тревожно, когда в погоне за материальным достатком этим изъяном будет страдать уже целое общество. Мир будет смотреться как из кривого зеркала, с искаженной гримасой, всем своим страшным ликом...

Непросто в таком возрасте начинать жизнь заново, на новом месте в большом городе. Еще какое-то время матушка продолжала работать в школе, но с каждым учебным годом это становилось все труднее. 59 лет трудового стажа, и она ни разу не изменила выбранной профессии! Умница, со своим литературным даром, воспитанница русской классики. Это был облик земской учительницы, с идеалами и прямой спиной, достоинством. Он всегда ограждал матушку от всякой фривольности и пошлости. Была в ней особая, необъяснимая женская привлекательность. Только красота эта была неярко-прелестная, а как полевые цветы, с ее родного равнинного предгорья Кавказа.

В ее жизни было много трудного. Что же, судьба она и есть судьба, капризное чудовище, а человек на то и человек, чтобы терпеть, бороться и отстаивать, как только это возможно, свое человеческое достоинство. Так она и боролась всю свою жизнь, отстаивала...

Теперь у матушки все больше проблем со здоровьем, и эта, крадущаяся незаметно, слабость и бесконечная усталость.

Ремизов уже подходил к своему дому. В такое время года свет здесь почти не выключают.

День заканчивается в Петербурге рано, еще не начавшись. Его окна на 17-м этаже были темными и немymi. Его сразу охватила тревога, будто кто-то сжал сердце жесткой рукой. Свет в окне был негласным маяком в их отношениях, она всегда ждала его до самого крайнего времени. Сегодня такого края не было, значит, что-то было не так, что-то случилось ... Ремизов быстро поднялся и сразу, не раздеваясь, вошел в ее комнату. Матушка его, казалось, просто спала. Он окликнул ее раз, другой, пока не понял, что случилось непоправимое... Страшно закричала кошка, черная шерсть на ней поднялась дыбом. Она, словно давилась и хватала воздух открытой пастью... Потом легла на пол с остановившимся взглядом и жалобно замыкала.

Да, его матушка, как могло показаться, просто спала, но... ее уже не было... Похоже, что он опоздал совсем немного. Ремизов накрыл ее пледом и присел рядом. На ее лице отражался покой, а губы чуть трогала легкая улыбка. Видимо, все она сделала в тот последний момент осознанно. На журнальном столике матушка положила свои ключи в черном атласном мешочке, которыми уже не пользовалась более месяца – теперь они ей не нужны. Похоже, посмотрела в последний раз фотографии его, внучки с мужем. Вот, рядом, на полу, последнее прижизненное фото его отца... Матушка оставила жизнь без сожаления, она не боялась смерти и приняла ее как благо. Так говорят часто, но в жизни Ремизов увидел это впервые. Значит, жизнь ее была чиста и бескорыстна. Она совершила последнее и лучшее дело своей жизни – ушла без страха и сожаления.

Ремизов куда-то звонил, к нему домой приходил врач. Потом он сам ходил куда-то в поликлинику за справками, совершенно не понимая, зачем и что делает. Теперь он снова сидел рядом с матушкой и смотрел на ее лицо. Оно темнело, менялось и наполняло его ужасом. Ремизов открыл балкон, стараясь избавиться от приходившего запаха смерти... Всего несколько часов назад еще ничего не предвещало такого страшного исхода, и он слышал ее голос... Кажется, теперь от него ушел последний человек, который любил его столь бескорыстно, как может любить только мать...

Приехали санитары из морга, что-то рас-

Золотое Слово-7

сказывали Ремизову. Он поблагодарил их и уплатил им по квитанции. Они объяснили, что все платят им еще одну тысячу так, просто... Ремизов добавил еще... Матушку увезли...

Утро 7 января, морг. Было Рождество, но здесь, кажется, не бывает праздников. Только редкие выходные. У смерти нет выходных, поэтому здесь, в холле, перед страшной дверью, стоит много людей. Люди, конечно, живые, только лица у них отмечены печатью присутствия смерти. От этого все они кажутся похожими, независимо от своего социального статуса. Вскоре, из-за этой двери появился врач, не старый еще мужчина. У него странные, болезненно блестящие глаза. Пригласил для оформления документов на покойников. Туда заходят по трое, им вежливо и подробно рассказывают о плохо работающих холодильниках, необходимости бальзамирования и современной косметики на основе западных технологий. Называют общую стоимость услуги, сумма бесконечно большая... Люди теряются и смотрят друг на друга, от этого теряются еще больше... Соглашаются все, даже старушка-пенсионерка, которой это едва ли было по средствам.

- Пусть все будет, ведь в последний раз...

Теперь Ремизов, кажется, понимает, почему у этого врача такие странные глаза: здесь идет страшная работа, на износ.

Женщина-агент из похоронного бюро смотрит на Ремизова с заметным сочувствием. Может быть, здесь тоже нет искренности и это просто часть ее имиджа? Но так ли важно, ведь платят не за сочувствие, а за услуги. Сделала она действительно все хорошо.

9 января, около часа пополудни. Холодно. Серый, хмурый день. Падает снег. У морга собираются родные и близкие. Говорят мало, много курят. Отпевать будут здесь же, в маленькой часовне.

Ремизов с дочерью заходят туда раньше других и кладут в ноги покойной дорогие и памятные им вещи. Пусть они всегда будут вместе с матушкой и бабушкой... Теперь уже заходят все, и в маленькой часовне сразу становится тесно. Горят свечи, пахнет ладаном. Молодой священник, тяжелый и большой телом, неторопливо и важно ведет обряд отпевания. У него густой и не очень приятный голос. Ремизову теперь все это кажется совсем

ненужным и странным.

Почему его матушка лежит здесь, и что делают здесь все эти люди? Пусть они все уйдут, и он снова останется с ней один.

Ремизов держал свечу и неотрывно смотрел на матушку, ее богато убранный гроб. Здесь она уже совсем не была похожа на себя прежнюю, живую. Ее лицо никогда не было таким ярким, как после всей этой искусственной косметики. Это была уже не она, словно между ними прошла страшная граница и разделила их навсегда. Он вспомнил, как дочка накануне внимательно выбирала одежду для покойной. Она тогда взяла ее кремовую блузку с длинными рукавами и коричневую темную юбку. Матушка любила и умела красиво одеваться. Пусть так будет и сегодня. Она всегда чувствовала себя женщиной, да и профессия обязывала выглядеть достойно. Теперь все это было закрыто покрывалом.

Вот уже все закончено, быстро прощаются. Гроб закроют, и больше открывать не будут...

Северное кладбище, участок «Березовый»... Кажется, что холод здесь проникает в самое сердце. Мерзлая глина и песок... Многие ушли в автобус. Ремизов смотрит, как быстро вырастает песчаный холмик, устанавливается временный бетонный обелиск. Скоро все снова собираются у могилы, и она тонет среди цветов. Две зажженные лампадки добавляют тепла и света. Ремизов ставит портрет матушки, такой же теперь всегда будет у него дома. Снова сыпет снег, за белой пеленой соседний лес выглядит странным призраком...

В тот день среди близких матушке людей как-то особенно выделялась ее самая близкая подруга, учительница Валентина. Она стояла отстраненно, соединив руки крестом на груди, и часто поднимала глаза небу, будто молилась. Весь ее вид говорил о скрываемой горе и обиде. Она словно говорила всем нам: «Какое право вы, все, имеете здесь плакать и пить эту водку? Она святая... Разве вы знаете, каким человеком была ваша матушка, и можете ли любить ее так, как любила ее я?».

Ремизов почувствовал это, и ему сделалось горько и стыдно. Водка обжигала ему горло, по телу растекалось долгожданное тепло, но легче не становилось. В душе оставалась пустота...

Почему в жизни мы стесняемся говорить

Золотое Слово-7

своим близким самые лучшие слова и оставляем их только для особых случаев? Как часто, потом, так и не успеваем их сказать и ставим эти бессмысленные памятники, словно пытаемся освободить себя от греха?

Спустя некоторое время он будет разбирать дома старые фотографии, пожелтевшие, черно-белые... Они словно кадры забытого немого кино. Лица на них совсем другие, теперь таких уже нет, и больше не будет. Как много здесь коллективных фотографий ее выпускных классов. Это же население целого города за всю ее долгую трудовую биографию... Маленький гипсовый бюст Пушкина, ее книги... В их доме всегда было много книг, и именно они считались самой большой ценностью. Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Лев Толстой, Чехов... Всех здесь не перечесать. А вот брошюра Гончарова «Мильон терзаний», критический этюд, лежит отдельно. Значит, еще когда-то снова перечитывала. Здесь же, Сент-Экзюпери, «Планета людей, Маленький принц». Вот контрольный итоговый диктант за 7-й класс «Портрет М.И.Цветаевой» Ариадны Эфрон на 120 слов... А ты, Ремизов, сможешь так рассказать о своей матушке?

Она снова стояла перед его глазами, невысокая, с хорошей стройной осанкой... Волосы у нее в молодости были совсем темные, выгорая на солнце, они приобретали золотистый, каштановый цвет. Глаза были карими, с желтым и зеленоватым оттенком. С возрастом в них потом появилась какая-то особая глубина и внутренний свет, будто открылась ей неведомая другим человеческая мудрость.

Лицо широкое, открытое и доброе, с удивительной свежестью, которую она сохраняла долгие годы. Все его линии носили завершенный характер, словно работа хорошего мастера. Брови шли тонкой линией дуги, за которые его отец шуточно называл ее своей монголкой... Рот казался мягким, но потом заботы добавили здесь печальных морщинок. В ее лице не было ничего застывшего, всегда чувствовалось внутреннее движение, подобно изменяющимся облакам в небе или бегущей воде в ручье. В нем всегда раскрывалась ее душа...

Наступил новый день, и ему неожиданно показалось, что люди вокруг него стали другими. Все странно изменилось, даже вкус обычной воды... Мир уже не был прежним,

похожим на тот, вчерашний. Ему казалось, что и он, сам, сегодня, стал немного другим. Почему же раньше Ремизов никогда этого так не чувствовал?

«Жить без прежних забот будет очень не просто, - думал он. – Только это еще не самое сложное. Гораздо труднее - честно прожить все оставшееся у тебя время и уйти также достойно...».

Юбилей

Первым мне позвонил Мегафон, поздравил и подарил 20 бесплатных сообщений. Потом позвонил и поздравил генеральный директор. Он хвалил меня как работника и отметил мою главную черту - скромность. Это было чертовски приятно: ведь благодаря нашему директору и получаемым зарплатам, мы все выглядим такими скромными. Позвонила и поздравила мягким грудным голосом любимая женщина, и очень захотелось, чтобы она в этот момент была рядом, близко-близко, на расстоянии поцелуя. Звонили друзья и просто знакомые, звонки шли весь день до самой глубокой ночи.

Что же написать про свой день рождения? Серьезный рассказ, или... А может быть лучше анекдот? Это будет так самокритично... Себя можно уважать, а можно смеяться над собой. Последнее предложение мне понравилось больше. Ведь то, второе, совсем не исключало первое, это первое иногда отвергает второй вариант.

Мне повезло или угораздило родиться 7 ноября или 25 октября, по старому стилю. Теперь чаще говорят, что угораздило. Но этот день уже не отменить как сам праздник Октября, которому в этом году стукнуло 95 лет. Это событие при всех его неоднозначных оценках перевернуло не только Россию, но и весь мир. Но о нем сегодня ни одного слова по телевизору, только булгаковским «Собачьим сердцем» отметились. Как нам не растерять все хорошее, что у нас было раньше? Чтобы не получилось, как в том старом анекдоте: «Красные победили белых. Теперь пойдем в консерваторию. Зачем? Консервы кушать...».

Подарки на праздник. Это тоже отдельная тема. Сегодня у меня их было много. А по 5 каналу в это время показали, как в Чечне распахивали поле и нашли там противопехотные мины. Это хорошо, что нашли, и что не

Золотое Слово-7

взорвался никто. Наверное, это тоже хороший подарок, но уже для всех, живущих там, ведь бывает и иначе.

Значит, будем сегодня много смеяться. Только самому пить нужно чуть-чуть, тогда и с юмором получится лучше. А еще лучше просто улыбаться, тоже чуть-чуть, на полтонах... И этот стол, только слегка накрытый, на скорую руку. Ведь все давно приходится делать самому...

Друзья за столом пили много, а закусывали как всегда мало. Говорили о сегодняшнем дне и прожитом. Вспоминали живых и ушедших безвременно. Нам всегда есть что вспомнить.

Вот и я вступил в «клуб шестидесятилетних»... Наверное, это уже много. Хорошо пока выглядишь, Сережа. Спасибо жизни за это. Значит, осталось еще кое-какое здоровье. Грустно только говорить, что всегда лучше выглядеть на свой возраст. Если ты со временем меняешься, значит, время тоже не стоит на месте, оно идет с тобой дальше. Глупо всю жизнь стремиться выглядеть молоденьким. Видно, у тебя что-то было не так, ты не успел сесть в уходящий трамвай жизни. Или в молодости тебе было так хорошо, что и уходить из нее совсем не хочется. Другим, со стороны, все это очень хорошо заметно.

Тебя много хвалят друзья и знакомые. Тебе вокруг все кажется хорошим, и сам себе уже очень нравишься, любишь своими книгами и картинами. Ты спокоен как памятник, значит опять в тебе что-то идет не так. Самодостаточность, покой и благополучие – это уже твоя творческая смерть. Даже отложенные деньги на похороны – это где-то желание красиво выглядеть после смерти, стать памятником. Правда, здесь очень тонкий вопрос. Бывает еще и твое желание не обременять своими заботами самых близких.

Памятник, память... Что же ты оставил после себя? Это и станет твоим памятником. Построй дом, посади дерево... Что здесь важнее? Сейчас все чаще строят именно дом. Как-то плохо его временами строят... Есть свои памятники у новой эпохи в Питере... Политикам нынешним, пожалуй, лучше все же их не ставить, существует опасность, что скоро снесут. Наше время создало свои любопытные памятники: чижик-пыжик, зайчик, Остап Бендер и прочее... Летят монетки! Значит, у нас при-

шло такое время чижиков-пыжиков, зайчиков, Остапов и звонкой монеты. Наши внуки так это и поймут. Смотрю на экране телевизора «Евгения Онегина» в английском исполнении. Как хорошо в нем прописаны чувства, как скрупулезно обозначены правила проведения дуэли, а вот Пушкина нет совсем. Здесь его новое английское прочтение. Не много ли у нас сегодня появилось таких новых прочтений Чехова, Толстого? Каждый мнит поставить себя рядом с великим классиком. Неужели и мы выглядели такими беспомощными в экранизациях Гамлета или Шерлока Холмса перед англичанами в своих старых киноверсиях? Римейки на популярные советские кинофильмы, раскрашивание черно-белых кинолент... Это как подкрашенное пищевым красителем филе семги. Каждый из нас легко увидит в этом искусственность и фальшь. Из великой и уважаемой страны мы постепенно превратились в ядерное пугало, находящееся на дальних задворках прогрессирующих без нас Азии и Европы. Прорубленное великим Петром окно в Европу закрылось перед нашим носом на неопределенное время. Зато можно запросто проходить через открытую дверь, летать на самолете, ездить и любоваться тамошней жизнью. Можно даже остаться там, насовсем. Как-то грустно все это, такие вот приметы-памятники нового времени... Стоп, Сережа! Ты, кажется, уже ворчишь? Это верная примета пришедшей старости. Неужели все так ужасно плохо?

Нет, все же лучше посадить дерево. Я иду по коридору мимо дверей комнаты дочери Анастасии. Комната давно пустует, выросла моя дочка, теперь у нее своя семья. Вот это уже то, что будет жить после тебя, и это твой очень важный жизненный итог. Сквозь дверное стекло льется яркий свет. Неужели я с вечера не выключил в комнате лампу? Открываю двери, и в лицо бьет утреннее солнце, это рождается новый рабочий день.

Теперь на моем письменном столе красивая статуэтка мудрой совы – подарок от любимых друзей. Как же приятно и удобно писать этой новой, подаренной авторучкой. Кажется, они сегодня принесут мне удачу. За этими строками приходят новые строки, рождаются мысли, нужно только успевать их записывать. Значит и этот день будет прожит не зря, значит, жизнь после юбилея продолжается...

МАРИЯ ОРФАНУДАКИ

Фантик от конфеты

Сегодня ты внезапно мне вспомнился. Так странно и неожиданно. Я запретила себе думать о тебе. Выкинула из мыслей небрежно, как пустой фантик от съеденной вкусной шоколадной конфеты. Мой мальчик, я забыла о тебе, втайне гордясь собой. Еще бы, ведь я успела тебя опередить. Ушла первой, не прощаясь и ничего не объясняя. Зачем? Что было между нами? Интрижка, небольшое романтическое приключение, не более того. Два взрослых человека, уступивших желанию своей плоти. Грех? Да, но такой сладкий...

У тебя было много женщин. Я это знала, чувствовала. И воспринимала это как должное. Разве можно ревновать тебя - Солнце к ним - простым смертным? Ну, разве только самую малость.

Солнце ведь такое огромное. Света и тепла хватало на многих - тех, кто знал тебя и помнил, не в силах забыть. Чертова бездна обаяния, высокий интеллект, шарм.

И даже если ты не Солнце, а всего лишь свеча... Но сколько неосторожных женщин-мотыльков ты к себе привлек? Много.

Мотыльки, летящие на свет свечи, часто бывают неосторожны. Очарованные вкрадчивым пляшущим язычком огня, они забывают, что тот опасен и безжалостен. Он только притворяется робким и беззащитным. Это такая игра, в которой доверчивые мотыльки теряют свои нарядные крылышки.

А дуть на ожоги, потом будет некому. Обгоревшие крылышки заживают долго, а душа почти никогда. Не ведомо мотылькам, что тебе доставляет удовольствие их коллекционировать. Восхищаться своей очередной редкостной находкой. Сколько уже экземпляров насчитывает твоя коллекция? Десять, двадцать или еще больше? Некоторые умные мотыльки улетали от тебя сами, понимая, чем грозил им огонь твоей свечи. Всякий раз, когда очередным крылышкам удавалось спастись, ты испытывал боль. Тебе было страшно. Огонь не получив новой пищи, мог потухнуть. Охотник оставался без добычи.

Я сказала себе: «Улетай, иначе ты останешься без крыльев. Без них, ты не сможешь подняться в небо, облететь землю».

А как жить без полета? Половинкой себя, оплакивая вторую, утраченную? Кому я признаюсь, что долгие двадцать лет хотела подлететь к твоему огню?

А лукавый огонек ласково шептал мне вслед: «Вернись, я не причиню тебе никакого вреда. Я позабочусь о тебе, согрев тебя своим теплом. Не верь слухам, что распускают обо мне другие мотыльки. В них говорит ревность. Каждый из них хотел в свое время остаться со мной навсегда. Но я прогнал всех прочь, оберегая место около себя лишь для одной тебя. Зачем строить планы на будущее, когда есть настоящее? Этот момент, в котором нахожусь я и ты. Я доставлю тебе огромное удовольствие. Тебе будет хорошо со мной. Обещаю».

Я спустилась на землю, сняв с себя крылья. Небо – это прекрасно. Солнце, свежий ветер, свобода. Земля – дом родной. И одно неотделимо от другого.

Без крыльев я становлюсь обычной земной женщиной, которой хочется ласки и нежности. Не от любого огня, а от твоего: «Нет, это не ты меня позвал, а я сама к тебе пришла. Это мой выбор, мое право провести с тобой эту ночь. Одну, две... сколько получится. И каждая из них будет для меня единственной и неповторимой. Я позволю ненадолго иллюзии заглушить трезвый голос моего разума. Пожалуйста, обними меня, и я забуду обо всем до утра. Я знаю мир, где существуем только мы вдвоем, а еще море, солнце, синее небо, птицы, ласковый шепот ветра, высоченные корабельные сосны и вся Вселенная, в раскинутом гамаке которой мы покачиваемся, разбросав широко в стороны руки и ноги, и считая звезды. А завтра каждый из нас уйдет в свою жизнь, в свой параллельный мир, будет строить свое будущее, в котором нет места другому. Но сегодняшней ночью мы станем целым, пусть и на короткий миг».

Золотое Слово-7

- И уйду, моя тетка - королева Киликийская - давно меня к себе зовет. Буду у нее жить, в тепле и в довольстве. А вас больше знать не желаю! - кричала я тебе, играющего моего батюшку-царя двадцать лет тому назад в школьной постановке сказки Шварца «Горезлосчастье». Добрая и взбалмошная принцесса Анфиска, втайне от всех влюбленная в своего царственного отца. Грех-то какой! Кровосмешение недопустимо!

Отыграв в получасовом спектакле, ты забыл о моем существовании на долгие годы. Это я о тебе всегда помнила. Но теперь это уже не важно. Ты рядом, я могу обнять тебя. Заглянуть в твои глаза. Почувствовать прикосновение твоих губ к моим. Время замерло, остановилось. Не было прошлого. Будущее не настанет никогда. Есть только мы и настоящее, переходящее в вечность. Мы были, мы есть, мы будем всегда. И в этот миг, и тогда, когда ты уйдешь от меня. Улетишь назад в свою южную маленькую страну, которая никогда не станет твоей родиной. Я останусь в тебе навсегда, хочешь ты этого или нет.

Мы идем с тобой по набережной Невы, взявшись за руки и прошедших двадцати лет словно бы и не было. Взрослые? Нет, дети в пионерских галстуках и в школьной форме. Высокомерный смуглый кучерявый мальчик и робкая молчаливая девочка, вся в конопушках. Солнышко обкакало. Царь-батюшка и принцесса Анфиса - это мы.

- Не грусти, мы еще встретимся перед моим отлетом. У нас есть еще неделя в запасе, - утешаешь меня ты.

- Всего неделя? - пугаюсь я.

Ты обещаешь мне позвонить на днях и договориться о нашей встрече. Слава Богу, я

смогу еще какое-то время побыть с тобой, покачаться в гамаке Вселенной.

Первой звоню тебе я, не выдержав твоего молчания.

- Мы встретится еще? - волнуясь, спрашиваю тебя я.

- Нет, - спокойно отвечаешь ты, - я изменил свои планы. Ни с кем не хочу встречаться, решил побыть оставшиеся несколько дней перед своим отлетом один.

Ты замолкаешь. Затянувшееся молчание становится невыносимым. Я не знаю, что мне сказать. Краснею, бледнею. Стискиваю в руке трубку, словно она в чем-то виновата.

- Ну что, пока? - судорожно выдавливаю я из себя.

- Да, пока, - беспечно и легко соглашаешься ты и вешаешь трубку. Финал.

Охота на мотыльков завершена. Охотник пакует чемодан, собираясь отбыть на чужбину, которая никогда не станет его домом.

Я вытираю выступившие злые слезы и натягиваю крылья. Ничего, что порядком обгорели. Степень ожога? Вторая, нет, скорее третья. С этим не умирают, но заживать будет долго. Я справлюсь. Я смогу.

А разве что-то было? Это не ты меня позвал, а я сама к тебе пришла добровольно. Так на что же мне пенять? Всего лишь интрижка, небольшое любовное приключение, не более того. Мой мальчик, не льсти себе. Не ты охотник, а я...

Я выкинула тебя из своих мыслей небрежно, как пустой фантик от съеденной вкусной шоколадной конфеты. Съела и забыла. Со мной так часто бывает. Тогда почему же я так внезапно вспомнила сегодня о тебе?

СВЕТЛАНА ПАНОВА

Приключения Нансона

(Продолжение)

Прерванный полёт

Нансон летел уже битый час, но старого дуба всё не было.

«Может, ветром меня опять несёт не в ту сторону», - подумал Нансон. Он посмотрел на дорогу и увидел копошившихся внизу насекомых. Одни несли детёнышей, другие тащили неподъёмные грузы. Все куда-то торопились, лишь двое, видно, старых мураша, шли медленно, держа друг друга под лапку. По ним уже двадцать раз пробежали встречные особи.

«Надо всё же приземлиться и расспросить хотя бы у этих стариков в правильном ли направлении я лечу», - решил, наконец, путешественник и стал потихоньку спускаться. Но, подлетев поближе к земле, странных увидел он насекомых. Все они шли на двух ногах. Он протёр от удивления глаза: ошибки быть не могло, то были люди, сновавшие по своей тропе. Нансон кружил над человеческим жильём до самого вечера, прежде чем приземлился на крышу одного из домов. Притаившись за трубой, он нащупал рюкзак, изрядно намявший ему плечи, попытался снять его со спины правой шестой лапкой, а левой третьей развязать тесёмки - и не мог. Этих лапок у него попросту не оказалось на своём привычном месте. Склонив голову на бок, он в тревоге пересчитал поскорей свои конечности и чуть не лишился чувств: их было всего четыре. Причём нижние были скованы чудными скорлупками, а две другие оканчивались не привычными щупальцами, а червяками, дёргавшимися при каждом движении. Кроме того тело его стягивал прорезиненный жилет, мешавший ему дышать. Нансон в замешательстве поднял клешню для того чтобы почесать усик и застыл на месте. Вместо усиков у него на голове торчали какие-то короткие волоски. Кое-как развязав рюкзак, он достал оттуда осколок зеркала,

подобранного ещё в муравейнике в комнате Лили и с любопытством заглянул в него одним глазом. То, что он там увидел превзошло все его ожидания. То был не муравей, не насекомый, а зелёный человек.

«Неужели это я? Неужели я стал человеком? Этого ещё не доставало! – подумал Нансон. - А где же мои волшебные крылья? Может быть они мне помогут?»

Но крылья, полученные Нансоном от царицы, безжизненно свисали с плеч. Видно, они потеряли волшебную силу. С крыши Нансону пришлось спускаться по водосточной трубе. Наступала ночь. Все окошки в доме постепенно гасли. Лишь в одном из окон первого этажа из-за портьеры пробивался тусклый свет.

Рассказ вахтёрши

Ночью мне не спалось. Вдруг я услышала за окном не то шум, не то какой-то шорох, будто водили ножом по жести. Я выглянула в окно и заметила на скамейке странную сгорбленную фигуру. Сидевший напоминал собой скорее ощипанную курицу, чем человека. В всём его облике было что-то жалкое.

«Видно, заболел паренёк и не может подняться», - подумала я и вышла поскорее на улицу чтобы помочь ему.

Парню и вправду было нехорошо, потому что подойдя к нему поближе, я услышала тихий стон.

- Что с вами? – дёрнула я его за рукав куртки, но больной не ответил. Тогда я попыталась его поднять. Он оказался на редкость лёгким, прямо невесомым. Облокотившись на моё плечо, парень сделал с моей помощью несколько шагов к двери. При этом он чуть-чуть не упал. Мы долго с ним поднимались по лестнице, при этом мне показалось, что за его спиной болтаются крылья. Я поскорей вскинула чайник и напоила мальчишку горячим

Золотое Слово-7

чаем. Ему, как видно, полегчало, он смог двигаться уже без посторонней помощи. Тогда накинув парню на плечи свой плащ, я отвела его к себе домой, уложила на диван, а сама вернулась на службу.

Утром

Утром в воскресенье Катя любила поваляться в постели. Открыв глаза, она услышала как на кухне шумит из крана вода.

«Значит, бабушка уже пришла», - подумала девочка.

– Бабуля, я есть хочу, - капризно крикнула она так, чтобы было слышно в кухне.

Но бабушка не прибежала на зов внучки, а вода продолжала литься.

«Что она там оглохла, что ли?» - Катя нащупала под кроватью тапки, но не найдя их на месте, босиком ворвалась в кухню. У раковины стоял какой-то худой паренёк и, разбрызгивая во все стороны воду, мыл накопившиеся за целые сутки, тарелки.

Катя удивлённо посмотрела на него:

- А где бабуля?

- Сэйчас, сэйчас... э э, - промычал паренёк.

- Что сейчас? – не поняла девочка.

- Придёт, - вспомнил, наконец, парень и закрыл кран.

Тут двери открылись, и на пороге появилась бабушка.

- А, уже встали, - сказала она и стала выкладывать из кошёлки продукты.

Потом они дружно сидели на кухне и завтракали. Бабушка ради гостя испекла свой фирменный яблочный пирог, который не готовила наверно уже лет сто. Неудивительно, что Нансон ел его и помалкивал, хотя бабушка и внучка ждали невероятного рассказа о его приключениях. Наконец, насекомыш (мы по привычке назовём его так) начал свою удивительную повесть, которую вы уже знаете.

Дойдя до того места, когда он вылетел из муравейника, неся в рюкзаке дневник Лили, Нансон вдруг прервал рассказ и молча устал в тарелку с пирогами.

- А дальше что случилось? - спросила Катя.

- Дальше я превратился в летучее су-

щество и быстрее ветра понёсся к дубу. Я не знал тогда, что судьба готовит мне сюрприз, и вместо насекомыша я превращусь в человека. Как так случилось не знаю, видно, техника подвела, - заключил Нансон.

Все сидели и ждали, что он ещё что-нибудь скажет, но путешественник молчал.

- А где тот пульт, ну, тот аппарат? - спросила Катя.

Нансон достал из кармана зелёную коробочку и положил её на обеденный стол.

- Вот здесь должна загореться лампочка индикатора, - сказал он.

- А она почему не горит? Может, батарейки сели?

- Какие ещё батарейки?

- Все приборы должны работать на батарейках.

- Ты тоже работаешь на батарейках? – хитро прищурился Нансон.

- Я - нет, но зато я ем кашу, хлеб, яблоки.

- А мой пульт работает прямо от солнца. Солнечные лучи нагревают его вместо батареек.

- Может быть пульт, испортился от того, что в этот день шёл дождь? – вставила словечко бабушка.

- Наверно, произошло короткое замыкание, – Нансон продолжал нажимать кнопку за кнопкой, но лампочка не зажигалась.

- Значит ты теперь навсегда останешься человеком? – спросила Катя.

- Во всяком случае пока не починю прибор. Но больше всего меня удручает другое. Ведь я так и не долетел до большого дуба и не успел передать важные сведения. Скоро прилетят с проверкой, а у нас тут конь не валялся.

- Ну, ничего, - сказала бабушка. – Зато ты поживёшь среди людей и всё сам узнаешь. Может быть, и мы не так уж плохи.

Что случилось потом

Весь воскресный день Нансон пытался починить сломанный прибор. Он положил его на подоконник поближе к свету, чтобы солнечные лучи как следует прогрели и зарядили его. Наконец, красная лампочка сбоку замига-

Золотое Слово-7

ла. Нансон обрадовано стал нажимать подряд все кнопки, но всё безрезультатно.

- Дай я попробую, - вмешалась вертевшаяся возле путешественника Катя.

- Нет, ты лучше ничего не трогай, - предостерег Нансон. – Видишь, какой это опасный прибор. Неизвестно, как он себя в дальнейшем поведёт

- Не мешай человеку, - ворчала бабушка.

- А разве он человек? – удивилась девочка. – Таких зелёных людей не бывает.

- Много ты понимаешь. Бывает, не бывает. Займись-ка лучше делом. Ты задачку решила? А ведь завтра контрольная.

Под уговорами бабушки Катя ушла к себе в комнату, но сосредоточиться на уроках не могла. Ей всё представлялась далёкая муравьиная колония. Какая она, царица? Наверно красивая и очень умная. В тетрадке по математике она рисовала её для себя в длинном платье с короной на голове.

На следующее утро Катя проснулась от того, что кто-то щекотал ей пятку. Это был кот Лапсик. Он всегда просыпался первым. Не найдя шлёпанцев, Катя босиком поскакала на кухню. Бабушка уже ушла на работу: по утрам она торговала пирожками у станции метро. На столе лежали прикрытые глубокой тарелкой бутерброды.

- Мяу, - нетерпеливо перебирая лапами и мешаясь у Кати под ногами, вопил Лапсик.

- Мяу, - передразнила его Катя, наполнив его миску кормом.

Вдруг она заметила на подоконнике аппарат, который чинил вчера Нансон. Она быстро подошла к окну и увидела, что лампочка

на нём мигает.

«Неужели зарядился? Погляжу, пока он спит», - подумала девочка и взяла в руки прибор. Блестящая зелёная коробочка ей очень нравилась. Под крышкой она нащупала мизинцем маленькое отверстие. Недолго думая, она просунула в него пальчик и наткнулась на рычажок. Она слегка ковырнула его ногтем. Лампочка сразу же погасла.

«Ну вот, мне теперь от Нансона попадёт, что я его пульт испортила», - подумала Катя и принялась беспорядочно нажимать кнопку за кнопкой.

Вдруг неожиданно зазвонил её сотовый телефон. Катя вздрогнула и выронила аппарат из рук.

- Ты уже покушала? – раздался в трубке писклявый голос.

- Нет.

- Имей в виду, что если через десять минут ты не будешь готова, то я за тобой больше заходить не буду, - сердито верещало в трубке.

Катя, не слушая подруги, выключила поскорей телефон и подняла упавший прибор. На крышке мигала зелёная лампочка. Она нажала её. В это время на кухню вошёл Нансон.

- Не трогай! – крикнул он Кате, но было уже поздно. На блестящей зелёной крышке вместо девочки сидела крошечная босая букашка в красном ситцевом халате.

Кто-то позвонил в дверь. Нансон подумал, что пришла бабушка, но открыв дверь, на пороге он увидел девочку. Это была Вика, Катина подруга.

(Продолжение следует)

НАТАЛЬЯ ВЕСЕЛОВА

От автора

В тот год мне еще не исполнилось и тридцати двух, у меня был медовый месяц, и я еще верила, что отныне и навсегда в моей жизни - и всех других - все сложится только хорошо. Кончались девяностые со всеми их впечатляющими реалиями. Я жила на съёмной даче, писала эту добрую сказку, радовалась лету и любви и поэтому не смогла убить никого из своих героев. Это, может быть, единственное мое произведение, где все заканчивается хорошо - несмотря на девяностые, в которые и происходит основное действие. Когда повесть вышла отдельной книжкой, ее мгновенно расхватили, а я «проснулась знаменитой» - настолько, что одно время даже боялась навсегда остаться «автором одной книги». Читатели полюбили ее, но осуществить переиздание мне не удалось. Теперь многие спрашивают - где прочитать «Марфин дом»? Здесь. Я ничего не редактировала, вещь осталась такой же, как и четырнадцать лет назад - я только убрала несколько лишних запятых. Читайте спокойно: никто не умрет...

Марфин дом

ПОВЕСТЬ

Пролог

Олег

Он был так напуган, что не услышал характерного хлопанья и шуршанья за спиной, и только когда его резко рвануло вверх, едва не ломая кости, определил, что парашют все-таки не подвел. Но - странная вещь! - если последние несколько секунд Олегу казалось, что это самое важное и главное, то теперь он вовсе не обрадовался, а вместо этого подумал: «Лучше б не раскрылся... Так бы сразу - шмяк - и все...»

А теперь он падал, верней, не падал, а опускался, в самом незащищенном положении, какое только можно придумать - а именно, беспомощно болтаясь, как марионетка на веревочках, прямо в тыл врага, да еще в непосредственной к нему близости: ведь нашлась же зенитка, подстрелившая его самолет... Самолет, тоже!

Внизу слева ухнуло и вспыхнуло: «У-2» накрылся. Олег продолжал опускаться в полной темноте, в ушах свистело и резало, потому что шлем он потерял еще раньше. Темнота не позволяла видеть ровно ничего, но он и раньше знал, что падает прямо на лес и почему-то представлял его себе как сплошные копыя, нацеленные на него и готовые проткнуть насквозь. Тут в голову Олега пришла первая практическая мысль, и была она такой: «Интересно, каково это - приземлиться в лес, а не на ровное место? Если и не угодишь сразу в дерево, а пролетишь между ними, то парашют запутается, как пить дать... И будешь висеть, как дурак, на елке, пока немцы с собаками не придут и не снимут... А потом...» Да, немцам определенно есть, что с него взять: ну, положим,

где русский аэродром - это они и сами знают, а вот где партизаны... Где партизаны - это знает Олег. И немцы знают, что он знает. Потому что, прежде, чем подбить его, они сложили два плюс два: самолет, засеченный ими, - не истребитель, не штурмовик, не бомбардировщик, а этажерка - «У-2». Ее сконструировали аж пятнадцать лет назад, и это совершенно мирный самолет: он использовался до войны для орошения полей и перевозки незначительных грузов. Поля сейчас не актуальны, тем более, ночью, а вот грузы и медикаменты для партизан, например, - это как раз кстати. Тем более на Смоленщине, где эти партизаны заставляют порой немцев бегать ночью в кальсонах и стрелять во тьму наугад... Так подумают фрицы - и будут правы.

«Дурак я, дурак, - сказал про себя Олег. - Приказывали же Мишке... И чего я высывался... Вот и поменялся с Мишкой судьбой...»

Кстати, надо отметить, что, если бы Олег знал нынешнюю судьбу Мишки (которая предположительно была изначально его, Олеговой), то он предпочел бы все-таки какое-то время поболтать па дереве: как ни крути, а пока жив, останется хоть один шанс из ста. У Мишки этого шанса не оказалось. В те самые минуты, когда его друг совершал свой печальный спуск в неизвестность, он заканчивал свой первый и последний боевой вылет: потеряв ведущего, безнадежно пропавшего в ночи, он, зажмурив глаза, таранил один из восьми атаковавших «мессеров». В то время для Люфтваффе было еще - одним «мессером» больше, одним меньше, а вот для их полка, в том ночном бою потерявшего вместе с Мишкиным шестнадцать

Золотое Слово-7

истребителей, это была страшная и невосполнимая потеря...

Ничего этого Олег не знал, но навстречу судьбе пошел, махнув на все рукой, так же, как и друг: зажмурил глаза. Раздался треск, Олег почувствовал, что его продирает сквозь колючие ветки, он закрыл для надежности лицо руками и позвал маму, а потом с ним произошло то, что он успел представить еще в воздухе: парашют зацепился за кроны деревьев, Олег повис на стропах и начал с шумом раскачиваться, как большой свихнувшийся маятник, ничего по соображая и то ударяясь о стволы, то с гуканьем врезаясь в упругие ветви. Наконец он инстинктивно ухватился за что-то рукой. Качание прекратилось, но Олег тотчас проклял себя за ошибку: хвататься следовало левой, чтобы правой вытащить нож и перерезать стропы. Он извернулся было переменить руку, но вышло еще хуже: руку переменить не удалось, его поволокло, мотнуло незащищенной головой о дерево и, не успели еще погаснуть искры, так и брызнувшие из глаз, как наверху что-то громко хрустнуло, купол сорвался, и Олег, не успев от удара и неожиданности даже сгруппироваться, мешком полетел вниз с неизвестной высоты.

...Сейчас бы сказали, что Егорка Иванов рос вундеркиндом. Но в деревне Вырино такого слова не знали, и поэтому считали его попросту придурковатым. Шутка сказать: мало ли занятий для парня его возраста, а он торчит до петухов на сеновале с книжками - того и гляди, сожжет и сено и себя вместе с ним. Драл его отец, имея благое намерение «выбить барскую дурь», таскала за вихры мать («не сын, а наказанье Господне») - а Егорка все бегал к учителю и возвращался потный и счастливый, таща под мышкой очередную связку книг с мудреными названиями...

В шестнадцать же лет повторил подвиг Ломоносова: ушел с обозом в Петербург. В Петербурге приемная комиссия Политехнического института сначала окаменела при виде патлатого парня в рубашке и лаптях с онучами, а потом на полном серьезе подала прошение на Высочайшее Имя принять его на второй курс. Строго говоря, следовало бы сразу на третий, но неудобно показалось: диво какое-то дивное. Институт Егорка закончил с медалью, увлеченно стал работать в совершенно новой отрасли науки - воздухоплавании, к началу Мировой войны получил приват-доцентуру, которой быстро лишился из-за невесту откуда взявшихся революционных настроений, к октябрю 17-го был уже «совершенный большевик», а к 21-му стал «красным профессором».

Тут Егорка - да какой там Егорка - Георгий Ива-

нович! - женился на комсомолке Наде, носившей не снимая безобразную кожанку, но зато убежденной большевичке из интеллигентов. В 17-м году закончила она знаменитый Павловский институт и... вступила в РСДРП(б). Какие ветры занесли ее туда - того она и сама понять не могла, только вдруг почувствовала, что «Должна не просто жить, как все живут, а сделать людям что-то большое и хорошее... Очень-очень большое и очень-очень хорошее...» В ту пору подвернулся молодой, в локонах и очках, агитатор, представитель особо угнетенной нации в этой «тюрьме народов» - Надя и нашла себя. Агитатором, правда, атактистически побрезговала, а вот симпатичный красный профессор пришелся как раз впору: живя с ним, не требовалось даже особо изменять своим позорным буржуазным привычкам, а неизменная кожанка, конечно, никому не давала права усомниться в Надиной революционности.

Яблоком раздора в семье служила только престарелая Надина бабушка, которую супругам пришлось взять к себе после того, как родители Нади, предварительно прокляв младшую дочь, бежали после революции со старшими, а старуху бросили в Петербурге: и в дороге обуза, и большевики ничего ей не сделают: восемьдесят лет бабуне - не в тюрьму же ее сажать.

Старуха, уже одной ногой в могиле, все никак не желала примириться с новой властью и воевала. Почтенный возраст дал ей много прав, например, выражаться такими словами, про которые в более молодом возрасте она обязана была притворяться, что вовсе их не знает.

- Сволочи твои большевики и ублюдки! - гремела Бабушка в лицо красному профессору, а он озирался на все двери и напряженно прикидывал, слышно ли в других квартирах другим красным профессорам и, еще хуже, их женам. - И сам ты прохвост и лизоблюд! Кто тебя, сукина сына, уму-разуму выучил? Государь выучил! И приват-доцентом сделал! А ты его же убийцам задницы лижешь! Помирать будешь - Господу что скажешь? Скажешь, я-де счастья народу хотел? Да ты в окно выгляни, - и костлявая рука в перстнях трагическим жестом простиралась к балкону, - выгляни и посмотри, как твой народ в очереди за ржавой селедкой стоит! И как от тифа мрет!

- Мамаша... - шепотом вставлял Георгий Иванович. - Мамаша... Это все дело временное, это все пока... И не большевики в этом виноваты, а контрреволюционеры воду мутят. Я ж вам тысячу раз объяснял, у меня мозоль на языке уже скоро будет... А как мы с контрреволюцией разделаемся - так заживем, как царю вашему и не снилось... А про Бога - это вы оставьте. Молитесь на свои де-

Золотое Слово-7

ревяшки - и молитесь, вам никто не мешает, у нас государство свободное...

- Не меша-ет?! - скидывалась Бабушка. - А монастыри кто разграбил, церкви разрушил - кто?!

- Я сто раз вам объяснял, - шипел, сатанея, профессор. - Их никто не грабил, у них изъяли ценности на нужды революции!

Разговоры такие происходили регулярно каждый день и в конце концов вошли в обыденный уклад семьи; прекратись они - и каждая сторона, пожалуй, почувствовала бы себя обделенной.

Скандал же серьезный и, можно сказать, грандиозный, разыгрался лишь спустя пять лет, когда Бабушка, несмотря на строжайший запрет, окрестила четырехлетнего правнучка Олежку.

Родителям, вернувшимся однажды вечером домой, показалось, что у них групповая галлюцинация. Они даже переглянулись, без слов спросив друг друга: «И ты тоже видишь?» В их прихожей стоял и, как ни в чем ни бывало, надевал подаваемое домработницей пальто живой священник. Галлюцинация была такой натуральной, что супруги даже распластались по обеим сторонам коридора, чтобы пропустить ее в дверь. Потом, не сговариваясь и столкнувшись в проеме, они бросились в комнату Бабушки, впервые осмелившись войти, не постучав. Они увидели ее посреди комнаты - худую, в черном закрытом платье, с неожиданно высокой прической и камеей на груди. Нечто невыразимо торжественное сияло на Бабушкином лице, и особенно недоступным показалось выражение ее небывало ясных, почти девичьих глаз - и это совершенно не вязалось с их привычным представлением о Бабушке как о сварливом скрюченном полутрупе в вечном кресле-качалке.

Рядом с ней на полу стояла наполненная водой детская Олежкина ванночка, теплилась под образами лампада, заправленная, конечно (как механически, но безошибочно определила про себя Надя), самовольно взятым с кухни постным маслом, а между родителями и Бабушкой козленочком скакал Олежка, радостно показывая папе с мамой новенький медный крестик...

За двадцать лет жизни среди приличных людей красный профессор и выражаться научился прилично. Но в этот страшный для него миг Георгий Иванович таинственным образом утратил свое умение, превратившись в Егорку Иванова, устами которого непостижимо заговорило его родное Вырино:

- Да ты чо, старая курва?! Да ты знаешь, чо я тя щас удалаю?! - и он стал наступать на старуху, неосознанно производя все же движения и жесты, что и любой парубок-забияка в Вырино.

Бабушка не отступила. Более того, она неиз-

вестно как сделалась еще выше ростом, и голос ее больше не походил на обычное злое кукареканье, а зазвучал глубоко и веско:

- Не испугалась. И никогда не боялась. Ни тебя, ни их. И батюшку пригласила. Он и Олежку окрестил, и меня исповедовал. И как бы вы теперь ребенка ни воспитывали - а благодать Божья и Ангел-хранитель при нем отныне и навсегда. Господу угодно будет - и спасет. А без этого не умереть мне спокойно было. Сделала дело - пора. Живите, как знаете, - и Бабушка, круто отвернувшись, направилась к окну. Там она и простояла в течение четырех часов, пока пришедшие в себя внучка с мужем безответно орали в ее прямую спину.

- В ЧеКа! В ЧеКа! Вот куда вы сейчас отправитесь!! И давно пора расстрелять вас за контрреволюцию - все жалел по-родственному!!! - топал ногами профессор.

- Я вам больше не внучка, а вы мне - не бабушка!!! - переходя на визг, надрывалась Надя.

Но Бабушка все стояла, положив спокойно руки на подоконник, и не похоже было, что она что-то слышит, понимает и уж тем более чего-то боится...

Скандал продолжался в одностороннем порядке с перерывами на короткий сон два дня, а наутро третьего Бабушка тихо умерла в своей постели. Ее нашла домработница - бледную, спокойную, царственную, уже сложившую руки, с загадочной полуулыбкой на бесцветных губах...

Бабушку быстро похоронили и забыли; жизнь пошла гладко, ровно, без запинок и треволнений, наполненная великим смыслом. Надежда уверенно шла по партийной линии, Георгий Иванович самозабвенно отдавал себя делу авиаконструирования и преподавания, подрастал здоровый сын их Олег - и давно позабыт был смешной и незначительный эпизод с детской ванночкой. Способности унаследовав от отца, примерный пионер Олег учился на «отлично», идейный комсомолец и кандидат в члены ВКПб Иванов сразу обратил на себя внимание в Политехническом институте и, в июне 41-го досрочно сдав экзамены за предпоследний курс, готовился уже ехать с родителями на отдых в Кисловодск, когда...

* * *

...Летное училище под Ярославлем напоминало, скорей, конвейер. Обучались на летчиков-истребителей, в основном, студенты технических вузов, и уже через три месяца (а когда враг вплотную подошел к Москве и стал серьезно душить Ленинград, то и через два) свежееиспеченные млад-

Золотое Слово-7

шие лейтенанты с голубыми петлицами браво отбывали в действующую армию.

Каждый - непременно будущий ас; и, хотя не гремели еще имена Покрышкина, Талалихина и Маресьева, все ясноглазые комсомольцы готовились воевать легко и красиво, а потом с тяжелой грацией героя спрыгивать с крыла навстречу десятку дружеских рук, уже готовых качать и качать, и бросать небрежно механику через плечо: «Ты подлатай там, друг...» И отнюдь не представляли себе ни восемь боевых вылетов - то есть восемь смертей - в сутки, ни десяток «фокеров», вдруг атакующих из-за безобидного облака, ни пустоты вместо сердца, когда против этих «фокеров» ты один и только краем глаза - обернуться нет секунды - видишь кувыркающийся факел в ночи - предпоследний сбитый в этом бою русский самолет, в то время как последним станет твой...

Курсантов в основном пичкали теорией, а практические занятия более походили на странную и жутковатую игру. Посредине поля было установлено десятка два ни на один тип самолета не похожих макета. Внутрь сажался обучаемый, а инструктор совершал вокруг макета кенгуриные прыжки, выкрикивая: «Два «мессера» справа! Один идет в лобовую! Против солнца три «фокера!»» Сбитый с толку курсант в панике что-то дергал и куда-то тыкал и, когда ему удавалось дернуть и тыкнуть правильно раз пять кряду, он считался вполне обученным данному комплексу приемов и освобождал место для следующего из понурой очереди, звереющей на солнцепеке.

Для настоящих полетов истребитель имелся один - штопаный-перештопанный, и взлетать на нем было опасно даже с самым опытным инструктором: имелась вполне реальная возможность погибнуть в родном небе на истребителе, но не в героической схватке, а просто из-за того, что самолет решил, наконец, сломаться насовсем не на аэродроме, а прямо в воздухе. Оттого на «настоящий самолет» даже не очень рвались, предпочитая старенькие, но, как ни странно, надежные сельскохозяйственные «этажерки» «У-2». Известно было, правда, что эти неповоротливые и низкоскоростные сооружения начали с успехом использоваться в специальном женском авиаполку в качестве ночных бомбардировщиков, но это, скорей, воспринималось как легенда (легендой и остался на многие годы тот непобедимый женский полк, получивший позже за Сталинград звание Гвардейского).

- Настоящую практику пройдете в боевых условиях, - мрачно шутил один из инструкторов, которого недолюбливали, подозревая в нем вражьи пораженческие настроения.

В тех же настроениях Олег имел некоторые

основания подозревать и своего нового друга Мишку и не подозревал лишь потому, что Мишка был его земляк-ленинградец, тоже из профессорских детей и тоже доброволец. Возникал вопрос: если он доброволец, то какой же пораженец - и наоборот. И все же после некоторых разговоров с Мишкой у Олега начинало нехорошо свербеть где-то «в середине», а в голове недвусмысленно, хотя и беспредметно пока, мелькал образ Особого Дела.

- Что-то не очень нравится мне все это, Олег, - говаривал, бывало, Мишка в свободную минутку нервного сентябрьского дня, и умные, но непроницаемые его глаза становились еще более умными и непроницаемыми. - Ты сам посуди: два раза в месяц - новый набор, два раза в месяц - новый выпуск... Нас здесь - как селедок в бочке, ушат - прямо по «Онегину» - «чему-нибудь и как-нибудь». А ведь и мы с тобой через пару недель - того... Станем младшими лейтенантами и летчиками-истребителями. Ты вот мне по совести скажи - ты чувствуешь себя готовым так вот прямо сейчас - взять и «истребить» настоящий «фокер» с пулеметами и здоровым фрицем, пролетевшим всю Европу, а? Если чувствуешь - то ты просто идиот...

- Но это же не повод, чтобы... - беспокоило прервал было Олег.

- Чтобы не попытаться его истребить? Конечно, не повод, - спокойно согласился Мишка. - Да и просто повезти может - вдруг он невыспавшись будет. Только... Знаешь, по моим скромным подсчетам, из одного нашего училища с начала войны вышло около полтысячи летчиков... Так ведь училище такое не одно, их по всему тылу - десятки, будь уверен... Скажи, Олег... Куда столько летчиков?

- Куда?! Как куда?! - горячился Олег. - Страна спешно строит самолеты - не могут же они без летчиков!

- Это все так, конечно... - задумчиво тянул приятель, - Но... Сейчас-то у нас и одной десятой самолетов нет по отношению к количеству летчиков. Не-ет, друг... Тут другое что-то... Самолеты построят, конечно, но не для того же нас тут в такой спешке готовят, чтобы девять из десяти сидели потом на аэродромах и ждали, пока каждому пригонят по новому «ястребку»... Будь уверен: как приедем в полк - и в тот же день в бой, значит...

- Значит... - повторил Олег и сразу понял, что продолжать этот разговор не хочет, и именно потому, что лучше не знать, что это значит.

- А значит, - безжалостно закончил Мишка, - а значит, здесь просто готовят камикадзе - вот что это значит. Это значит, что там, - он ткнул большим пальцем вверх, - прекрасно знают, что для большинства из нас дело ограничится одним боем.

Золотое Слово-7

Потому нас и надо так много, Олег. И потом, ты заметил, что нас учат чему угодно, но посадку показывали только раз? Да это же просто потому, что нам почти наверняка не придется садиться...

Надо было, конечно, что-то срочно ответить, опровергнуть, пристыдить. Сказать, что товарищ Сталин никогда не допустил бы такой бессмысленной бойни, что «там», конечно, лучше знают, сколько нужно самолетов и летчиков, и что нельзя так говорить, потому что это не по-комсомольски и вообще не по-человечески - подозревать в других такой ужас - но ни слова не смог вымолвить Олег, потому что внутри у него все задрожало - и вовсе не от возмущения: он просто понял, что так же задрожат и губы, надумай он что-нибудь ими произнести...

И вот, спустя две недели, уже младшими лейтенантами, уже на аэродроме авиаполка, к которому их приписали, Мишка с Олегом невзначай поменялись судьбами...

Они вдвоем пробегали по лужайке к столовой, когда до их ушей донеслась специфическая авиационная брань, соотносить которую с известными им понятиями они еще не научились. Невольно задержавшись и повернув головы, они увидели коренастого старлея, который что-то доказывал носатому капитану:

- Да не могу я его заставить, товарищ капитан, что я - совсем зверь, что ли?! Да и как он за штурвал-то сядет в таком состоянии!!

- Да не мое дело!! - грохотал капитан. - Приказано доставить - так доставьте! - и тут взгляд его упал на двух зазевавшихся младших лейтенантов. - Вон, хоть одного из этих желторотых посади - чай, не истребитель, ведущий не требуется!

- Так они же... - начал старлей, но капитан так гаркнул «Выполнять!!!», что он осекся, махнул рукой и трусцой подбежал к Мишке с Олегом.

Старлею перевалило за пятьдесят - он явно выслужился из рядовых. Олег запомнил доброе бабье лицо, блеклые хлопающие глаза, братски-неуставной голос:

- Вот что, сынки, новенькие, что ль? Ага, то-то еще не видел... Истребители? Ну, а я - Плотников, механик старший... Тут вот какое дело, ребята... У нас тут машина пришла, два ящика медикаментов для смоленских партизан привезла. Они радировали куда надо, что раненые у них там... Так вот, у нас, как что им надо - так Петька Новоселов на «этажерке» возит. Он у нас инвалид, в финскую еще простреленный - куда ему на истребитель. А сейчас несчастье с ним, вишь, приключилось - может, съел чего... Ну, вы понимаете... Словом, он вторые сутки с очка не слезает, зеленый, что твой огурец, а команда - в ночь, до зарезу: парти-

заны ждут, костры жгут... Надо сразу, чтоб за ночь обернуться, так что командир велел одного из вас отправить - лады, а? Делать там нечего, щас покажу вам на карте квадрат, три костра там увидите - и мечите ящики. У них парашюты сами раскроются - так придумано - и айда домой. Опасности никакой - Петька, вон, раз двадцать мотался - безо всяких неприятностей. Но парашютик, на случай, имеется один: дернешь тут вот - и откроется... Ну, так чего - летишь, чернявый? - и он вопросительно глянул на Мишку - может, оттого, что тот был внешностью поярче и к себе сразу привлекал внимание.

- Да не знаю, товарищ старший лейтенант... Я же истребитель, а тут - «У-2»... Но если надо... Что ж, я конечно... Это... Слушаюсь.

- Я зато знаю, какой ты истребитель, - дружески ответил ему старлей. - И на чем тебя учили - тоже. Небось, наистребяешься, еще надоест - если самого не истребят, конечно...

И дело было, казалось, совсем уж слажено подомашнему, и вопросов никаких, а только вдруг Олег зачем-то щелкнул новенькими каблуками и выпалил:

- Разрешите мне, товарищ старший лейтенант! - выпалил - и чуть не поперхнулся, потому что вдруг сообразил, что за секунду перед тем ничего подобного ни делать, ни говорить не собирался.

Более того, он испытал ощущение, что губы его открылись совершенно помимо его желания, и слова будто произнес кто-то другой. Он так и остался навтыяжку, пытаясь разобраться в своих небывалых дотоле чувствах, но добрый Плотников ничего не заметил и отечески похлопал Олега по плечу.

- А-а, сам хочешь? Добро, а то дружок твой не очень-то рвется... Ну, пойдём, что ль, карту смотреть...

«И что меня вдруг дернуло?» - подумал все еще озадаченный Олег, но за старлеем автоматически пошел.

Пошел, потому и очнулся сейчас в странном положении, которое ему пришлось осмысливать несколько минут. Наконец, он понял, что происходит, и эта минута была страшна: кто-то несет его через ночной лес на спине, крепко ухватив за руки, а ноги волочатся по земле.

«Немец! - трепыхнулось в Олеге. - Взяли все-таки, гады...» Он не шелохнулся, опасаясь, как бы враг не догадался, что он пришел в себя и вполне готов к допросу на месте. Но, быстро поразмыслив, пришел к выводу, что на немца не похоже: вокруг не слышалось больше ничьих шагов, следовательно, тащивший его человек был один. Один немец в смоленском лесу исключался, а значит, -

Золотое Слово-7

решил Олег, его спас и волок теперь на себе свой, русский мужик. Партизан? Вот бы здорово! Быстро прокрутив все это в голове, Олег решил подать признаки жизни: он потряс головой, уткнулся в чужую шею и прогудел:

- Слышь, друг...

Человек остановился, чуть встряхнул Олега на спине, словно устраивая поудобнее вязанку дров, и ответил - ответил веселым и звонким женским голосом:

- Я тебе не друг, а подруга.

- Ой, мама... - только и смог сказать Олег.

- Мама, да не твоя, - продолжал звонкий голос.

- Своих, чай, пятеро - куда мне еще шестого, бугая эдакого.

Сказав это, женщина остановилась и невозмутимо свалила Олега с плеч наземь, вновь вызвав в нем обидную ассоциацию с вязанкой дров. Он больно ударился о корень и невольно вскрикнул:

- Да полегче ты!

В чуть разбавленной уже серым темноте он уловил над собой огромный, как ему показалось, силуэт женщины-богатыря.

- Ишь, заговорил, - прозвучало сверху. - А я-то думала, по дороге помрешь...

- Стукнуло меня... - нерешительно пояснил Олег.

- Видела, - кивнул головой силуэт. - Видела, что никто тебя не стучал, а сам ты, как куль с мякиной, с сосны свалился. И ты меня очень-то не жалоби, потому как я тебя там еще ощупала: кости твои все целые. Так что посиделки эти ты кончай и подымайся, дальше сам пойдешь.

- Да не могу! - жалобно сказал Олег. - Все тело болит!

Женщина усмехнулась:

- Да? А куда ж ты денешься? Сидеть тут будешь и фрицев ждать?

Она вдруг резко нагнулась, довольно бесцеремонно ухватила его правой рукой за шиворот и легко, совсем без напряжения, поставила на ноги.

- Ой, больно! - почти что взвизгнул Олег, ощутив вдруг ломящую боль в обеих стопах. - Ноги отбил!

Но, к радости своей, он уловил в женщине, которая и теперь была на голову выше его, некое колебание. Она смягчилась:

- Отбил, говоришь?.. Ну, может и так. Нести-то я тебя все равно больше не понесу, а обхвати-ка меня за шею. И пошевеливайся, а то сюда-то немцы еще дойти могут.

Олег так обрадовался, что даже начал заикаться:

- А т-туда... к-куда мы идем... Туда дойти - немогут?

Она пожала плечами:

- Сами - нет. Да если б и могли - ни за что б не сунулись. Им здесь под каждым кустом партизан чудится.

- А если - не сами?

Они уже снова тащились по лесу, Олег ковылял, всей тяжестью навалившись на женщину, она молчала, и он подумал, что не получит ответа, когда до него донеслось:

- Ну, навряд ли такая сволочь найдется... Кстати, Марфой меня зовут...

Вот тут Марфа ошиблась - сволочь уже нашлась. Но женщина-богатырь об этом не подозревала и не думала, потому что, по широте сердца своего, совсем позабыла про один давнишний эпизод.

Случилось это пять лет назад, когда пришла лесничиха из своего леса в деревню за солью, спичками и керосином. К тому времени все уж знали, что печально складывается ее жизнь с лесником-пьяницей, да и мать Марфина сокрушалась по всем подружкам, что отказала ее дочь трактористу Кольке, первому в колхозе красавцу и балагуру, а пошла за угрюмого цыганистого лесника Ивана. Не послушалась-де матери - вот теперь и мается. И надо ж было так случиться, что нагнал ее тот самый Колька у околицы - да и начал попрекать едко, таких гадостей наговорив, что не сдержалась Марфа, развернулась - да и врезала хаму по оптике. Так шарахнула, что и сама испугалась: кулем повалился Колька, кровью облившись. Она было к нему бросилась, но он уж прокинулся, кровь сплюнул и процедил с нечеловеческой какой-то злобой:

- Ничего, Марфа, ничего... Мне с тобой, само собой, не драться: враз положишь... Только час мой еще придет, Марфуша... Тогда-то кровушка моя тебе и отольется...

За все пять лет ни разу и не подумала серьезно о той угрозе Марфа, да еще не раз, побитого вспоминая, жалела, и представить себе не могла, что как раз сейчас, когда она волочет к себе в дом непутевого летчика, Колька, не взятый в армию по здоровью, ведет к ней через лес два взвода фрицев с автоматами и серыми обученными овчарками...

...По дороге Олег получил еще одно подтверждение своей чрезвычайной везучести. По словам Марфы выходило, что тот Петька Новоселов, которого заклинило на очке, и вместо кого он, Олег, плелся теперь на отбитых ногах, повиснув на шее у незнакомой женщины по страшному лесу, «летал раз двадцать без неприятностей» лишь потому, что в этой деревне у немцев не было зенитной установки. Самолетик же, регулярно пролетающий над кишачим партизанами лесом туда и обратно, давно намозолил немцам глаза, и, в конце концов,

Золотое Слово-7

стал так их раздражать, что зенитка была у начальства выпрошена и доставлена как раз на днях - видать, специально для него, Олега. Имелся простой расчет: самолет подбить, прыгнувшего летчика подобрать, допросить и повесить, после чего накрыть «партизанское гнездо» внезапно. Предполагалось, что летчик упадет близко к опушке леса, где собаки его вынюхают без труда. Марфа же немцев опередила, и они, несомненно, бросились бы сразу искать на всякий случай ее избушку - не бойся они так углубляться в лес или знай точно, где эта избушка... А кто им покажет?

Когда они доковыляли, наконец, до скособоченного бревенчатого домика на лужайке, Олег уже успел смириться с мыслью, что мечту стать великим авиатором вроде Чкалова придется сменить на другую, не менее героическую - с честью партизанить в смоленских лесах.

- А может, мне - того... Через линию фронта? К своим добраться, в полк? Воевать летчиком, как положено, а? - спросил он совета у Марфы. - Или это невозможно совсем?

- Все возможно в этом мире, - неожиданно философски ответила она. - Это я про линию фронта. Перейти-то - перейдешь, а там - до первой стенки.

- Ты чего мелешь? - возмутился Олег. - До какой стенки? Я в форме, и документы при мне. Все проверят, конечно, но я же ни в чем не виноват. Разберутся - на то они и Особый Отдел.

Они стояли у низенькой двери, Марфа спокойно сняла его руку со своей шеи. Светало всюю, поэтому Олег ясно мог различить, как, глядя ему в глаза, она чуть помотала головой и прищелкнула языком, словно говоря: «Ну, ты даешь, парень!»

- А что такого? - удивился Олег на эту предполагаемую фразу.

Марфа тяжело вздохнула с таким видом, с каким говорят «О, Господи!» и просто ответила:

- А то. А то, что ты представь, дурачина, себя на месте любого вашего особиста. К нему вдруг является офицер с оккупированной территории. С документами, живой, здоровый. И докладывает: меня-де над Смоленщиной подбили, но в плен не взяли, меня тетка Марфа спасла и к линии фронта вывела. И возвращайте-ка меня в мой родной авиаполк. Так тебе, дураку, и поверили. Потому что быть сбитым и не попасть в плен - это большим везунчиком надо быть. И ты бы попал, не окажись я поблизости. Я-то была уверена, про зенитку ту узнав, что тебя на обратном пути подстрелят. Но доказать, что ты в плен не попал, ты не сможешь: слишком уж обратным пахнет. Ну и - сам понимаешь - по закону военного времени... - не договорив, Марфа отворила взвизгнувшую дверь и шагнула внутрь.

Не вполне убежденный, но уже колеблющийся Олег подался следом.

В нос ему ударил кислый запах крестьянской избы - и не сказать, что это было очень приятно поначалу. Из темноты донеслось:

- А ты и вправду везунчик, Олег. Молитвенник, видать, сильный у тебя где-то. Кто молится-то, мать, небось?

Часть этих слов Олег просто не понял. По его мнению, молитвенник - это была такая книжка, с которой (это он прочел в одном французском романе) ходили где-то во Франции в церковь, причем, очень давно. («Маман потеряла по дороге из церкви свой молитвенник, она думает, что его у нее украли»). В молитвеннике должны быть, конечно, молитвы, но как он может быть сильным? А уж словосочетание «молится-то мать» и вовсе вызвало в нем внутренний смехок: не могло быть ничего смешней, чем мгновенное видение его мамы в черном платочке и со свечкой в руке. И вообще, таких слов он никогда ни от кого не слышал и меньше всего мог предполагать их услышать от женщины, которая только что самоотверженно волокла его на себе с десятков километров - сначала на спине, а потом на шее. То есть, помогала советскому летчику. Но еще с младших классов школы Олег твердо усвоил, что люди, верящие во всякую «поповщину» - это люди ненадежные. Это, можно сказать, не наши люди. И люди эти не могут любить советскую власть, объявившую беспощадную войну всяческому мракобесию. А, следовательно - эти люди враги, и помогать должны уж никак не советским командирам, а врагам, желающим скорого конца советской власти, то есть, в настоящее время - немцам. И ни в коем случае комсомольцу ничего хорошего от таких людей ждать не приходится. Но факт был налицо: Марфа его спасла. Поэтому, логически рассудил Олег, она никак не может оказаться верующей: может, так сболтнула, а может, что другое в виду имела, а он недопонял. Рассудив так, Олег успокоился и промышчал нечто вроде «М-да-м-н» меж тем, как Марфа копошилась, зажигая лучину.

Но, когда слабый огонек, покапризничав, начал все-таки давать какое-то смутное освещение, первым, что он осветил, оказалась большая серебряная икона, изображавшая Женщину с Младенцем. Рядом на полке Олег увидел такую же, только на ней было одно лицо. Здесь же помещалось еще несколько маленьких, темных - их Олег уже не разглядывал, он, разинув рот, обернулся на Марфу. И увидел нечто еще более необыкновенное: глядя на иконы, та перекрестилась несколько раз. Он успел еще заметить, что женщина молодая, и это повергло его в совсем уж полное недоумение: он считал,

Золотое Слово-7

что такой-то крендель может еще выписать лишь сморщенная старушка - понятно, у них мозги уже известкой покрылись, агитируй-не агитируй - ничего не понимают, уперлись, как бараны. Был уверен до сей минуты Олег, что последний остаток религии умрет вместе с последней старушенцией, а вот, выходила совершенно невозможная вещь: при нем, ничуть не скрываясь, крестилась женщина лет тридцати.

«А, - вдруг догадался Олег. - Это ж я по городу сужу, а она-то - деревенская. Не успели их доагитировать, не разъяснили толком. А то она давно бы эту чушь оставила». Подумав об этом, Олег вторично успокоился, решив мимоходом, как отдохнет (сейчас-то сил нет) растолковать ей кое-что по-комсомольски, научные доказательства привести, если на то пошло...

Тем временем в избе что-то заворочалось, и Марфа, быстро повернувшись к болевшей в темноте русской печи, стала шарить там руками и бормотать. Выпрямилась и шепотом пояснила Олегу:

- Ишь, заснул опять. Он у меня самый шебутной, Васька-то.

- И много их у тебя там? - любопытствовал Олег, решив с места в карьер с пережитками прошлого не бороться, а войти сначала в доверие.

- Пятеро. Старшей - восемь, младшему - два. Ваське - тому четыре. Ничего, помещаются пока!

- А муж?

- А что муж? Где все мужья, там и мой. Да ты садись, гость, чай! - Марфа толкнула Олега на невидимую лавку и сама со вздохом «ох, уморилась нынче!» опустилась рядом.

Лучина разгорелась вовсю, и теперь Олег впервые получил возможность разглядеть спую спасительницу. Широким жестом она скинула долой уродовавший ее темный толстый платок; повела плечами - и упал с них засаленный ватник. Перед Олегом оказалась красивая мощная женщина лет около тридцати, с крупными чертами типично русского лица, и можно было даже сказать, что она красавица, если б не довольно безобразный шрам, спускавшийся из-под волос до уха, загибаясь серпом на щеку. Было ясно что никакие хирургические инструменты не касались раны, и он зажила сама собой, грубо стянув кожу.

- Лошадь лягнула, - спокойно объяснила Марфа, перехватив смущенный взгляд Олега. - Давно, уж года три тому...

Олег вспомнил, что за своими страхами и удивлениями так ни разу и не поблагодарил Марфу. Ему стало неудобно - еще подумает, что он невежа какой. Благодарить вообще всегда очень трудно, особенно если это не тривиальное «спасибо» за билет в трамвае, а ты действительно по гроб жиз-

ни обязан человеку. Олег сбивчиво пробормотал:

- Я вот что, Марфа... Я тебе очень благодарен за все это... Если б не ты - попался бы фрицам, и конченное мое дело... Так что спасибо тебе... Тем более спасибо, что через убеждения свои переступила, - вышло еще хуже, чем он предполагал, а уж последнюю фразу - Олег сразу это почувствовал - добавлять и вовсе не следовало: она получилась совсем уж дурацкой.

И верно, Марфа насторожилась:

- Убеждения? Через какие такие убеждения?

Олег одновременно и смутился еще больше и вдохновился. Смутился тем, что нужно было выкручиваться, а вдохновился, потому что показалось ему, будто пришел удобный случай поговорить о том, что явно здесь мешало: о поповщине этой глупой.

Он, как сумел, придал голосу твердость, мимоходом подумав, что, может, враз со всем этим и покончит. Ему еще пришло в голову, что она не то чтобы верующая, а просто по привычке исполняет все, чему в детстве научили. Может, и нет у нее никаких убеждений, а вот сейчас он разъяснит ей по-товарищески, что время глупостей прошло - она и перестанет. Кроме того, он человек культурный, грамотный, одних политинформаций сколько провел, а она что знает?

- Ну, Марфа, насчет убеждений - это я погорячился. Не может у тебя быть никаких вражеских убеждений, иначе ты бы меня не к детям своим в дом привела, а напрямик к немцам...

Марфа взглянула на Олега изумленно:

- Конечно, нет у меня никаких вражеских убеждений. Как ты и подумать такое мог? Да и вообще, о чем ты говоришь так странно - не понять мне.

Олег залился краской и решил уже плюнуть на всю свою агитацию - лишь бы вывернуться из глупейшего положения: вот ведь, обидел ни за что советского человека, спасшего ему жизнь, вдобавок, в сочувствии к врагу в глаза заподозрил - выходит, он уж совсем неблагодарной скотиной ей сейчас кажется!

- Ты не так поняла, - уставясь в пол, забубнил он. - Пока по лесу тащились - я ничего такого не думал... Я и сейчас не думаю... Только вот странным мне показалось... Эти иконы у тебя... Бабкины, что ли? Тогда чего ты крестишься-то на них - сама-то ты не бабка. Понимать должна. В школе советской училась, наверное, - объясняли же тебе...

- В школе? Нет. Я не училась в школе, когда Советы пришли. Мне восемь лет тогда уж было, а грамоте и счету меня и других ребятишек учитель местный еще раньше выучил...

- Но агитаторы-то потом были у вас?! - вскричал Олег. - Нельзя же, чтоб дремучесть такая!

Золотое Слово-7

Марфа тихо усмехнулась:

- Были, были и агитаторы. Их поначалу только слушали – а как церковь спалили, а батюшку с попадшей и поповнами собаками до смерти загравили - так все враз и поняли, что почему... Да я-то что? Я тут в лесу уж десять лет без малого. Нешто вера моя мешает кому?

«Собаками попа травить, конечно, не надо было, - быстро подумал Олег. - Да еще с семьей, да у всех на виду. Неграмотно сработали ребята - только озлобили против себя население. Увели бы их, да шлепнули где-нибудь по-тихому, а местным бы сказали: сбежал, дескать, поп. Конечно, поагитируй потом, когда такое зверство...»

Он ответил:

- Хм... Это неправильные какие-то были агитаторы... Ну, а что касается того, что вера твоя не мешает никому в лесу - так это точно. Только дети у тебя растут - ты подумай, как они жить будут, когда из леса выйдут! Такой-то дурью напичканные!

- Чтоб им из лесу выйти и жить дальше - сначала немца прогнать надо, а там видно будет, - невозмутимо напомнила Марфа. - Да, а ты про убеждения мои какие-то толковал - никак не пойму, вера-то тут причем?

Олег и сам чувствовал, что разговор этот глупый, завел он его напрасно, зато оба они устали, да еще, того и гляди, дети проснутся и отдохнуть не дадут. Пыл его как-то поулег - что ему, в конце концов, за дело до этой темной бабы: все само как-нибудь устроится. Права она. Лишь бы война поскорей кончалась, а там просвещение и до нее доберется. Но, чтоб совсем уж дураком не показаться, да еще, чтоб она не подумала, что сказать ему нечего, а идейность его - дутая, проговорил с неохотой:

- Да чего там... Ладно. Но странные у тебя убеждения: в Бога, вроде, веришь, а советским помогаешь. Ваши же все наоборот: немец для них - первый освободитель. Но ты, видно, не такая. Значит, не потерянный человек для общества.

Думал Олег, что тем разговор их и окончится. Но Марфа вдруг резко от него отшатнулась, а потом медленно встала, загородив собой свет. Громкая тень ее угрожающе нависла над Олегом...

«Мать честная, прибьет, никак, сейчас!» - испугался он не на шутку и чуть было не закрылся локтем, но в последний момент передумал: несолидно. Он - боевой командир, она - всего лишь глупая баба.

- Да ты что... - дрожащим голосом, словно задыхаясь, произнесла Марфа, и даже в груди у нее что-то возмущенно клокотнуло: - Да ты что порешь-то! Креста на тебе нет! Где ты видел рус-

ского человека верующего - чтоб немцам радовался?! Да под гадом таким земля бы тотчас треснула - не снесла бы! Ты сам думай, что говоришь - не газеты одни читай... Я-то к тебе, как к человеку... А ты - агитацию в доме у меня разводить... До чего договорился! Убеждения чужие просчитывает! Странно ему, что помогла, немцам не бросила! А сам ты, случись тебе беспомощного кого увидеть, перед тем, как помочь ему, раздумывать бы стал - наш человек, или, может, мысли у него не такие?!

- Ну конечно, стал бы, - не размышляя, ответил Олег. - Потому что если враг - так врага уничтожить, а не помогать ему надо.

- Да когда он на земле под деревом валяется, как ты давеча - то какие тут раздумья! - вскричала Марфа, и на печи кто-то сонно заворочался; она сразу понизила голос и вновь села рядом с Олегом.

Тот несказанно этому обрадовался, сообразив, что на этот раз бить не будут.

- Ты то пойми, - шепотом продолжала Марфа, - что если человека убить, то все надежды на этом кончаются. А если жив будет, то враг там, или не враг - а, может, войдет еще в разум... Не о немцах я это, не пугайся. Это я про нас, русских, говорю. Смотри - прут фрицы, не спрашивают «убеждений» наших - тех и других стреляют и вешают. А мы вдобавок между собой разбираемся - не враги ли еще и друг другу! Вот и ты. Прости уж, парень, что напоминаю - но старше я; так вот - попался б немцам, про партизан бы все сразу выложил - и болтался бы сейчас на виселице... Она там давно стоит, и всегда на ней висит кто-нибудь...

Озноб продрал Олега при этих словах - «про партизан бы все сразу выложил». «Врет, стерва!» - подумал было он, но тут остро вспомнил, как скуллил в лесу, говоря, что «все тело болит», как потом на отбитых пятках, на шее у Марфы повиснув, плелся и все охал, как раньше еще, когда только захлопала зенитка, и он увидел, что попали, руки его так тряслись, что он еле парашют напялил - и, вспомнив все это, ужаснулся и понял: выложил бы. Еще б до того выложил, как избили - из одного страха, что сейчас начнут... Потому что на самом деле товарища Сталина, Коммунистической партии, великих идеалов - всего этого совершенно недостаточно, чтобы устоять. Это все как-то мелькает и бледнеет перед возможными мучениями его ненадежного тела и еще более - перед тем абсолютным «ничто», которое наступит после того, как тело отмучается... И посмертный позор, как и посмертная слава, не остановили бы его - что ему будет до того в том «ничто»... И как только до Олега все это дошло с хрустальной ясностью, слепая ярость, направленная на Марфу, мутной волной

Золотое Слово-7

вскипела в нем - за то, что она его раскусила, да еще и посмела об этом сказать.

- Да ты спятила, гадина!!! - заорал он, насколько не заботясь о спящих детях. - Как это я выложу?!! Да режь они меня на куски - ничего не скажу!!! Это ты бы все выложила, провокаторша! По себе других не меряй! У меня идеи есть, товарищ Сталин, партия есть! А у тебя что, кроме деревяшек?!! Это тебе не за что погибать, а обо мне не беспокойся! И язык свой поганый прикуси! Нет здесь НКВД, я во власти твоей - вот и пользуйся... Ничего, я тебе покажу, кто тут Советская власть! - войдя в раж, Олег начал лапать кобур.

Дети на печи проснулись и захныкали, но он уже не способен был остановиться. Марфа не обратила на это никакого внимания, а сказала преспокойно:

- Да не ищи ты свой пистолет - у меня он давно. К партизанам придем - отдам. Правильно я сделала, что забрала: дите ты совсем - ну куда тебе такие игрушки...

Возмущение Олега перехлестнуло через край - он только воздухом хватал.

- А меня ты все-таки дослушай, - невозмутимо продолжала Марфа. - Вот ты - выложил бы и висел - да, и не пялься на меня, знаешь, что права, оттого и орешь так. И всё. Что дальше с тобой было бы - и подумать страшно, а так... А так, может, одумаешься еще, жизнь-то не кончена. И поймешь, что если Бога у человека нет, то ничто не помешает ему предателем стать - ни Ленин, ни Сталин, ни партия... А вот в Бога уверуешь - тогда...

- Кто... уверует? Я... уверую?! - обалдел Олег. - Ненормальная ты дура, вот кто ты! Чтобы я...

- Мамка, а, мамка... Собаки в лесу лают... - вдруг раздался с печки сиплый со сна детский голосишко.

Секунду после этого в избе было тихо. Но неизвестным образом секунда эта растянулась в сознании Олега на долгие часы ужаса. Запал его вмиг угас, он механически огляделся. Сквозь крошечное окошко пробивался несмелый утренний свет, и все предметы, очертания которых появились в нем, стали открыто враждебными и ужасными в своей неподвижности. Белый силуэт печи, хромой грубый стол, лавки, веревки с бельем, какая-то утварь - все это обрело в глазах Олега жуткое угрожающее движение, как в кошмарном сне, получило невыносимую и страшную значимость, и на Олега навалилось тягостное ощущение, что разгадай он прямо сейчас, что же это такое - и все сразу станет на привычное место, расколдуется - ах, если б не этот страх! И еще многое мелькнуло - что все напрасно: и парашют, и Марфа, и отбитые ноги, и сам этот дом, и никакого партизанства,

оказывается, не будет, а будет как раз то, что сказала Марфа - выложит и повиснет, а она... И ее он успел разглядеть и оценить в эту секунду. И убедиться, что хотя и нет у ее сердца комсомольского билета, а есть только пятеро детей, но все равно она не скажет немцам, где партизаны... А он скажет... Секунда прошла.

- Показалось Таньке со сна, - прошептала Марфа, и тут они оба услышали.

Лай звучал еще издали - в утреннем лесу на километры разносятся звуки, но было ясно, что это действительно овчарки, и не одна, а полтора десятка, и идут они сюда. В панике Олег схватил Марфу за руку.

- Бежим!!! - ничего не соображая, выпалил он.

Марфа выдернула руку, глаза ее расширились, голос стал неузнаваем:

- Поздно. Не уйдем.

- Что?!! - взревел Олег, но тут вспомнил: - Ах, да, дети... - его колотило, как в приступе горячки, он никак не мог собраться с мыслями. - Да... да... дети... дети...

- Ни с детьми, ни без них не уйдем: там собаки, от дома враз вынюхают, - тем же страшным голосом отозвалась Марфа.

Несмотря на всю свою былую враждебность к ней, Олег уже привык видеть в Марфе несокрушимую опору, и вдруг опора эта вылетела у него из под ног, ибо Марфа с изменившимся лицом, опустив руки, стояла посреди избы. Дети на печи примолкли, и Олег почувствовал себя вопиюще одиноким и беспомощным. Но произошла странная вещь: как только он понял, что в один миг лишился защиты, так в нем откуда-то взялись силы. Он глубоко вздохнул и зажмурил глаза.

- Не терять головы... Главное - не терять головы... - прошептал он для бодрости и шагнул к Марфе. - Говори быстро, где тут твои партизаны. Или нет, лучше не говори - хватай детей: младших понесем, старшие сами пойдут... Да скорей ты!

У Марфы ожили только глаза - словно она что-то прикидывала. Прошла еще одна бесконечная секунда. Лай слышался ближе. Марфа заговорила, и слова ее звучали, как отрывистые команды:

- За болотом, восемь километров. С детьми не успеем, у болота догонят. И еще - будут знать, где партизаны. Всем нельзя - беги один. Завернешь за избу - иди все прямо. Увидишь болото - ищи глазами три валуна напротив. Сам стань у двойной березы, от нее цель на крайний камень справа. Пройдешь - там тропа. На том берегу опять все прямо - их дозор сам тебя отыщет. Все понял? Повторять некогда, иди сейчас. Прощай. С Богом.

Даже в эти неправдоподобные минуты слова «с Богом» покорили Олега, но размышлять над

Золотое Слово-7

ними не было времени. Окрыленный, он метнулся было к двери, но вдруг застыл, ясно услышав громко сказанное кем-то слово «стой». Думая, что это Марфа, он обернулся, и взгляд его упал как раз на икону, блеснувшую из темноты. Нелепая мысль возникла у Олега - ему почудилось, будто голос шел от нее: Марфа оказалась совсем в другом месте. Эта мысль только мелькнула, зато на ее место пришла другая, совсем простая: «А Марфа?» - и Олег сам удивился, как он раньше этого не подумал.

- А ты? - вслух сказал он. - А дети? - и увидел, что Марфа плачет.

- Как Бог даст, - сдавленно ответила она, и все возмутилось в Олеге.

Он понял, что чуть не произошло - и волосы у него встали дыбом.

Мало того, что эта женщина спасла его. Она сейчас, только что, пожертвовала собой и своими пятерыми ребятишками ради него, который хамил ей всю ночь напролет и только что, вовсе не думая о судьбе ее и детей, как травимое животное, бросился бежать, кинув ее на произвол судьбы. Немцы сразу раскусят, что он был здесь: обученные собаки помчатся по следу вдогонку. И она с детьми примет страшную смерть за то, чтобы он мог дойти до партизан и жить дальше. Жить? Зная это - жить дальше?

- Марфа, я не пойду без вас, - быстро сказал Олег, и ему показалось, что подобное уже было... Да, точно, там, на аэродроме, когда так же неожиданно он выкрикнул: «Разрешите мне, товарищ старший лейтенант!»

Олег думал, что Марфа начнет его уговаривать, но она живо подошла к нему, глянула остро:

- Вот и ладно. Иначе жизнь свою... Проклял бы ты ее тогда...

Лай доносился уже с довольно близкого расстояния.

- Собаки, мамка, собаки, - пискнул кто-то с печи.

- Лежите тихо, - бросила Марфа через плечо.

- Что же нам теперь делать? - спросил Олег, удивившись мимолетно спокойствию своего голоса.

- А мы уже ничего не можем сделать, - так же спокойно ответила Марфа. - Мы можем только молиться.

Целая буря чувств взвилась в душе Олега. Здесь был и протест, и сомнение, и негодование, но фраза «ничего не можем сделать» не испугала, а смутила его: ведь за ней следовало продолжение, и в этом никак нельзя было разобраться. Для него, Олега, за такой фразой всегда шла несомненная точка, а для Марфы - нет. Но сейчас их судьбы на-

столько слились, что выходило - раз для нее после «ничего» есть еще «нечто», то это «нечто» он обязан разделить с ней тоже.

Ему было совершенно ясно, что оба они обречены - но сердце, встрепенувшись, подсказало иное. И, вместо того, чтобы крикнуть: «Сама молись, а я буду петь «Интернационал!»!» (он где-то читал, что кто-то так крикнул) он пролепетал беспомощно:

- Н.. не умею...

- Не беда, - Марфа метнулась к полке с иконами и, не успев Олег опомниться, как уже неловко держал в руках одну из двух больших; вторую взяла Марфа.

-левой держи... Крепче... вот так... - наставляла она скороговоркой. - Креститься умеешь? Дай руку... Три пальца сюда... На меня смотри. Так делай. Развернись к двери...

Теперь они стояли плечом к плечу лицом ко входу, каждый держа в руках по иконе. Собачий лай заполнял все вокруг, казалось, ничего, кроме этого лая уже не осталось в мире, но вдруг справа от Олега раздался чистый и ясный голос Марфы:

- Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его...

- Да воскреснет... - содрогаясь от вновь нахлынувшего страха, повторял за ней Олег, - и расточатся...

Ровно ничего не понимал он из того, что говорит, не раздумывал над тем, зачем он это делает и лезет ли это в какие-то рамки, верней, чувствовал, что сам он вылез из давивших рамок и теперь ни за что не отвечает, знает только, что совершаемое - безусловно необходимо.

- Прогоняй бесы силою на тебе пропятого Господа нашего Иисуса Христа...

Лай, топот, громкая немецкая речь и поганый заискивающий русский голос («Я же говорил вам, господин офицер») - смешавшись, все это возникло на лужайке перед домом.

В этот миг в самом потаенном уголке подвала памяти Олега словно открылась неведомая доселе дверь, и оттуда хлынул яркий свет. В свете он ясно увидел комнату, кресло-качалку, а в нем - худую старуху, укутанную пледом. Старуха мелко крестилась, глядя вверх, где было еще светлей, и бормотала:

- Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного!!! - громко выкрикнул Олег, и все вокруг расколдовалось: он не слышал более ни лая, ни голосов, только видел рядом Марфу, шепчущую те же слова и, вопреки всему, знал, что вот теперь - хорошо, вот теперь - понятно, и ничего больше не надо...

Золотое Слово-7

Валерия

- А ну-ка, актриска, подбери ноги!

Лёра стиснула зубы. В самый раз бы сейчас ледяным тоном ответить: «В русском языке такого слова нет. Есть «актриса» или, в крайнем случае, «артистка». Поэтому попрошу вас выразаться правильно».

Но ущемленное положение не позволяло этого сделать: обиженный Толик, и так все время злобно на нее косившийся, мог бы запросто вскипеть и попросить ее выметаться - да какое выметаться! - просто вышвырнуть ее из машины. И ей пришлось бы унижаться, извиняясь и умоляя взять ее обратно. А унижений с Толиком этим Лёре на сегодня уже хватило: и вспоминать противно, как хам ломался, а она все просила и, когда уж в третий раз, вроде бы, договаривались, вдруг с откровенной наглостью взглядывал на Лёру в упор и непередаваемо цинично ухмылялся:

- Н-не... Вот еще полтинник накинешь - и возьму. А так не возьму, не-е - нипочем...

Полтинников в результате вышло три, и перспектива расстаться с четвертым совсем не улыбалась Лёре. Поэтому она покорно проглотила пилюлю и подобралась на сиденье. Тотчас ей прямо на сапогибрякнулся огромный мешок. Стало очевидно, что двести шестьдесят или более километров до Смоленска ей предстоит ехать с поджатыми ногами, причем изменять их положение будет невозможно: твердый мешок так велик, что поставить ноги наверх не получится. Она решилась робко запротестовать:

- Послушайте, это ни на что не похоже... Нельзя ли в какое-то другое место его положить? Ведь я и пошевелиться так не могу...

Толик сплюнул:

- Ну и не шевелись, не на сцене, - и невозмутимо, не глядя более на Лёру, стал вразвалку огигать «уазик».

Лёра тоскливо оглянулась. Две другие пассажирки уже сидели на своих местах позади, у них под ногами тоже валялась какая-то кладь, но место для ног все же оставалось. Едва ли теперь кто-то из них добровольно поменяется с Лерой местами. Но наказана она была вполне по заслугам: ведь первая залезла на место рядом с водителем, чтобы избежать близкого соседства с какой-либо из женщин. Они казались Лёре такими неприятными, что сидеть впереди даже с Толиком виделось более приемлемой перспективой... Вот и получай, что заслужила.

На глаза Лёре навернулись слезы, но она быстро напомнила себе свое жизненное правило: «Если положение ужасно, но изменить его ты не

можешь, то реветь все равно бесполезно». Слезы наружу не вытекли.

«Уазик» пофырчал для затравки, Толик напутственно матюгнулся, и машина кое-как тронулась, по-утнному переваливаясь на глубоких скользких рытвинах.

Как можно дальше отодвинувшись от водителя и чувствуя, что ноги уже немеют, Лера раздраженно смотрела вперед. Ей было ненавистно сегодня абсолютно все окружающее и, прежде всего - она очень четко это понимала - собственная глупость и жадность, ставшая причиной сегодняшнего клокотавшего раздражения. Стыдно сказать, из-за чего всё это! Из-за зимнего пальто. Да, да, не было у Лёры зимнего пальто. А была тонкая кожаная куртка, которую она носила несъемно с сентября по май, в холода подшивая в нее облезлый чехол из рыбьего меха. И носила так пять лет. К началу шестого собственное отражение в зеркале в этом наряде стало ей так отвратительно, что хоть плюнь. Эта куртка с чехлом и сейчас на ней — особо облезлые места Лера замазала черными чернилами. А теперь вот (и мысль эта грела) будет настоящее пальто. Маня-портниха, по совместительству костюмер, Маня-Золотые-Ручки, обещала сшить ей пальто бесплатно: слишком уж много услуг успела оказать ей Лера. Бабушка подарила выдавшего виды песка, и Лера сама перекрасила его «в лису» пульверизатором для замши, так что теперь престарелый возраст животного ненаметанный глаз не определит.

Лера пошевелила ногами, пытаясь оттолкнуть куда-нибудь мешок. Но толкать было некуда, да и мешок был настолько тяжел, что не двигался.

«Терпеть, - страдальчески сказала про себя Лера. - Терпеть четыре часа. Всего четыре часа».

Она попыталась развлечь себя мыслями о будущем пальто, о том, как через четыре часа она будет в Смоленске, а завтра утром - уже в Москве, и у нее окажется целый день до ночного поезда, чтобы купить себе материю, подкладку и ватин, а потом еще сходить в Третьяковку. У Лёры родилась еще одна контрабандная мысль, и эта мысль была ужасна: посетить Мавзолей, пока мумию где-нибудь не зарыли. Там, конечно, камеры везде понаставлены, но интересно все же - будет, ли ей в наше время что-нибудь за то, что она перед мумией сделает какую-нибудь гадость - плюнет, например. Нет, Лера этого не сделает. Она притворится перед собой, что не плюнула потому, что, если ее поймут и пришьют хулиганские побуждения, то она не успеет на поезд - а ей до зарезу нужно послезавтра утром быть в театре, в Петербурге...

Да, в театре. Потому что послезавтра выяснится, сыграет ли она свою Роль. Ту самую Роль, по-

Золотое Слово-7

сле которой артисту уже все равно, кого он будет играть до смерти - героя-любownika или «кушать подано». Ту Роль, которая бывает одна, как единственная симфония у Моцарта - Сороковая, как единственная картина у Леонардо - Джоконда, как единственная партия у Шаляпина - Мефистофель, И Лёра получит свою Роль, потому что знает: она стала актрисой только для того, чтобы когда-нибудь ее сыграть... Все совершенно разрешится послезавтра, но Лёра чувствует - не будет иначе. Для того она сейчас и трясется с тремя сверхнеприятными людьми в «уазике» по ужасной дороге через смоленские леса. Все внутренности у нее подпрыгивают, ноги ломит и сводит под сиденьем. Вид, конечно, у Лёры сейчас жалкий, ничего не скажешь: шарф намотан так, что торчит один нос - и тот от холода красный: печка в машине то ли сломана, то ли ее и вовсе нет. Руки в перчатках коченеют, струйка пара толчками бьется из-под шарфа.

Лёра опять смотрит на дорогу: та представляет собой сплошное бурое месиво, которое еще две недели назад было непролазным. Но теперь, к середине ноября, наконец, подморозило, и развороченную тракторами грязь схватило холодом - так она и застыла жуткими колдобинами - и прыгает, прыгает по ним, и будет прыгать еще четыре часа их горбатый выносливый «уазик». С обеих сторон дороги - неприветливый ноябрьский лес. Снег в этом году еще не выпадал, он бы смягчил картину. Без него один вид унылых деревьев, серого, вот-вот готового упасть на землю неба так удручает сердце, что невозможно думать ни о чем радостном и приятном вроде весенней поляны или хотя бы горячей ванны.

«Вот и жизнь моя вся такая, - намеренно беря себе душу, думает Лёра, - как эта ноябрьская дорога...»

* * *

Их театр назывался «Марлен».

Название для театра еще сносное, но все дело в том, что так звали их главного режиссера и художественного руководителя - Марлен Васильевна. Родители Марлен Васильевны давно умерли, но Лёре очень интересно было бы взглянуть на милых, скромных старичков - Василия Петровича и Феклу Терентьевну, которые, неведомо как оказавшись в начале сороковых в Ленинграде и, услышав где-то голос Марлен Дитрих на граммофонной пластинке, так его полюбили, что новорожденную дочку назвали в честь великой певицы. Почему нормальные, тихие люди не задумались над тем, что звезда Дитрих неминуемо погаснет, а имя у девочки - останется? Ну, положим, не задумались, но что она - Васильевна, это-то они знали?

Лёру всегда поражали родители всяких Рудольфов Кузьмичей и Жозефин Сидоровн - чем они думают, ведь детям родным имена дают!

Но Марлен Васильевна не страдала. Близких приучила звать себя таинственно - Мара; священник, правда, долго недоумевал, в кого крестить, в Марию или в Марину. Тут Лёра, бывшая на крестинах, подсказала Маргариту - и поладили на компромиссе. Но для Лёры Марлен Васильевна так и осталась Марлен Васильевной.

Лёра появилась в театре, когда он существовал уже год. Появилась просто: мыкаясь по театрам со свежим дипломом в руках, она толкнулась и в этот с глупым вопросом: «Вам актрисы не требуются?» - «Требуются, еще как требуются!» - радушно ответила изумленной Лёре маленькая, пестрая и блестящая женщина лет пятидесяти с небольшим.

Театру требовались все, потому что, поработав у Марлен Васильевны месяц-другой, люди любых специальностей бежали оттуда, на ходу шнуруя ботинки: за такую адову работу надо ведь хоть что-то получать!

Как Марлен Васильевне удалось создать театр - оставалось загадкой для всех. По специальности, полученной давным-давно в Институте Культуры, она была руководителем самодеятельного театрального коллектива и моталась всю жизнь по Дворцам пионеров, докатившись однажды даже до массовика-затейника на теплоходе. Амбиции в этой энергичной, нестареющей женщине никогда не угасали, но реализовать их до начала девяностых не позволял закон: амбиции были небольшие - иметь собственный театр. В девяностых пробки вылетели из всех бочек одновременно, и огромная мутная и грязная волна хлынула на голову обывателю. Каким-то образом эта волна вынесла и Марлен, и ей повезло так, как может повезти либо дураку - а душой она не была - либо детски-невинному человеку, в чьих глазах вечно отражается небушко. Такими глазами и обладала Марлен. В своих дешевых бусах из облупившегося поддельного жемчуга, с потертой кошелкой в обтянутых трогательными митенками лапках и непоколебимым девизом «Ну должны же они пожалеть одинокую женщину, которой так мало нужно!» она сделала то, чего не смогли добиться многие асы профессионального театра и кинематографа. Марлен Васильевна наивно и безо всякой очереди входила в кабинет министра культуры, обезоружив рать секретарш умилительно-детским «на секундочку» - и ничуть не кривила душой, ибо искренне верила, что вопрос ее так прост, что больше времени и не займет. Если ей по первости где-то отказывали сгоряча, то потом неизменно уступали младенческой обиде ребенка, не полу-

Золотое Слово-7

чившего пряник, и только когда за ней захлопывалась дверь, задавали себе естественный вопрос: «А кто это, собственно, здесь был? Девочка-недоумок или матерая аферистка?» Все дело в том, что совершенно законные и простодушные хлопоты Марлен Васильевны о будущем «своем» театре и успех этих хлопот в глазах тех, кто не умел подетски смотреть на мир, выглядели результатом дьявольских интриг - потому что иначе не бывает.

А у Марлен получилась фантастическая вещь: без единой копейки капиталовложения, без какого бы то ни было блага она через полгода зарегистрировала частный театр «Марлен», заручилась поддержкой опытного менеджера и сняла «в кредит» пустующий зальчик в захудалом ДК.

Теперь она рассчитывала развернуться и создать непреодолимую конкуренцию одряхлевшему БДТ. Но тут-то все чуть не умерло в зародыше: в театр никто не шел, сборов не было, зато поборы были, из зальчика грозились выгнать за неуплату, актеры разбежались. Оставалась только вывеска «ТЕАТР МАРЛЕН», - она-то и привлекла внимание безработной Лёры.

И, если Марлен Васильевна театр, безусловно, создала, то Лёра - вдохнула в него жизнь.

С первых же дней в «Марлен» она поняла: никакого «своего театра» у Марлен Васильевны быть не может в принципе. Если стародевичья невинность и открывает иногда недоступные кабинеты, то во главе театра должна встать Личность, иначе он останется только на бумаге. В неизвестный театр, ставящий короткие пьески неизвестных авторов, с неизвестными артистами в главных ролях серьезная публика, формирующая общественное мнение, не пойдет никогда. И альтруистическая философия Марлен Васильевны, заключенная в сакраментальной фразе «Нужно давать молодым шанс», не сработает ни в каком случае. Крыша умирающего ДК действительно хороша для драмкружка, к которым привыкла Марлен, но абсолютно непригодна для профессионального театра. Техническую сторону дела Лёра тоже обнаружила в самом плачевном состоянии: условные, грубо выполненные декорации («Но ведь это же - авангард!» - всплескивала ручками Марлен), полное отсутствие костюмов (играли, как водится, «в своем»), потертые сиденья довольно большого зала, который - сколько билетов ни продай - все равно будет иметь видимость пустого...

- Марлен Васильевна, - осторожно втолковывала Лёра, - забудьте вы про авангард, он уже лет пятнадцать как всем надоел. И бросьте вы эти пьески-однодневки на злобу дня. Нам нужны имена, иначе мы утонем через полгода, да еще окажемся по уши в долгах...

В долгах оказалась бы, конечно, персонально Марлен Васильевна, но Лера сознательно использовала «мы» как психологический прием: нужно было создать у незадачливой старой девы впечатление, что она не одинока.

- Какие имена, Ларочка?! - огорчалась та. - Кто к нам пойдет, с именами-то!

- Никто, - отрезала энергичная Лёра. - Мы сами возьмем. Тех, кто уже - того... лишился права голоса. Нынче в моде Набоков - давайте ставить «Событие». Пьеса простая, если делить с умом - она пойдет. И - вон из ДК: это просто антиреклама!

Вскоре Лёра обнаружила вместительный полуподвальчик в центре города, как будто специально предназначенный для скромного зала мест на сто восемьдесят. Стоимость аренды, ввиду аварийного состояния помещения, оказалась смехотворно низка.

- В подвал! Да кто ж туда полезет! - опять ахнула Марлен Васильевна.

- Ничего-ничего, - утешила Лёра. - Вспомните «Бродячую Собаку». И вообще - это как посмотреть. Все зависит от того, как мы преподнесем зрителю свой подвал. Если с извинениями за неудобства - нас засмеют. А если мы денег потребуем за то, что не как у всех, а по особенному, в подвале - то валом повалят. Сами знаете: публика - дура. И давайте думать о репертуаре. Актеров я вам достану хоть пачку, только сами посудите: какой кретин захочет играть ржетира в пьеске Сидорова? А вот Настасью Филипповну... Покажите мне такую идиотку, которая откажется, и я скажу вам, что я ничего в театре не понимаю. Бесплатно сыграет, да еще спасибо скажет, что позволили - я вам говорю. Да-да, мы еще и на Достоевского замахнемся - только дайте срок. А начнем с Набокова. Вот только дыру эту крысиную чуть-чуть приведем в божеский вид... Причем очень-то вылизывать не станем - публике интересней будет: экзотика...

- Ну-ну, ну-ну... Попробуй, девочка, попробуй... - неопределенно согласилась Марлен Васильевна.

Лёра попробовала: ничего другого не светило, потому что волосатой лапы нигде не наблюдалось. Сама перед собой Лёра душой никогда не кривила и точно знала, что она делает: она вовсе не помогает Марлен Васильевне. Она создает театр для себя, и руководить им станет сама. Марлен свою роль сыграла: оформила для нее, Лёры, бумажки. Пусть теперь сидит со своим почетным титулом главрежа - ну и что, английская королева, вон, тоже сидит. А Англией управляют даже не англичане.

Она бросила клич. Отозвались буквально все ее знакомые - такие же несчастные и неприкаянные люди, вместе обозначаемые ругательным словом

Золотое Слово-7

«богема».

Народ еще понимает трагедию опытных специалистов с высшим образованием и сочувствует этим горемыкам, вынужденным наниматься в рабство к «черномазым» и торговать за кусок хлеба в коммерческих ларьках. Добрые бабушки пекут пирожки и выносят их шахтерам на рельсы, и все дружно удивляются - как это можно прожить несколько лет, вовсе не получая зарплату... Люди, в общем, солидарны в ненависти к мучителям и объедалам, но есть еще один непонятный и недолюбливаемый класс - богема.

Спросить у учительницы, доктора, рабочего - что такое богема? В зависимости от уровня культуры вопрошаемого, лексикон варьируется, но смысл остается один: ненужный балласт общества. Люди, называющие себя актерами, художниками, писателями и музыкантами, у которых вечно нет денег на батон, но на водку всегда найдется. Богема проводит время двумя способами: непотребными оргиями и празднотанием, во время того и другого сотрясая воздух, высокими фразами об искусстве. У этих людей всё «не по-людски», смысл жизни они видят в удовольствиях, в свободе от любых нравственных обязательств, а чтоб такая аморальность слишком уж в глаза не бросалась, прикрывают ее жалобами на непризнанность, сокрушаясь, что «таков удел всех гениев». Так объяснит затруханный четырьмя «сутками» в месяц и двумя полостными в день кандидат медицинских наук, выбивающий «чистыми» около восьмисот - это при том, что жену «сократили», а двое детей хотят есть и слушать плейер, которого нет. Мужик попроще ответит в духе Хрущева: «П...ы!» - и на том вопрос о богеме во всех слоях общества, как правило, исчерпывается. Ведь ясно же: актеры - это те, которые играют в театре и кино - их знают поименно; художники - они выставки устраивают, персональные; писатели - вон, сколько книжек да еще красивых каких; музыканты - те в филармонии, концерты дают и в конкурсах побеждают. А остальные - что? Так, шушваль, богема. Прimitивный подход, всё, мол, сложнее? Ничего подобного: головы людей вообще просто устроены.

Лёра всегда так думала и, будучи сама богемой, с этим мириться никак не желала. Она-то знала: невостребованными в творческом отношении остаются люди, которых попросту боятся - такую потенциальную конкуренцию они составляют. И любая прибравшая к рукам минимальную власть посредственность охотней поднимет и пригреет посредственность же, чтоб, не дай Бог, не увидели все вокруг, что «король-то голый!»

Пьет, говорит, богема? Да помилуйте, когда ей пить-то! Пишешь картину три на четыре,хватишь

сто грамм - и кому-нибудь голову на задницу пририсуешь!

Утром репетиция, днем примерка, споры, декорации, вечером спектакль - не то что выпить, поесть не успеешь! Книгу пишешь - не поесть и выпить - спать некогда!

Развратники? Насчет повальных оргий - это попросту злобное вранье: человек искусства до такого не опускается. Ну, а насчет греха блудного и прелюбодейного - так его не больше и не меньше, чем где бы то ни было. И насчет содомского не парьте: Лёра с семнадцати лет в богеме - а только одного гомосексуалиста за всю жизнь и видела, скромного такого, нежного...

Что касается праздности - так это и вовсе оскорбления. Да, не ставит себе богема будильник на половину седьмого - и это, пожалуй, единственная привилегия. Хотя, если доделать надо что-то в срок, то ставит на четыре. Это - «жаворонки», а «совы» - те вообще не ложатся.

Конечно, отдыхает богема, как и все смертные. Но гораздо реже, чем это принято думать. Идеализировать нечего: случается кому-нибудь и перебрать, и набуянить, но это, право же, все равно мило выглядит по сравнению с бухой интеллигенцией первого поколения, которая «после третьей» вдруг перестает быть интеллигенцией, а становится тем, что есть: ничем. Пьяные разговоры, потекшая косметика, соус на подбородке, сальные анекдоты... Да кто слышал такие мерзости из уст художника или поэта?! Этого просто не может быть, потому что вкус и такт не изменят ему даже под градусом, ибо это - в крови человека...

Посмотрела бы теперь публика на собранных Лёрой в подвал актеров! Три недели они работали малярами, штукатурами, плотниками, стекольщиками, сантехниками, инженерами, электриками. Кстати, еще одно положительное свойство богемы: она умеет, если захочет, всё.

Ну, а кто главный дизайнер? Лёра. Мастер по свету? Лёра. Кто по вечерам роли распечатывает? Лёра. Кто эскизы костюмов нарисовал, тряпье для них старое нашел и портниху заодно; кто занавес шьет, да не простой, тройной; декорации ночью кто мастерит? Лёра, Лёра, все Лёра.

Кто при этом всех еще проверит, посоветует, поможет со знанием дела? Опять Лёра. А Марлен Васильевна только дома у себя целыми днями посиживает, кофе попивает, да портит Лёре нервы по телефону:

- Лёрочка, но мне вовсе не этого хотелось... Я хотела что-то современное, такое, знаешь, модное...

И жестко отвечает уже отведавшая власти Лёра:

Золотое Слово-7

- С вашим модерном мы через неделю провалимся!

Зато через три недели вновь набранный коллектив уже знал, «кто в доме хозяин». Марлен Васильевну никто ни о чем не спрашивал: английская королева. За Лёрой же укрепилась кличка «Серый Кардинал» - на это даже обижаться не следовало: театр отныне принадлежал ей, только ее мнение имело вес, без ее санкции и горшка с цветами никто бы не посмел повесить.

Детская душа Марлен Васильевны возрадовалась: на глазах у нее в рекордные сроки из ниоткуда и из ничего сам собой возник чудный театрик, который сделали добрые, бескорыстные люди, одержимые одной идеей - помочь одинокой женщине воплотить свою днншою мечту. И, конечно, дирижировала милая, сланная девочка Лёрочка - так она полюбила беззащитную стареющую даму, что всю душу вложила в ее мечту. Теперь ей можно и большее доверить: пусть роли для «События» распределит. Вон, как нее ладно у нее получается...

Марлен Васильевна полюбила Лёру. Полюбила капризной и опасной любовью вечно зависимого, легко попадающего под любые влияния существа.

А Лёра не могла остановиться. Сегодня поставили последнюю точку в ремонте - завтра начинаем репетировать. Роли все выучили? Кто-то не выучил?! Ничего не знаю, всем было некогда, а все выучили! Понимала: дать сейчас передышку - потом плеткой их не сгонишь! И репетиции пошли.

Тем временем Маня-Золотые-Ручки спешно шила костюмы. И не условные, а настоящие: два вечера до того Лёра провела в Публичке, разыскивая и уточняя детали. Время действия - конец двадцатых. Значит, костюмы будут точь в точь такими, как тогда носили. А если не будут, то театр найдет себе другого костюмера!

Занятая сама в главной роли, Лёра еще успевала думать о рекламе, типографии, билетах. Каждому актеру было выдано по несколько со строжайшим приказом: продать и деньги принести. Продали, принесли. Па премьере был аншлаг, и Марлен Васильевна плакала от счастья. После спектакля Лёра с глубоким старомодным реверансом преподнесла ей все брошенные на сцену цветы...

Начало было положено, оставалось только закрепить на от-воеванных рубежах.

Прошло семь лет, а театр жил вопреки законам всякой логики. Доход он приносил небольшой, зарплату актеры получали нищенскую, зато они всегда были заняты. Бедовала со всеми и Лёра - вот и кожаная куртка пять лет одна и та же.

Маленький театр ценили знатоки, но спонсоры

находились редко и скуповатые. Костяк труппы сохранился прежним, но по совместнтельству нее делали всё; запятые и спектакле актеры, не переодеваясь, часто сменяли друг друга у софитов; вечной забавой служил ведущий актер Пименов, наделенный, ко всему прочему, недюжинным даром звукоподражания: в спектакле, имевшем целых два месяца бурный успех, ему приходилось самозабвенно лаять за кулисами, а десять минут спустя он уже принимал на сцене героическую смерть - да так натурально, что в зале слышались всхлипы. Гримировались, конечно, сами - о другом и не мечтали... Никто не жаловался: даже такая собачья жизнь лучше, чем подрабатывать на елке в школе Дедом Морозом. Все понимали, что для молодого актера иметь регулярную работу по дипломной специальности - вещь редкая и почти невозможная в наше время.

Репертуаром заведовала по-прежнему Лёра. Марлен Васильевна пыталась раза два по-хозяйски вмешаться, но такие приступы приходилось деликатно купировать: Марлен не могла ровно ничего. Выросшая в традициях детских спектаклей со зверушками, она и в «своем» театре продолжала мыслить теми же категориями. Кроме того, она любила почитать зарубежные дамские романы, проливать над ними сладкую слезу - и все норвила заказать по какому-нибудь из них сценарий. На репетициях Марлен Васильевна всегда присутствовала со значительным видом и в митенках, в то время как Лёра сама и играла, и режиссировала. Марлен, правда, искренне верила в то, что единолично ставит эти блестящие спектакли - ведь Лёра каждую секунду оборачивалась к ней со словами: «Правда, Марлен Васильевна? Ведь именно так вы указывали вчера?» И добрая старая дева была уверена: конечно, правда, и так она указывала, и того добивалась, а Лёра ей просто хорошо помогает - правая рука, ничего не скажешь! Она прочно забывала, что ничего вчера у Леры за рюмочкой ликера не указывала, а наоборот, Лёра, тихо зверея, два часа втолковывала ей свою правоту, а она упорно не желала понимать. В конце концов, что-то начинало у нее брезжить, и она сдавалась, умело убежденная Лёрой в том, что это ее, Марлен Васильевны, оригинальная идея. И с этой идеи сбитую с толку Марлен было уже не своротить.

- Извольте прекратить отсебятину! - думала, что гремела, а на самом деле пищала она. - И придерживайтесь указаний режиссера!

Лерина работа не разжимала свою медвежью хватку ни на день. Не имея амплуа, но обладая всеядным даром, она переодевалась и гримировалась, бывало, по четыре раза за спектакль, чтоб появиться на сцене, кроме основной роли, еще и

Золотое Слово-7

соседкой, и почтальоном, и доктором... Когда в спектакле было четыре акта, она уже волочила ноги, выходя на вызовы, а домой добиралась интуитивно, как в тумане.

При рухнувшей личной, такая общественная жизнь ее вполне устраивала, она привыкла, впряглась и, вероятно, зарвалась. Зарвалась и не заметила, как давно уж бесценно висевшая в зените ее звезда покачнулась и в один ничем не примечательный день сорвалась вниз: Лёра утратила благоволение Марлен Васильевны.

Началось все незаметно - около полугода назад, когда в театр по чьей-то протекции поступила новая актриса - Ольга Котова. Не раз потом Лёра кусала себе локти - ведь это она согласилась ее взять: тогда еще без Лёриного решения никакие кадровые перемены в принципе не могли совершаться. Но Котова Лёре понравилась: та же «всеядность», та же универсальная внешность, как и у нее самой - то есть овальное правильное лицо с ровным цветом, короткие русые волосы - внешность, из которой можно вылепить все, что угодно: от кисейной барышни до Клеопатры. Плюс ко всему - мягкие манеры в жизни и, что добавило еще очко в ее пользу, абсолютная неделовитость: казалось, Ольга стремится лишь играть, и играть хорошо, а технические детали ее не волнуют. В смысле игры придрачиться тоже было не к чему: начитанная и глубоко чувствующая, Ольга таинственно угадывала даже скрытые замыслы автора и уважительно ориентировалась по ним, не обращая никакого внимания ни на главрежа, ни на Лёру - и выходило хорошо. Лёре всегда импонировали независимые люди - при том, конечно, условии, чтоб из их независимости выходило что-то путное - поэтому она и не стала точить на Ольгу зуб за непокорность, понимая, что такое приобретение - находка для театра. Дура-Лёра даже стоя аплодировала Котовой вместе со зрителями на ее пробном спектакле, где сама занята не была. В тот-то день она и совершила очередную крупную жизненную ошибку, постановив: принять безоговорочно.

Спустя пару месяцев Лёре показалось что-то странное: без видимых причин Марлен Васильевна вдруг стала проявлять необычную норовистость, выскальзывать из рук. Лёре не нужен был контроль сам по себе, она с удовольствием перевалила бы половину забот на чьи-нибудь плечи - но это должны были быть плечи единомышленника. Среди труппы таковых не нашлось - все норовили лишь урвать да слизнуть, а воз везти - увольте. Утрата же контроля над «хозяйкой» театра означала крах всего. Отвергнув по капризу Лёру, Марлен Васильевна в месяц развалит то, что кропотливо создавала Лёра семь лет - и театр превратится в

балаган, никому не нужный и смешной...

Заметив вольности Марлен, Лёра мысленно оглянулась назад с целью понять, когда и что она упустила - и ахнула: все началось с приходом Ольги! Стало быть, за спиной у нее, Лёры, идет заметная стряпня неизвестного блюда, и шеф-повар, несомненно, Котова. Осторожно начала Лёра выведывать и выспрашивать. Коллеги, еще не раскусившие, что власть меняется, охотно ее просвещали. Через неделю перед Лёрой нарисовалась определенная и жуткая картина.

Оказалось, Ольга тесно подружилась с Марлен Васильевной, часто у нее бывает и приглашает к себе. Лёра и сама так делала, но Ольга пошла дальше: она говорила с несчастной стареющей женщиной не о театре и его заботах, как всегда делала Лёра, а ненавязчиво подъезжала к ней с другой, уязвимой, стороны, до которой Лёре никогда не было дела, да и времени не хватало. Оленька Котова часами вела с Марлен Васильевной трогательные беседы «за жизнь», внимательно выслушивала ее нехитрые жизненные перипетии, давала советы по здоровью, отвела с какой-то болячкой на консультацию к знакомому врачу... Лёре, честно говоря, было глубоко наплевать на Марлен-Васильевнин остеохондроз - мало ли, у кого где дергает, а вот Олечка озаботилась подарить ей ко Дню Ангела модный дороговатенький аппаратик на батарейках - и главрежу чудно полегчало... Никогда не являлась Ольга к ней «на чай» без тортика, в театре тоже стелила соломку: то кресло пододвинет, то дверь откроет, а сама скромно отступит на шаг, то кофейку с корицей заварит и доставит в руки... Марлен Васильевна таяла: впервые в ней разглядели человека - да что там разглядели! - заинтересовались и заботятся!

Лёра так выслуживаться не умела: раз совместный их интерес - театр, значит, и общение должно идти в этом направлении, и нечего дружбу разгрызывать, откуда ей взяться-то!

Она впервые растерялась, а Оленька шла и шла по своей укромной тропинке. Маня-костюмерша, как-то раз гладившая поздно ночью костюмы для детского утреннего представления, подслушала разговор в кабинете главрежа - подслушала и добросовестно донесла, как слышала тихий голос с голубиными интонациями, вкрадчиво звучавший из-за двери.

...Марлен Васильевна талантливый человек... Но она человек мягкий. Она сама никому за всю жизнь зла не причинила, и в других не подозревает... Нет-нет, пусть она не подумает чего-нибудь такого... Ольга вовсе не собирается никого лично затрагивать... Но она тут человек новый, и ей сразу бросилось в глаза: некоторые совершенно забыли,

Золотое Слово-7

кто здесь главный режиссер... Того и гляди, театр другое имя получит, уж не «Марлен», конечно...

Подробностей, околичностей и оговорок Маня не помнила, сказала только: «С лаской подходила, стерва. И тебя с грязью напрямик не мешала. Несколько раз обмолвилась - какая-де ты талантливая, сколько для театра сделала... А по смыслу выходило, что старалась ты с единственной целью: выжить Марлен и все прибрать к рукам официально... Та заглотила наживку только так! Держись, Лерка, худо тебе теперь придется... Как бы тебя саму не выжили - после всего-то, а?»

Лёра задрожала: если теперь Ольга не мытьем, так катаньем займет ее место, то поверженную соперницу рядом не оставит. Послушная воле новой любимицы, Марлен Васильевна в два счета выпрет Лёру за дверь - и будет гордо думать при этом, что сама ловко разоблачила изменницу.

Ситуация оказалась такой новой для Лёры, ни разу за семь лет в театре не столкнувшейся ни с интригой, ни с закулисной подлостью - настолько хорошо она все контролировала, что теперь у нее просто опустились руки. Она знала, как обновить репертуар, какие точно декорации потребуются к следующему сезону, кто где должен стоять на сцене и как ублажить зрителя в антракте, чтоб не сбегал раньше времени - но понятия не имела о том, как бороться с предательством.

Худшие опасения подтвердились уже на следующий день: Марлен впервые резко и нехарактерно грубо оборвала ее на дневной репетиции, употребив слово «Забываешься!» - а Оля Котова потупила глаза: Лёре стало ясно, что слово это именно она вложила в уста простодушной режиссерше. Вдобавок, Лёра оказалась дискредитирована перед всей труппой: теперь только совершенный ежик не мог догадаться, что ее влиянию и власти пришел конец...

Валерия пережила в октябре скверные дни. Она сидела дома под предлогом высокого давления, но, чувствуя, что она теперь в опале и общение с ней чревато немилостью в театре, ни один человек из труппы - из тех, которым она давала любимую работу целых семь лет! - не удосужился даже просто позвонить ей и хотя бы спросить о здоровье. Лёра ощутила себя зачумленной. Она испытывала чувства человека, на глазах которого безжалостно рушат его собственный дом, построенный своими руками с любовным тщанием, и он остро помнит, как складывал его по кирпичикам, любовался работой, переделывал, доводил до совершенства и вот, собрался зажечь счастливо - и вдруг...

Отсрочка конца пришла неожиданно, как всегда приходят такого рода мнимые спасения. Ей вдруг позвонил бывший однокурсник, человек по имени

Вадик, о котором она лет пять ничего не слышала. Такие люди есть у многих; с потрясающей точностью они возникают из своего «ниоткуда» именно тогда, когда ближние отступаются.

- Слышь, Лерка, - начал он с места в карьер. - Подкальмить хочешь? Я гастроль сколачиваю.

Вот тут Лёра и вспомнила про зимнее пальто, и ей пришла смешная мысль: из театра она явно вылетает, значит, зимнего пальто и на этот раз не будет. Почему-то она не подумала о том, что станет зимой есть, а вот в чем ходить - пожалуйста. Уловив это, Лёра сама себе усмехнулась: вот она, женская психология!

- Где гастролировать-то собираешься? В Крыму, аль на Кавказе? - поддержала тон Вадика она.

- Держи карман шире. Под Москвой немного, а больше - под Смоленском. Мы даже в самом Смоленске не востребованы. В общем, так. Ты у нас актриса, можно сказать, широкого спектра действия, так? Так. Миниатюры уже забиты, тебе не светит. А вот как у тебя насчет художественного чтения?

- Вроде нормально, - Лёра испытала при этом тоскливое сосущее чувство, что делает что-то не так.

- Ну и лады. Только смотри - Чехова не бери: он всем советским людям еще в школе опротивел. Тэффи есть? Ну валяй им Тэффи - все равно ничего не поймут. Публика, сама понимаешь, нерафинированная. А у меня зато в программе будет художественное чтение, миниатюры, пантомима... Представляешь себе, в Смоленской области, в райцентре каком-нибудь - пантомима! Я из покойного Ленконцерта двух мимов надыбал, мужа с женой - сокровище, в Америке где-нибудь миллион бы огребли, как не фиг делать. А тут на трико заплату к заплате пришивают. Люрексом, чтоб все думали, что так и надо... Так чего, договорились, Тэффи на тебя пишу? Недели две проваландаемся, все схвачено уже, по штучке в карман - и домой из Москвы на «Красной стреле». Не забудь там, через неделю... В общем, я на тебя рассчитываю...

Подобные гастролы Лёра ненавидела не за вынужденную халтуру - у них там и того нет - а за постоянное ощущение физической грязи на теле. Это ощущение чистюля Лёра помнила очень хорошо: мотаешься по сельским клубам, счастье, если в провинциальном городке нарвешься на баню с общим залом, где шныряют мокрицы - сущая пытка для чистоплотных стыдливых людей; а так приходится, дрожа от холода и чуть не плача, наскоро обтираться в каких-нибудь сенях над ржавым тазом; голову по первости моешь, когда кто-то поливает из ковшика, а потом и вовсе плюешь на это дело, обходясь парочкой париков... Кроме

Золотое Слово-7

того, приходится спать в одном помещении с другими актрисами, которые никак не могут угомониться, а когда угомонятся - то ужасающе храпят, и считаются с их привычками и причудами, выслушивать бесконечные истории о том, кто с кем живет и кто кого бросил - гадость какая!!!

Тем не менее, сейчас поехать однозначно следовало. В самый раз ей, оплеванной, убраться на две недели, отвлечься и залезть рану. Да и пальто тоже. Оно встало у Лёры перед глазами - васильково-синее, с лисой, с перелинкой... Ай да пальто!

Наутро Лёра решительно явилась в театр, официально поговорила с Марлен Васильевной, чаще чем нужно употребляя слово «гастроли» («Раскусят, конечно, что за славная поездка - ну и пусть»), потребовала заменить ее на две недели («Вот Оленька Котова - неопытная, конечно, еще, но подает некоторые надежды... Вы уж ее тут без меня как-нибудь по-матерински, а...») и сделала перед всеми вид, что ничего не произошло - так, легкое недоразумение. Оставалось доиграть два спектакля в этом театре, а может - и вообще в жизни, кто знает... Вдруг и ее судьба теперь (Лёра вздрогнула) - коммерческий ларек?

...Вызовы кончились, занавес упал в последний раз. Сначала сунув под мышку, а потом бросив на ближайший столик и позабыв навек охапку цветов, Лёра уныло поволочилась в свою гримерную - единственную привилегию: остальные гримировались вместе в довольно просторном предбаннике туалета. Села на стул и сказала: «Всё», - но в дверь постучали. Лёра промычала: «Н-ну...» В дверь просунулась голова - только голова, второй человек поместиться в гримерке не мог - Маникостюмера.

- Топай к нашей Девнице. Зовет. Кажись, на правую. Там Ольга эта у нее, да еще мымра какая-то сидит. Сказала - так иди, мол, в костюме, да живей, нервничают они там...

«Неужели прямо сейчас попросит? - мелькнуло у Леры. - А что, вполне возможно... Колесико-то набрало обороты, теперь не остановишь».

Как была, в костюме гетеры Габротонон (нынче давали Аристофана), сменив, правда, неудобные натиравшие сандалии на лодочки, неспешно, хотя перед смертью и не надышишься, Лёра направилась в клетушку Марлен Васильевны, именуемую кабинетом. Вошла, не постучав: пусть знают, что она так просто не сдастся.

В таком же пестреньком и блестящем, как и хозяйка, кабинете, кроме нее самой и Ольги Котовой, присутствовала еще одна дама неопределенных лет: про такие лица никогда не скажешь точно, тридцать или пятьдесят, они увядают сразу

по миновании юности и со временем изменяется только цвет - от желтого к серому.

Безо всякого стеснения выставив длинные коричневатые зубы, дама поднялась навстречу Лёре, распахивая руки для объятий. Лёра и шагнула бы - ведь страшная мерзость обниматься с незнакомыми, она и дружеские-то телесные контакты выносила с трудом - да было некуда. Пришлось, вдобавок, подавив брезгливость, вытерпеть еще и три клева попеременно в обе щеки («И что за манеры у людей - прямо Брежневы поголовные!»).

- Ну вот и вы, милочка, а мы уж вас ждем-ждем, ждем-ждем... - неожиданным басом произнесла после этой процедуры дама.

- Это коллега моя, главреж Любовь Максимовна... - сочла нужным пояснить Марлен Васильевна.

«А театр-то явно рангом повыше, доходы имеются: костюм-то прямиком от Кардена, а духи, кажись, «Коти», - быстро определила Лёра. Ей стало обидно: ну зачем этакому крокодилу баснословно дорогие тряпки и духи - ведь ничто и никогда ее не украсит... А вот ей бы, Лёре...

- ...из «Серебряной Дороги», - закончила Марлен Васильевна, а у Лёры захватило дух.

В ней встало предчувствие чего-то огромного, невероятного и... вот-вот исполнимого. Она медленно села.

Между тем Любовь Максимовна как-то одним махом стряхнула с себя приторность, спрятала зубы, стала похожа на человека и тоже села, беспечно выложив холеные руки на стол. Даже голос зазвучал иначе - в нем появились глубокие ноты баритона, и странно было это слышать от костлявой женщины метр пятьдесят ростом.

- Вот что, девочки. С Марлен Васильевной я уже договорилась. Вкратце, ситуация такова. У меня одна приличная актриса на ту роль, о которой идет речь. И актриса эта сейчас беременна - токсикоз и прочее. Года на три, а то и навсегда, она - вне обоймы. А спектакль этот я выкидывать из репертуара не могу. То есть могу, но не хочу. Через два месяца - премьера. Я всюду искала замену, ходила, инкогнито, конечно, по всяким вшивым балаганам - у вас иногда такой алмаз откопаешь - загляденье... - тут, слегка поперхнувшись, она покосилась на Марлен Васильевну, имея в виду сказать ей, что под «вшивым балаганом» она и не думала понимать ее замечательный театр, но смекнув, что та, как всегда, не дотумкала, не сочла нужным врать лишний раз. - Так вот, на вашу, Оля, и на вашу, Лёра, игру я сегодня смотрю уже в восьмой раз. Не могу остановиться на одной из вас, поэтому решила про слушать обеих. Каждая из вас получит сегодня эту

Золотое Слово-7

роль. В руки. Надеюсь, двух недель, чтобы выучить - довольно. Ровно через две недели - сегодня среда, стало быть, в среду и ни днем позже - я в черновую прогоню спектакль. Два акта сыграет Оля, два - Лёра. Кто - какие, сейчас не скажу, чтоб учили без халтуры. Та, которую я выберу, будет играть. При успехе - получит ангажемент на сезон, а там увидим. Итак, вы сейчас берете роль...

- А... а что за пьеса? - пискнула ошеломленная Ольга.

- А вам какая разница? - отрезала Любовь Максимовна. - Вас приглашают сыграть в «Серебряной Дороге» - этого что, не достаточно?

Неопытная Оля смолчала, но Лёра вдруг всем сердцем, умом и даже телом ощутила, что молчать нельзя.

- Для меня - нет, - спокойно сказала она и этими тремя словами добилась своего: Любовь Максимовна подняла на нее глаза, в которых ясно проглянуло поверхностное желание увидеть человека, а не оцененную и выбранную актрису.

- Извольте, - без борьбы сдалась она. - Это «Повесть о Сонечке», по мотивам автобиографической прозы Цветаевой, а играть придется, как вы уже догадались, именно Цветаеву.

Лёра не знала, почему она не ахнула вслух - возможно потому, что перехватило дыхание. Со стороны Ольги тоже не донеслось никаких звуков - очевидно, переваривала сообщение.

«Моя! - громко сказал кто-то у Лёры в голове. - Моя - Роль!»

Вопреки женским традициям, поэзия Цветаевой по-настоящему не затрагивала в Лёре души, хотя она прекрасно видела всю ее гениальность. Но Лёра патологически любила великого поэта Цветаеву за ее прозу. Что до «Повести...», то, читая ее много раз, она прочувствовала каждое движение, увидела и проиграла каждую сцену, всегда удивляясь при этом - как никому до сих пор не пришло в голову адаптировать эссе под сцену - настолько оно артистически написано. Да и герои все - актеры, кроме самого автора... Себя же она раньше еще не чувствовала в силах, знала, что «кишка тонка», - и вот, Роль нашла ее сама... Нашла в трудный жизненный час. Идет в руки наградой и избавлением... Ах, есть еще Оля Котова, и думает приблизительно то же... Зря старается. Напрасно она подличала, отбивая у Лёры целый театр. Не сплети она даже своей паучьей сети - Лёра под ноги швырнула бы ей все сама - только ради одной этой Роли. Она хотела театр с Марлен Васильевной в придачу? Пожалуйста, пусть теперь забирает... Не жаль...

Лёра вернулась на землю и одумалась. Все выглядело, прежде всего, возмутительно-скандально.

Главреж «Дороги» настолько презирала «Марлен» и все с ним связанное, что даже не поинтересовалась мнением коллеги - а захочет ли та расстаться с одной из ведущих актрис! Сами актрисы вообще в счет не шли: предполагалось, что они наперегонки побегут, услышав только заветное «Серебряная Дорога». Конечно, что и говорить: театр так театр, труппа с именами, каждый работает по специальности, аншлаги, доход, гастроли... Откуда угодно можно любого актера, при желании, взять, как мешок с картошкой, и доставить... Наплевать, наплевать на вес! Пусть мешок, пусть даже и дырявый - она, Лёра, и это перетерпит. Только получить Роль, а там...

- Но у меня завтра начинаются гастроли, - зачем-то сообщила она.

И действительно, если рассуждать здраво, от гастролей теперь не отвертеться. Да и отвертываться не резон: как бы дело не обернулось, деньги выгорят еще не скоро, а насущные нужды - вот они: со всех сторон, как птенцы, рот разевают...

- Ну, это вы сами устраивайтесь, милочка, - повела костлявым плечом Любовь Максимовна, отчасти возвращая прежний тон: главное было сказано. И она-то уж точно знала, на какие гастроли едет Лёра: не в турне по Средиземноморью, как «Серебряная Дорога»...

* * *

- Эй, актриска, оглохла, что ли, к тебе обращаются!

Лёра вздрогнула. Фраза исходила, конечно, от Толика. Он так невзлюбил ее с самого начала, что теперь все норовил оскорбить. Открыто ругаться повода не находилось, и он оперировал словом «актриска», звериным нутром своим чуя, что попадает куда нужно: в больное место. «Актриса» звучало бы почти уважительно, в «артистке» бы просвечивала чуть снисходительная доброжелательность, «актриска» же выражала то, что требовалось: открытое презрение трудящегося человека.

Встрепенувшись и оглядевшись, Лёра догадалась, что в машине давно идет общий разговор, который она, отключившись, не заметила, и теперь ей задали какой-то вопрос, а молчание расценили как гордое нежелание общаться с «низшими».

- Не снисходят, - мотнул головой назад Толик. - Брезгают.

- Я просто не расслышала, - раздраженно ответила Лёра.

Она рассудила, что проехали уже километров шестьдесят, выгнать ее из «уазика» Толик не решится, и можно быть посмелее в выражениях. Она выпрямилась:

Золотое Слово-7

- Прекратите ёрничать. Я вас не трогаю, и вы меня не трогайте.

Толик сделал вид, что засмеялся:

- Слова-то какие знают... Ёр-ни-чать... Это что ж за зверь, может, объяснить изволите? Мы люди простые, темные, университетов не кончали...

На этот раз Лёра действительно «не снизошла». Десятки язвительных ответов вертелись на кончике языка, но Лёра из последних сил сдерживала себя: нельзя же опускаться до унижительной перебранки с первобытным человеком! Кроме того, начини она на него «наезжать» - он «актриской» уже не ограничится, Лёра ответит тем же, и неизвестно еще, чем все это закончится... Ее слегка отпустило. «Уже, наверное, три часа осталось, не четыре...»

Гастроли закончились в небольшом поселке. Здесь выступали три вечера подряд, потому что билеты были проданы в нескольких деревнях в округе. Посёлок считался своеобразным культурным центром, где имелся клуб - ужасное дощатое сооружение со смехотворным возвышением вместо сцены и рядами скамеек вместо стульев. Во время представления курили, плевали, разговаривали, даже пару раз вспыхивала драка - но задир выставляли выяснять отношения за дверь. Дверь эта все время открывалась и закрывалась, из-за нее несло ноябрьским холодом. Зрители без стеснения бродили туда-сюда, на сцену почти не смотрели, и оставалось только удивляться - зачем они купили билеты и притащились сюда из других деревень. Наверное, решила Лёра, дрожащая в своем вечернем платье за кулисами, это для них повод лишний раз встретить знакомых и вместе кирнуть, да и вообще - какое-то цветное пятно в черно-белой жизни. Какие тут могут быть развлечения? Лёре сказали, что в семи полувымерших деревнях из одиннадцати вовсе нет электричества, и даже не помнят - было ли когда-нибудь... Всех общественных организаций в поселке имелось три: клуб, обычно запертый, магазин, тоже запертый, потому что в сезон бездорожья продуктов не завезти, да церковь, незапертая, но пустая - никто не ходит. Школа в соседнем селе - пять километров пешком. Ближайшая больница - в другом мифическом райцентре, километров сто «с гаком».

Есть, правда, фельдшер на пункте, но он так пьет, что ему и корову лечить не доверяют... Власти нет вообще никакой. Раз в полгода появляется милиционер, откуда - никто не знает, говорит, что он «участковый» и спрашивает, нет ли на что жалоб. Почту доставляют два раза в месяц, когда есть дорога... Вот и вся цивилизация - и это не где-нибудь, а в трехстах-четырёхстах километрах от Москвы...

«Вот это жизнь, вот это я понимаю, - с холодным ужасом подумала тогда Лёра. - А мы там, в Питере, еще на что-то жалуемся...»

Последний «постоял» труппы был в брошенной избе, где им затопили русскую печь. Автобус должен был увезти их наутро после третьего представления, в понедельник. Деньги честно поделили и легли спать. Но наутро водителя не оказалось. После упорных поисков его обнаружили в одном из домов - мертвецки пьяного. Не то что посадить его за руль, а и просто разбудить оказалось делом безнадежным. Все, кроме Леры, смирились с мыслью, что ехать придется во вторник.

- Как - во вторник?! - не своим голосом завизжала она. - Я ж... Мне ж... Мне нельзя - во вторник! Я в среду утром кровь из носу должна! Ой, мать честная, что ж делать-то?!!

В который раз все рушилось - и из-за чего! - из-за того, что какой-то мужик напился! В панике Лёра продолжала голосить до тех пор, пока кто-то из сельчан не надоумил: Томка из соседнего дома рожать, вроде, надумала, а Толик, у которого «уазик» есть, ее в Смоленск сегодня повезет, в больницу. С ними Верка поедет, староста церковная. Так и ты, мол, попросись. Толик хоть и жадноватый мужик, но столкнуться можно...

«Столковалась» Лёра с Толиком; как - и вспоминать не хотелось. Вот и ехала теперь с поджатými ногами на переднем сиденье. На заднем расположились Вера и Томка. Случайные попутчицы - что о них думать! А все же думалось - с неприязнью и глухой злобой...

Личность водителя Толика в комментариях не нуждалась, его можно было охарактеризовать одним словом: неандерталец.

Самым сносным человеком выглядела Вера. Она работала учительницей математики в той единственной районной школе, да еще, во славу Божию - старостой в церкви. Кем и чем она там управляла, Лёра догадаться не могла: по словам той же Веры, в двенадцатые праздники собиралось не более двух дюжин прихожан, а в остальные воскресные дни батюшка, сосланный сюда за настоящую или мнимую провинность, служил часто и вовсе в одиночестве, а Вера пела на клиросе. Сейчас она ехала в Смоленск, чтобы пополнить запасы масла, свечей и ладана и выполнить прочие неотложные задания священника.

Всё бы ничего, и вполне снесла бы ее непосредственное соседство Лёра, если бы Вера не принадлежала к той не особо многочисленной, но характерной категории верующих, которая может и жалкие единицы тянущихся к церкви людей от нее навсегда оттолкнуть.

Для таких верующих, особенно женщин, поня-

Золотое Слово-7

тие о том, каким должен быть настоящий христианин, непоколебимо и навсегда определённо. В их головах создан портрет знаменитого «типичного представителя», и тот, кто ему не соответствует, по мнению подобных женщин, может называть себя христианином лишь по недоразумению. Портрет мужчины-христианина еще варьируется - лишь бы был с бородой. Что же до женщины, то для нее первая обязанность - до неузнаваемости изуродовать себя, дабы не ввести кого в соблазн плоти. Поэтому она обязана носить в любую погоду платок до бровей (всем известно, что хитрый враг притаился именно в женских волосах), причем, чем страшнее платок - тем лучше, мышинного цвета платье до пят и запястий, толстые чулки и стоптанные туфли без каблука - чем старей, тем богоугодней. Единственное украшение христианки (и это уже баловство, не всегда одобряемое) - серебряное кольцо с сокращенной Иисусовой молитвой, а замужняя женщина может позволить себе еще и такую роскошь, как обручальное. Для чтения такой женщине, кроме Евангелия и Псалтири, возможны только брошюры нравоучительного содержания («Как принимать гостей», «Как стать кроткой голубкой», «Как приучить себя к посту»), а также всевозможные перечни грехов, где сурово осуждаются такие тяжкие поступки, как езда на велосипеде и употребление других средств гигиены, кроме банного мыла. Отсюда и следствие: обходясь по утрам этим самым мылом, а в бане моясь раз в неделю, эти богоугодные женщины благоухают застарелым потом, отчего общение с ними еще более затрудняется. На все вопросы наивных «нецерковных» у таких прихожанок имеются готовые ответы, словно вышедшие из-под одного клише: «все хорошо - благодать, плохо - попущение, непонятно что - искушение». Главное, что возразить на это нечего: ведь действительно так - благодать, попущение, искушение... У них постоянно на устах два слова: «Спаси, Господи». Этими словами они орудуют то как щитом, то как дубиной - смотря по обстоятельствам. Голос у них сладкий, но в меру, глаза вроде бы опущены, но нет-нет - да и вскинутся, и прочесть там можно что угодно. Иногда так и кажется, что, желая тебе устами вечного спасения, внутренним оком они видят тебя в геенне: мол, я-то пожелаю, не жалко, да ты-то все равно не спасешься. Это именно таких женщин Розанов в свое время окрестил «Марфушками», искренне считая, что если б только они остались в мире - то лучше б миру быть борделем.

И это бы ничего. Но, когда человеку действительно все равно, например, как выглядеть, то он просто не бросается другим в глаза. Но «Марфушки» выделяются в толпе очень ярко, они словно

так и ждут вокруг себя смятенного шепота: «Смотрите - христианка... Христианка идет...», жаждут себе за свое христианство поношения и мнят, что исполняют таким образом девятую заповедь блаженства.

Лицемерие, которое тем страшнее, что несчастные сами его не осознают, служит еще большим соблазном для окружающих, чем гуляние в мини-юбке, которым давно уже никого не удивишь. Любой нормальный мужчина, у которого молодая жена всё порывается в церковь, взглянув на «Марфушку», в ужасе подумает; «Чтоб и моя такая же стала?! Да лучше повеситься! Да я ее цепью к стулу прикручу, чтоб к церкви не прибилась!!» По счастью, не так много «марфуш», но и те, что есть, служат достаточным искушением и достаточно дискредитируют своим видом и поведением всех верующих женщин.

Все сказанное в полной мере относилось и к Вере, Лёриной попутчице. Особенно злила Лёру мнимо кроткая, а на самом деле гипертрофированно высокомерная манера Веры держать себя, застенчиво-порочные опущенные долу глаза и бурый платок, именовавшийся когда-то оренбургским. Теперь он больше напоминал половую тряпку и был безобразно намотан молодой женщиной на голову. Вместо пальто служил неопределенного цвета «полуперденчик», из-под которого струилась черная суконная юбка, ниспадавшая на невозможного вида боты сорокового размера, притом, что миниатюрная Вера навряд ли могла иметь номер больше 37-го. И это можно было вынести, объяснив все ужасающей бедностью. Но Вера все-таки работала учительницей, получала небольшую зарплату, вдобавок, у нее имелся садик-огородик и даже какая-то скотинка, да и жила она одна, по словам соседней, рано овдовев. Стало быть, купить себе недорогие и скромные сапоги, пальтецо и шапку Вера вполне была в состоянии, а ее наряд являлся попросту чем-то вроде сценического костюма. Уж в этом-то Лёра разбиралась! Вера оделась в самый настоящий костюм богомолки - в такой именно, в какие сама Лёра, случалось, наряжала своих актрис. Она «косила под христианку», а кем была на самом деле - того Лёре знать пока было не дано.

Вера отталкивала всем: красивым лицом, напрочь испорченным постным выражением (что тоже входит в кодекс «типичного представителя»), до мяса обрезанными ноготками - при взгляде на них у Лёры начинали зудеть концы собственных пальцев, преувеличенно-скромной, чуть ссутуленной позой («Я тут, на уголочке, с краешку...»)

Вера раздражала даже больше, чем другая пасажирка - беременная на девятом месяце Тома. Ее

Золотое Слово-7

жизнь Лёра могла наблюдать уже три дня: Томин дом находился через забор - гнилой и обвалившийся в семи местах - от дома, где приютились гастролеры. У четы Сомряковых имелось пятеро детей - четыре мальчика от семи до тринадцати и девочка лет пяти. Супруги - оба пропойцы, а дети - все дебилы и малолетние преступники. Не поворачивался язык сказать про них, вместе взятых, «семья»; это было какое-то противоестественное скопище грязных животных. Со двора Сомряковых все время доносился пьяный гогот, недвусмысленный визг, вопиющий мат, а иногда звуки и вовсе не напоминали человеческие - нечто вроде завывания и уханья («Холмс, неужели это воеет собака Баскервилей? - Элементарно, Ватсон: это сэра Генри кормят овсянкой».)

Мальчишки, похоже, пили наравне с родителями, а курили все почти не переставая. Собственно, они уже не напоминали детей, а скорей, злобных серых гномов без возраста. Эти гномы разговаривали хриплыми голосами, матерились так естественно, что даже не понимали, что сквернословят, по их лицам вечно были размазаны грязь и сопли, они садистически мучили любых животных - в поселке рассказывали, что даже мыши и крысы бежали из сомряковского дома. Полуудушенную и в страшных ожогах от папирос кошку не далее как вчера супруги-мимы сняли с соседского забора; даже общими усилиями спасти ее не удалось...

Что касается девочки, то в пять лет она еще не говорила, а лишь пускала слюни и тянула бесконечное «Гы-ы...», идиотически закатывая бессмысленные глаза. С огромной водянистой головой и животом-арбузом, на тонких рахитичных ножках в драных колготках, эта девочка Таня представляла собой поистине кошмарное зрелище...

Нужно ли говорить, что отцу с матерью (и кощунственно звучали применительно к ним эти слова) не было никакого дела до отпрысков. Когда они не гнали самогон, то пили, а когда не пили, то гнали самогон. Покупатели-собутельники, кстати, несмотря ни на что, находились регулярно.

Сегодня утром, правда, произошло редчайшее событие: по случаю своей отправки в роддом, Тома с утра была трезва и топила баньку. В баньке она вымыла всех своих детей - но чище они не стали и похожесть на детей не обрели: грязь уже впиталась в их кожу настолько, что лица приобрели навеки сероватый оттенок, стереть который не может ничто и никогда. Свежепомытые дети выглядели еще страшней, чем раньше: просто чумазый ребенок, в общем, естественное явление - подумаешь, отмоется - ребенок же грязный навсегда, наводит на мысль о скверности человеческого рода в целом...

Тома и сама помылась, но одежду сменить не озаботилась. Теперь в машине от ее невозможных тряпок, определить первоначальное название коих уже не представлялось возможности, разносился такой одуряющий смрад, что Лёре казалось - несет мертвечиной.

«Доктор в приемном отделении роддома еще не знает, какое ему сегодня счастье привалит», - злобно думала Лёра.

Тома ехала в радостном, приподнятом настроении, благодушная после баньки. Сегодня она только раз остаканилась, поэтому на душе у нее было мирно, и выпадов собутельника-Толика против «актриски» она не поддерживала, а даже втайне ее жалела: вот ведь человек, занимается дурью какой-то - на что жизнь тратит?

- Да ладно, Лёра, не обращай ты на дурака внимания, - дружески посоветовала Тома, видя, что «актриска» уж совсем не в своей тарелке. - Или вот что - выпить хочешь? У меня тут припасено...

- Давай! - неожиданно для себя согласилась Лёра.

- Да?! - обрадовалась Тома. - Это я щас, это у меня туточки...

У изумленного Толика дрогнули руки на руле, и машина вильнула.

- А тебе не положено, - строго глянула на него Тома. - Ты знай себе рули...

Повозившись в ногах, она извлекла пол-литра мутной жидкости и прокомментировала:

- Как слеза! Из горла будешь, или налить есть куда?

- Дай сюда.

У Лёры в сумке имелся замечательный складной стаканчик для кофе. Она с опаской наполнила его до половины и вернула бутылку Томе. Глянула на стаканчик с последним сомнением: эх, была не была, может, хоть теплее станет. Она выдохнула по всем правилам и быстро опрокинула «слезу». В нос ей шибануло сивухой, градусов оказалось около пятидесяти - в самый раз по такой погоде. Проглотив, стала медленно вдыхать через нос - не занюхивать же рукавом, в самом-то деле! Тут у ее плеча оказался соленый огурец, участливо протянутый Томой.

- Уж закуси, чего там. Со знакомством.

(«Руки у нее мыты как раз сегодня - можно взять».)

- Благодарствуй, - («В какой пьесе я встречала это слово? У Чехова, что ли?»)

Лёра бодро хрустнула огурцом, по телу разливалось благодатное тепло.

- Может, еще одну примешь?

(«Мне только не хватало попасть в список ее собутельников».)

Золотое Слово-7

- Спасибо, достаточно, согрелась.

Лёра обернулась на Тому в порыве настоящей благодарности: с этой минуты все действительно перестало выглядеть таким удручающим, да и к атмосфере она как-то принюхалась - может, сивухой перебило? Почти дружелюбно она взглянула на Тому, и ее покорило вновь: у Тома практически не было лица! У мужчин алкоголизм чаще всего бросается на нос, у женщин же страдает все лицо. Так и у Тома вместо него имелась бесформенная бугристая малиновая масса с отверстиями для щербатого рта, носа и заплывших глазок, под каждым из которых потухало, переливаясь всеми цветами радуги, по «фонарю». Рассказывали, что ее регулярно мутузил благоверный, и не просто так, а из ревности, причем вовсе не безосновательной! Лёра перевела глаза на Томин живот, и остатки дружелюбия вмиг испарились: эта утрачившая человеческий облик самка едет производить на свет еще одного ублюдка вдобавок к уже имеющимся пяти. Его ждет та же судьба, что и сестру с братьями, а, возможно, и хуже - ведь этот должен быть и вовсе уродом! Но все ее дети, никому не нужные дети, смерть любого из которых стала бы для родителей лишним поводом перебраться на «поминках» - эти дети растут, как осока, им ничего не делается... И вырастут, и станут преступниками, и проведут полжизни по колониям, и ничего, кроме вреда, от них не увидят окружающие - а ее, Лёрин, ребенок, единственный, который рос бы любимым, в заботе и холе - он умер, не родившись, и у нее никогда, никогда не будет больше детей! С откровенной ненавистью Лёра резко отвернулась от Тома. Но та, не уловив перемены, добродушно сказала ей в затылок:

- А то, если что - ты скажи. У меня много.

Из другого угла донеслось сладкое:

- Спаси тебя Господи!

* * *

Когда Лёре было девятнадцать лет, в турпоходе с однокурсниками ей случилось студеным сентябрьским днем провалиться по пояс в болото. Сменить одежду удалось лишь часа через три, а ночью она уже каталась по палатке от боли. Только на вторые сутки Лёра оказалась в больнице, начав к тому времени бредить, так как температура перевалила за сорок. Антибиотики через две недели поставили ее на ноги, но при выписке завотделением зачем-то вызвал Лёру к себе в кабинет. Лёра присела у стола - здоровая, радостная, предвкушавшая выход из больничных, в те времена еще похожих на тюремные, стен. Но старый доктор отбивал пальцами по столу неизвестную мелодию и смотрел мимо. Наконец, заговорил, почему-то

смущенно называя ее «юная леди»:

- Новости у меня для вас, юная леди, не могу сказать, чтобы очень приятные... Да-с, совсем, можно сказать, неприятные новости... Спайки у вас, юная леди, сплошные, можно сказать, спайки...

- Спайки? А что это?! - испугалась Лёра, вспомнив сразу подпольный «Раковый корпус», где рак для отвода глаз больного называли «полипами». - Это - опасно?

- Да как вам объяснить, юная леди, как объяснить... - тянул свою резину врач. - Это, можно сказать, рубцовый процесс... После обширного воспаления, да-с... В обеих трубах, юная леди... Для вас, можно сказать, никакой опасности. В некоторых случаях, да-с, очень даже желательно, сами понимаете... - он двусмысленно хмыкнул, но Лёра все равно «сама не понимала». - Но не всегда, юная леди, потому что труб у вас, можно сказать, нет, а вместо них - одни рубцы, да-с... А значит, юная леди, беременности у вас в принципе быть не может.

В девятнадцать лет люди еще, как правило, не понимают, что такое сообщение - собственно, катастрофа. Поэтому Лёра только спросила:

- А эти... спайки... Они не могут - ну, рассосаться со временем?

- Ну, юная леди, это вопрос сложный... Все может быть. Во врачебной практике еще и не такое, можно сказать, случалось... Ну, совсем не рассосутся, но постепенно может возникнуть проходимость, да-с... Но тут, юная леди, другая, можно сказать, проблема... При такой неполной проходимости всегда имеется вероятность внематочной беременности, да-с. А это уже чревато, можно сказать... В любом случае, я вам рекомендую два раза в год рентген, да-с...

«Рассосалось» через десять лет, и именно тогда, когда Лёрин муж, с которым до того они восемь лет прожили душа в душу, встретил другую, молодую женщину и уходил к ней. Как раз в те дни Лёра, давно свыкшаяся со своим бесплодием, с ужасом обнаружила у себя трехмесячную беременность.

Когда женщина уходит по тем или иным причинам от мужчины (если он, конечно, не мучитель-тиран-алкоголик), то, к какому бы сияющему счастью она ни летела, покинутый для нее - все равно вечная незаживающая рана. И посреди любых новообретенных восторгов вечно цепляет, отравляя все сущее, заноза: «Что я с ним сделала! Как он там без меня?! Что с ним теперь станет! Я-то счастлива, а он...» К слову сказать, чаще всего несчастный в это время во всю утешается либо бутылкой, либо подружкой - кто во что горазд.

Золотое Слово-7

Совсем не то многие мужчины. Бросаемая женщина для них чаще всего - лишь объект раздражения. Самим своим существованием на земле надоевшая женщина вызывает у разлюбившего мужчины ослепительный гнев: «И чего я нашел тогда в этой крысе (свинье, корове)! Чтоб ей лопнуть!» В лучшем случае, она становится словно неживым препятствием, как бревно на дороге: только бы его сдвинуть, а кого интересует, что оно при этом чувствует! Если женщина - мать детей, то мужчина может чувствовать себя перед ней атавистически виноватым, как перед Матерью вообще, но почти никогда - как перед страдающей женщиной: сама виновата, была плохой женой. Хороших не бросают. Кстати, редкая женщина в этом признается, но трудно представить для нее большее оскорбление, чем заявить: «Я люблю тебя как мать своих детей». Лёра сама была свидетелем однажды, как блудный муж, возвратившись к жене после очередного левого похода, ласково сказал ей в порядке утешения такую фразу. Жена, до того все уже простившая, да и вообще от природы милая и скромная женщина, при этих словах вдруг подскочила и завопила голосом рыночной торговки: «Что-оо?! Ах ты, сво-лочь та-ка-я!!! Во-он!!!»

В той семье имелись, конечно, для такой реакции объективные предпосылки. В основном, женщины все-таки терпеливо глотают подобное оскорбление, потому что семью нужно сохранять - из-за детей же, или из-за нравственного долга, чаще - из страха одиночества. Но, если женщина еще не утратила к мужу интерес как к мужчине, - пусть он знает, что, брякнув такое, нанес жене ничем не смыываемую, неслыханную обиду.

Так и Лёра прекрасно понимала, что муж бросил ее вовсе не из-за отсутствия детей или желания найти «мать своим детям», а просто потому, что ему надоела она, Лёра, как женщина, и он попросту захотел другую, как женщину же. И вот, понимая все это, вопреки собственной логике, Лёра бросилась отстаивать семью, апеллируя именно к своей беременности.

- Я - десять лет!.. Десять лет!.. - заходясь в истерике, визжала она. - Десять лет ни на что не надеялась! И вот теперь, когда я, я... - икота уже не давала ей говорить, - жду ребенка... Ты уходишь к другой!

Даже в своем слепом отчаянье она понимала, что ее Косте все равно, от кого иметь детей, но он попросту хочет спать не с ней, а с другой, а родятся ли от этого дети - его сейчас не волнует. Более того, теперь он весь - там, с той, а Лёрина первая в жизни истерика, вызванная первым настоящим горем, для него - не более, чем досадный раздражающий звук - и поскорей бы его как-нибудь пре-

кратить...

- Ну, ты не очень-то рвалась иметь детей, прямо скажем. И по профессорам не бегала. Тебя десять лет устраивало. Да и какая ты, собственно, мать? Что у тебя, кроме театра, в голове? Ребенок тебе только помеха - сама знаешь, и не горишь ты желанием его родить. Чтоб меня вернуть - вот зачем этот спектакль. Актриса ты классная - тут ничего не скажешь, я всегда так думал. Так что сцену эту эффектную ты кончай, я тебя насквозь вижу. Между прочим, ребенком мужчину не удержишь, так что эту стратегию ты напрасно выбрала...

К тому времени Лёра уже опухла от слез, кризис истерики перевалил, и она, опустошенная, содрогаясь от остаточных рыданий, полулежала в кресле и могла только всхлипнуть:

- Что ты говоришь! Как язык у тебя поворачивается!!

Лёра видела, что все пропало, что борьба бесполезна и, главное, не нужна: даже если б ей каким-либо чудом и удалось остановить Костю, то прежде все равно перечеркнуто, и тот Костя, что вернется к ней в этом случае, будет уже совсем другим и, строго говоря, она с таким Костей жить не хочет... Что толкало ее, не давало остановиться и сказать: «Да скатертью дорога!»? Уж, во всяком случае, не любовь и не ребенок... И, уже не зная зачем, она продолжала кричать, позабыв, что отвратительней бьющейся в истерике разлюбленной женщины для мужчины мало что найдется...

- Ну, успокоилась, наконец? - взвинчено спросил Костя, когда Лёра в очередной раз стала затаивать. - Проблемы твои решаются просто: с абортками сейчас легко, делают чуть не до шести месяцев, так что истерики не закатывай. А что касается наших отношений, тут уж ничего не поделаешь, извини уж...

- Что ты сказал?! - встrepенулась Лёра. - После десяти лет бесплодия я должна сделать аборт, потому... потому что тебе... приглянулась другая женщина? Ты сам-то соображаешь, что говоришь? Да этому вообще названья нет!

- Это не мне с Леной, а тебе прежде всего создает трудности, дура ты, - спокойно ответил бывший супруг.

Лёра медленно встала на ноги. Теперь она была одержима не желанием вернуть его - на фиг такая сволочь - просто нарушить покой и самоуверенность.

- Ах, так... - процедила она. - Так, значит... Трудности, значит... Хорошо же... Я тебе создам трудности... Какие тебе и не снились... Ты закон об охране материнства и детства читал? Ах, не читал - так прочти... Там черным по белому написано: во время беременности жены и в течение

Золотое Слово-7

года после рождения ребенка мужне имеет права подавать на развод... А там я тебя еще полгода-промурыжу: разведут на третьем заседании... Так что ты раньше чем через три года новую свадьбу сыграть не надейся... И то, если невеста дождется... Я тебе покажу кузькину мать... Хочешь кровь мою пить - пей, но и я твоей поживлюсь, будь уверен...

Прошипев все это, Лёра сумела гордо удалиться в гостиную, хлопнув дверью. Уже через десять минут она услышала, как Костя облегченно на-свистывает под скрип дверцы платяного шкафа: он явно переодевался. Спустя четверть часа хлопнула входная дверь...

Увы, Лёра не нашла в себе твердости выстоять до конца. На третий день она дошла до такого состояния, что перестала соображать, что и с какой целью делает. И вот, проклиная себя за слабость, она сама поехала на квартиру к сопернице, где они теперь окопались вдвоем с Костей...

Лёра сознавала, на какое унижение идет, но не могла сопротивляться: знала, как нужно и можно делать, а делала наоборот, от чего страдала еще больше.

Костя как-то обмолвился, что его новая избранница - красавица, и Лёра, на миг забыв даже о своей горе, изумилась, увидав на пороге более чем заурядную девушку лет двадцати трех. Совершенно простенькое рыльце со вздернутым носиком, губки бантиком, блестящие глазки, казавшиеся большими лишь от непомерно длинных «стрелок» - а так едва ли не пороссячи... Только молодость играла на ее лице свою вечную призывную роль: лет через десять девушка неизбежно превратится в «тетку» и разделит Лёрину судьбу.

Лёра хотела поговорить с ней по-женски, по-человечески, дать почувствовать, что разбивать семью, уводить мужа от беременной жены - преступление, спросить, как она думает строить свой дом на обломках чужого, заставить, возможно, хотя бы задуматься...

Но Леночка особенно ее и не слушала, а вдруг сама заговорила - да еще тоном старшей, с нравоучительными интонациями...

- Я не понимаю, Лёра... - («Господи, да какая я ей Лёра!» - ахнула про себя та.) - Чего вы, собственно, добиваетесь? Если вы еще не поняли, так поймите: ваш бывший муж любит меня, а не вас - так уж случилось. И притязания ваши бесполезны и унижительны. Что до беременности - то это неприятно, конечно, что так некстати, но в наше время этот вопрос, к счастью, решается просто. И рекомендую вам все обдумать поскорее - нас вы все равно не разлучите. Мне, например, совершенно неинтересен штамп в паспорте, а себе вы

нервы вконец истреплете. А нам это все, извините, до лампочки. Так что, если вы рассчитывали нам этим досадить, то забудьте: не на таких нарвались. И, собственно... Вас сюда никто не приглашал.

Дальше произошло то, за что Лёра корила себя уже три года: она вдруг, ни слова не говоря, подскочила к Леночке, схватила ее за очень пригодные для такой цели волосы и, пока та не успела опомниться, со всех сил ударила ее головой о стенку. Руки у проклятой разлучницы остались свободными, но, вместо того, чтобы попытаться отодрать Лёрины пальцы от своей головы, она, не растерявшись, рассчитанным движением со всей силы ударила Леру кулаком в живот.

«Да ведь это же - мразь! Конченный человек!» - поняла Лёра и, отпустив голову соперницы, стала бить ее наотмашь по лицу с обеих сторон. Странная для женщины вещь: Лена лица не защищала. Вероятно, быстро решив, что все равно заживет, она, пока была возможность, стремилась расправиться с тем, что стояло у нее на пути и, не поднимая рук, все била и била Лёру по животу. Лёра в запале не чувствовала боли, у нее имелась своя цель - изуродовать навсегда, чтоб гадюка посмотрела, куда денется неземная любовь симпатичного Котика, когда мордашка окажется на затылке. Женщины дрались в полном молчании - даже дыхание у обеих перехватило. Поэтому Костя, решивший было отсидеться в комнате, далеко не сразу догадался, что в передней «между бабами» дошло до рук. Когда ему, наконец, почудилось что-то, женщины успели уже так изрядно друг друга потрепать, что он первым нарушил молчание, издав что-то вроде воя. Так и продолжая странно подвывать, словно лишился языка. Костя и разнимал жену с любовницей - а те упорно молчали, лишь иногда тихо шипя, и, уже было распаханные по разным углам, всё порывались опять вцепиться друг другу в глотку, на сей раз не на шутку, а до смерти...

Лёра была почти без сознания, когда оказалась на лестнице: она даже не помнила - сама ли вышла или ее выкинули. У нее вообще произошло что-то вроде провала в памяти. То есть, она знала, что именно совершилось, но как это могло случиться и каким образом происходило - того решительно не могла вспомнить... В полном окаменении, утратив все пять естественных чувств, она интуитивно добралась до дома и в куртке рухнула на диван. Никого не было рядом, чтобы вызвать «скорую», сама же Лёра не могла бы теперь и стакана воды себе налить... Наутро началось прорывное кровотечение.

И вот только сейчас Лёра, до того ни разу не ощутив себя матерью, а лишь зная, что у нее «беременность», испытала панический ужас. Она не

Золотое Слово-7

думала о ребенке как таковом до той секунды, когда поняла, что теряет его. Раньше она орудовала имеющимся фактом в своих целях: сперва - вернуть мужа, потом - отомстить ему и сопернице. Но в страшный миг, когда она увидела, что покрывало под ней быстро пропитывается кровью, ей стала совершенно безразлична собственная участь, и важным оказалось только одно: спасти своего ребенка - любой ценой.

- Господи! - вскричала она. - Я все им прощаю, все! Пусть живут долго и счастливо! Я завтра же дам развод - и пусть будет, как они хотят! Неважно! Мне ничего не важно, Господи! Только останови это! Останови!!!

Простонав эту наивную молитву, Лёра поползла к телефону. Она еще сообразила, что нельзя звонить по «03»: заберут, отвезут куда попало - там не спросят. Трясущимися руками полистав книжку, нашла рабочий телефон знакомого врача. Она сумела все более или менее толково объяснить ему, потом даже вызвала такси и села в него... Сознание начала терять только в приемном покое на руках у врача - успев шепнуть: «Спаси его... Умоляю...» - и услышать: «Какое там «его»... Тебя спасти надо...»

Лёра дала Косте развод, не сопротивляясь более, - без суда, в ЗАГСе, а оттуда пошла прямо в церковь. Священник оказался стареньким, как вид добрым, разговаривал с прихожанами все шутками прибаутками, Лёра уже приготовила, что расскажет ему. Он, конечно, посочувствует, утешит, накроет ласково голову епитрахилью...

- Ребенка я потеряла, батюшка... А муж меня бросил, к другой ушел...

- Хм, ушел, говоришь? - засмеялся батюшка. - А чегой-то он ушел, а? Может, жена ему была нужна скромная, а ты вон как разряжена да надута - прям актриса!

- А я и есть актриса... - растерялась Лёра.

- Ак-три-са? Мельпомене, стало быть, служишь? - весело спросил священник.

- Я в театре играю, - сухо ответила Лёра.

- Мельпомене, Мельпомене - муза такая - слышала? Вот служила б мужу, а не Мельпомене - может, и не ушел бы, - продолжал веселиться он.

Лёра вспыхнула и ответила еле сдерживаясь:

- Я... Меня его любовница избила... Сделала мне выкидыш специально... А он все равно на ней скоро женится... Мне жить тошно... Я в церковь пришла... Я думала...

- А ты б молилась, а не думала, - отрезал батюшка. - Думать муж должен. Знаешь, что Богу и мамоне вместе служить нельзя? Знаешь, а? Так вот - Богу и Мельпомене - тоже, - его, определенно, заклинило на этой несчастной Мельпомене. - Так что

ты сначала выбери, кому служить хочешь. И, коли Бога выберешь, тогда и приходи... Расскажешь про мужа-то... Иди-иди. Чего стоишь-то? Люди вон ждут... - и он спокойно отодвинул Лёру рукой в сторону.

Она еще постояла рядом до конца короткой исповеди: кроме нее не оказалось ни одного человека, над которым священник не прочел бы разрешительной молитвы...

Тогда Лёра стала ходить на общую исповедь в большой собор - боялась опять нарваться. Она стала поститься, раз в пост говела. Не сказать, чтоб это сильно облегчало душу, но «человек - это такая сволочь, которая ко всему привыкает».

Привыкла и Лёра к тому, что у нее больше нет мужа, и уж точно никогда не будет детей - вот только сыграть бы теперь Роль - а там будь, что будет...

* * *

При мысли о Роли Лёра невольно улыбнулась: ей даже практически не пришлось учить текст - настолько хорошо она знала оригинал. Не может Оля Котова вложить в исполнение роли Цветаевой столько, сколько вложит Лёра. Любовь Максимовна, хоть и крокодил хищный - а профессионал. И пусть Оленька забирает на здоровье то, чего добивалась - «Марлен» со всеми потрохами - тоже, сокровище... Вот уж поистине - не было б счастья, да несчастье помогло!

Лёра посмотрела на Толика. После того, как она невольно продемонстрировала, что ничто человеческое и ей не чуждо, не побрезговав Томиным угощением, он оставил свои подколы и косился на пассажирку даже с некоторым интересом. Очевидно, она как-то выпала из его представления о такого сорта людях, и теперь он натужно решал, как к ней дальше относиться. Лёра поддержала его мыслительный процесс:

- Скажите, Толя, сколько мы уже проехали, примерно?

- Да кто его знает? - охотно отозвался он. - За сотню километров точно отмахали.

Машину подкинуло. Лёра пожалала плечами:

- Дорога-то не очень... А что, другой совсем нет?

- Не-а... Была одна, старая, но теперь по ней уж совсем не проехать.

- Старая?! - удивилась Лёра. - А эта что же - новая?!

- Ну. После войны прорубили. А до - леса тут непролазные стояли. Да ты... вы не волнуйтесь очень-то... Последние километров пятнадцать по шоссе поедем до Смоленска.

- Пятнадцать! - присвистнула Лёра. - А до этого

Золотое Слово-7

полтораэта - таким макаром!

- Что поделаешь, мы тут привычные, - вдруг от-ветила из своего угла до тех пор молчавшая Вера.

Лёру явно перестали воспринимать чужаком - это если не радовало, то, по крайней мере, скрашивало путь. Она пошевелила ногами. Верней, попробовала пошевелить, но это не удалось. А что, если... Почему бы и нет - что она теряет?

- Послушайте, Вера, как у вас насчет любви к ближнему?

- Господь велел всех любить, — донесся сзади голос, сразу ставший елейным.

- А меня любите?

- И вас люблю.

- Актрису?

- Актрису.

- Докажите! - на Лёру вдруг нашла волна дерзкого подросткового озорства.

- Как? - опешила Вера.

- А поменяйтесь со мной местами. Тут у меня мешок Толиков на ногах. И я так два часа еду - сил моих нет больше. На часик сядьте вперед, правда. Пусть у меня хоть кровообращение на время восстановится!

Вера молчала. Лёра разозлилась ужасно: вот они, Марфушки! Как, если придется, за Христа умирать будут, когда для ближнего зад не под-нять?!

Ей захотелось побольней укунить Веру, и она ни на секунду не задумалась:

- Что, на арену ко льву - хоть сейчас, а мешок на ноги - не того уровня подвиг?

На сей раз «не снизошла» Вера.

- А если я Христа ради попрошу? - не унима-лась Лёра. - Вдруг это Он моими устами сейчас говорит - откуда вы знаете?

Веру, очевидно, проняло.

-Толик, останови машину, - почти что процеди-ла она.

Толик затормозил и, обернувшись, стал с инте-ресом ожидать развязки. Лёра невозмутимо вытащила ноги из-под сумки, свесив их наружу. Сразу она ощутила, как словно тысячи иголок нача-ли со всех сторон покалывать ее ноги: вероятно, кровообращение нарушилось даже больше, чем предполагала Лёра - в самый раз пересесть. Она кое-как поковыляла к задней дверце, откуда выби-ралась надутая Вера.

- Спаси вас Господи, - очень удачно подражая ее тону, сказала Лёра, на что Вера недвусмысленно сверкнула из-под платка посветлевшими от возмущения прозрачными глазами.

Расположившись на заднем сиденье рядом с Томой, Лёра первым делом достала флакон духов, смочила ими носовой платок и поместила его под

шарф у подбородка: в непосредственной близости к Томе это было единственным спасением. Сама же Тома давно безмятежно спала, привалившись к другой дверце и равномерно похрапывая. Никакие толчки и прыжки машины, разговоры и остановки не в силах были теперь разбудить эту зловонную бегемотиху... Лёра отвернулась от нее, почти что вытянув оживавшие ноги.

Зато Вера, оказавшись теперь в неудобном под-жатом положении, искала выхода своему пару. Как бы между прочим, она бросила через плечо:

- А что это вы, Лёра, вдруг о Боге заговорили? Вы Его такими разговорами искушаете. Нельзя спекулировать именем Спасителя в своих целях...

- Я хотела дать ногам отойти - вот и всё, - огрыз-нулась Лёра. - А вы ко мне милосердие проявить соизволили только когда я вас за живое задела.

- Так о милосердии не просят, - нравоучительно ответила Вера. - Просят со смирением, а вы надо мной издевались.

- Если бы я вас просила со смирением, то к Смоленску обезножела бы.

Толик хмыкнул, и в его хмыке прозвучало так же ясно, как если бы он сказал словами: «Ну, за-велось бабьё!»

- А вам вообще стыдно о Боге говорить, вы не-верующая, - продолжала Вера.

Лёра начала медленно заводиться и сама не за-метила, как в ее голосе зазвучали вздорные и стер-возные нотки простолюдинки:

- Да-а?! Да кто ж вам сказал? Или вы такая про-зорливица, что всех насквозь видите?

- Видеть не вижу, а знаю. Потому что вся эта ваша «творческая интеллигенция» - от Бога даль-ше всех, дальше даже, чем, вон, Тома... И грех один есть такой, я сама читала в книжке: «Восхищался писателями и артистами, не понимая, что они бо-гоотступники...»

Лёра задохнулась от возмущения. Особенно оскорбило ее сравнение с Томой, да еще в Томину пользу. Она почувствовала, что, если не возьмет себя немедленно в руки, то перепалка их превра-тится попросту в кухонную ругань. Разумней было промолчать, но она все-таки не сдержалась:

- Вам-то откуда знать? У вас что, много таких знакомых? А я знаю, и вот что вам расскажу. Есть у меня знакомый один, художник. Верующий и при-чащается каждую неделю, когда картину пишет - так и в мясоед постится, и духовник у него иеромо-нах. Дал этот художник такой обет: как где увидит икону святого Андрея Рублева - так сто земных поклонов перед этой иконой положить: почитает он Андрея Рублева очень. Ну, и всегда в церквях гладко все шло, а раз казус вышел. Открылась как-то художественная выставка, а в ней - отдел

Золотое Слово-7

современной иконописи. Отдел священник освятил. И как только освятил, подошел наш Леша (так его зовут) - и ну перед Рублевым поклоны класть. Наша, русская публика молчит, расступилась, смотрит, что выйдет. А тут как раз дверь открывается, и входит иностранная делегация. Фрицы было к иконам - не пройти: Леша мешает. Они ему по своему что-то «бум-бум», а он на них и не смотрит - знай себе кувыркается. Что началось! Они и гогочут, и пальцами в него тычут, и скачут даже вокруг. Не понимают, что происходит-то. А Леша перекрестится - и опять лбом об пол. Пока свою сотню не добил - ни на кого и не глянул. А закончил - и вышел, тихо так. Ну, что вы на это скажете?

- Скажу, что он Православие на поругание выставил, - твердо ответила Вера.

- Ну, знаете! А может, поношение Христа ради стерпел? У него ведь обет был - перед каждой иконой. Вот и не нарушил, а дураки пусть ржут.

- Нечего было на выставке это делать. Не церковь.

- Да, но икона-то везде икона!.. - вновь теряясь перед Вериней твердокаменностью, повысила голос Лёра. - Так мы с вами ни о чем не договоримся!

- Тормози, дурак!!! - вдруг раздался из левого угла рев позабытой всеми невесть как проснувшейся Тома.

Никто не успел ничего понять. Лёра успела заметить только тень большого животного, мелькнувшего на дороге, и услышать чьё-то сдавленное «Лось...», а потом машина, не успев тормознуть, слишком круто вильнула, взлетела на холмик, секунду балансировала на двух колесах - и повалилась набок, но подвернулась, очевидно, рытвина - и «уазик» тяжело рухнул на крышу...

Испугаться у Лёры не хватило времени, но она инстинктивно закрыла голову руками, и даже в миг страшного кувырка в ней мелькнула мысль: «Господи! В театр не успею!!!» - но не пришло в голову, что она, возможно, погибает...

Когда Лёра решилась, наконец, открыть глаза, то обнаружила, что кто-то трясет ее за плечо. То есть, она уже давно чувствовала, что трясут, но, оглушенная, не обращала на это внимания. Теперь выяснилось, что трясет ее Тома, трясет и гундошит: «Лерка, а. Лерка...» - и обе они, скрюченные, вверх тормашками помещаются в невообразимо тесном пространстве.

- Кости-то целы у тебя? - деловито спросила Тома; Лёра отметила про себя, что целость Томиных костей ее совершенно не волнует.

Она пошевелилась, рядом захрустело.

- Бутыль!!! - с неподдельным ужасом просто-

нала Тома.

- Кретинка, - впервые откровенно выразила свое отношение Лёра. Она уже успела убедиться, что ее-то кости, во всяком случае, целы. Нужно было как-то выбираться. Лёра нашарила правой рукой дверь, со страхом думая, как ее открывать, но дверь непостижимо подалась после первого прикосновения. Ухая от напряжения, Лёра стала толчками подвигать свое тело вправо, и ей, в конце концов, удалось вывалиться боком на землю. С другой стороны слышалась возня: Тома выгребалась тоже. Помогать Лёра не пошла - сама вылезет, таким ничего не делается. Вместо этого она засунула руку обратно и вытащила свою сумку с деньгами и документами. Она все еще сидела на земле, когда Тома, слегка прихрамывая, но, держась довольно бодро, обогнув машину, приблизилась к ней и нагнулась:

- Вставай, коли ноги не отдалило... А ведь подставила ты Верку-то. Крутая подстава вышла, ничего не скажешь...

При этих словах Лёра впервые вспомнила про Веру и Толика. С передних сидений не доносилось ни звука.

«И правда! - ужаснулась Лёра. - Это ж мое место впереди!»

- Давай вставай, - тормошила ее Тома. - Надо посмотреть, как они.

Лёра кое-как поднялась и собрала остатки самообладания:

- Так... Ты иди, займись Толиком, а я посмотрю, что с Верой.

Она нагнулась у правой дверцы; сквозь стекло ничего было не разобрать, и Лёра стала дергать ручку. После пятого-шестого рывка дверь открылась - и сразу послышался слабый стон. Скорчившись, Лёра просунула в дверцу руки и потащила Веру наружу. При первом же движении из машины выкатился пресловутый мешок - тот самый, из-за которого Вера была насильственно пересажена вперед «Христа ради». Лёра остервенело отпихнула его, а потом рывком выволокла Веру на землю. От этого она пришла в себя, тряхнула головой и даже промычала что-то.

- Моя жива! - крикнула Лёра вверх подразумеваемой по ту сторону машины Томе. - У тебя там как?

- Хреновато! - прогудело в ответ. - Кажись, попыта откинул.

Только в этот момент Лёра по-настоящему оценила ситуацию - до того она действовала и произносила слова словно в каком-то тумане, чисто интуитивно. Теперь этот туман вокруг нее как будто разорвался, и сердце на секунду дало явственный перебой.

Золотое Слово-7

«Копыта... какие еще копыта... - беспомощно забились в ней обрывки мыслей. - Это ведь значит, что он... умер?»

Ожидая в жизни какой-нибудь гораздо меньшей неприятности - например, посещения дантиста - впечатлительный человек долго тоскует и мается, готовя себя к тому, что по длительности и интенсивности страдания даже не идет ни в какое сравнение с муками, пережитыми до. Но когда такой человек совершенно неожиданно, в какие-то секунды, попадает в серьезный переплет (если бы знать о таком заранее, то сердце не выдержало бы гораздо раньше), то он часто вообще утрачивает чувство реальности, его сознание затормаживается, и он нескоро обретает способность логически осмысливать события - а уж действовать часто или вообще не начинает, предоставляя это другим, или совершает действия сумбурные, только мешающие делу и окружающим - словом, горе такому несчастному в экстремальной ситуации.

Как раз к числу таких нервно-тревожных людей и принадлежала Лёра. В критических положениях, не грозящих непосредственно ничем по-настоящему ужасным, она могла принимать решения даже лучше других, поражая всех хладнокровием. Но все это происходило, увы, от глубинного сознания того, что возможная ошибка не кончится катастрофой для нее лично - а до других она имела дела ровно столько, сколько требовалось для соблюдения приличий, чтобы люди не нашли повода подумать о ней дурно. Такая жизненная позиция незаметно развращает сердце, ибо человек привыкает к своей мнимой надежности - а когда действительно запахнет жареным, оказывается вопиюще беспомощным.

У Лёры крупно затряслись и отвратительно похолодели руки. Она хотела что-то еще спросить, но обнаружила, что голос начисто пропал, а дыханье прервалось, словно ей врезали в солнечное сплетение.

- Накрылся, говорю, Толик-то наш медным тазом, - сквозь странный треск в ушах донеслось до Лёры.

Она мучительно попыталась хотя бы сосредоточиться - получилось еще хуже: она чуть не лишилась сознания от напряжения. Но вдруг, сквозь весь хаос и сумятицу сбившихся в кучу мыслей неведомо как пробилась одна: машина дальше не поедет, и она, Лёра, теперь точно не успеет к сроку в Петербург. И как только эта мысль появилась - так сразу, как по команде, мобилизовались и выстроились все остальные.

«Что за чушь, как это - накрылся? - ясно подумала Лёра. - Просто головой долбанулся и отключился. Что там эта дура может понимать!»

Взглянув на Веру и убедившись, что та уже вов-

сю шевелится и даже приподнимается, Лёра резко вскочила и бросилась к Томе. Вытащенный Томой на землю Толик лежал на спине. Лёра похолодела: его лицо было белым как кипень.

- Его грудью-то в руль впечатало, - пояснила Тома с земли, где сидела враскорячку. - Руль прям туда и вошел, вот на столько...

- Ясно, - Лёра нагнулась потрогать пульс и, к своему удивлению, обнаружила его - слабый, но равномерный. - Только он жив пока что.

- Точно, - вдруг просипел мертвец. - Жив.

Лёра с Томой вместе упали на колени у тела, наперебой спрашивая:

- Ты нас слышишь?! Где у тебя болит?!

- Везде, - твердо ответил Толик, после чего больше уже не отзывался.

- Тьфу ты, а Верка-то там как? - спохватилась Тома, и они вдвоем, покинув Толика, побежали к ней.

Вера сидела, вытянув ноги и опираясь о землю ладонями.

- Ну?! - почти что рявкнула Лёра.

Ей срочно нужен был кто-то еще трудоспособный, кроме беременной непутевой Томы, правда, она еще не знала, зачем.

- Что - ну? - спокойно сказала Вера. - У меня обе ноги сломаны.

- Во дела! - прогудела Тома.

- Толику меньше повезло, - вместо сочувствия сообщила Лёра. - У него сломана грудная клетка, и он без сознания. Что делать-то будем, женщины?

Лёра еще не до конца поняла, что произошло. Ей казалось - может быть, по аналогии с историями о потерпевших кораблекрушение - что неминуемо кто-то поедет и подберет.

- Ждать, что ли, будем, пока поедет кто-нибудь?

Коротко простонав, не то от боли, не то от безнадёжности, ей ответила Вера:

- Лёра, мы по дороге ни одной машины не встретили! И никто нас не обгонял! Как ты сама думаешь - часто здесь ездят или нет?! Самое раннее - это автобус с твоими артистами поедет завтра!

- Н... н-не может быть! - по-настоящему испугалась Лёра.

- Эх, бабоньки! - разрядила обстановку Тома. - Как бы мне не родить тут до завтраго-то!

Только тут Лёра вспомнила о ее беременности: к брюху, как к данности, она уже привыкла и не замечала. И вообще, шутки этой непробиваемой опустившейся особи доводили ее до белого каления. Она прошипела:

- Ты пошути... Ты пошути мне еще...

- А чо шутить-то? - простодушно обиделась Тома. - Никаких шуток. У меня воды отошли еще

Золотое Слово-7

когда я Только тащила.

Лёра в панике взглянула на Веру, но та лишь плечами пожала: ее лицо кривилось от боли, ей явно было не до Лариных проблем.

Прошла очень тихая минута - а может, и час - счет времени Лёра давно потеряла. За эту минуту или час она очень последовательно выстроила перед собой чудовищную картину: из них четверых на что-то годится только она одна; на руках у нее двое с тяжелыми переломами и роженица; мороз примерно минус семь-восемь, а ночью будет все пятнадцать. Дальше она не думала. Этого Лёре и так хватило для того, чтобы с размаху сесть на мерзлую землю и с протяжным стоном обхватить голову руками. Но посидеть спокойно ей не дали - неугомонная Тома вновь трясла ее:

- Слышь, Лерка, там, в лесу, вроде блестит что-то...

Тяжело вздохнув, Лёра с трудом подняла голову и посмотрела, куда указывала Тома. Было около четырех часов, и незадолго до аварии Толик успел включить фары. Они продолжали гореть и теперь, направленные на лес - и будут гореть, пока не сядет аккумулятор. Но в их свете глубоко в лесу действительно что-то поблескивало, подобно тому, как окна отсвечивают желтым и розовым на закате.

- Дом там, что ли, с окном? - с большим сомнением спросила Тома.

* * *

... Пошатываясь, Лёра выбралась на крыльцо. Ноги ее подогнулись, и она тяжело рухнула на ступеньку, жадно глотая морозный воздух. Сунула руку в карман, машинально ища сигарет, но обнаружила, что на ней только свитер, а куртка с сигаретами валяется где-то в доме. На голове у Лёры тоже ничего не было, выбившиеся из «хвостика» волосы падали ей на лицо, но сил поднять руку и откинуть их не осталось...

Холод моментально охватил ее с ног до головы - это верное воспаление легких, нужно срочно вернуться в дом! - но Лёра не шевелилась, апатично глядя перед собой на черную стену леса.

До этой ночи ей казалось, что в жизни ее было достаточно страшного; что случись с ней большее - и этого она не переживет, с ума сойдет.

Но вот, не сошла. Более того - все получилось гладко, немислимо гладко, так, что и мечтать о лучшем не приходилось.

Побежав на отблеск в лесу, она действительно нашла домик на лужайке. Света в окошке не было, но она зачем-то стала отчаянно стучать в дверь, и тупо стучала до тех пор, пока не обнаружила, что дверь вовсе не заперта - Лёра буквально вва-

лилась внутрь. Изнутри в неверном свете сумерек избушка выглядела так, словно хозяева на минутку вышли.

«Значит - сейчас придут!» - нахлынул на Лёру восторг. Выскочив, она крикнула изо всех сил: «Хозяева!!! Хозяева!!!» - но в ответ только судорожно взлетела с ветки крупная птица. Лёра сообразила, что, как бы там ни было, а следует пока всем перебраться в избушку...

Толика они тащили вдвоем с Томой, и как по пути совсем не угробили - Лёра понять не могла: роняли раза три. Она находилась в истерическом остервенении, тянуло закричать без слов, повалиться на землю, замолотить по ней руками - до того нелепо, некрасиво все происходило - как на неудачной репетиции: все не так, каждое движение неверно, и хочется все поправить одним махом - а невозможно, утерян контроль... Толика положили на широкую лавку у стены, и он непостижимым образом, вместо того, чтобы скончаться, пришел в себя и классически, как и подобает тяжелораненому, попросил пить.

- Не-ту!! - почти рыдая, выкрикнула надорвавшаяся Лёра.

- Как - нету? - в сенях полное ведро стоит. Только ледок сверху разбить - и пожалуйста, - невозможно сказала Тома.

Она вышла и через несколько минут действительно вернулась с кружкой и стала поить страждущего.

- Хватит! За Верой пошли! - звала Лёра; ее трясло.

- Сама иди, - ответила Тома. - Схватки у меня.

Издав нечто вроде рычания, Лёра дернулась назад. «Что это?! Что это?! - кричало по дороге все ее немощное существо. - Я не могу! Я этого не смогу!!» Но она смогла.

Подхватив Веру под мышки, она проволокла ее сто метров до избы волоком, пятась задом и ругаясь вслух. Уже невозможно было обращать внимание на то, что Вера вскрикивает, плачет в голос от боли и просит Лёру быть «хоть чуть-чуть поосторожней».

«Поосторожней?! Да я сама тут сейчас упаду и не встану, кто меня-то потащит?! Не помрет, пусть будет довольна, что о ней вообще заботятся!» - испытывая острую жалость к себе самой, задыхаясь, подумала Лёра, а вслух сказала:

- Терпи: я же не могу тебя поднять, а Томка там рожает...

- Несчастная... - проговорила Вера, и было непонятно, к кому относится это слово.

Может, Вера относилась его и к Томе, но с этим Лёра категорически не могла согласиться. «Несчастная! Черта с два! Она шестого рожает, и ей

Золотое Слово-7

на него плевать, как и на остальных. Кто тут несчастный так это я, Господи, Боже мой!»

У крыльца она опустила Веру на землю и крикнула в дверь:

- Да ты хоть по ступеням ее поднять помоги!!

Тома покорно вышла и, увидев, как Лёра снова подхватила Веру под мышки, ничтоже сумняшеся, уцепилась ей прямо за сломанные голени. Вера взвыла так, что Лёра ее уронила, а потом дала себе волю, завопив:

- Ты вообще, что ли, не соображаешь, что делаешь?! У тебя голова для чего на плечах?! Чтоб сивуху жрать?!!

Отпустив ноги, Тома выпрямилась и покрыла Лёру таким виртуозным, едва ли не артистическим матом, что та окаменела.

- Девочки, уймитесь Христа ради, не время сейчас! - лежа на земле, взывала бедная Вера.

Лёра опомнилась:

- Короче, ты ее сверху держи, а я возьмусь тут, выше колен...

Как-то и Веру внесли в избушку, поместив ее на другую лавку, ногами к голове Толика.

- Померла? - драматически прошептал тот.

Лёра только плюнула.

Ей подвернулся табурет, она села на него и стала осматриваться.

- Свету бы, - безнадежно пожаловалась она в пространство.

- Чичас, - как ни в чем не бывало, отозвалась Тома. - Лампа тут керосиновая, полная совсем.

- Ты у нас прямо фокусник, - нехорошо усмехнулась Лёра. - И вода у тебя есть, и свет... Может, и пожарать найдется?

- А как же! - Тома, похоже, давно уже утратила способность удивляться. - Там в углу шкафик маленький. Консервами доверху заставлен. Сейчас будешь?

- Какое там...

- А то давай, наворачивай, подкрепляйся. Тебе еще роды у меня принимать.

Лёре показалось, что она бредит. Слов не было.

Позже, почти в невменяемом состоянии Лёра топила печь. Это оказалось еще той наукой. Надо сказать справедливости ради, что если б не покалеченная Вера, то жертвы крушения так и остались бы в нетопленном помещении. Заметив со своей лавки, что Лёра бестолково мечется по избе, хватает и бросает на пол поленца из аккуратно сложенной в углу стопочки и причитает, Вера рискнула сказать:

- Лёр, ты сначала успокойся...

- Успокойся?! - взвизгнула Лёра. - Помогла бы! У тебя ноги отшибло - не голову! Вот и скажи, как

такую дурацкую печь топят!

- Подойди сюда, сядь, - измученно позвала Вера.

Лёра села. Вокруг был кошмар на трех лавках: поломанные Толик с Верой, и, самое страшное, разлегшаяся Тома, тихо скулившая у другой стены.

О ней Лёра решила подумать потом: хоть часто в запасе у нее был.

- Слушай спокойно, - тихо говорила ей Вера; наносная «марфушковость» давно уж с нее слетела. - Печь затопить необходимо: у нас здесь скоро будет младенец, да и мы сами померзнем. Как топить - я тебе объясню, посмотри только, где заслонка и помни о ней, не то угорим. Как затопишь - поставь немедленно воду на греться - ребенка обмоешь. Кстати, вон под Томкиной лавкой еще один тазик. Пока греется, поищи здесь каких-нибудь тряпок, полотенец, одеяло какое-нибудь - заворачивать. Вот еще что. Хорошо, что сумку свою принесла. В ней маникюрные ножницы есть? Ими попробуешь пуповину перерезать, протри их только духами сначала. Сантиметрах в десяти от тельца. Тесемку тоже найди - накрепко перевяжешь. Или нет - сначала перевяжешь, потом обрежешь. Не перепутай, или он кровью изойдет. Да запомни это - не трясись головой! - Лёра в самом деле все это время размеренно опускала и поднимала голову. - Да за Толиком следди, хотя тут я не знаю, чем помочь, но пить давай ему, что ли... Сама консервы вскрой и поешь - не то свалишься. И... мне дай. Да не бойся так! Она в шестой раз рождает, природа сама все сделает!

В это время Лёра пыталась с пятого на десятое припомнить раздел «Роды» учебника по акушерству; ей пришлось основательно изучить его, когда беременной ходила ее подруга Надя, читала только его и все время заставляла читать Лёру, беспрестанно спрашивая - как Лёра думает, действительно ли правда все, что там написано.

«Скоро я это узнаю», - с безнадежным цинизмом сказала себе Лёра.

В конце концов, под контролем Веры печь была затоплена - и Лёра вновь ощутила всплеск ненависти к больной - за то, что в сравнении с Верриной собранностью, проявленной даже в таком беспомощном состоянии, Лёра выглядела вовсе никчемной. «Актриской», как недавно еще выражался Толик...

* * *

...Холод пробрал Лёру насквозь. Она поняла, что надо бы как-то подняться, но по-прежнему ощущала трепет во всем теле. Все были живы: Тома с новорожденным уродцем-девочкой, имев-

Золотое Слово-7

шей вместо правой ножки нечто похожее на ласту; Вера, стонавшая уже не от боли, а оттого, что хотела в туалет, чего Лёра никакими усилиями не могла ей предоставить, и даже Толик, который хоть и не шевелился, но ухитрялся со своей лавки комментировать события. И, самое удивительное, жива была и Лёра. Она не отправила на тот свет Тому, хотя в том, что она увидела, не нашлось абсолютно ничего похожего на то, что какой-то вредитель нарисовал в учебнике по акушерству. Она даже зачем-то вытащила уродца с того самого света, потому что «младенчик», родившись, не пищал. Находясь в шоке от ужаса, Лёра перевернула его вниз головой и начала шлепать - так, что имелось две возможности: либо окончательно вышибить из него дух (что, по человеческим меркам, было бы и лучше), либо заставить вдохнуть. Получилось второе, но Лёриной заслуги в этом не было. Она, правда, не уронила ребенка на пол, а могла бы: так тряслись руки, и таким он был скользким... Лёра показала девочку мамаше, но Тома, как и следовало ожидать, никаких эмоций не проявила. Она мутно взглянула на дочь, равнодушно скользнув взглядом по безобразной ласте, пробормотала нечто вроде «Ну вот, еще один подарочек привалил», а потом закрыла глаза и, как ни в чем не бывало, невозмутимо захрапела, предоставив Лёре дальше выпутываться самой.

- Животное, - процедила Лёра. - Кастрировать таких надо...

Завернув ребенка в одеяло, найденное еще раньше в том же «шкафике», она осторожно уложила его на прогретую печь, а потом швырнула на Тому для приличия ее же пальто, решив больше к ней не прикасаться.

- Вот видишь, не так страшно, слава Тебе, Господи, - крестясь, сказала Вера, когда Лёра встретилась с ней взглядом.

- Эх, бабы, за такое дело принять бы капель по пятьсот, да нечего! - огорчился Толик на своей лавке.

Лёра дико на него посмотрела и рванулась вон из избы...

Сидя на крыльце, она ни о чем не думала, ничего не чувствовала. Только когда от мороза у нее начали появляться судороги, она заставила себя подняться и пошла, верней, потащилась, цепляясь за все подряд, обратно в избу. Войдя, она зацепила и таз с водой, он перевернулся и залил пол. Это была такая мелочь, что даже замечать ее не следовало. Лёра села на табурет, привалившись к столу: лежачего места для нее не оставалось. Наступила неизбежная реакция организма на потрясение: Лёру повело, к горлу подступила и отпустила тошнота. Она положила голову на руки и уже не слы-

шала Веру, которая силилась до нее докричаться с какой-то важной информацией - Лёру просто вырубил из мира.

Она очнулась от душераздирающего крика. Потребовалось несколько минут, чтобы осознать положение и определить, что кричит Вера, кричит страшно и, вероятно, уже давно. Лёра уставилась на нее с одной мыслью: «Что тут еще случилось?!»

За окошком заметно посветлело, день, похоже, собирался выдаться даже солнечным. Лампа погасла. Вера, приподнявшись, кричала. Очень постепенно до Лёры дошло, что это не просто крик, что он заключает в себе сакраментальное слово - самое важное на свете слово сейчас: «Автобус, Лёра!!! Автобус! Автобус! Автобус!!!»

Издали слышались странные натужные звуки. Источник их мог быть только один: где-то недалеко по дороге медленно ползет, переваливаясь на рытвинах и ухабах, маленький грязно-белый автобус, что везет в Смоленск горемычную гастрольную труппу. И навряд ли он остановится у перевернутой машины: не увидев рядом никого, водитель решит, что пассажиры каким-либо образом покинули место аварии, а за машиной придет тягач.

Лёра бежала так, как можно бежать только от смерти. Она совершала невероятные рискованные прыжки через кочки и коряги, шестым чувством угадывая, куда ставить ногу - и ни разу не оступилась, не пошатнулась.

Но, когда она была уже почти у опушки, автобус мелькнул прямо перед ней за деревьями и - проехал мимо...

- Стой!! - заорала она из последних сил. - Стой же, гад!!!

Но она знала: в автобусе гомон, а то еще и пение, кроме того, работает громкий мотор - услышать ее невозможно. Но Лёра продолжала бежать и звать, реветь странным низким голосом, и все звала, выскочив на дорогу, и даже пыталась догнать удалявшийся автобус - а потом опустилась на четвереньки и тихо заплакала...

...В комнате стало совсем светло. Возилась, явно собираясь проснуться, тошнотворная Тома, зато дремал Толик, и дыхание вырывалось у него с хрипом. Теперь, при свете дня, разглядев вокруг его посеребривших губ лёгкий розовый налет, Лёра догадалась, что это такое...

Она сидела на полу возле Веры, обхватив колени и безучастно глядя перед собой.

- Что ж ты, Лёра, я ж тебе кричала...

- Да не слышала я! И когда услышала - не сразу поняла! Я была как по голове стукнутая! - оправдывалась она.

Золотое Слово-7

- Ладно, надо думать, что дальше делать.

- Хочешь, я на дорогу караулить пойду? - неуверенно предложила Лёра.

- Недельку можно прокараулить. А Толик-то, между прочим, хоть и хорохорился долго - а к вечеру помрет. Да и младенчик Томкин... - Вера понизила голос: - Сдается мне, что она... Прости ее Господи... Не очень-то хочет его выкармливать... Возьмет и скажет - молока у меня, мол, нету... А как ты проверишь... Хоть и грех так говорить - да ты знаешь, что это за женщина...

- Да не женщина она вовсе! - воскликнула Лёра.
- Если я - женщина и ты - женщина, то как ее-то назвать?!

- Не суди, Лёра, Бог рассудит, - как по писаному отозвалась Вера.

- Рассудит, рассудит... То когда еще рассудит, а мне-то сейчас что делать с вами? - Лёра намеренно так сказала, чтоб напомнить Вере о ее зависимом положении: лежит, под себя ходит, а туда же - поучать!

- Я тебе скажу, что делать: за помощью идти.

- Идти?! - изумилась Лёра. - Сотню километров?! Это я через неделю дойду, если дойду вообще.

- Не сотню. Дорога здесь не прямая, крюк делает - будь здоров. Лес тут рубить трудно было, положили, где полегче. Если напрямик, то от дороги на северо-восток километров тридцать выйдет, ну, может, с гаком. Так в шоссе и упрешься, ну, а там подъедешь на чем-нибудь.

Лёра опешила:

- То есть как? Через незнакомый лес, одной, тридцать километров с гаком? А в самом «гаке» еще, может, десять?! Да ты вообще думаешь, что говоришь-то, а?!

- А ты что, другой выход знаешь? - огрызнулась Вера.

- Ну, я думаю, хозяева вернутся. Это лесники, наверное, у них, может, велосипед есть или еще что... Они же явно ненадолго ушли: дом не заперт, вода есть, дрова, лампа... Да ты лучше меня должна знать, чей это дом!

Вера задумалась:

- Нет... Егеря нашего я знаю, он далеко отсюда живет, а другого здесь нет. На охотничью заимку тем более не похоже. Накажи меня Бог - не догадываюсь даже. Знаешь, как-то странно всё: по этой дороге люди сорок лет ездят, уж кто-нибудь да знал бы, что здесь дом. И все бы узнали... Он на вид крепкий, теперь таких не ставят, старый, значит. Ума не приложу... Но кто-то тут еще недавно был - ежу понятно. Не знаю, Лёра, а только чувство у меня есть - не придут сегодня хозяева. Тебе идти надо, чтоб до ночи в Смоленске быть. Об-

ратишься там в милицию - они должны знать, что делать... У нас тут иногда теряется кто-то, бывает, вертолеты летают, ищут... Пусть они там как хотят делают - но ты иди, Лёра, иди, чует мое сердце - обойдется. Живучая ты, видать...

Лёра молчала, пытаясь свыкнуться с новой страшной мыслью.

- Возьми консервов, - наставляла Вера. - Нам с Томой открой несколько банок, нож тоже бери - мало ли что...

- Что... Что значит - мало ли что? - испугалась вконец Лёра.

- Ну, лес... - неопределенно ответила Вера.

- Да-а...

- Стороны света определять умеешь?

- Кажется...

Ей действительно казалось, что это просто: мох с севера, муравейник с юга, да и читала она что-то поконкретнее... Но главной мыслью, определившей Лерино решение, стала одна: если ночью она доберется до Смоленска и пошлет помощь остальным, то у нее еще есть микроскопический шанс успеть в театр. Может, удастся как-то добраться к утру до Москвы и лететь из Шереметьева самолетом: ну их, эти деньги на пальто - Роль дороже - ее будущее. Прокрутив все это в голове, Лёра вскочила; жизнь и смерть этих людей не могла бы заставить ее собираться так быстро, как мысль о Роли. Пооткрывав консервы и поставив перед женщинами на пол по кружке воды, она склонилась над Толиком. Он не шевелился. Что ж, придется ему, похоже, обойтись, разве что Тома встанет и соизволит его напоить-накормить... В последнюю минуту она вспомнила о новорожденной, подошла, посмотрела. Красное личико выглядело хоть и уродливо, но спокойно. По крайней мере, девочка дышала. В любом случае, больше, чем Лёра для нее сегодня сделала, сделать невозможно. «Вот кто тут несчастный - так несчастный!» - подумала она, но без боли: какая-никакая, а мать у ребенка имеется.

Тома все еще спала, лежа навзничь. Лёру перекосило от отвращения. Она в последний раз огляделась: печь грела всю, до прихода помощи окончательно не остынет; заслонка была на месте. Лёра шагнула к двери.

- Постой! - окликнула Вера.

Недовольная задержкой, Лёра приблизилась.

- Сядь.

Она села без споров - лишь бы скорей,

- Вот что, Лёра, - тихо проговорила Вера. - Если что - ты меня прости... Может, обидела я тебя чем, не знаю... Скажи - ты в Бога правда веруешь?

- Правда.

- Так может, помолишься на дорожку? Иконы

Золотое Слово-7

же есть.

Иконы Лёра замечала в углу и раньше - две больших, Спасителя и Богородицы, в металлических начищенных окладах, и несколько малых, деревянных, совсем черных от времени. Ей просто некогда было их разглядывать за всеми ужасами.

- «Отрицаюсь...» прочти, - посоветовала Вера.

«И здесь лезет, покоя от нее нет!»

- Не учи, знаю. Отрицаюсь тебе, сатано, гордыни твоей и служению тебе. И сочетаюсь Тебе, Христе, во Имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

- Лёра перекрестилась. - Ну, пошла я,

- Иди... Лёр, спасибо тебе, - прошептала Вера.

«Ну вот, сантименты пошли», - промелькнула у Лёры злая мысль, но молчать было нельзя, и она сказала:

- Да ладно, не за что - куда б я делась... Болят ноги-то? - она вспомнила, что ни разу за вечер и ночь этим не поинтересовалась, и ей стало неловко.

- Нет, не очень... Когда не шевелюсь - так и вовсе не болят. Онемели, не чувствуют ничего...

- Так, ясно... Ну...

- Лёрочка! - вдруг взмолилась Вера, и в голосе зазвенели слезы. - Ты уж поскорей там как-нибудь, прошу тебя! Умоляю!

Лёра кивнула, поправила шарф на голове и вышла.

... Снега по-прежнему не было, но на земле, шуршащей перепрелой листвой, на деревьях - везде лежал тонкий, прозрачный налет изморози. Кое-где сохранились на ветках чудом уцелевшие листья, лес звенел от холода, дрожал в ожидании теплого снега, а солнце, что иногда показывалось в просветах, выглядело сущим издевательством. Но несмотря ни на что, это была красота - сомнительная, тревожная и враждебная - но все же красота...

Замечать все это у Лёры не было ни времени, ни охоты. С самого начала она взяла хороший разгон, стараясь не сбавлять заданного темпа. Она не совсем была уверена, что идет на северо-восток, но, рассчитав, что дорога проходит с запада на восток, перейдя ее, скосила на сорок пять градусов и теперь продиралась в этом направлении, решив идти во что бы то ни стало по прямой. Но чем дальше она продвигалась, тем больше ее охватывали сомнения: становилось очевидным, что сориентироваться нужно точнее. Лёра стала осматриваться в поисках мха на стволах, и была поражена странным явлением: он рос на деревьях со всех сторон, и определить, где гуще, она не могла. Оставались муравейники, но они почему-то не попадались. Выбравшись на небольшую полянку, Лёра решила воспользоваться знаниями, почерпнутыми

несколько лет назад в брошюрке «Выживание в экстремальных условиях». Она хорошо помнила, что нужно воткнуть палку в землю, отметить конец тени, подождать пятнадцать минут и отметить точку, куда тень переместится... Не теряя времени, она выполнила первую часть требуемого и грустно присела рядом в ожидании.

«А ведь это, наверное, очень храбро, - вдруг подумалось ей. - Храбро молодой городской женщине вот так идти через лес одной да еще хитро определять направление...» Она сейчас гордилась собой и даже пожалела, что никто не видит. Парадоксально - но Лёра в самом деле не боялась. Наоборот, она чувствовала облегчение оттого, что вырвалась из домика, битком набитого неприятными ей людьми, которым она еще и обязана была помогать, чуть ли не жертвуя собой. Лёра хорошо понимала, что оказанная ею помощь была бестолковой, неумелой и, уж если быть совсем честной, причиняла им больше мучений, чем пользы. Один Толик с его грудной клеткой чего стоит! Чудо ведь, что он еще дышит после такой транспортировки, какой они с Томой его подвергли! А Вера! Да если б ее, Лёру, тащили так, то она бы дуба врезала от болевого шока через десять метров! А роды! При этом воспоминании у Лёры в голове что-то замкнулось: то, что человек уж очень не хочет вспоминать, до поры до времени само складывается аккуратными пластами в потаенные отделы подсознания и в нужный момент выдается порциями. Сейчас момент был не тот.

Лёра отметила новую позицию тени и, как было велено в книжке, продлила линию на один шаг. Теперь следовало встать одной ногой к первой точке, а другой - в конец линии и оказаться липом к северу. Лёра обомлела. До этого она мысленно оперировала понятиями «одна нога - другая нога», и только теперь вспомнила, что ноги неравнозначны, и одна из них правая, а другая - левая. Сено-солома. И Лёра решительно не могла вспомнить, сено или солому ставить у первой точки. А ведь в зависимости от этого направление менялось ровно на 180 градусов! Из тех самых закромов подсознания всплыла картинка в книжке. На картинке были изображены - она ясно это вспомнила! - ноги в ботах, стоявшие у точек А и Б. Обозначилась и такая фраза: «Если вы не уверены, какую ногу ставить у точки А, то...» - и за этим следовала уже абсолютная чернота.

Лёра поставила сначала левую ногу. Из этого положения следовало, что раньше она шла строго на север, а не на северо-восток. Поменяв ноги, она могла предположить, что шла на юг - только и всего. Но, раз на юг согласно словам Веры, она идти не могла, то пришлось сделать вывод, что первая

Золотое Слово-7

попытка и была верной. Скорректировав направление, Лёра опять тронулась в путь и шла так до тех пор, пока справа вдруг не затрещал валежник. Бросив взгляд в ту сторону, она увидела, что в кустах копошится кто-то среднего размера. Не раздумывая, Лёра метнулась вбок и помчалась так же быстро, как утром к автобусу. «Волк! Или секач! Больше никому!» Подгоняемая атактистическим страхом и боясь оглянуться назад, Лёра бежала, наверное, минут десять, пока не почувствовала острую, невыносимую боль в боку. Только тогда она осмелилась остановиться и оглянуться. Кругом по-прежнему сыла тишина. Никто, конечно же, за Лёрой не гнался, да и гнаться не мог, зато она забежала в неизвестное место, а солнце за это время успело исчезнуть. Проклиная себя, Лёра села прямо на землю. Оставалось только ждать, пока солнце соизволит выглянуть снова - чтобы повторить давешнюю манипуляцию с палкой, тенью и сеном-соломой (причем Лёра уже сомневалась, какую ногу сочла правильным ставить час назад).

Справа от Лёры невдалеке начиналось неширокое, но длинное болото с редкими кочками. Оглядевшись, Лёра заметила, что и лес, в который она прибежала, выглядит иначе: деревья ниже и совсем другие — чахлые, какие бывают лишь в болотистых местах...

«Н-да, пробежалась...» - подумала Лёра.

И впервые за это утро страх, незаметно подкравшись, стал тихой сапой заползать в сердце. У страха есть много пород - от запредельного, парализующего ужаса до легкой тревоги. Речь здесь идет не о степени, но о качестве страха. Тот страх, с которым всю ночь сражалась Лёра (так, кстати, его и не победив, а позорно бежав с поля боя) был конкретным, его определяли объективные события... Но страх, постепенно овладевавший ее сердцем теперь, был хуже и гаже. Это такой страх, когда человек, трезвым взглядом видящий, что никакой непосредственной опасности нет, боится пошевелиться, громко вздохнуть и оглянуться, хорошо зная при этом, что никого, во всяком случае, видимого, рядом нет. Такой ужас может напасть и в темноте, и при свете, но всегда - в одиночестве открытого или замкнутого пространства. Верующий начнет 90-й псалом, где как раз и собраны всевозможные страхи, а если к тому моменту уже н ум отшибет, то Иисусову молитву уж как-нибудь да вспомнит.

Но с Лёрой произошла странная вещь. Считая себя человеком верующим, она, конечно, знала и 90-й псалом, и молитвы на разные случаи, но вот именно теперь вдруг решила по-атеистически избавиться от неведомого кошмара, явно пришед-

шего извне, своими скромными силами. Напрягая всю силу воли, она заставила себя встать, обернуться и убедиться, что кругом никого и ничего страшного нет. Она в этом убедилась, но страх не исчез. Наоборот, он вдруг мертвой хваткой сдавил Лёре грудь и горло, и она застыла с выпученными глазами, равно боясь и зажмуриться, и глядеть. Лёра задыхалась, совсем перестала соображать и вполне готова была потерять сознание.

Именно в тот навеки незабываемый миг она ясно увидела, что метрах в пятидесяти перед ней спокойно идет по краю болота женщина.

Страх такого рода, какой испытывала Лёра, не выносит никаких посторонних вмешательств. Если на сцене появляется кто-то третий, то страх либо исчезает вовсе, либо перерождается, и человек начинает бояться уже непосредственно того, кого увидел.

Женщина, так неожиданно возникшая перед Лёрой, объектом испуга стать никак не могла. Она приближалась - крупная, спокойная, собою - настоящий некрасовский типаж, призванный входить в горящую избу. Одета женщина была в серый ватник и черную с пестринкой юбку. На голове - платок, из-под которого выбивались вьющиеся светлые прядки. Лёра могла уже рассмотреть ее лицо; большое, милое и строгое. Умное лицо, отражавшее непростой внутренний склад.

Вмиг позабыв про свой ужас, Лёра рванулась к ней навстречу, на ходу прикидывая, как обратиться: «гражданка» - глупо, «девушка» - странно... Не «дама» же, в самом-то деле!

- Женщина! - выкрикнула она в конце концов. - Женщина, помогите мне!

Незнакомка остановилась, не выразив ни взглядом, ни жестом удивления по поводу Лёриного отчаянного вида.

- А, так это вы тут недавно сквозь кусты ломились! Я-то думала, зверь какой от волка удирает... А это... - она окинула Лёру спокойным взглядом с головы до ног. - А это - актриса.

- Как вы догадались?! - поразилась Лёра. - Впрочем, неважно, по мне, наверное, видно... Я действительно от волка бежала... Ну, может и не от волка, но кто-то там... Такой, знаете, большой... В кустах...

- Заяц, - не колеблясь, постановила женщина. - Больше никому.

Лёра смешалась. Мысль о том, что она мчалась от зайца быстрее зайца же, была настолько ужасна, что она не смогла это так оставить и возмутилась:

- Нет, что вы! Крупней гораздо! Я думала - кабан,

- Заяц. Сами знаете - у страха глаза велики.

Золотое Слово-7

От непреклонного вида женщины Лёра и вовсе потерялась и решила сразу сменить тему:

- Ну, не знаю... Не в этом дело... А дело в том, что я теперь совершенно заблудилась, а у меня неприятности, и мне нужно срочно в Смоленск. Вы, я вижу, тут местная, так что знаете, конечно, как выйти покороче...

Она ожидала, что женщина начнет тут же объяснять, но та молчала, продолжая пристально рассматривать Лёру в упор. Это было, конечно, невежливо, но приходилось терпеть: дорогу больше никто не покажет. Она придала своему голосу всю возможную кротость:

- Скажите мне, пожалуйста, куда идти!

- Неприятности, говорите, у вас? - спросила незнакомка. - А какие?

Лёра начала раздражаться: что ей за дело-то, в конце концов? Спросили дорогу - так покажи, время идет. Но, убоявшись обидеть ее и снова остаться наедине со своей проблемой, Лёра смирилась вторично и, стараясь не показать взвинченности, наскоро объяснила:

- Мы в аварию попали. У водителя грудная клетка сломана, при смерти он; у одной женщины обе ноги перебиты, а другая ночью родила. Они в избушке все там лежат, и ребенок новорожденный на печке... Так что, сами понимаете...

- Да-а! - протянула женщина, глядя Лёре прямо в глаза. - И это вы называете - «у вас неприятности»?

- А что же, по-вашему?! - взорвалась, не выдержав, Лёра. - И вы мне вместо того, чтоб дорогу показать, вопросы... разные... задаете и время тратите!

- И это ради тех людей вы так спешите, правда?

«Что за наваждение! - пронеслось у Лёры. - Будто знает, что не ради них, а на самолет успеть! И вообще, странная она...» Нужно было сказать, что да, конечно, ради них, и желательно побыстрее, но слова почему-то не пошли у Лёры с языка, словно невидимая рука зажала ей рот.

- Ну, хоть не врете - и то хорошо, - подытожила женщина. - Звать-то вас...

- Валерия... - выдавила Лёра, с трудом ворочая языком и мозгами.

Строго говоря, происходило неизвестно что. Люди не говорят так с посторонними, только что встреченными в глухом лесу. Так вообще не говорят - даже близкие остерегаются. У Лёры сложилось впечатление, что неизвестная властная сила проникла ей в душу и теперь медленно выворачивает ее наизнанку. Она предприняла последнюю попытку сопротивления:

- Послушайте, почему вы... так говорите?... Ведь

всё же просто! Покажите, куда идти - да и дело с концом! Что вы всё выпытываете!

Странная собеседница на выпад не ответила, сообщив вместо этого:

- Меня зовут Марфа.

Лёра опять не выдержала:

- Это очень красиво, конечно, но мне теперь хоть Марфа, хоть Мария! Мне дорога нужна! Дорога! Понимаете вы такую простую вещь?!

Марфа покачала головой:

- Не такая простая вещь, как вы думаете. Потому что дороги - две.

Лёра топнула ногой в нетерпении:

- Да покажите ту, которая ближе - есть о чем говорить!

- Да вот не знаю, какая вам больше понравится, - словно бы слабо усмехнулась Марфа.

Лёре показалось, что она стоит перед каменной стеной - хоть головой об нее бейся. Ей захотелось закричать, обзвать Марфу, вытрясти из нее что-то путное, но страх ничего не добиться, а вместо этого еще и получить по мордасам (Марфа - дама крупная) пересилил. Лёра сдалась:

- Хорошо. Я вас не понимаю. Но прошу, выражайтесь как-нибудь поясней.

Марфа улыбнулась:

- Ну вот, а то мне уж показалось, что вы в драку сейчас полезете. Не советую. А лучше давайте-ка вот сюда, - она указала на два замшелых пня неподалеку, - присядем, и вы мне все по порядку расскажете. А я посмотрю, какая дорога вам больше подходит...

Делать было нечего, Лёра села на пенек рядом с Марфой и начала рассказывать «по порядку». Только начав говорить, она и сама поняла, что ей давно хотелось высказаться, не носить в себе всю эту злость и желчь прошедших суток - после первых двух-трех фраз ее речь полилась с удовольствием. Лёре остро нужно было если не сочувствие, то хоть поддержка, и она горячо описывала Марфе всех этих ужасных людей, камнем повисших у нее на шее, говорила о своей будущей Роли, которую если не сыграет, то умрет, по крайней мере, жизнь ее рухнет, о том, как она надрывалась всю эту ночь и проспала автобус, досадовала на зайца в кустах (теперь в угоду Марфе она готова была признать, что бежала хоть от курицы) и даже сетовала на автора книжки, не сумевшего толком объяснить, куда ставить ноги, чтоб оказаться лицом к северу...

Долго бы говорила еще Лёра, если б не заметила, что Марфа что-то пробормотала себе под нос. Она осеклась и спросила:

- Вы что-то сказали?

- Да, думаю, и правда неприятности у тебя,

Золотое Слово-7

Лёра. Крупные неприятности...

- А я что говорю! - воскликнула Лёра, обрадовавшись, что Марфа, вроде, прониклась сказанным.

Марфа поднялась:

- Идем, не терпит больше время. Покажу тебе дорогу.

С готовностью вскочила и Лёра, и обе они зашагали вдоль болота, покуда не дошли до трухлявого березового пня у кромки. Марфа положила Лёре руку на плечо, указав на болото:

- Туда смотри. На ту сторону. Видишь валуны напротив, три? На правый смотри: от этого пня на тот валун - прямой путь по кочкам. Можно и в другом месте, но здесь верней пройдешь, может, и ног не замочишь: повысохло теперь болото-то. Как перейдешь - так и иди все прямо. Шагай себе - и через два часа на дороге будешь. Там автобус ходит раз в день. Поторопишься - успеешь.

Лёра ошалела от счастья. Она-то предполагала идти чуть не до ночи, а тут ей предложили прямой и короткий путь. Она бросилась благодарить:

- Вот спасибо, спасибо вам! Сам Бог вас послал! Я-то уж не рассчитывала до вечера в Смоленске оказаться! Спасибо...

- В Смоленске? - оборвала Марфа. - Я не говорила, что эта дорога ведет в Смоленск. Нет, она с той не пересекается. Эта дорога ведет в райцентр, там есть и милиция, и больница, а главное - вертолет, пожарный. Как раз вовремя успеешь к страдальцам твоим...

У Лёры внутри нехорошо похолодело. Она пробормотала:

- Подождите... Мне нельзя в райцентр... Мне нужно в Смоленск... Сообщить там об этих - и пусть спасают, их работа... А из этого вашего райцентра я сегодня не выберусь...

- Завтра выберешься. Там в пяти километрах электричка ходит.

Почти с ненавистью глянула Лёра на эту не желавшую ничего понимать бабу:

- Да нельзя мне завтра! - выкрикнула она. - Я и сегодня-то не знаю, успею ли! Я ж вам говорила! Жизнь моя решается, а вы в толк взять не хотите!!

- Точно. Решается, - с улыбкой подтвердила Марфа.

- Ну?! - почти что взывала Лёра.

- У тебя - решается. А у них там - кончается, - невозмутимо сказала Марфа.

- Да ничего у них не кончается! - уже не скрывая чувства, заорала Лёра. - Вы за кого меня принимаете-то?! Я ж их бросать не собираюсь, я ж в милицию заявлю, объясню, где и как! Но не могу ж я из-за этого...

- Не можешь. А только до дороги на Смоленск тебе отсюда восемь часов ходу. И то, если опять не заблудишься. Да там километров пятьдесят на чем-нибудь добираться - пока еще найдешь попутку. В милиции - пока тебя допросят, пока расскажут, пока вызовут кого следует, пока поедут... Дай Бог, чтоб к утру нашли их. Ну, Толик-то уж точно к тому времени помрет, дите тоже. Вера твоя инвалидом безногим станет. Вот кому ничего не делается - так это Томе - тут я с тобой согласна. Но ты успеешь, конечно, на поезд до Москвы. И на самолёт. И роль свою получишь и этот... ангажемент... И знать про них про всех ничего не будешь. Пока сама не помрешь, конечно.

- Э-э... Вы это... Вы тут не драматизируйте. И чудовища из меня не делайте... - растерялась Лёра. - Ишь, какую мрачную картину нарисовали...

- Мрачную или не мрачную - а как сказала, так и будет, - отрезала Марфа.

Лёра перестала понимать происходящее, в голове ужасом взвилось одно: она не успеет в театр, не получит Роль! Роль достанется Котовой: железная главреж «Серебряной дороги» не простит проволочек, оправданий слушать не станет - тем более, что Оленькина игра не может не понравиться. А Лёра вернется в «Марлен» и останется там без Ольги на прежних позициях... Только на фиг ей теперь этот вшивый «Марлен», дыра эта вонючая, пресловутая синица в руке, когда она уже подержала было за хвост гордого журавля!!! И, поняв все это, Лёра истерично завизжала:

- Не могу!!! Не могу, хоть режьте меня!!! Не могу и не хочу!! Вся жизнь и так псу под хвост, а теперь еще и это! Из-за чего, спрашивается?! Из-за ублюдцы с ее отродьем?! Из-за дуры круглой в ботах?! Из-за пьяного кретина?! Да почему я жизнь-то свою должна им под ноги кидать!

- А они почему за твою - не жизнь, а мечту всего лишь, должны свои жизни - отдать? - тихо опросила Марфа.

- Да какое тут может быть сравнение?! - в лицо ей заорала Лёра. - Я или они - что тут общего?! Что они могут-то, кроме как небо коптить?! Какая польза от них, кроме вреда?! Сравнили тоже!

- Та-ак... - протянула Марфа. - Значит, взвесила все, рассчитала. Четыре, значит, жизни на одной чаше, одно твое удовольствие - на второй - и перевешивает, да?

- Господи, да конечно перевешивает! - в запале не сумев остановиться, крикнула Лёра. - Да и что у них за жизнь - так, слякоть одна. Кроме того, не верю я, что они там перемерут все. Обойдется.

Марфа пожала плечами:

- Господа все поминаешь... Вот и меня говоришь Бог послал. Избавить тебя от неприятностей.

Золотое Слово-7

А ты хоть помнишь, что он раньше-то сделал? На землю зачем во плоти приходил?

- Распятся приходил, - окрысилась Лёра. - За наши грехи.

- И за твои?

- И за мои.

- Так. А за них, за твоих попутчиков, не распинался?

Лёра задумалась: да, конечно, Верка-то - церковная мышь, а вот остальные...

- Распинался, да они образ Его утратили, - удачно нашлась она.

- А ты - нет? - пыталась Марфа.

- А я - нет, - ответила Лёра сквозь зубы: неприятный разговор получался, нечего сказать... Ну и Марфа - прямо философ в ватнике... И говорит складно, будто университет закончила. - Так на Смоленск вы дорогу не покажете?

- Покажу, - неожиданно согласилась та. - Вон, налево ельничек видишь? За ним тропочка. Малая совсем, заросла уж, да видно еще. Виляет-виляет, но к новому шоссе выведет. Через восемь часов, как я сказала.

Лёра повернулась посмотреть на ельничек, увидела его, процедила Марфе через плечо:

- Ну, разродились наконец! И на том спасибо.

Она не получила никакого ответа. «Ну и ладно, упрямая баба, дуешься - и дуйся, мне-то что!» Всею спиной выражая презрение Марфе, Лёра демонстративно не поворачивалась, но вдруг испытала странное ощущение позади - чувство пустоты - и тогда рефлекторно обернулась. Никакой Марфы не было. Прежняя чуткая тишина повисла над лесом и болотом.

«Свалила по-тихому, - решила Лёра. - Тоже презрение выказывает. Да пожалуйста, жалко, что ли... А все же странная она...»

Нужно было идти куда-нибудь, во всяком случае, подальше от этого гнилого места. Через болото, как же! Да на него и взглянуть жутко, не то, что по кочкам прыгать... И Лёра решительно направилась к ельнику. Присев там на поваленное дерево, она достала из сумки консервную банку и принялась неловко вскрывать ее большим туповатым ножом. То ли руки ее тряслись, то ли нож не годился, но только он вдруг скользнул по крышке и с размаху врезался Лёре в ладонь. Она вскочила, выронив и банку, и нож, с ужасом глядя, как кровь хлещет из довольно глубокой треугольной раны. Рука, казалось, сразу онемела до локтя. Выхватив из кармана носовой платок, Лёра прижала его к ране. Тщетно: в считанные секунды он пропитался насквозь, пришлось его бросить. Лёра стала судорожно лапать сумку здоровой рукой в поисках гигиенических салфеток.

Проку и от них не оказалось: салфетки промокали одна за другой, а кровь и не думала останавливаться. Среди смятения Лёра вспомнила, что умные люди делают в таких случаях жгут. Соорудить его было не из чего, но в сумке нашлась резинка для волос. Ее удалось натянуть на запястье, и кровь действительно стала течь слабее. Немного успокоившись, Лёра разыскала в сумке еще и остатки мотка изоленты: ею в театре она обматывала провод лампы в своей гримерке. Изолентой она теперь прикрутила к ране две смоченные духами салфетки и сочла перевязку удачной: кровь почти остановилась. В ране пульсировала боль, но это было уже неопасно...

Лёра села обратно на поваленный ствол и жалобно прохныкала:

- Ну за что мне еще и это?! Мало, что ли, на меня свалилось?!!

«Мамай пришел домой с раной», - отозвался кто-то ехидный у нее под ухом, и Лёра тихонько заплакала.

- Ну почему я одна, почему мне никто не поможет... - причитала она сквозь слезы. - Почему все только издеваются... Сколько ж можно...

Ее рыдания понемногу затихали. Лёра попробовала собраться с мыслями. Она смотрела то на жалкую свою руку, то оглядывалась вокруг, то прислушивалась к болезненным толчкам перетянутого пульса... Она, наверное, потеряла граммов двести крови! Лёра пыталась отдать себе волевой приказ настроиться на нелегкий восьмичасовой путь по партизанской тропе, но не могла. Станным образом Смоленск, Москва и даже перспектива добраться в срок до Петербурга утратила свою привлекательность. Лёра словно увидела себя со стороны: жалкая, чумахая, некрасивая женщина в облезлой куртке, скрючившись на бревне, поддерживает под локоть свою грубо перевязанную окровавленную руку и, за неимением платка, утирает соплю ладонью, совсем как Томины дети, и размазывает с ними кровь и грязь по красному, зарванному и распухшему лицу... И женщина эта абсолютно никому в мире не нужна, но зачем-то совершает вечные потуги с целью кому-то что-то доказать - а никому доказывать не нужно, потому что никому просто неинтересно... Она ни разу в жизни не совершила ничего значительного, а когда один раз попыталась совершить - то ее просто побили. Она семь лет копошилась в задрипанном театрике - и за месяц чуть все не потеряла. Она не родила ребенка, не сыграла Роль, а думала всю жизнь, что это еще не жизнь, а жизнь вот-вот начнется - только нужно подготовить ей дорогу, и она отчаянно репетировала, уверенная, что вот-вот свыше назначат главную премьеру - и уж тогда-то

Золотое Слово-7

будет аншлаг, а потом - сплошной триумфальный бенефис... Но премьеры все не было, - а вместо этого была изнуряющая нищета, мышьяная возня, а теперь вот - бессмысленный ноябрьский лес, ни на что не похожая левая рука и одиночество кругом... Дожила до премьеры, нечего сказать...

Врать сама себе Лёра не могла: она точно знала, что идти надо через болото, а ельник - лишь компромисс с совестью, довольно-таки грязная и не особенно выгодная сделка с нею... Сознательно шла на нее Лёра: слишком уж желанная цель маячила впереди. А вот теперь цель эта неожиданно стала блекнуть, забрезжило другое, странное, мелькнули противные физиономии Толика, Тома, Веры, омерзительная лапа несчастной новорожденной девочки... Идти надо через болото, чтобы эта девочка могла умирать долгой мучительной смертью в доме своих родителей, чтобы и дальше веселилась с собутыльниками ее мать и в будущем еще раз родила от кого-нибудь «не мышонка не лягушку»; чтобы продолжал пить, сквернословить и дубасить безответную, говорят, жену Толик, чтобы Вера пела на клиросе в заброшенной церкви, где никто не слушает, да чтобы ее, Лёрина, жизнь, где до нее никому нет дела, продолжалась по-прежнему - в каторжном труде, бедности и неизвестности.

Лёра посмотрела в глубь ельника, потом на землю. Малоприметная, полузасыпанная листьями и почти заросшая побуревшей травой, пригласительно вилась неширокая тропа. Лёра знала, что вполне сможет идти восемь часов и даже не очень устанет, но идти расхотелось. Она не помнила, какие именно слова Марфы заставили ее изменить решение, да и сам разговор был уж слишком неприятен для воспоминания, но Лёра чувствовала: проскочило в нем нечто такое, после чего нельзя идти в Смоленск, не возненавидев саму себя по дороге...

Она поднялась, натянула на пораненную руку рукавичку, отпихнула ногой консервную банку, из которой сочилось нечто серое, и, внутренне охая, двинулась обратно к болоту...

Через два часа Лёра уже не понимала, как это она раньше собиралась идти восемь. Ноги у нее заплетались, в желудке подсасывало, она жалела о брошенной консервной банке - словом, все ощущения сосредоточились на физическом. Об утерянной навеки Роли, одинокой квартире - даже о пальто! - не думалось, словно и мысли устали метаться. «Как-нибудь» - прорывалось сквозь душевное оцепенение.

Деревья понемногу редели, явно намечался просвет. Когда Лёра сообразила, что недалеко уж и до обещанной Марфой дороги, с ней произошло

то же, что и с лошадей, которая, как известно, почував запах конюшни, резвей бежит. Какая ее ждала «конюшня» - о том Лёра и думать не хотела, казалось важным только одно: уронить куда-нибудь голову и закрыть глаза. Балованное тело поначалу возмущалось отсутствием дивана, чашки кофе, горячей ванны, но потом быстро сдало позиции и словно само подсмеивалось над былыми притязаниями. Оно было уже вполне согласно на соломенную подстилку, а если таковой не найдется - то хоть на голые доски. Теперь, учуяв эти самые возможные доски в перспективе, оно собрало остатки бывшего куража.

Как смогла, Лёра ускорила шаг и вспомнила знаменательную Марфину фразу: «Там автобус ходит раз в день. Поторопишься - успеешь».

Видит Бог - она торопилась. Но может, прошел уже тот вождеденный автобус?! «Только не это!» - она сделала попытку припустить трусцой и как-то вдруг выскочила с разбегу на довольно ровную и широкую грунтовую дорогу, что делала плавный загиб именно в том месте, где оказалась Лёра.

Две вещи произошли одновременно: далеко, метрах в двухстах слева, она боковым зрением уловила кучку людей, стоявших у понурого столба, отмечавшего, должно быть, остановку - и маленький желтый автобус с черной полосой, вопиюще похожий на похоронный, быстро и мягко проскочил мимо Лёры...

Она не успела огорчиться - хотя это было бы не огорчение, а собственно, крушение.

- Что вы стоите?! Бегите!! - грянул вдруг рядом чей-то голос.

- Бесполезно, далеко, - механически ответила она и только потом увидела справа невесть откуда взявшегося парня в военной или полувоенной форме.

- Успеем, бежим! - и, прежде чем Лёра успела выразить свое негативное отношение к этим бессмысленным словам, парень железной хваткой вцепился ей в руку и рванулся вперед, таща ее за собой.

Тут Лёра поняла, что ни утром к первому автобусу, ни днем от неизвестного зверя не бегала достаточно быстро. Вот это был бег! В ушах зашвистело, перед глазами все слилось, а в голове спуталось: Лёра не знала, где ее ноги, и как она ими двигает, ей казалось, что она вовсе не дышит, а летит на одном дыхании... В какой-то момент она поняла, что стоит, стоит перед открытой еще задней дверью автобуса, а сзади ее со всей силы толкают вперед и вверх, на ступеньку... Не удержав равновесия, она с размаху упала коленями на вторую, а руками на верхнюю ступеньку, и резкой болью дернула присохшая было рана, а позади

Золотое Слово-7

хлопнули сомкнувшиеся двери...

Изрядно тряхнув, как полагается, свое содержимое, автобус тронулся.

Ушибленная Лёра поднялась, уцепившись за поручень, и вспомнила про парня - где он? Рядом его не оказалось.

«Меня втолкнул, а сам не успел, бедняга», - сообщила она и крикнула вперед:

- Остановите, остановите! Там парень не успел!

Автобус притормозил было, но мужчина, сидевший с корзиной на заднем сиденье, недоуменно глянув сначала назад, а потом на Лёру, сказал укоризненно:

- Чего разоралась? Нет там никого. Едь, водила, ложная тревога, все на борту...

Лёра бросилась к заднему стеклу: спокойно убегала меж леса серая дорога, и пейзаж не оживлялся ни единым человеческим силуэтом...

«Есть еще порядочные мужики на свете, - подумалось Лёре. - Надо же, самому-то, оказывается, и не нужно было ехать! Меня доволол, а сам в лес свернул...»

Лёра рухнула на ближайшее сиденье и привалилась головой к подернутому дымкой стеклу. Хотела собраться с мыслями, но они вдруг начали разбредаться, меркнуть... Она знала, что должна вспомнить что-то важное, связанное с Марфой, и силилась выкопать это из памяти, но там только мерцали, потухая, чьи-то лица, обрывки фраз, громоздилась уже фантастические образы...

Голова Лёры упала на грудь, сумка соскользнула с колен, и на целых два с лишним часа она рассталась со своим назойливо свершавшимся бенефисом...

* * *

- Девушка, я мой район как свои пять пальцев знаю! Нет, говорю вам, здесь никакой избушки! Вы дорогу перепутали, - в десятый раз повторял Лёре милицейский капитан.

Вдвоем они стояли над картой района, и тоже в десятый раз Лёра вела пальцем вдоль тонкой линии, обозначающей проклятую дорогу, останавливаясь примерно посередине.

- Я в своем уме еще! - заклинала она. - Я только что оттуда! Мне что, по-вашему, приснилось? Вот деревня, откуда мы выехали, вот Смоленск. И перепутать тут нечего, потому что дорога такая - одна!

Капитан раздражал Лёру еще и тем, что был абсолютно, мандариново рыж и носил такого же цвета усы, загнутые вниз, к подбородку. Усами он, очевидно, гордился и аккуратно ухаживал за этим

своим безобразием. Лёра недолюбливала рыжих с детства, считая такой цвет ненормальностью, признаком такой же ненормальности души, своеобразным красным огнем светофора: опасайтесь, мол. Лёра была уверена, что все поголовно рыжие злые, сумасшедшие и упрямые. Недаром же есть у мудрого народа поговорка: «Что я, рыжий, что ли?!» - предполагающая без сомнений за рыжими способность совершать дурные и дурацкие поступки.

Капитан этому предположению соответствовал вполне. С самого начала он уперся на том, что «нет, потому что не может быть» - и стоял на своем каменно, не принимая в расчет ни клятв, ни доказательств.

- Хорошо, я что, по-вашему, все это выдумала?! - вскричала, наконец, отчаявшаяся Лёра.

- Может, и выдумали, кто вас знает. Много таких шутников, - невозмутимо ответил капитан,

- Так что же теперь - им умереть там?! Из-за того, что вы мне не верите?! - заорала Лёра, готовая зарыдать от бессилия.

- А вы, гражданочка, потише тут. Не буяньте, а то я, знаете, и меры принять могу.

Лёра задохнулась:

- Что-о?! Ме-еры?! Да вы...

Ветхая дверь деревянного строения распахнулась, и на пороге появился веселый румяный молодой человек.

- О чем сыр-бор? - с ходу приветливо спросил он. - Что, Михалыч, преступницу изловил в кои-то веки?

- Вот, - подскочил капитан. - Вот. Вот он вам докажет. Он как раз на том вертолете пожарном летает, который вам нужен. Пять лет летает и сверху все эти леса сто раз видел. Поди сюда, Василий, глянь. Есть тут дом или нету?

Василий недоуменно склонился над картой, посмотрел и уверенно ответил:

- Нету.

- Вот! - торжествующе прогудел капитан. - Нету! А она говорит, есть.

И тут произошла странная вещь. Вместо того, чтобы безоговорочно встать на сторону милиционера, Василий выпрямился и внимательно, может, даже пронзительно, посмотрел Лёре в глаза.

- Вы там были? - быстро спросил он. - Рассказывайте, что случилось.

Обрадовавшись его дружелюбию, Лёра в двух словах толково объяснила Василию всю ситуацию.

- Дела-а... - протянул и он и оборотился к рыжему: - Лететь надо, Михалыч.

«Наконец-то приличный человек нашелся!» - прошла у Лёры восторженная мысль.

Золотое Слово-7

Но «Михалыч» снова закобенился, напав на этот раз на Василия:

- Снова, что ль, твоя чертовщина? Бабку свою все слушаешь?

- Чертовщина или нет - а только у меня это второй раз уже, - покосившись на Лёру, ответил летчик. - А до меня папанька мой летал, так у него - раз шесть было.

- Да вы просто дураки оба свихнутые! - взвился капитан. - А батя твой меньше бы за воротник закладывал - не мерещилось бы ему...

Сбросив со счетов рыжего болвана, Лёра подскочила к Василию и уцепилась за него:

- Летите, пожалуйста, летите! Я не могу уж больше - хоть меня пожалейте!

Парень еще раз окинул Лёру глубоким и странным взглядом:

- Не летите, а летим, девушка. Без вас не найти.

При мысли о том, что ей придется лететь в вертолете, Лёра испытала отчетливый приступ тошноты, но, поскольку рукой она уже мысленно давно на все махнула, то справилась с собой:

- Да, летим... Что поделаешь - судьба моя такая глупая...

Михалыч тихо матюгнулся, сплюнул и принялся натягивать форменную куртку, бормоча себе под нос что-то на тему о том, что «связался с психами - так хорошего не жди...»

Лёра и раньше слышала, что летать на вертолете - вещь ужасная, но что ужасная настолько - предположить не могла. Казалось, все до единой внутренности сорвались с места, сбились в кучу и подпрыгивают. Ежесекундно горло сжимали спазмы, барабанные перепонки лопались от грохота, глянуть вниз было страшно. Она сидела в кабине рядом с Василием и настолько была поглощена собственным страданием, что не сразу откликнулась, когда он прокричал ей в ухо:

- Дорога! Смотрите, «уазка» в кювете валяется: не ваша ли?

Переселив себя, Лёра посмотрела: точно. Она явно различила торчавшие вверх четыре колеса за бугорком. Кивнула Василию - туда, мол, - и сразу увидела избушку. Из трубы поднимался дымок. «Томка оклемалась и печь топит - больше некому», - сообразила она и с торжеством обернулась к капитану, чьи рыжие усы торчали позади между ними:

- Что я говорила?! Вы и теперь станете утверждать, что знаете район как свои пять пальцев?!

И вдруг вместо ответа Михалыч резко отпрянул от нее, стянул шапку и широко перекрестился.

Лёра недоуменно повернулась к Василию и встретила с ним глазами. Он смотрел на нее

так, словно хотел взглядом просверлить ей мозги. Сглотнул и спросил:

- Вы... точно видите? - его голос дрогнул.

- Господи, да конечно! Хоть и темнеет, но видимость-то хорошая! Вон - дом, а вон - дым.

- Зависаю, - надломленно отозвался Василий. - Лезьте назад. Поможете Михалычу «люльку» сбросить и трап тоже...

К тому моменту Лёра находилась уже в том состоянии, когда человек перестает рассуждать и взвешивать. Редко, но в жизни каждого действительно случаются моменты, когда явь путается с бредом, и таинственный защитный клапан психики срабатывает, как во сне. «Это ведь сон, и в любой момент можно проснуться!» - вдруг понимает человек, в кошмаре прижатый в угол многочисленной вражеской ратью. И вот, он бестрепетно бросается в безнадежный бой - безнадежный, будь дело наяву - и тьма вражья легко падает одесную; в чудесном упоении спящий знает, что это ему никак не отольется, а вместо этого он проснется на своем уютном диване.

Вот и Лёру минувшие сутки доконали. Она жила уже не на втором или третьем, а на десятом дыхании, не подозревая, что, когда оно иссякает у других людей, многие просто падают замертво. Может быть, так случается на войне в лютый час, когда явления, немислимые в мире, становятся привычными и не вызывают удивления.

Когда «люлька» - нечто вроде гамака на длинном тросе, приспособление для подъема пострадавших на борт - была сброшена вниз, и за нею последовал трап, рыжий Михалыч неожиданно и безапелляционно заявил:

- Ну, полезай, что ли.

Лёре полагалось обомлеть, возмутиться, обозвать его рыжей сволочью и трусливым мерзавцем, призвать в свидетели беспредела Василия и вообще остановить как-то подобное надругательство над своим женским естеством. И все это, правда, пронеслось в мыслях Лёры - но лишь на мгновение. Затем она услышала прерывистый ор летчика: «Да быстрее же! Когда так висим - горючего в сто раз больше тратим!», и обнаружила, что бесстрашно лежит животом на полу вертолета, а ноги ее свисают в открытую дверь над бездной и нащупывают ненадежную перекладину трапа. Нащупали - и Лёра поползла вниз. Она уже не чувствовала, как трап качается на ветру, как даже сквозь рукавицы режет руки железный трос - она только автоматически передвигалась до тех пор, пока не почувствовала, что перекладины под ногами кончились. Больше ничего в этом мире не страшась - страх при некоторых обстоятельствах становится вообще слишком мелким чувством -

она разжала руки.

Земля оказалась близко, и Лёра даже не упала. Она знала, что нужно развернуться и бежать по лужайке к домику - развернулась и побежала. Распахнула дверь в сени, дверь в горницу двумя резкими толчками. Ее глазам предстала картина; Тома посреди комнаты с поленом в руках и двое на лавках - вытянутые и бледные.

- Живы? - спросила она не своим голосом.

- В... все... - выдавила Тома, выпучив глаза: очевидно, в лице и голосе Лёры что-то изменилось до такой степени, что она уже пугала людей.

- Берем. Несем, - скомандовала Лёра прежним манером, и Тома, боясь о чем-нибудь спросить, послушно уронила полено и, все так же таращась на Лёру, кинулась к лежавшему без признаков жизни Толику.

Взяли, понесли; как мешок, погрузили в «люльку»; Лёра никогда не смогла вспомнить - было ли ей при этом тяжело.

Она дернула трос несколько раз - «люлька» с грузом послушно пошла вверх.

- За Верой, - хрипло приказала Лёра.

Тома кивнула и затрусилась впереди, поминутно оглядываясь на нее и продолжая для убедительности кивать.

Подхватили Веру. Она вышла из забытья, улыбнулась и пробормотала:

- Ох, Лёрочка, милая, бедная ты моя... - но Лёра никак не отреагировала, глядя мимо, и Вера была погружена тем же макаром.

- Неси ребенка, - сказала Лёра, увидев, что больная начала медленно подниматься.

- Чичас, - отважилась ответить Тома и исчезла.

Когда она вернулась, «люлька» была уже на прежнем месте. Не ожидая более указаний, Тома самостоятельно взгромоздилась туда, взяла у Лёры сверток с ребенком и, в свою очередь, отправилась в воздушное путешествие. Лёра же с третьей попытки взобралась на трап и, обращаясь с ним уже как с родным, полезла вверх и лезла так до тех пор, пока не наткнулась на поросшие густым рыжим мехом руки. Руки довольно грубо подхватили ее под мышки и поволокли; мелькнули невозможные кривые морковки на белом веснушчатом лице - и Лёра высвободилась, сомнамбулически шагнула, наступила на что-то живое и охнувшее, но разбираться не было ни сил, ни желания. Она вдруг встала на четвереньки и проворно поползла к какой-то большой тряпке, валявшейся на железном полу. Тряпка оказалась старой курткой, насквозь пропитанной керосином и грязью. В нее-то чистюля-Лёра и ткнулась головой, скорчившись на полу, и тихо подвывала там весь обратный путь, не желая ни видеть, ни слышать, ни чувствовать.

* * *

Больница в райцентре представляла собой длинное сооружение из потемневших от времени бревен, и скорей походило на пожарный сарай, по недоразумению двухэтажный. Роль приемного покоя играли сырые и холодные сени, где стояло несколько покрытых оранжевой клеенкой кушеток, между которыми мыкалась шелудивая полосатая кошка; центр украшал бывший когда-то эмалированным таз, и вид его содержимого мгновенно вызывал жестокие желудочные спазмы у непривычных. Все это освещалось единственной лампочкой ватт на 75.

В углу, на одной из кушеток, билась в конвульсиях Лёра. Она и без врачей понимала, что это: известная «следовая реакция нервной системы на потрясение» - но легче от этого не становилось. Она рыдала так, как могут только люди, у которых случилось огромное и неизбывное горе, сотрясалась всем организмом, словно кто-то влез в нее и изо всех сил тряс изнутри. Лёра выла, пока не перехватывало дыхание, судорожно набирала воздух и начинала реветь и всхлипывать, как по покойнику. Слезы давно кончились, и она голосила всухую, отчего в глазах лопались сосуды и бухали в голове жесткие молотки. И все-таки сознание работало, добавляя ей пищи для истерики. По мнению Лёры, когда человек так убивается, совершенно невозможно просто пройти мимо него, а необходимо остановиться, пожалеть и оказать помощь. К ней же никто ни разу не подошел; с тех пор, как ей перевязали руку, а болящих куда-то увезли, никто даже не взглянул в ее сторону. И оттого чувство несправедливой заброшенности выросло в огромный твердый комок - и она давилась им, пуще всех перенесенных ужасов оскорбленная этой несправедливостью. Истерика ее, по правде сказать, была несколько преувеличенной: Лёра неосознанно отпустила вожжи, хотя, приложив некоторое усилие, могла бы, вероятно, и во все избежать ее - но тогда, возможно, слегла бы «в горячке» - кто знает.

Перед ней замаячил, наконец, белый силуэт: появился зритель.

- В-во-во-ды... - драматически проикала Лёра, и тут искры полетели у нее из глаз: она даже не сразу поняла, что получила по физиономии, а когда поняла и хотела возмутиться, то искры полетели вторично: ей снова хорошенько заехали.

Рыдания вмиг прекратились, Лёра широко открыла глаза, еще не вполне поверив тому, что наградой за все ее подвиги вместо ордена стали две тяжелые заушины.

- Ну, прооралась, или еще двинуть? - деловито осведомилась крепкая старуха в белом халате.

Золотое Слово-7

Лёра молчала, не рискнув отвечать.

- То-то. Теперь можно и воды, - в большой руке старухи возник стакан.

Лёра взяла его и залпом выпила воду.

- Я тут санитаркой, баба Надя меня зовут, - объяснила обидчица. - Ты не серчай, что врезала-то. Иначе ты бы еще час не прокинулась. Не очень-то и больно. Ну, как, лучше?

Лёра поняла, что после всего случившегося следует принимать вещи такими, какие они есть. Она сказала:

- Спасибо.

Баба Надя улыбнулась, невольно похваставшись не очень удачными зубными протезами:

- Ну и ладушки. Теперь в инфекционный бокс тебя поведу. Выспаться тебе надо как следует.

В боксе - клетушке два на два - стояла одна кровать, и баба Надя ловко застелила ее бельем. Было тепло, даже жарко. Все еще вздрагивая, Лёра кое-как скинула одежду и повалилась в постель. Она еще вздрагивала, но уже отключалась. Баба Надя заботливо подоткнула одеяло и на цыпочках вышла.

* * *

...Окно было завешено белой-белой марлей, оттого и свет ноябрьского дня, пробивавшийся в бокс, не выглядел таким безнадежным, каким был в действительности. Несколько минут Лёра отсутствующе глядела на марлю, не пытаясь ничего сообразить: она проснулась, но мысль за ней не успела.

Толчком к полному пробуждению оказалось тиканье наручных часиков прямо около уха. Лёра подняла руку и посмотрела: 14-12, а в окошечке на месте девятки две буквы: «ср».

«Среда», - подумала Лёра. Мысли проснулись, закопошились. Нечто большое и значительное пряталось за этим словом. Лёра нахмурилась и без усилий вспомнила: да, среда, «Серебряная дорога», и Оля Котова доигрывает четвертый акт в пустом зале. Хорошо играет, душевно. За две недели вжилась в роль намертво, по Станиславскому. И Любовь Максимовна улыбается и и думает: «И на кой мне эта Валерия, тем более, что она и не явилась, когда Котова - находка. От добра добра не ищут».

Эта картина, так ярко вставшая перед Лёрой, должна была снова бросить ее в отчаянье, но даже сердце не забилося быстрее: все это осталось там, за тысячу километров, и совершенно никакого отношения не могло иметь к этой марлевой занавеске, молочному свету, к минувшим полутора суткам. К тем четырем людям, помещавшимся где-то рядом в этом трухлявом здании - людям, которых она не любила, но которые за последние часы ста-

ли родственно близки ей. Их теперь не забудешь, не скинешь со счетов... Лёра чем-то была обязана им до гробовой доски, чувствовала это, но не хотела сейчас задумываться. Она решительно поднялась, кое-как натянула выглядевшую очень несвежей (а в действительности непристойно грязную) одежду и направилась на поиски Веры.

Вера нашлась в маленькой женской палате, где четыре койки - по одной в каждом углу - были заняты страдалницами, закованными в гипс на разный манер. Если б не доминирующий белый цвет, а, скажем, красные отблески жаровни, - а ее-то и не доставало для полного впечатления - то помещение можно было бы принять не за палату травматологии, а за инквизиторский подвал.

Что касается положения Веры, то казалось, она висит на разновидности дыбы - и, в сущности, так оно и было, потому что приспособление, в котором она была садистски закреплена, предназначалось для «вытяжки». Обе ноги были приподняты вверх под острым углом, и от них, цепляясь за различные подпорки, тянулись блестящие проволоки. За изголовьем кровати болталась гиря - настоящая черная гиря. Лёра попыталась вспомнить, где она такое уже видела. Оказалось, в мультфильме «Ну, погоди!» - и это открытие вызвало в ней нервный внутренний смешок. Гиря, правда, не грозила свалиться Вере на голову, но сама мысль о том, что человеку предстоит провести на дыбе несколько недель (в то время как и за четверть часа на ней пытуемые рассказывали настоящие и выдуманные государственные тайны), заставляла волосы шевелиться.

Сердце у Леры сжалось, когда она осторожно присела на край Вериного страдальческого ложа. Но тут же она подскочила: даже от ее незначительного веса мгновенно заколебалась продавленная панцирная сетка, и вся конструкция угрожающе пришла в движение. Вера, вскрикнув, открыла глаза:

- Ой, Вера, прости, я нечаянно! - перепугалась Лёра.

- Да что ты, что ты, - слабо отозвалась несчастная. - Теперь уж не так худо.

- Я, Вер, проститься пришла. Уезжаю.

Лёра сидела теперь на низкой табуретке, найденной за кроватью. Она впервые видела Веру без уродующего платка и с удивлением обнаружила, что у той чудные светлые волосы - пышные локоны, целая грива, настоящее сокровище. Лёра не удержалась:

- Вер, ну и волосы у тебя! Это ж красота-то какая!

Подлый некто тот же час подсказал добавить: «И ты их под драный платок прячешь!» - но она

Золотое Слово-7

не послушалась, зная, что даже крошечный укол может сейчас переполнить чашу страданий Веры.

- Да, видишь, беда какая. Всю жизнь не знаю, что с ними делать, - пожаловалась Вера. - Хоть наголо обрейся - да грех.

Лёра готова была поручиться, что она говорит искренне, но такую тему ей поддержать было нечем. Она спросила:

- Ты очень мучаешься здесь?

- Нет, что ты! Я счастлива. Знаешь, что врач сказал? Он сказал, что если бы еще на несколько часов позже я поступила, то, скорей всего, вообще без ног осталась бы. Без обеих. Там уже процесс какой-то начинался, я только забыла, какой.

«На несколько часов позже...» Лёру больно цапнуло по сердцу. Она не знала, нужно ли говорить, но не смогла смолчать:

- Вер, а я ведь тебя именно... Чуть - того... Без ног не оставила.

- Это ты о том, что я на твоём месте ехала? Ну, это ж не твоя вина, так Бог судил. Может, наказал он меня моими ногами, за то, что я твоих пожалеть не хотела... Мне, Лёра, и правда очень не хотелось тот мешок на ноги. А вот - гирию получила. Сама я виновата, ты себя не мучь. Это тебе, наоборот, из-за всех нас досталось. Господи, как ты с нами намучилась, бедная! И, главное, даже «спасибо» за это не скажешь. За такое - не скажешь. Нельзя «спасибо» за конфету и за жизнь - одинаково. Могу только сказать, что до смерти теперь буду за тебя отдельную молитву читать. И прости уж, Лёра, за все, что мы тебе причинили...

Та же Вера лежала перед Лёрой, та же Вера, с которой всего двое суток назад она пикировалась в машине, которая вздымала в ее душе глухую злобу - за постное лицо, за сладкий голос, за фанатичную ограниченность. Ничего этого в ней больше не осталось - как метлой смело. Лежало на золотых волосах измученное милое женское лицо с заострившимися от страданий чертами, коричневые круги обвели прозрачные, почти без цвета, глаза. Женщина просила у Леры прощения, хотя ровно ни в чем не была виновата. Лёра решила:

- Вера, ты обо мне хорошо не думай... Я ведь ненавидела тебя, Вера. Может, больше, чем даже Толика с Томой. Они уж очень явные отрицательные герои, а ты - ты была скрытым. Я врага в тебе чувствовала. Я зла тебе желала. Самого настоящего... И без ног чуть не оставила... Не в машине, а там, в лесу... - и только сказав эти слова, Лёра поняла, что и правда хотела, чтоб Вера осталась инвалидом, и может быть, отчасти именно ради этого рвалась в Смоленск через ельник, а не в райцентр, указанный Марфой... И слезы безо всякой

подготовки и предварительного щипания хлынули из глаз. - Ох, Вера, какая ж я сволочь!

- Ты что, нас бросить хотела? Ни в жизнь этому не поверю!

- Бросить - нет, - сквозь рыдания отвечала Лёра. - Я хуже хотела. Я ведь женщину в лесу встретила, Марфу. Она мне дорогу сюда показала - на три часа ходу. И другую, на восемь примерно часов, в Смоленск... А мне, ты же знаешь, нужно было сегодня уже быть в Петербурге. Роль эта... Пропади она пропадом... Да и пропала уж... И я решила в Смоленск идти. Нет, я бы сообщила о вас, конечно... И совесть бы меня не мучила... Если бы бросила - мучила бы... А я просто хотела ничего о вас больше не знать. И Толька бы помер, а сейчас в реанимации лежит, жив, говорят, будет... И девчонка Томкина умерла бы, а жива-здоровая, хоть и не знаю, к чему. Но я ничего этого знать не хотела, я в Смоленск шла! Вот я какая, Вера, а ты прощения у меня просишь! - Лёра уткнулась к ней в подушку и стала тихо, равномерно всхлипывать.

- Но ведь пришла - сюда? И с вертолета лазила. Совесть, значит, всё-таки замучила? - без выражения спросила Вера.

- Совесть? - приподнялась Лёра, соображая. - Да нет, не совесть, точно не совесть... Просто все сложилось как-то... Руку я поранила, ножом. Жаль мне себя стало. Решила я что-то вроде: «Пусть еще хуже будет!» - и пошла как короче, вот и всё... - и она вновь спрятала лицо в подушку.

Вера пыталась как-то изловчиться, вывернуться, и ей это удалось, хотя она сразу вся перекосилась от боли. Она пересилила себя и тихонько коснулась Лёриной головы:

- Тебя что, обидел, что ли, кто-нибудь сильно? В жизни?

Лёра закивала головой, все еще пряча лицо:

- Все обидели, кого знала.

- И родители?

- Нет... Хотя... обидели, конечно: работа им дороже меня оказалась... Они геологи были, в тайге пропали, когда мне семь лет было. Меня тети воспитывали - да что воспитывали! - так, между делом, от одной к другой перекидывали, а теперь и вовсе не видимся... Театр сделала - и тот чуть не отняли... Жизнь какая-то половинчатая... В церковь пришла - поп прогнал, за то, что актриса... И ведь им всем хорошо теперь - тем, кто меня перешагнул, Вера! Им хорошо, а я - хоть вешайся!

- На весь род людской обижена ты, Лёрочка, - прошептала Вера. - И обозлилась, коркой покрылась, бывает... Но сейчас корка твоя лопнула. И горечь слезами выходит. Так что плачь, плачь. Отплачешься - и опять жить начнешь. Лет-то сколько

Золотое Слово-7

тебе?

- Тридцать два.

- Бедная ты, маленькая девочка, - проговорила Вера, которой самой было не более двадцати восьми. - Утешить бы тебя - да нечем...

Лёра поднялась, вытираясь рукавом и отводя глаза. Ей было стыдно: привязанная к ужасному сооружению Вера, еле шевелившая головой и руками, утешала ее, здоровую двужильную бабу.

- Вот что, - деловито сказала вдруг Вера. - Тебе подарок последний раз давно дарили?

Лёра честно попыталась вспомнить - но не смогла. Цветы и конфеты не считались, а муж ей подарков не делал, потому что не умел. Он совал ей деньги и говорил: «Купи себе, что понравится», - и она считала такое положение дел весьма толковым: действительно, мало ли, что он там сдуру выберет! Подружки приходили на дни рождения с тортом или бутылкой - но ведь это же другое... И она поняла: ей никто никогда не дарил подарков. Лёра сама поразилась - как такое может быть! - и подняла изумленный взгляд на Веру:

- Мне... Мне, кажется, никогда не дарили... И правда... Я об этом и не думала...

- А ты хотела бы - получить подарки?

- Не знаю, - честно ответила Лёра, - не пробовала.

Возбужденная своей идеей Вера даже приподнялась на локтях:

- Лёра, запиши мне свой адрес! Я, как только домой вернусь, сразу вышлю тебе подарки!

Недоверчиво глядя на нее, Лёра достала из сумки блокнот, вырвала страницу, красиво написала свой адрес и положила листок Вере в тумбочку. Вера воодушевлено за ней наблюдала и, когда Лёра закончила, притянула ее обратно к себе на подушку и стала гладить по голове. Лёра опять начала плакать, но на сей раз с удовольствием: правда, что ли, многолетняя горечь выходила? А Вера, совершенно забыв про свои боли, продолжала поглаживать ее и мечтательно приговаривать:

- Вот-вот... Я пришлю тебе подарок... Тебе понравится, ты ведь актриса... У меня после мамы много всего осталось: бусы там, серьги, колечки всякие... Не золотые, простые, но красивые, старинные... Бабушкины еще. Я-то не ношу, а ты же любишь... Любишь ведь?

- Угум, - отозвалась Лёра сквозь сладкие слезы.

- Вот и пришлю. Носи на здоровье, теться, дитятко... И еще - я письмо тебе напишу. А ты мне ответишь... Ответишь ведь?

- Угум.

- Вот-от... И будем мы с тобой переписываться. А потом я и в гости к тебе приеду, летом, в отпуск...

И ты меня в Эрмитаж поведешь... И все церкви ваши красивые покажешь... Покажешь?

- Угум.

- И пойду я твой спектакль смотреть, где ты в главной роли будешь играть... королеву... Ты король играешь?

- Угум.

- А что священник тебя прогнал - так ты другого найдешь, не все сразу... А потом ты замуж выйдешь, за хорошего и доброго, который не будет тебя бить, а будет дарить подарки...

Лёра вырвалась:

- Ну это уж - извините! - и обе они, посмотрев друг на друга, согласно рассмеялись: Вера - тихо, боясь навредить себе, Лёра - почти звонко, как в юности...

- Да вы, девушка, и правда, видать, волшебница! - вдруг раздался позади голос.

Лёра обернулась и увидела в дверях пожилую медсестру, направлявшуюся к ним:

- Во всю жизнь мою не видала такого, чтоб больной на вытяжке в первые сутки смеялся! Всё больше орут, а мужики - те матюгаются.

Медсестра принялась раскладывать на тумбочке ампулы.

- Ну, иди, Лёра, - сдержанно сказала Вера. - Не поминай лихом. Ангела тебе Хранителя в дорогу. Жди подарка с письмом, и все будет хорошо. Уж не знаю, на чем моя уверенность основана, а только чувство у меня: все теперь пойдет у тебя по-новому, хорошо пойдет.

Лёра нагнулась и осторожно поцеловала бледную щеку:

- Выздоровливай, Веруша.

Боясь опять заплакать, она жалко улыбнулась и вышла навсегда.

Завернула еще и к Томе, помещавшейся в особом отделении «мамаш», и нашла ее в обычном состоянии - «под градусом». Загадка, откуда она и здесь смогла достать водку, была абсолютно неразрешимой. При этом Томе все вокруг не нравилось, она неразборчиво ругалась себе под нос, а Лёру, кажется, и вовсе не узнала...

Потом удалось увидеть и Толика - в реанимации, через стеклянную дверь.

Поразительно, но он тоже заметил Лёру и в знак приветствия слабо шевельнул единственной незагипсованной частью тела - левой рукой. Все остальное, что не скрывала простыня, скрывал гипс. Лёра улыбнулась ему и, составив рукопожатие из своих собственных рук, потрясла ими на уровне груди, что должно было означать: «Держись, мужик, хорошо держись!» - и ее отпихнули от двери, запретив далее тревожить больного.

Лёра вышла в ноябрьский день. Небо, наконец,

Золотое Слово-7

прорвало, косо летели с него колючие снежинки, от которых хотелось прятать лицо. Быстро шли мышинового цвета тучи. Зябкие руки промозглого холода тотчас же бесцеремонно обшарили беззащитное тело.

«Слава тебе, Господи, все хорошо», - подумала Лёра, делая первый шаг с крыльца. Сразу же она провалилась по щиколотку в лужу, обманчиво подернутую ледком. Лед весело хрустнул под ногой и, встряхнув для бодрости сумку на плече, Лёра зашагала прочь.

Эпилог Марфа

В женской послеоперационной палате стояла удручающая тишина, нарушаемая только шлепаньем половой тряпки, да позвякиванием жестяного ведра: баба Надя умело вытирала пол.

Четверо оперированных терпеливо ожидали конца процедуры: учительница русского языка Анна Игоревна, которую разрезали, ахнули и просто зашили, но о последнем она не знала, считая, что перенесла успешную операцию; одиннадцатиклассница Тоня, неделю назад расставшаяся с аппендиксом и ожидавшая завтра выписки; тридцатилетняя Лена Первая после внематочной и ее ровесница Лена Вторая, которой удалили ущемленную грыжу - она надорвалась, когда самостоятельно разгружала уголь для своего котла.

Тоня чувствовала себя уже совсем здоровой, и ей тяжело приходилось среди хмурых, углубленных в себя старших женщин. Чтобы развлечься, она решила завести разговор:

- А что, баб Надя, сестра говорит, в травму тяжелых привезли, на вертолете?

- И-и! - охотно отозвалась санитарка. - Еще каких тяжелых! У мужика - грудная клетка и ключица, почитай всмятку - ан нет, дышит, живучий, видать. А у бабы - сложные переломы обеих ног. Сейчас на вытяжке лежит. Тоже, удовольствие... И еще одна с ними - родильница с девочкой. Баба-то что, а вот дите не уродилось: вместо стопочки-то - прям лапта, что твой тюлень... Правда, мамаша-то пьющая, сразу видно. Хорошо, хоть не крокодила родила...

- Ужас какой! А почему - на вертолете?

- Да уж на вертолете. Васька, внучок мой, и доставил. И еще - актрису, с гастролей ехала, но у той все благополучно, руку вот только ей перевязали, ушла уже...

Тоня аж подпрыгнула на своей писклявой койке:

- Актрису?! Известную?! Ой, а как это она с ними, а? Ой, баб Надя, расскажите!

- Ну, про «известную» - не знаю. Из Москвы, вроде, а может, из Питера. Фамилию не сказала, зовут Лёрой. Валерия, значит.

- Молодая, красивая?

- Молодая-то - молодая, для меня, значит. Ну а для тебя, Тонька, старуха она. Тридцатник-то уж наверняка стукнуло. А красивая или нет - не разобрала я: она в приемном так белугой выла, что рожа вся распухла и красная стала, как свекла. Какая уж там красота - расстройство одно.

- Ой, баб Надя, а чего она ревела-то? Рука у ней болела сильно, что ли?

- Да какая там рука, она про нее и думать забыла. Пережила много - вот и выла опосля. Раньше-то некогда было.

Тоня уже сидела на своей койке и ерзала от любопытства:

- Пережила - что? Чего вы всё не договариваете, а? Ну расскажите подробней, всем интересно!

Насчет последнего она погорячилась: больше никто в палате приключениями актрисы не интересовался. Анна Игоревна, закрывшись локтем, досадливо пережидала посторонний шум, а Лены, свесившись друг к другу через проход, шепотом обсуждали что-то свое. Но баба Надя тоже хотела отдохнуть, да и рассказать была не прочь: уж очень чудной рассказ выходил, если Васька перед полетом грамм двести не принял, конечно. Да если и принял, то сын раньше, помнится, тоже такое рассказывал - во сне не приснится... Она отжала тряпку и, утерши лоб белым рукавом, расположилась на стуле:

- Ну, рассказ-то мой не вчера начинается, а давно, в 41-м году, когда немец здесь стоял...

- Так, теперь надолго... - страдальчески проворкотала себе под нос Анна Игоревна.

Зато Лены перестали шушукаться и откинулись на подушки, довольные неожиданным развлечением. Тоня, раскрыв рот, впилась в бабу Надю глазами, всем своим видом торопя ее...

- Ну, девчонкой я тогда была совсем, двенадцатый годок шел. И не здесь жила, а в деревне там, за лесом, далеко отсюда. В лесу партизаны были, немцы смерть как их боялись. А к партизанам самолетик летал, маленький такой. Может, возил им чего - не знаю, И однажды подбили немцы самолет! Так и вспыхнул, в лес свалился, и там грохнуло так - бум! - взорвался, значит. А летчик на парашюте спрыгнул. Купол белый я сама в отсветах пламени видела - и тоже в лес. Помню, подумала я: ну, всё, пропал парень. Потому что немцы сразу взвод с собаками за ним выслали. А куда он там в лесу уйдет ночью? Враз догонят. Жаль мне его стало - да что поделаешь. Смотрю - немцы возвращаются, а летчика нет - не поймали. Пара-

Золотое Слово-7

шют нашли, а он исчез. Только успели мы с сестрами порадоваться, как вдруг Колька бежит. Был у нас такой Колька-тракторист, сволочь, прости Господи, и от армии отбрехался как-то. Бежит - и прям к ихнему переводчику. Я, говорит, знаю-де, где летчика искать: как пить дать, он у Марфы-лесничихи. А Марфу ту знала я. На кордоне жила она с дитями, как Иван ейный на фронт ушел. Могла, конечно, Марфа летчика к себе забрать, чтоб к партизанам потом отправить. Хорошая баба была: дородная такая, коса - с оглоблю. Колька на ней жениться хотел, сватался, да отшила она его, за Ивана пошла. Вот и точил на нее зуб за это Колька. Сквитаться решил...

- Слушайте, баба Надя! - раздраженно прервала Анна Игоревна. - Вас, кажется, про актрису спрашивали. А вы в воспоминания о войне ударились. Покороче нельзя как-нибудь? А то ведь вы тут роман целый развернули - прямо писатель!

- Да ты не горячись, Игоревна! Лежишь себе - и лежи! Не тихий час! Не затыкай людям рот-то! - наперебой зашикали Лены.

- Ой, дальше, дальше, баба Надя! - подхватила раздумывавшаяся Тоня.

- Ну, что дальше... Известно, что... Повел их Колька к Марфе.

- Вот ведь гад! Предатель какой! - не удержалась Лена Первая. - Бедная Марфа, представляю, что с ней сделали!

- А вот то-то и оно, что не сделали! - торжественно провозгласила баба Надя. - Пришли на поляну, где дом-то ее стоял - а дома-то и нету! Трава одна растет - и ничего!

- Ну, это уже, положим, сказки, - опять подала голос учительница. - Поляну перепутал ваш Колька - вот и все.

- Да какое там перепутал! Какое - перепутал! - горячилась баба Надя. - Да он этот лес с детства знал! И все мы знали! А Колька еще и охотник был! Не мог он перепутать, все отлично знали, где лесник живет!

- Тогда я не понимаю, куда дом делся.

- А кто ж понимал! Никто не понял, и Колька первый. Дорого же он за это расплатился: его утром на виселице вздернули. Как визжал, бедный, когда волокли! «Та поляна, - кричит, - та!! И сосну знакомую, и овражек - все видел! Не знаю, куда дом проклятый сгинул, не знаю!! Не виноват я ни в чем!» Ну, его, конечно, не послушали... А Марфа и вправду пропала. И детки ее, и летчик - все пропали! Так больше никто и не слышал...

- Ну, к партизанам ушли... - предположила Лена Вторая.

- Может, и ушли... А может, и не ушли... Может, там же, где и дом, остались.

- И все-таки я совершенно не понимаю - причем здесь сегодняшняя актриса и эти пострадавшие, - упорствовала Анна Игоревна. - Сказка ваша красивая, конечно, легенда скорее, но к нашим дням она, определенно, никак не относится.

- Так она ж не закончилась еще! - возмутилась баба Надя. - Это, Игоревна, считай, только присказка была.

- Угу. Представляю себе, - скептически процедила та.

- Так вот, - продолжала увлекшаяся санитарка. - Вроде, на том все и кончилось. Поговорили по деревьям - да и забыли. Своего горя хватало. А как годы после войны прошли - так случаи разные происходить стали... Я-то почему о них знаю: сын мой средний, Сашка, на вертолетчика выучился, при пожарной тут в районе работал. Сами знаете: то лес горит, то турист пропадет... То спасают кого, то ищут. И вот что бывало. Сашка-то мне, матери, под секретом рассказывал, потому как в те времена за такое и в психушку угодить можно было - а уж с полетов точно бы сняли. Словом, подстрелился раз охотник приезжий невзначай. Совсем уж помирать собрался. Другой на себе тащил его, да заблудился, как на грех. Казалось бы, крышка, да вдруг видит - дом в лесу стоит. Пустой. А в доме - все, чего душа пожелает: бинты нашлись, лекарства даже, еда тоже. Как мог, оказал помощь товарищу - да побрел людей искать. А в лесу женщину встретил - она ему дорогу в район и показала. Полетел Сашка мой с другим парнем на своем вертолете. Вдруг охотник кричит: вон домик-то! Сашка смотрит - а внизу только лес. Напарник тоже смотрит - тоже только лес. И давай все орать друг на друга. Охотник орет - вот, мол, домик, слепые вы оба. А они отвечают, что не они слепые, а он псих, и нет там ничего. Но трап скинули все-таки, и полез вниз второй парень-то. Спускаться было стал, а только через минуту обратно влез. Трясется, белый, как мел, глаза на лбу. Рассказывает, а сам заикается. Оказалось, только спустился чуть - и навалился на него вдруг непроглядный туман. И если б только туман! А то ужась его такая взяла, что дышалку сжало. Не помнит, как и обратно добрался. Ну, тут охотник плюнул, сам на трап кинулся. Немного погода дергает. Ну, Сашка мой ничего не понял, но «люльку» с тем парнем скинули. Поднимают ее - а в ней человек раненый. А за ним охотник лезет и ругается. Такие вот дела...

- Фильм ужасов можно снимать, - откомментировала Анна Игоревна. - Ну, вы даете, баба Надя. Даже интересно. И продолжение будет?

- А как же. Это ж не один раз так было.

- Баба Надя, рассказывайте!! Женщины, не ме-

Золотое Слово-7

шайте ей! - звонко крикнула Тоня. - И часто так бывало, баба Надя?

- Когда Сашка мой летал - то иногда по два раза в год, а когда - и раз в десять. И всегда одинаково. Туристы ли, грибники ли заблудятся, с охотниками ли что случится - а только, если положение их совсем уж крайнее, дальше некуда, - то находят они в лесу избушку...

- Так это легко проверить, - рассудительно заметила Лена Первая. - Пойти туда кому-нибудь и посмотреть.

- Куда пойти-то?! - взмахнула руками баба Надя. - В разных местах находят! То здесь, то там. Где люди в беде - там и она. Последний раз, до этого, в ста километрах отсюда была. И всегда одно и то же. Как вертолет прилетит - сверху никто ее не видит, кроме того, кто там был уже. И спуститься туда никто не может, кроме него. Сашка мой раз перекрестился - да и сам попробовал. Никакого проку: всё, как парень тот сказал: белый туман, звуки пропадают, а только жуть, как живая, кругом... А те, кто за помощью ходил, одно и то же рассказывают: встретили-де в лесу женщину, и она им путь указала. Молодая женщина, полная такая, красивая...

- Марфа! - хором выкрикнули Лены.

- Девочки, да вы что! Вы же люди современные, сами подумайте! - приподнялась Анна Игоревна и строго обернулась к бабе Наде: - Вот вы и попались, Штирлиц. Если даже допустить, что Марфа тогда уцелела и до сих пор где-то здесь в лесу живет, то ей сейчас должно быть под девяносто. И она, в любом случае, не «молодая красивая женщина», а древняя старушка. А эта история с вертолетом объясняется как-нибудь просто. Впервые, может быть, что-то действительно помешало всем увидеть дом: и туман мог быть, и испугаться мог парень. А потом - чисто психологический эффект. Сын ваш уже ждал этого, когда не заметил домик, который кто-то другой увидел. Он и внушил себе. Почувствовал то, что подсознательно собирался - вот вам и ответ. Этот феномен медицине хорошо известен... Но до актрисы мы, похоже, сегодня так и не доберемся...

Во время этой тирады баба Надя искоса глядела на учительницу с таким же точно выражением, с каким усталая мама слушает рассуждения дочки-первоклассницы. Она усмехнулась:

- А мы как раз и добрались, только ты, Игоревна, все мешаешь. Актриса-то, похоже, тоже откуда, из Марфиного дома-то...

- А я так и думала! - восторженно крикнула Тоня и разве что не захлопала в ладоши, но вовремя сдержалась, потому что такое выражение радости вовсе не соответствовало, по ее понятиям, поведению со-

временной девушки. - Я сразу поняла, когда вы про первый случай рассказали!

Тоня врала: догадалась она только сейчас.

- Стыдно, Колосова! - выговорила ей учительница. - Не ребенок, взрослая совсем девушка, а голову себе забиваешь. А вы, баба Надя, если уж сказками нас решили развлекать, то хоть бы при девочке поостереглись. Мы, взрослые, понимаем, что это, так сказать, народное творчество, а она-то - верит!

Тоня еще не знала, что Анна Игоревна в школу не вернется и вообще из больницы не выйдет, поэтому сочла за благо против ветра не плевать. Вот ведь наказание - с собственной училкой в одной палате оказаться! Она смолчала, смея лишь глазами умолять бабу Надю не слушать старозаветной Анны Игоревны, да и Лены поддержали:

- Да брось, Анна! При нынешнем-то телевидении это и вовсе безобидно. Как про Бабу-Ягу сказка, только из нашего времени. Валяйте, баба Надя, складно у вас выходит. А что, актриса сама вам рассказала?

Баба Надя вздохнула:

- Ничего она не рассказывала, только голосила, как кошка ошпаренная. Мне Вася говорил, внучок-то. Он, как Сашку по здоровью списали, летает теперь заместо него. Да и у Васи непервой. Сам он, правда, когда туристов, мужа с женой, поднимали, лазить не решился: помнил, как у бати вышло. А напарник его полез было - да всё то же, как и тогда. Еле живой на борт вскарабкался... Ну, а вчера вот что было: заходит Вася в милицию нашу, а там артистка эта с участковым-то рыжим друг на дружку орут. Она ему - раненые, мол, в доме, а он ей - нет там никакого дома. Васька на карту глянул - и правда, не помнит там ничего такого. И тут стукнуло его: да ведь это опять прежняя история! Рыжий участковый раньше слышать - слышал, а верить - не верил. Ну, полетел все-таки с ними, из интересу, может. Ну, летят вдоль дороги. Вдруг Василий смотрит - машина вверх тормашками валяется, а тут и артистка кричит - вон и дом, дескать. А Вася только лес видит... Рыжий с испугу в Бога уверовал - аж креститься начал. Слева направо, правда. И лезть даже не пробовал. Пришлось артистке. Ничего, полезла как миленькая, вообще, видать, не робкого десятка баба, даром, что городская. Она их и в дом тот после аварии притащила, и роды принимала, а после одна через весь лес топала. Видела ли Марфу - того не знаю, а только иначе как бы она сюда попала? Разве что случайно, да уж больно много случаев ей выпало, не верится что-то... Ну, в общем, сбросили «люльку» и давай подымать. И прямо у Васи-то моего на глазах из ниоткуда три челове-

Золотое Слово-7

ка взялись. Вот нет ничего внизу, а вдруг - откуда ни возьмись - люди... Из актрисы мы так ничего и не вытянули - надорвалась, видно. Четырнадцать часов потом в инфекционном боксе проспала. Я даже потрогать ее подходила - живая ли. А сегодня ушла она на электричку, благо дорога прямая. Только к той, что на вытяжке, и зашла ненадолго. Так что, вот какие дела, бабоньки...

- Да... - сказала Лена Первая. - Ну, и что же это, по-вашему, за домик такой таинственный, а, баба Надя? Вы-то можете какое-нибудь объяснение придумать?

- Стойте! - вдруг вскрикнула Тоня. - А актриса? Вы ей... или внук ваш... сказали? Знает она сама, где была-то, или нет?!!

- Незачем ей, - неожиданно строго ответила баба Надя.

- Как это - незачем?! - хором ахнули Лены. - Если всё так, как вы говорите, то с ней - чудо случилось! Чудо самое настоящее! - кричали они, перебивая друг друга. - А она об этом не знает! Это что ж! Несправедливость какая!

- Тем более - незачем. Потому как - узнай она о нем - и что? Станет подружкам направо и налево трезвонить: «Девочки, а что со мной было!» Тьфу. Трещать будет, как вот вы сейчас. Не каждому чудо в жизни нужно. Вот живем мы с вами - и не знаем, может, и с нами чудеса случались. Да и случались, только лучше о них не знать. Не полезно. Жить надо по-божески, и все... А как объясню... Да никак не объясню... Устроил Господь, чтобы к лучшему, а как и зачем - Ему одному только ведомо. И незачем нам допытываться: всё равно не пойдем, умом не вышли... - наступила короткая пауза.

- Ну, бабоньки, засиделась я у вас, а на мне ведь еще две мужские палаты... Пошла я... Лечитесь, сердешные... - и баба Надя, подхватив свое ведро и швабру, переваливаясь, в гробовой тишине направилась к двери.

- Есть многое на свете, друг Гораций, что и не снилось нашим мудрецам... - пробормотала Анна Игоревна. - Просто, как все гениальное. Нет, меня наш народ поражает, честное слово! Будь я поздравлей - я б записала! Знаете, как это называется?

- Как? - спросили все.

- Быличка. Жанр фольклора такой. Рассказ со слов якобы очевидца о встрече с потусторонней силой. Ученым уже сто лет известен. Особенно в Первую мировую расцвел. Одна очень популярна была. Приходит будто бы с войны солдат на побывку и женится на своей невесте. Ну, понятно, свадьба и все такое... А один гость под стол уронил что-то, нагнулся, глядь - а у жениха ноги козлиные. А тут и письмо несут, что жених погиб на прошлой неделе... И рассказ на-

чинали всегда так: «У моей кумы с дочерью вот что было...» или: «У сестры подруга в соседней деревне, так у них...» Ну вот, и нам сегодня быличку рассказали, красивую: «Мой сын и внук рассказывали...»

- А вы совсем не верите, Анна Игоревна? Совсем-совсем? Вот ни на столечко? - решила спросить Тоня.

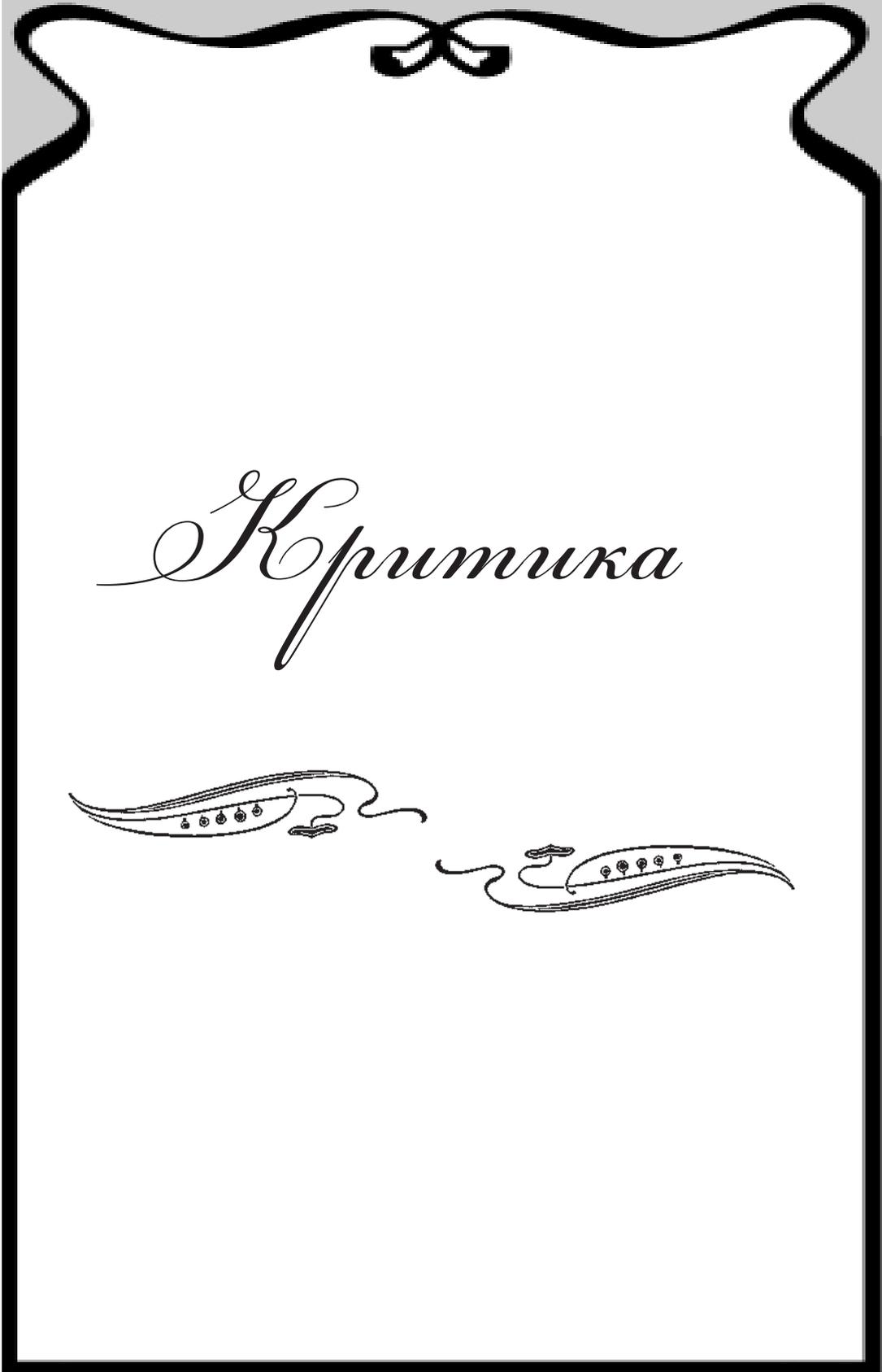
- Ну почему, - рассудительно, как на уроке, ответила учительница. - Все это на каких-нибудь реальных фактах основано. Я же говорила: история Марфы с летчиком, которые к партизанам, конечно, уйти успели, потом туман, испуг, недоразумение какое-то... Дальше - самовнушение, воображение... А уж фантазия остальное дорисовала! Будьте уверены - баба Надя и не думает, что сочиняет. Она сама уже так вжилась в свою историю, что в ней и не сомневается! Ну, а внуку со слов отца почудилось что-то один раз, а сегодня он себе добавил: была же у актрисы какая-то неразбериха с милиционером - вот он и накрутил. А домик там есть, конечно. Просто где-то под деревьями стоит, и актриса его увидела, потому что знала, что он там. Да и вообще, мало ли что могло быть! А быличка хороша... Право, хороша... Я в институте увлекалась, всё в фольклорные экспедиции ездила... Давно это было... Ну, да что уж... Вот врачи сказали, что неопасно... Встану - и запишу, обязательно запишу, честное слово!

Тоня свернулась калачиком под тощим одеялом, носом к стенке. Так хорошо все было: красивая Марфа, храбрый летчик, исчезнувший дом, где живут, не старея, страшный туман, смелая актриса спускается на ветру по вертолетному трапу... Дом появляется в разных местах, всегда именно там, где нужен, а Марфа и летчик до сих пор ходят по земле и помогают несчастным людям... И вот, пожалуйста, никакой романтики. Нудная эта училка так прозаично все объяснила... И самое обидное, что так, скорей всего, и есть...

Скучно стало Тоне. Всегда так: поверишь чему-нибудь хорошему, красивому, глядишь - а оно и исчезло. Повздыхала Тоня и не заметила, как стала засыпать. Кружился перед ней лес, появлялся и таял черный кособокий домик, женщина в ватнике и платке быстро шла от нее по тропинке, но иногда останавливалась и, оглядываясь, словно звала ее, Тоню, за собой. И Тоня во сне бежала вослед, падая и легко подымаясь, и хотела спросить о чем-то исключительно важном, но так и не смогла вспомнить, о чем.

1999 год,

Мартышкино.

Борис Орлов – некрофил от литературы?

*«...Танцуй, Россия, и плачь, Европа,
А у меня самая, самая, самая красивая попа...»*

Из репертуара певицы Глюкозы

Общеизвестно, что все люди разные. Психологи делят людей на холериков и флегматиков, сангвиников и меланхоликов, экстравертов и интровертов. Кроме того, выделяют две фундаментальные тенденции человеческой психики — созидательную и разрушительную. Знаменитый Зигмунд Фрейд определил их как подсознательное стремление к жизни и смерти. Тенденцию к жизни он назвал «либидо», которое проявляется в основном в сексуальной энергетике — естественном биологическом стремлении к продолжению жизни, а тенденция к смерти выражается в природной направленности к старению и гибели каждого организма с его последующим разложением.

Эта концепция З. Фрейда легла в основу гипотезы Эриха Фромма, которую он описал в книге «Анатомия человеческой деструктивности» (1). Фромм выстраивает систему оценки отношения человека к жизни и смерти. Тенденцию жизнелюбия он называет биофилией, а деструктивную тенденцию — некрофилией. (Это не следует полностью отождествлять с некрофилией как патологическим стремлением к половому контакту с трупами, хотя исходным материалом его исследования был анализ психики людей именно с такой сексуальной фантазией.) Фромм понимает некрофилию не в узко психиатрическом аспекте, а в психологическом и, пожалуй, можно сказать, философском, ибо деструктивная тенденция проявляется в мышлении и поведении людей весьма многообразно. Вот что, к примеру, пишет Фромм в своём труде «Некрофилы и Адольф Гитлер»: «Некрофилия в характерологическом смысле может быть описана как страстное влечение ко всему мёртвому, раз-

лагающемуся, гниющему, нездоровому. Эта страсть делать живое неживым, разрушать во имя одного лишь разрушения. Это повышенный интерес ко всему чисто техническому. Это стремление разрушать живые структуры... Биофилия же — это беззаветная любовь к жизни, ко всему живущему, это стремление поддерживать рост и развитие независимо от того, идёт ли речь о развитии личности, идеи или чего-либо другого. Биофил, как тип человека, его личности, предпочитает конструктивную деятельность охранительной. Он стремится скорее кем-то быть, чем что-то иметь. У него есть воображение, и он любит искать новое, а не подтверждать старое, он ценит в живом неожиданность больше, чем надёжность. Он видит целое прежде частей... Он стремится воздействовать на людей любовью, разумом и примером, но не силой, не разъединением, не администрированием и не манипулированием людьми как вещами... В то же время биофилия понимается как биологически нормальный импульс, а некрофилия — как психопатическое явление» (2).

К сожалению, некрофильские психопатические наклонности проявляются не только в повседневной жизни, но и в профессиональной деятельности человека, в том числе и в творчестве. В учебнике по дисциплине «Конфликтология» под редакцией доктора философских наук, профессора А.С. Карлина отмечается: «Описанный психологический тип некрофила имеет соответствие с такими явлениями современной культуры, как чёрный юмор, фильмы ужасов, триллеры, культ дьявола в новомодных верованиях, крикливо-саморекламное словоблудие. Поэтому есть

Золотое Слово-7

серьёзные основания изучать некрофильские проявления агрессивной личности, запутавшейся во внутренних конфликтах»(3).

Особенно ярко и недвусмысленно некрофильская тенденция прослеживается в окололитературной писанине нынешнего председателя Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России Б.А. Орлова. Оставим лечащим врачам Бориса Орлова право выставления диагноза и назначения средств от его недуга, а читателю, имевшему несчастье быть лично знакомым с автором, — самому определить, присущи ли тому «склонность к неярким, тёмным тонам, неспособность смеяться, чопорность и холодность в общении, безжизненность и отчуждённость в манерах, а также склонность манипулировать человеком как автоматом, как вещью». Мы же перейдём к анализу так называемого «творчества» этого человека, который прикрывает свою профессиональную несостоятельность фиговыми листками множества должностей. Для этого обратимся к трём книгам Бориса Орлова: «ДИ-АЛОГ С ТВОРЦОМ» (СПб.: РИК «Культура», 1996), «И С ВЕРОЙ ЖИТЬ» (СПб.: Общество помощи игуменьи Таисии, 2005) и «НОВЫЕ СТИХИ» (М.: Вече, 2005) — и убедимся, что его «творчество» отвечает всем признакам некрофилии, систематизированным в фундаментальном труде Э. Фромма.

1. Деструктивные действия (убийство животных, повреждение предметов, привычка мять бумажки, причинять себе боль, наносить ущерб прекрасному).

Причинение вреда себе и окружающим, представление прекрасного в ущербном и безобразном виде — своего рода визитная карточка Бориса Орлова. Предлагаемые вниманию читателей отрывки из «стихов» не нуждаются в дополнительных комментариях и полностью соответствуют первому признаку некрофилии:

*«...Распахну полушарье рта,
Урной гипсовой стану, остыв».*

*«Топор целует бревна, словно баб —
Мужик. Вокруг, как чайки, реют щепки».*

*«Я подорвался на своих стихах,
Как на фугасе.
Живым остался недругам назло
Я, между прочим.
Но этим взрывом душу разнесло
По небу в клочья».*

*«Ах, какие на закате краски —
день на лес упал, как на ножи».*

*«Ах, какой сегодня острый месяц —
Как бы им не выколоть глаза!»*

*«Тюльпанов горячие пасти
По-волчьи вцепились в закат».*

*«В центре тесного города сквер
Создан, словно концлагерь для клёнов».*

*«Сентябрь — алхимик золотит листву,
Толчёт в тарелке неба птичью стаю».*

*«Весна внезапна, словно взрыв,
Что подготовлен террористом».*

*«Ночью сдохла белена
Под забором, как собака».*

Деструктивно-мрачные метафоры буквально испещряют страницы книг Б. Орлова, леденя души и пуская мурашки по спинам читателей:

*«...Висят
Пальто в прихожей, как на эшафоте».*

*«Перед кроватью чёрный телефон
Опасен, как свернувшаяся кобра».*

*«Как петлю, затягивают песню
Скоморохи — изгнан русский дух».*

*«Дождик, не добравшись до скамейки,
Рухнул, как инфарктник, на асфальт».*

А как вам нравится такой фрагмент сельского пейзажа:

*«Из чёрных труб, как сперма,
Плывет белёсый дым».*

Золотое Слово-7

Тут как тут и орловский «фирменный знак» мертвечины: бедная река Нева и не ведаёт, что «в гранит оделася» не ради красоты и удобства, она течёт и радуется,

*«Но иногда, как мёртвая — в гробу,
Забудется в гранитных берегах».*

Уверены, читатель ни за что не догадается, чему посвящены следующие строки:

*«В сердце словом, как электротоком
бьёт... И слёзы катятся дождём».*

Так Борис Орлов раскрывает... облик пресветлой Пасхи! Христос воскрес — 3000 вольт всё-таки!..

Мы хотели было предложить автору отвлечься от мрачных мыслей, *развяться*, но после таких строк решили повременить:

*«Чем больше я ищу себя, тем больше
теряю... Я развьян, словно прах».*

2. Сны мрачного содержания (смерть, могила, погребение, нечистоты).

Светлый сон отсутствует в «творчестве» Бориса Орлова «как класс». Его полностью вытеснили некие мрачные видения, более подходящие на бред тяжелобольного человека:

*«Что было и что не было — моё,
с загробной жизнью мы во снах знакомы».*

*«От темноты сойдёшь с ума,
Сон тяжелей наркоза.*

...

*И чёрен день. И ночь черна.
И чернота не гаснет».*

*«Из тела, как змеи из кожи,
скольжу в омут скрытых страстей.
Я в снах изменён и размножен,
как в мыслях случайных людей».*

*«Я этот сон запомнил наизусть,
Могу пересказать, не запинаясь.
Опять куда-то с посохом плетусь,
То падаю, то снова поднимаюсь.
И на пути не сосчитать ночей,*

*И не услышать мудрого совета.
Столетний ворон дремлет на плече,
И нет в лесу ни одного просвета».*

Поистине, пожалеешь, что до сих пор не изобретено лекарство от сновидений. Надеемся, мало кому «посчастливилось» увидеть такие сны.

3. Выраженный интерес к темам смерти, болезни, похорон, поминок, кладбища; внимание к некрологам, неблагоприятным прогнозам на будущее.

Надо признать: Борис Орлов — большой «мастер» апокалиптических прогнозов. Прочитаешь его вирши — и жить не захочется. Ниже приводятся избранные «перлы» орловского стихотворчества, от многочисленности которых, надеемся, не пострадает ничья неокрепшая психика.

*«Вся страна — и голоса, и леса —
Как нейтральная лежит полоса.
Вся пристреляна на звук и на свет.
Вроде есть в ней жизнь, а вроде бы нет».*

*«По ночам кружатся в танце
освещённые белыми прожекторами
Кремлёвские башни
в кулусклановских балахонах
перед Красной площадью,
словно перед костром,
сжигающим Россию».*

*«Нет над страной ни одного просвета.
Пожарища и пепел вдоль границ».*

*«Душно и муторно. Скука смертельная.
Кто не спивается — сходит с ума.
В прозрачной водке, как в лекарстве,
Дрожит полночная звезда.
А время, словно в мёртвом царстве,
Остановилось навсегда».*

*«И душно, и шатко, как в трюме.
Ни окон вокруг, ни дверей.
Кто не приспособился — умер,
Жизнь жёстче, коварней, хитрей.
Темно. И душа не согрета
Надеждой... Не песни, а вой».*

Золотое Слово-7

«Жертвы перестройки

оказались напрасными,
распадаемся тихо на касты.
Победили не белые и не красные,
а обыкновенные педерасты».

«Наш строй — анахронизм... Мою Рассею
В пещеру тащат. Что же чушь несём?!
Строй сам растёт — не пахнут
и не сеют,
А воры для него — как чернозём».

«Нас клеймят, как безропотный скот,
Опьянев от хмельного азарта».

«Кровь обезжизневает стронций.
Смерть косу точит над страной».

«Затоплены поля, поломан лес,
Не отличить в дыму позор от славы».

«Всё рухнуло в тартарары.
Вокруг торжествует Вандея».

«Россия, не зная курса,
Плывёт себе наугад.
Как первый отсек — от «Курска»,
Оторван Калининград».

«Потерялась на жизнь надежда —
У властей винегрет в голове.
Ты умрёшь под забором коттеджа
Собирая бутылки в траве.
Проститутка в прозрачной блузке
Усмехнется: «Старик был глуп»,
И охранник «нового русского»
Закопает на свалке труп».

Приведённые строки пропитаны смертельной ненавистью к современной России, автор последовательно рисует картину мира в чёрных тонах, не сознавая, что на деле отражает не окружающую реальность, а собственный внутренний мир, полный мрака и отчаяния.

Похоронно-кладбищенская нота является стойким лейтмотивом всего «творчества» Бориса Орлова. Приведём лишь небольшую часть цитат, достойных автора современного рифмованного «Некрономикона»:

«Оградки. Скопление холмиков голых
И приторный запах белил.
Но кладбище — это село, а не город:
Нет многоэтажных могил».

«Копии портретов на эмали —
Жертвы! Ближе к кладбищу стезя».

«На кладбище толчётся мошкара
над плитами ушедших по дороге
бесплотной. Чахлый вечер и жара.
И вдовий стрёкот горестной сороки».

«Жизнь приукрасить не жалеют краски,
Но горько у кладбищенских оград».

«Служил... и заслужил я два
квадратных метра
Кладбищенской земли и
похоронный зал».

«Обнюхивает, как зверёк, меня
колючий куст в кладбищенском саду».

«Все поколения потеряны,
Когда они уйдут с земли.
Они забыты и оболганы.
На прах надеты удила».

«Словно гроб с Неизвестным солдатом,
Мы эпоху несём на плечах».

«Горбы земли — могильные холмы.
Горбатого могила не исправит...»

«Я в небо шёл землистыми дорогами
И ни к одной не прислонялся касте.
Подписывался лишь под некрологами...»

«Ещё не похоронен... Но дорога
Открыта к Богу. Стынет мрамор лба.
За чёрною оградой некролога
Покоится свершённая судьба.
Оборван лёт гнедой коварной крови —
Остыла... И дыряв, и пуст карман.
Ещё чуть-чуть... и крышка гроб закроет,
Как корочка наскучивший роман».

«Всех усопших земля приютила —
Спят в ней прадеды, деды, отцы...
И звенит в русской церкви кадило,
Как на тракте звенят бубенцы».

Золотое Слово-7

Вот так «птица-тройка»! Кто ж тебя такую загробную выдумал?! А это Борис Орлов, стихоплёт и нек-романтик, говорящий изумлённому читателю:

*«Не боюсь сыграть в сосновый ящик,
Полюбив вечернюю зарю».*

В самом деле, чего тут бояться? Вокруг тишь, покой и молчаливый неконфликтный народ:

*«Покойники — тихие люди,
Не надо бояться могил».*

И как апофеоз — закономерный некрофильский финал:

*«Лягу в русскую землю —
нет чести другой!»*

Так и хочется возразить автору этих строк: «Нет же, есть и другая честь — жить на благо своей Родины, служить её народу, возрождать отечественную культуру, ценить каждый миг бытия!». Но увы, для смертелюбивого создания жизнь в тягость, оттого и «честь» — специфическая, и желания — изощрённые:

*«Отпоют священники и ветры
Прах. И ляжет крест на аналой.
Я хочу, чтоб два квадратных метра
Оставались русскою землёй».*

Конечно, забота о «русскости» своих законных двух кладбищенских метров — штука полезная. Однако куда важнее, чтобы русской оставалась и остальная земля, в трудах и боях приращённая к России нашими предками. Хотя... что Борису Орлову до живых! — своя могила ближе к телу...

4. Активное употребление слов, связанных с темой разрушения, нечистот, испражнений.

Все «стихи» Бориса Орлова — с душком. Они далеки от того идеала, который порой всуе декларирует автор, о них никак не скажешь: «Там русский дух, там Русью пахнет». Увы, пахнет нечистым — и слишком явно:

*«Разрушительные мысли.
Необузданные страсти.
...
Аварийное сознание.
Ощущение катастрофы».*

*«Дела банальны до нелепости,
а в душах мрачно и нечисто.
В стране живём, как будто в крепости:
Куда ни плюнешь — террористы!»*

*«Поджарился политик в плоской шутке,
Как в соусе. Его возьмёт сортир.
В мозгу всё переварим. И в желудке.
В процесс пищеваренья втянут мир...»*

*«Грязь и вонь... Тяжелей, чем в красильне,
Наше время — гнилая вода».*

*«Коснулась плесень крыши и стропил.
Подмыт фундамент. Стенам вышли сроки.
...
Гуляет в окнах чёрная вода.
А потолок трещит. И вскоре рухнет...»*

*«... Стоят над нами статуи,
А мы, как черви, к ним ползём».*

*«Март ручьи распустил, как тесёмки
кальсон,
И в исподнем пошёл по дворам».*

*«Тополь в почках, словно в бородавках,
Лёд коряв, а снег — слюняв и грязн».*

*«Но и в Кремле, и в платном туалете —
Куда ни плюнь! — сплошной анахронизм».*

*«Время течёт, словно сверху прорвало
Канализацию — тонем в дерьме...*

*...
Время течёт. Ну а лучшие б стояло,
Как в унитазе ночная вода».*

Куда уж лучше — ночная унитазная вода!.. Такой вот орловский родник.

Можно было бы «поставить на вид» широкое использование Борисом Орловым «дерьмовой» темы, да что толку? Ведь его «стихи» — сплошные «нечистоты», отмоешь их — и ничего не останется, автору присущ особый, грязный

Золотое Слово-7

строй мыслей:

*«При этом ...изме всех приятней клизма,
В проходе заднем замаячил свет» —*

и не говорите, что не видите света в конце туннеля, лучше обратитесь к проктологу!

5. Убеждённость, что возникающие трудности и конфликты можно решать только с применением силы, угроз, ругани; культ насилия.

Культ насилия в «стихах» Бориса Орлова настолько всепроникающий и неприкрытый, что приводить доказательные цитаты — значит, делать переиздание его книг едва ли не в полном объёме. Поэтому сосредоточимся только на двух темах: борьбе с «иноверцами» и восприятию современного телевидения — и убедимся, что автор сам создаёт конфликт и сам же пытается его разрешить методами, далёкими от конституционных:

*«По земле не хожу — не увидите след,
На Пегасе катаюсь верхом.
Не еврейской фамилией! — русским*

стихом

Я запомнюсь. Я русский поэт!»

*«Собака здесь зарыта,
А может, — иудей...»*

*«Над Иорданом день погас,
Как над Мологой и Тунгуской.
Христос — рус и голубоглаз,
Он — добр и справедлив.
Он — русский?!».*

*«А вороны, словно чечены,
Над русской деревней кружат».*

*«Никто вас не звал! Вашей плоти,
Как грязи. А души — во мгле.
Хотя не по-русски живёте —
Плодитесь на русской земле».*

Здесь намеренно приводятся самые мягкие определения в адрес «иноверцев» (да простят нам процитированное сравнение иудея и дохлой собаки). А Борису Орлову статья 29 Конституции РФ не указ, автор «неприкасаемый»,

вот и обзывает всех нерусских «грязью». Сам-то он кто после этого? Готовый кандидат в подсудимые по части 1 статьи 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» Уголовного кодекса Российской Федерации.

Впрочем, «грязь» — одно из любимых слов Бориса Орлова, наряду с «золотой», «пьянством», «плевком», «чернотой», «гибелью». В чёрно-грязно-заплёванном виде предстаёт в его «стихах» телевизионный эфир, так и хочется попросить жену «поэта» протереть экран и отогнать мух, неприлично «засидевших» телеоблик отечества.

*«Телепризраки с телеэкранов
Нас, как стадо, на бойню везут».*

*«Наша ли вина, что терпим крах?!
Мы грозили миру только миром.
И погибли в радиоволнах,
Захлебнувшись голубым эфиром».*

*«С телеэкранов, как лава из кратеров,
Сплетни текут. Но безмолвствуют судьи».*

*«Всё осмеяно или оболгано
Телеящиком — метод не нов».*

*«На телестёклах — лужи крови...
Жизнь глубока — бомжи на дне».*

*«Зомбируют людей телеэкраны
При распродаже моря и земли».*

*«Как свежая могила, небеса
Черны — страна сыграла в телеящик».*

Ну, вот и соединились в экстазе любимая «могила» с нелюбимым «телевизором», всё в том же некрофильском духе.

6. Сосредоточенность на прошлом, господство вещей над человеком, мёртвого — над живым.

Многочисленные сентенции Бориса Орлова о «славном советском прошлом» столь навязчивы и однообразны, что достаточно ознакомиться с парой цитат — и уже знаешь, о чём говорится в остальных:

Золотое Слово-7

Язык не поворачивается назвать стихами эти отнюдь не безобидные литпобрякушки нынешнего председателя когда-то ведущей писательской организации культурной столицы России! Очевидно, что Б. Орлов как руководитель не несёт никакой моральной или исторической ответственности за вверенных ему писателей, за их творческую судьбу и социальную миссию. Перед нами не только «певец Бахуса и ануса» (так назвал его Г. Волноходец), но и популяризатор плевков, грязи, вони и прочих мерзостей. Диву даёшься — неужели так оскудела наша поэтическая культура, коль она представлена стихами, от которых душа не рвётся в заоблачные выси прекрасного мира, а покрывается чёрной коростой и замирает от «ужастиков»?!

Понятное дело, «любой безумец не видит своего безумия», а посему Б. Орлов оценивает своё «творчество» как проявление высочайшего интеллекта, богоизбранности. Не верите? Тогда внимайте его авторскому голосу:

*«Незрячий скиталец и гость,
Освоивший божью дуду.
Поэзия — белая трость,
С которой по небу иду...»*

Так-то вот! Божью дуду освоил богохульник. Хождение по воде — устаревший примитив, наш герой по небу шастает!..

*«Улыбаюсь кошкам и собакам,
Как себя, люблю простых людей».*

Заслуживает восхищения, как сильно автор любит простых людей! Страшно подумать, с какой непревзойдённой мощью он любит непростых...

*«Я вечностью заполнен на две трети,
И лишь на треть во мне мерцает жизнь».*

Есть ещё резерв — и на том спасибо. А какая именно жизнь «мерцает» в Борисе Орлове, читатели ранее узнали из этой статьи.

*«На колени встал. Святая Дева —
Предо мною...»*

Однако, какова субординация — не Борис

Орлов перед Святой Девой, а наоборот! То ли мания величия мучает автора, то ли он знает что-то такое, о чём простой смертный даже и не догадывается... Оттого и заявляет безапелляционно:

*«На Руси ни Яхве, ни Аллаху,
Как Свечу, не погасить меня».*

А вот ещё одно удивительное утверждение:

*«Тихо положили в гроб господень
Моего отца — фронтовика».*

Так и хочется спросить автора: «Сам-то ты кто будешь, Борис Александрович, уж не Внук ли Божий? Али примитивный самозванец? Ведь в Гроб Господень положили Иисуса — перед Его воскрешением». Хотя вряд ли Б. Орлов опустится до того, чтобы отвечать черни — с его-то непостижимых высот!..

Дальше приводим цитаты без комментариев, автор достаточно явно саморазоблачает себя:

*«Устав от догм и от полемик,
как в губку, в ум вобрал века,
я пробиваюсь через время,
как солнце через облака».*

*«Своё лицо несу, как будто факел —
Пылает вдохновения огонь».*

*«И я стою, взяв небо на ладонь.
И словно нимб, поэзии огонь
Вокруг чела...»*

*«Возле неба скрипят ступени,
Слышу ангелов наяву».*

*«Грехи я ношу, как вериги,
Уйдя из-под отчего крова.
Мои стихотворные книги —
Евангелие от Орлова».*

Собственно, последняя строфа в полной мере раскрывает диагноз... простите, поэтическую самооценку Бориса Орлова. Он не просто литературный некрофил, он некрофил

Золотое Слово-7

самоупоённый, плюющийся на чужое творчество и презирающий окружающих его людей высокого искусства:

*«Перед нами и за нами — бездна,
Все уйдём — жалей иль не жалей.
Мне чужая жизнь не интересна,
И вполне достаточно своей».*

Жаль, что Б. Орлов не способен к восприятию чужих жизней, ведь в своей-то — сплошной мрак... Горько и страшно его неприкаянной душе! Мы, православные, «в нашей сиротской доле» радуемся тому, что в России восстанавливаются храмы, и вера наша в царство Господне даёт нам силы в борьбе с мракобесием, помогает возрождению духовной культуры. Мы сохраняем чистоту русского языка и лучшие традиции русской литературы. А у Бориса Орлова даже название книги — и то неточное, провоцирующее на грязь: «И С ВЕРОЙ ЖИТЬ». Да, конечно, и с Верой можно жить, и с Алиной, и с Ирэнной... Но кому и во что верить, когда поэт подвергает свою душу самосожжению?..

Правда, Борис Орлов только разыгрывает из себя православного, а на самом деле он — клинический египтянин:

*«Я потомок Рамзеса второго,
Я Рамзес девяносто второй...»*

Не пора ли господину Орлову снова обратиться к психиатру? Не очевидно ли, что Борис Александрович по ошибке забрёл в неведомый ему мир поэзии, где без таланта и интеллекта легко заблудиться? И не страшно ли членам вверенной ему писательской организации жить без творческого будущего, прозябать в безвестности и беспросветности под руководством потомка фараона?

Старейшая авторитетная газета «Патриот» неоднократно писала о Борисе Орлове как о позоре не только литературы, но и русской культуры в целом. Пора обезопасить поэзию от этого околотературного бесноватого шарикова. Едва ли мы вправе оставлять последующим поколениям подобного серого карлика на белоснежном поле равнодушной ко всему бумаги. Она, испачканная его никчёмными псевдолитературными этюдами, того гляди,

свернётся в иссохшие листики и беззвучно распадётся во времени и в пространстве.

Несколько штрихов дополняют портрет нашего героя: Орлов Борис Александрович, 1955 года рождения.

С 1977 года по 1981 год находился на службе в Военно-Морском Флоте — столько, сколько служат матросы срочной службы; служить Родине не хотел, слал письма авторитетному поэту Всеволоду Азарову с жалобами, что его обижают, недооценивают — и плачи «боевого офицера» принесли свои плоды.

В 1981 году Б. Орлов назначен начальником отдела в Военно-Морском музее — на должность, которую в большинстве музеев мира занимают женщины, притом гражданские, не имеющие никакого отношения к военной службе.

В 1985 году заочно окончил Литературный институт им. А.М. Горького. (Ни в одной стране мира вузов, где готовили бы писателей, не существует. Это — изобретение руководителей советского государства, рассчитанное на то, чтобы писатели обслуживали интересы КПСС. При этом ни один высокопоставленный руководитель партии и государства не напавил сына или дочь в Литинститут.)

После окончания Литературного института Б. Орлов стал крыть пятиэтажным матом направо и налево, говорить напористо-бессвязно — и заслужил право называться главным редактором «морского горчичника»... в смысле, «Морской газеты». Боевым офицером здесь никогда не пахло. Именно в бытность руководства газетой капитаном 1 ранга Б. Орловым её оштрафовали на полмиллиона рублей. А спустя некоторое время и сам потомок Рамзеса второго ушёл в отставку...

Но вот питерским писателям фараоновский отпрыск пришёлся ко двору, и они выбрали Б. Орлова своим предводителем — видимо, чтобы на мрачном фоне последнего выглядеть суперменами. А может, для того, чтобы навлечь на организацию максимум проблем и позора...

Орлов, или Горлов, как его величают писатели, «помешан», помимо всего прочего, на военной форме: грязную, засаленную, дурно пахнущую — он носит её на себе днём и но-

Золотое Слово-7

чью. Помнится, Б. Орлов однажды заявился в Российское издательство «Культура» выпрашивать каталожные знаки для своей очередной книги, которую он хотел выдвинуть на литературную премию. «Ой, до чего ж ему военная форма не идёт, — в один голос воскликнули сотрудницы издательства. — А фигура-то у него как у женщины. Да и пишет он безобразно...» Действительно, стыдно лицезреть это чванливое, «по-бабски» орущее существо, выдающее себя за боевого офицера, из которого прут необоснованные амбиции, ложь и беспорядочный мат.

Прошли годы — и «достоинства» Бориса Орлова проступили ещё отчетливее, его организация гибнет, а он с победоносным видом ходит повсюду и словно напевает: «Танцуй, Россия, и плачь, Европа, а у меня самая, самая, самая красивая попа!» И куда же он идёт-то? Куда путь держит? А в то место, о котором поёт, в ту самую, самую, самую...

Конечно, вменяемые писатели могут утешать себя мыслями о своём нравственном и умственном превосходстве над «юродивым», у которого

*«Слова во рту сгорают, как дрова,
Подогревая в голове крамолу».*

Или надеяться на то, что «леший побузит и перестанет», или даже получать удовольствие от общения с «убогим», поскольку, говоря его собственными словами:

*«Разговор — и вкривь и вкось! —
рвется, будто нить.
С сумасшедшими людьми любо говорить».*

Можно было бы пожалеть Бориса Орлова, если бы не та власть над писательскими судьбами, которой его наделили недалёковидные собратья по перу и несчастью. За годы орловского «правления» стало ясно: пережить и отмалчиваться бессмысленно, обладатель «красивой попы» ниоткуда по доброй воле не уйдёт. Более того, его давнишние строки нынче звучат вызывающе-современно:

*«Все грешат, забывая о рае:
Им бы баб, табаку да вина.
Никуда уходить не желаю!
Да идите-ка сами вы на...»*

Воистину: мёртвый хватает живого! А что Борису Орлову ещё делать-то? Ведь он, по сути, никем не стал — ни военным, ни литератором, ни функционером. Высшая планка его карьерного роста — председатель невежества и круговой поруки. Пожелаем же Б. Орлову понапрасну не возвеличивать собственную персону до уровня поэта и руководителя, а оставаться самим собой — вплоть до полного выздоровления.

(1) Фромм Э. *Анатомия человеческой деструктивности*. — М.: Директ-Медиа, 2007.

(2) Журнал «Вопросы философии», 1991, № 9.

(3) «Конфликтология», под ред. А.С. Карлина. — СПб.: Лань, 1999.

Драматургия

НАТАЛИЯ СОРОКИНА

Волшебный сад

Детский мюзикл

По мотивам книги английской писательницы Фрэнсис Бернет

Действие I

№1. Увертюра.

Исходные события:

Индия. Беспросветный мрак. Холера.

Смерть близких.

В темном пространстве сцены проглядывается стена из засохших веток и коры, которые соединились в одну поверхность. По центру сцены, в глубине стоит большое дерево с огромным дуплом посередине и крупной сломанной веткой сбоку. В музыке начинает нарастать гул с тревожным хрустальным звуком.

Затемнение.

На заднике начинается движение фосфоресцирующих бликов и точек на костюмах детей, замаскировавшихся под сухую кору деревьев. Эти точки, полоски, блики, змейки расползаются, как зараженные эмбрионы чумы по всей сцене. Из центра задника или из зияющей дыры – дупла, появляются белые очертания светящейся маски «Смерти - Чумы». Она пролетает над сценой, над залом и исчезает, наводя страх и предвещая что-то неизвестно ужасное. В музыке слышны непонятные пугающие звуки, похожие на стоны умирающих, зловещий стук зубов, скрежет железа. Их связывает незнакомый музыкальный колорит чужой страны Индии, дикой и туземной. Суета светящихся точек, полосок, змеек (лазер и другие спецэффекты) - напоминает панику, которая усиливается и завершается звуком лопнувшего пузыря, или разбитой на мелкие кусочки хрустальной вазы.

Внезапно все исчезает, как дорожный сон главной героини. Она проснулась от удара колеса, попавшего в яму или на камень. Лучом прожектора высвечивается на полутемной

сцене коляска, в которой едут Мери и миссис Медлок. От мерной качки под стук колес миссис Медлок, слегка похрапывая, спит, прислонившись к козырьку коляски.

Мери поет песню, на которую ее настраивает стук колес.

№2. Дорожная песня Мери.

Колеса стучат, и стучит мое сердце,
Куда-то я еду в неведомый край,
Где ждут меня тайны, заветная дверца
В потерянный Ад, а быть может, и Рай.

Сквозь вереска пустошь струится дорога,
Она бесконечно кажется мне.
Своим чемоданом, сдавивши мне ногу,
Миссис Медлок сварливо храпит в уголке.

Коляска баюкает песней скрипучей, -
Я, как в нереальном и сказочном сне,
Мечтаю, чтоб выпал счастливый мне случай
В краю, где не знает никто обо мне.

Там ждет меня дядя, сэр Арчибальд Крейвен...
Кто он? Злой горбун, иль несчастный отец?
А там впереди прямо из-за деревьев
Вдруг вырос внезапно прекрасный дворец...

Проигрыш.

Колеса стучат, и стучит мое сердце,
Кудато я еду в неведомый край,
Где ждут меня тайны, заветная дверца
В потерянный Ад, а, быть может, и Рай.

Картина № 1

Коляска останавливается во дворе мрачного и огромного замка. Это тот же задник, только с раскрытыми на нем готическими окнами. Слуги,

Золотое Слово-7

кланяясь мисс Леннокс и, сопровождающей ее экономке миссис Медлок, увозят коляску и расставляют мебель в комнате Мери.

Миссис Медлок (менторским тоном):

- Вот здесь ты будешь жить. Завтрак, обед и ужин тебе будут приносить в столовую. Понятно?

Мери кивает.

Миссис Медлок:

- Дверь в столовую находится по коридору направо от твоей комнаты. По другим комнатам, а их здесь больше ста, ходить запрещено, да и невозможно, все двери на замке. Так распорядился хозяин, сэр Арчибальд Крейвен. Ты знаешь кто он?

Мери кивает отрицательно.

Миссис Медлок:

- Он - твой дядя. Вот его портрет. (*Показывает на картину в раме*). Он – Лорд и его фамильному замку более шестисот лет. Это очень странное место. Поэтому, если тебе что-нибудь понадобится, лучше сама никуда не ходи, а вызови колокольчиком служанку, которая будет ночевать в соседней комнате. Ясно?

Мери кивает положительно.

Миссис Медлок:

- Здесь - шкаф с книгами, можешь читать, сколько тебе угодно. Ты читаешь по-английски?

Мери кивает положительно.

Миссис Медлок:

- Это - комод с твоей новой одеждой, которую я купила по распоряжению сэра Арчибальда. Ваши слуги в Индии, после эпидемии чумы и... (*Скорбно и многозначительно*) того, что случилось... все растащили... (*Мери молчит.*)

Миссис Медлок:

- Лорд Арчибальд очень болен. Он не смог тебя встретить. Сегодня утром он уехал лечиться на воды. Я и служанка Марта будем заботиться о тебе. Но надо привыкать к самостоятельности. Понятно?

Мэри кивает.

Миссис Медлок:

- Ты что, немая?

Мери:

- Нет.

Миссис Медлок:

- Да-а-а... Не очень-то ты разговорчивая...

Ну... располагайся. (*Собирается уходить, но повернувшись.*) Не удивляйся, это необычный дом! Здесь очень много странного... (*Ворча себе под нос.*) Хотя и сама ты очень странная... (*Себе под нос.*) Мать была красавица и такая общительная леди, а дочь... злючка и дикарка. Вот уж, правильно тебя называют не мисс Леннокс, а «Мисс-Наоборот». (*Уходит.*)

Начинается таинственная мелодия «замка Лорда Крейвена», в ней слышится тихий плач, доносятся пугающие шорохи. По стенам проносятся тени, блики привидений...

Мери ходит по комнате, рассматривая старинные вещи и портреты, прислушивается, поет.

№3. Песенка Мери о доме дяди лорда Арчибальда

Лорд Арчибальд Крейвен мне родственник, дядя.
Меня даже видеть он не захотел...
Уехал к врачам, в мою сторону не глядя,
Но вряд ли кто знает, чем он заболел...

А в замке фамильном на стенах портреты,
Смотреть и ходить можно только молчком...
Сто комнат и в каждой сплошные запреты,
И шорох, и плач под закрытым замком.

Наверно, нет тайны страшнее на свете,
Чем та, о которой молчат все вокруг...
Но знать я хочу, как все малые дети,
Кто будет мой враг, а кто будет мой друг!

Пускай я упряма, но мне интересно
Самой разгадать этот сложный кроссворд.
Чего мне бояться? Я здесь как принцесса,
Я в замке фамильном, и дядя мой – Лорд.

В комнату стучится Миссис Медлок. Мери обрывает песню.

Миссис Медлок:

- Мисс Леннокс! Пора спать!

Мэри:

А в замке фамильном на стенах портреты,
Смотреть и ходить можно только молчком...
Сто комнат и в каждой сплошные запреты,
И шорох, и плач под закрытым замком.

Золотое Слово-7

Мери засыпает под музыку «Дома Лорда Арчибальда», со всхлипами и шорохами за стеной.

Затемнение.

Картина № 2

Утро.

Начинается с энергичного рок-н-ролла.

Мери просыпается и видит, что по комнате ходит-танцует девочка и делает уборку комнаты.

Мери:

- Ты кто, ты что здесь делаешь?

Марта:

- Я твоя служанка. Меня зовут Марта. Правда, я простая, потому что из народа. Но это же прикольно? Я буду здесь убирать и немножко тебе помогать. Тебе ведь не надо много хэлпа?

Мери:

- Что-оо? Это ты будешь меня одевать?

Марта:

- Одевать. Ни хухры-мухры... Ты что не в состоянии сама надеть прикид?

Мери:

- Ты как-то странно говоришь.... Я тебя не понимаю.

Марта:

- А тебя разве не предупреждали, что я говорю на нашем йоркширском жаргоне? Ну типа... сленге.

Мери:

- Там, откуда я приехала, так не говорят. Там все по-другому.

Марта:

- Я так и поняла, что по-другому. (*Доверительно.*) По правде говоря, я вообще думала, что ты черная, ну в смысле блэчка, ну... туземка. Там ведь, где ты жила, говорят, нет белых, ну то есть приличных людей.

Мэри:

- Что-оо? Да как ты смеешь!!! Я туземка? Да ты просто дочь свиньи!!!

Марта (Спокойно):

- Зачем ты обзываешься? Тебе нельзя ругаться. Ты же не девчонка из народа. Ты - леди... А я ничего плохого и не хотела сказать. Просто в книжках всегда о черных пишут, что они

наши братья и сестры. Вот я сегодня утром, когда ты еще спала, хотела узнать, похожа ты на меня или нет... Отвернула кусочек одеяла, чтобы посмотреть какого колора у тебя кожа. А ты оказалась ничуть не чернее меня, хоть и желтовата немножко.

Мэри:

- Ты что, на меня смотрела? Дочь свиньи!!! А ну отойди, или я сейчас закричу!!!

(Начинает бросаться в Марту подушками). Врывается тема рок-н-ролла.

№ 4. Дуэт Марты и Мери

Марта:

Девчонка, девчонка, несносная девица,
Кто так же избалован, – останется один...
Сварлива, как старушка, упряма, как ослица.
Я справлюсь очень быстро с характером твоим.
Ты, видно, не случайно ведешь себя так дико.
Дикарка и туземка, хоть кожей бела!
Вот то-то удивится тебе мой братец Дикон.
И точно не покажет тебе свои дела.

Мери:

А ты мне не указывай, прислуживай и точка!
Поддай мою одежду! Одень-ка мне чулки!
Меня зовут Мисс Леннокс! Я - княжеская дочка!
А ты моя служанка и просто дочь свиньи...

Марта:

Зачем же обзываться? Тебе не надо злиться!
Так леди настоящие совсем не говорят...
Вставай и одевайся, несносная девица, -
А то погубишь душу, ее отправив в Ад.

На кухне с пылу с жару тебе сварили кашу
И завтрак я накрыла, там чай и бутерброд.
Ты так настроишь против себя прислугу нашу,
Что будешь не Мисс Леннокс, а Мисс – наоборот!

Мери:

Ты говоришь неправильно! Тебя не понимаю!
Сама я не оденусь! Не буду, не хочу!
Для этого есть слуги! Для этого есть няня!
И каша ваша – гадость! Я лучше замолчу...

Танец, во время которого Мери и Марта кидаются друг в друга подушками, выкрикивая отдельные фразы.

Золотое Слово-7

Марта:

Ты видно не случайно ведешь себя так дико.
Дикарка и туземка, хоть кожей бела!
Вот то-то удивится тебе мой братец Дикон.
И точно не покажет тебе свои дела.
Живем мы очень дружно в семье огромной
нашей,
Мы маме помогаем и каждый знает, что
Нет в доме лишних денег, нельзя бросаться
кашей,
И сами надеваем ботинки и пальто.

Мери:

Ты говоришь неправильно. Тебя не понимаю.
Сама я не оденусь! Не буду, не хочу!
Для этого есть слуги! Для этого есть няня!
И каша ваша – гадость! Я лучше закричу!!!

Мери:

- А!!!!!!

Марта:

- Как тебе не стыдно! Ты же леди! Вот мой
брат, его зовут Дикон, хоть и простолюдин, но
очень классный чувак и никогда так себя не
ведет. Он всегда со смайлом, весел и привет-
лив. Он всех любит, и его тоже все любят. Ты
ему такая, злая и капризная, не понравишься,
и он никогда не расскажет тебе свою самую
главную тайну.

Мери:

- А что за тайна?

Марта:

- Ага! Вот одень сама чулки, тогда расскажу.

Мери неохотно надевает чулки.

№5. Песенка Марты о брате Диконе

Мой брат с утра до ночи
Гуляет там, где хочет
Он собирает вместе всех дудочкой своей.
Зверушкам интересней
С его веселой песней,
А птицы подпевают ему еще дружной.

Он знает птичьи крики,
Язык растений диких,
Секреты всех деревьев, зверушек голоса,
Ведь он с утра до ночи

Гуляет там, где хочет
Его не остановят ни дождик, ни гроза.

Мери:

Твой брат с утра до ночи
Гуляет там, где хочет,
Он собирает вместе всех дудочкой своей.
Зверушкам интересней
С его веселой песней,
А птицы подпевают ему еще дружной.

Марта и Мери (весело поют вместе):

Он знает птичьи крики,
Язык растений диких,
Секреты всех деревьев, зверушек голоса,
Ведь он с утра до ночи
Гуляет там, где хочет,
Его не остановят ни дождик, ни гроза.

Марта:

- А теперь... Завтракать и на прогулку...

Девочки в танце приносят столик. Марта его картинно сервирует. Мери в знак благодарности делает реверанс. Приглашает Марту сесть с ней за стол. Они, вместе играя и танцуя, завтракают.

Светозффекты.

Быстрая музыка.

Мери:

- Какой вкусный бутерброд! Ты здорово готовишь!

Марта:

- Это не я, это хелпы, слуги, то есть. Я только кидала на стол! (*Остепенясь.*) То есть накрывала.

Мери:

- Все равно здорово! Ты лучшая накрывальщица столов во всей Англии !!!

Под эту же музыку с выкриками и одобрительными возгласами по поводу завтрака Мери под руководством Марты они собираются на прогулку.

Золотое Слово-7

Картина № 3

Смена декорации и света. Мери подходит к стене сада, где под плющом просматривается дверь, она ее видела не раз на прогулках, но не могла туда зайти, потому что дверь всегда была заперта. На этот раз рядом с дверью сидит мальчик 12-и лет и играет на дудочке. Вокруг него собираются звери и птицы и начинают вместе с ним петь и веселиться.

№ 6 Песенка Дикона.

1

Я хочу летать, как птица,
Вить гнездо, учить птенцов.
Или норку, как лисица,
Защищать от сорванцов.

По тропинке среди лавров,
Где разросся розы куст,
Пробегу я с песней славной,
Что сама летит из уст.

Он охранник.
Он охранник здешних мест.
Охранник.
Он охранник здешних мест.

2

Все зверушки соберутся
Чтоб услышать мой привет:
Поиграют, подерутся
И раскроют свой секрет.

Жить они здесь не боятся -
Я охранник здешних мест:
Запрещаю всем кусаться!
Никого никто не съест!

3

Все меня в округе знают,
И за мной бегут гурьбой,
Потому что помогаю
Я с любовью им бедой!

Он охранник.
Он охранник здешних мест.

Охранник.
Он охранник здешних мест.

Мери:
- Ты кто?

Дикон:
- Разве ты не слышала, как меня называют? Я охранник здешних мест. А вообще-то меня зовут Дикон.

Мери:
- Ты брат Марты?

Дикон:
- А ты «Мери-Все наоборот»...?

Мери:
- Да! А как ты догадался?

Дикон:
- Ты очень серьезная для девочки своих лет. Но это из-за того, что ты одинока и у тебя нет любимого дела. Мне Марта про тебя рассказывала.

Мери:
- Что она тебе про меня рассказывала?

Дикон:
- Что ты грустная, потому что целый день не знаешь чем заняться. Безделье и одиночество, - это очень вредные привычки, от них можно серьезно заболеть.

Мери:
- Чем?

Дикон:
- Вредностью. Хочешь я тебя вылечу?

Мери:
- Как?

Дикон:
- А вот так! Бери лопату и копай вот здесь.

Мери:
- Вот еще, буду я руки портить.

Дикон:
- А ты представь, что здесь зарыт клад.

Мери:
- Клад? Настоящий? *(начинает копать вместе с Диконом.)*

Дикон:
- Говорят, что 10 лет назад хозяин закопал под стеной ключ от Волшебного сада. В этом саду погибла его жена, которую он очень любил. И поэтому он навсегда его запер. И с тех пор туда никто не заходил.

Мери:
- И ты давно его ищешь?

Золотое Слово-7

Дикон:

- Я уже перерыл почти все, остался только этот участок.

Мери и Дикон начинают копать землю под стеной, и находят старый заржавленный ключ.

Мери:

- Гляди, что-то блестит.

Дикон:

- Ура! Это ключ. Да ты счастливая! Я целый месяц не мог его найти. Сейчас мы его почистим и попробуем открыть дверь.

Мери и Дикон открывают калитку сада. Звучит музыка.

№7. Песня Мери о Заброшенном саде

1

Заброшенный сад, где застыла случайно
Из прошлого тень и листвою шелестит.
Здесь в дереве каждом какая-то тайна
И старый садовник об этом молчит.

Ответь же мне, сад, почему стало грустно,
Когда я в калитку случайно зашла?
Как будто бы дверь в неизвестное чувство,
Волшебным ключом я сейчас отперла?

Здесь мертво и сиротливо, почти жутковато,
Но голос малиновки вдруг зазвенел,
Ему, отвечая, как младшему брату,
Вдруг кто-то несмело и тихо запел:

«Обрежьте мне сучья, взрыхлите мне почву,
Дав силу побегам и новым росткам.
Напитесь мне дайте водою проточной,
Чтоб в листьях моих зашумел птичий гам».

Мери:

- Заброшенный сад. Я поняла... Это и была твоя тайна?

Дикон:

- Да. Представь, как будет здорово, если мы поможем саду вновь зацвести?

Мери:

- Конечно, это будет так прекрасно! Здесь столько кустов роз...

Дикон:

- Ну что? Вперед, за дело?

Звучит тема «Он Охранник» в исполнении хора зверушек.

Дикон и Мери скрываются за калиткой сада. Под музыку песенки Дикона они начинают вскапывать и рыхлить почву. Общий танцевальный номер.

Затемнение.

Звучит тема «Волшебного сада», на ее фоне слышны голоса детей, прощающихся до следующей встречи.

Дикон:

- Пока, Мери! Ты придешь завтра?

Мери:

- Обязательно. До завтра, Дикон!

Дикон:

- Ключ останется у меня. Я буду ждать тебя утром в саду. *(Убегает.)*

Мери (мечтательно, как будто бы продолжая разговор с Диконом):

- Скажи по правде, Дикон, ты ведь уже и раньше был в саду? И ключ у тебя был уже давно, а сейчас ты просто подложил его, чтобы... заставить меня попотеть и снова его найти. Спасибо, Дикон, ты меня вылечил от очень опасной болезни - от безделья. *(Поворачивается к Дикону со словами благодарности и натывается на старого садовника.)*

Садовник:

- Мери? Что ты здесь делаешь? Ты же знаешь, что Лорд Арчибальд запретил сюда ходить. Он будет недоволен, если узнает, что ты здесь гуляешь.

Мери:

- И что мне за это будет?

Садовник:

- Он тебя накажет. Тебе же говорили, что здесь гулять опасно, можно встретить привидение. А оно появляется так внезапно, и каждый раз наводит ужас на того, кто проникает в этот сад.

Мери:

- Я тут уже видела одно привидение, и оно совсем не страшное.

Садовник:

- А, это ты про мальчишку? Он совсем помешался на истории с ключом. Всю землю

Золотое Слово-7

под стеной перекопал. Говорит, если найдет ключ, то станет счастливым. Но я думаю, что это не к добру. Ключ охраняет привидение, и если кто-то посмеет до ключа дотронуться и открыть потайную дверь, то с ним случится непредвиденное и невероятное. Привидение этого не допустит.

№8 Песня старого садовника.

Девочка, ты не ходи, не выпытывай,
Здесь привидения бродят одни...
Тени минувшего счастья забытого
Ты не тревожь, и не тронут они...

Время свое только зря ты теряешь,
Вот грядку вскопаю и тотчас уйду.
Ты ничего от меня не узнаешь, -
Страшная тайна живет в том саду...

Мрачный хозяин закрыл ту калитку,
Вход запретил нам, а ключ закопал.
Лет десять назад совершил он ошибку, -
В этом саду он жену потерял.

Девочка, ты не ходи, не выпытывай,
Здесь привидения бродят одни...
Тени минувшего счастья забытого
Ты не тревожь, и не тронут они...

Мери:

– Хватит меня пугать Лордом Арчибальдом. В конце концов, он мой дядя и я у него в гостях. А это значит, что я могу гулять, где хочу. Никто не смеет запретить мне найти себе дело по душе. А на привидение я бы с удовольствием посмотрела, очень даже интересно... (*Гордо закинув голову, уходит.*)

Картина № 4

Мери, обеспокоенная и недовольная, уходит в дом. Тема волшебного сада снова сменяется темой мрачного замка. Мери идет по лабиринтам дворца и случайно попадает в комнату, где на кровати в поту и подушках лежит больной мальчик.

Мери:

– Кто ты?

Мальчик:

– Я - Колин, сын хозяина замка Лорда Арчибальда Крейвена.

Мери:

– А почему ты лежишь здесь один и плачешь?

Колин:

– Потому что я болен и мне все надоело.

Мери:

– А-а. Болен... Понятно. Как сказал один мой очень хороший друг Дикон, все болезни от безделья и одиночества. Представь себе он заставил меня вскопать грядку в Волшебном саду и я почти сразу выздоровела от всех болезней. Ну-ка, прекращай плакать и вставай с постели. Сейчас мы будем с тобой играть в чехарду.

Колин:

– Не могу. Мне нельзя.

Мери:

– Почему?

Колин:

– Врач запретил. У меня больная спина. Мне сказали, что если я не буду их слушаться и принимать лекарства, то у меня вырастет горб.

Мери:

– Какая чушь. Спина как спина, только очень сутулая, это от того, что ты постоянно лежишь и хнычешь. Надо двигаться. А у тебя даже шторы всегда закрыты. Ты знаешь, что на дворе уже Весна? Как у тебя здесь душно. (*Подходит к окну, отдергивает шторы и открывает раму. Свежий ночной воздух врывается в комнату, Колин вздрагивает.*)

Колин:

– Прохладно! Я могу простудиться...

Мери:

– Этот ветер не опасен, его принесла Весна.

Колин:

– Весна, а что это? Я никогда не видел Весны. Расскажи мне.

Мери:

– Весна – это когда вся природа просыпается, луковицы, почки, деревья, цветы, кустарники, - все начинает распускаться. Ты любишь цветы? Какие твои любимые? Мои – розы.

Колин:

– Не знаю. Я много читал про цветы, но никогда не видел живых, доктор Крейвен, брат моего отца, мне запрещает к ним прикасаться, говорит, что среди них много ядовитых.

Золотое Слово-7

Мери:

– Тебе запрещают ходить, дышать, а жить он тебе не запрещает?

Колин:

– Отец меня не любит. Потому что все говорят, что мама умерла из-за меня. Мама очень любила розы. А доктор говорит, то они ее отравили своим запахом. Доктор сказал, что я тоже скоро умру, если не буду слушаться его указаний.

Мери:

– А по-моему ваш доктор хочет всех уморить, чтобы остаться единственным наследником. Ну уж это дудки. Здесь теперь живу я, а я этого не допущу. Мы с тобой обязательно что-нибудь придумаем. Я не дам тебя в обиду.

Колин:

– Ты знаешь, я сначала подумал, что ты привидение, поэтому даже испугался кричать.

Мери:

– Ну, теперь не боишься?

Колин:

– Нет. (*Дышит полной грудью.*) А что это так пахнет?

Мери:

– Это кусты роз, которые распускаются в Заброшенном саду.

Колин:

– Это не опасно? Они не ядовитые?

Мери:

– Конечно же, нет. Ну, тебя тут запугали. (*Смахивает таблетки со стола.*) А вот пилюли твоего доктора еще большая отравка. К черту таблетки, пусть ими питается сам доктор Крейвен, посмотрим, как он себя после этого будет чувствовать...

Колин:

– Он мне их приносит каждое утро и заставляет пить.

Мери:

– Я буду приходить к тебе раньше. И мы зададим перцу этому зловредному доктору. Я найду против него противоядие. Будешь делать со мной зарядку?

Колин:

– Зачем?

Мери:

– Для того, чтобы окрепнуть и выздороветь. Тогда мы сможем с тобой вместе пойти в Волшебный сад. Только это надо сделать тайно. Чтобы никто не узнал. Сделаем вид, что ты

собираешься на прогулку в парк, потребуем наладить коляску, вызовем Дикона, а потом вдоль ограды осторожно, под прикрытием зверушек, друзей Дикона, проберемся в заброшенный сад.

Колин:

– Хорошо, а теперь расскажи мне как там все растет в этом секретном саду?

Мери:

– Я думаю, о нем забыли уже очень давно, там все превратилось в настоящие заросли. Розы все карабкались вверх, они свисали со стен, с ветвей деревьев, расплзались по земле, словно странный серебристый туман. Некоторые умерли, но многие еще живы, и, когда наступит лето, в саду расцветут целые фонтаны и водопады из роз. Вся земля там покрыта нарциссами, подснежниками, лилиями и ирисами. Теперь, когда началась Весна, они уже начинают пробиваться сквозь траву, заросли пурпурных и золотых крокусов. Почки уже начинают лопаться, и серый цвет исчезает под зеленой вуалью, окутывающей все вокруг. В сад прилетают птицы, потому что в нем тихо и безопасно. Малиновки, дрозды все ищут себе пару, чтобы свить гнездо.

№ 9. Дуэт Мери и Колина.

Колин:

Что это Весна?
Никогда я не видел
Как что-то растет,
Пробуждаясь от сна.
Не зная тепла,
Розы я ненавидел,
Их мама любила...
Она... умерла.

Мери:

Весна – это солнце и дождь вперемежку,
Болезни и хвори стремясь отвести,
Она над зимой затаила насмешку,
Все, что вокруг, приказав зацвести!

Нарциссы, подснежники лилии, розы
Все тянутся к солнцу в Волшебном саду,
Поверь, ты ходить обязательно сможешь.
Тебя я с собой непременно возьму!

Золотое Слово-7

Колин:

Ты мне расскажи,
Что такое подснежник
И луковиц хитрость,
И тайну дрозда...

Мери:

Малиновки голос
Такой безмятежный
Приветствует всех,
Кто проникнет туда!

Колин:

Как много ты знаешь,
Мне вдруг показалось, -
Как будто с тобой
Я в Волшебном саду.
Хочу, чтоб со мной
Ты навечно осталась,
Ты в сад свой пойдешь?
Я с тобою побегу!
Сейчас я прошу,
Оставайся со мною,
Пока я засну,
Чтоб не быть одному,
Чтоб мамин портрет
За моею спиною
При мне не смеялся,
А то я умру...

Мери:

Тебе расскажу,
Что такое подснежник,
И луковиц хитрость,
И тайну дрозда.
Малиновки голос,
Такой безмятежный,
Приветствует всех,
Кто проникнет туда.
Нарциссы, подснежники, лилии, розы
Все тянутся к солнцу в волшебном саду,
Поверь, ты ходить обязательно сможешь.
Тебя я с собой непременно возьму.

Колин засыпает. Мери уходит.

Картина № 5

Рассвет. Звучит музыка из песенки Дикона «Он Охранник». Ворон Сажинка, лисенок Капитан, красногрудый Робин, пони Прыгун,

другие зверушки, все вместе с Мери, Диконом работают в Волшебном саду. Каждый занимается своим делом.

Дикон:

- Когда мы первый раз сюда попали, здесь все казалось серым. А теперь посмотри, заметишь разницу?

Мери:

- Да, сухая стена из веток меняется, на ней проступает зеленая дымка, словно набросили прозрачное зеленое покрывало. Ты знаешь, о чем я сейчас подумала?

Дикон:

- Наверное, что-нибудь хорошее...

Мери:

- Ты знаешь кто такой Колин?

Дикон:

- Да. Это сын хозяина, у которого такие же красивые глаза, как были у его матери, которая погибла. Только, говорят, что у нее они смеялись, а у Колина они всегда плачут. Мистер Крейвен не может видеть эти глаза.

Мери:

- Представляешь, я с ним познакомилась. Кто-то плакал в замке, и я случайно обнаружила, что это испуганный мальчик. Мы подружились, и теперь он хочет, чтобы я каждый день приходила к нему, потому, что я помогаю ему забыть о болезни и смерти.

Дикон:

- Моя мама говорит, что для ребенка нет ничего хуже, когда он уверен, что все хотят его смерти. Тот, кто никому не нужен, не вырастет здоровым и счастливым.

Мери:

- Да, еще все пугают его, что у него вырастет горб на спине.

Дикон:

- Если привезти его сюда, то он перестанет думать, что у него на спине растет какая-то шишка.

Мери:

- Вот об этом-то я как раз и подумала. Только никак не могу решить, умеет ли он хранить тайны. И как его привезти, чтобы его никто не видел?

Дикон:

- Мы обязательно привезем его сюда. Я смогу катить кресло. А мои друзья будут замечать следы, чтобы слуги не могли нас выследить.

Золотое Слово-7

Мы ведь не считаем, что ему лучше было бы не родиться. Мы просто двое детей, которые смотрят, как растет сад, а он будет еще одним. Два мальчика и девочка глядят на Весну. Это будет, пожалуй, лучше всех лекарств.

Дикон берет в руки дудочку и тихо играет на ней какую-то странную мелодию, на стене появляются две белки Орешек и Скорлупка и начинают с интересом прислушиваться.

№10. Дуэт Дикона и Мери

Дикон:

Ты стала сильнее,
Ты стала принцесса,
Похожа на фею
Из дикого леса.

Вот солнце спустилось,
На бубен похоже, -
Чтоб день повторился
На завтра погожий.

Ты стала красивой,
Как сильная птица,
И волосы - гривой,
И гуще ресницы.
Вот так измениться
Шутя и играя...
Ну, как не влюбиться
В тебя, дорогая....

Мери:

Скажу я спасибо
И солнцу и саду,
Которым на завтра
Опять буду рада.
И жизнь хороша,
И уже не бездарна.
Ты спас меня, Дик,
Я тебе благодарна.

Дикон:

Ты стала, как лотос,
Что в Индии где-то
Роскошно цветет
Только в знойное лето.
Мы сами, наверно,
С тобою не знали,

Что сад возродив,
Мы себя возрождали.

Вместе:

Мы скажем спасибо
И солнцу и саду,
Которым назавтра
Опять будем рады.
И жизнь хороша,
И уже не бездарна.
Наш сад мы спасли
И ему благодарны.

Актеры в костюмах зверей и птиц подпевают Дикону и Мери, они уходят за калитку сада.

Дикон:

- Завтра будет хороший денек. Я начну работать с восходом солнца.

Мери:

- Я тоже. До завтра, Дикон! До завтра, сад!

Дикон (уже за сценой):

- До завтра, Мери!

Конец первого действия

Действие 2

Картина № 6

Сцена в замке. Звучит музыка, тема «Замка Лорда Арчи».

Мери, подходя к комнате Колина. Встречает абсолютно расстроенную, плачущую Марту.

Мери:

- Что случилось?

Марта:

- Ох, лучше бы ты никуда не уходила. Он устроил такой скандал! Мы полдня его успокаивали. Он все время смотрел на часы. Плакал, кричал, швырялся подушками, требовал, чтобы ты пришла, в общем, полный отстой...

Мери (входя в комнату к Колину, строгим голосом):

- Почему ты не встал и не сделал зарядку?

Колин:

- Я встал утром, когда думал, что ты придешь и будешь со мной. Я ждал до обеда, а потом велел снова уложить меня в постель. Я устал,

Золотое Слово-7

у меня болит спина и голова. Почему ты не пришла?

Мери:

– Мы с Диконом работали в саду.

Колин:

– Я не позволю этому мальчишке приходить на мою территорию. Если он будет тебя отвлекать, если ты будешь играть с ним, вместо того, чтобы приходить ко мне, я навсегда прогоню его из этих мест.

Мери:

– Если ты прогонишь Дикона, я больше никогда не приду в эту комнату.

Колин:

– Придешь, если я захочу!

Мери:

– Ни за что не приду!

Колин:

- А я заставлю. Тебя приведут!

Мери:

– Ах, вот как, Мистер Раджа!

№11 Ссора Мери и Колина

Колин:

Где ты была? Так скучал я и плакал.
Ты разве не знала, что я тебя жду?
Злой сон мне приснился про двух вурдалаков:
С костями играли они в чехарду.

Ведь мне без тебя засыпать очень страшно,
Ты ночью должна громко сказки читать!
И все, что скажу тебе я - очень важно!
Не может никто мой покой нарушать!
А если ко мне приходить не захочешь,
И песни мне петь, так тебе намекнут...
И ты неприятностей много схлопочешь...
Добром не придешь, так силком приведут!

Мери:

А ты мне напомнил капризного Раджу,
Что в сказках из Индии, где я жила.
И дом весь огромный тобой взбудоражен,
У всех ты в мозгах уже хуже сверла!

А сколько людей от тебя пострадало?
Грех так распускаться у всех на виду...

Довольно истерик! Довольно скандалов!
Я больше к тебе никогда не приду!

Колин:

– Ты эгоистка!!!

Мери:

– А ты - то? Эгоисты всегда так говорят про других, кто не делает все, что они хотят. Ты еще больший эгоист, чем я!

Колин:

– Вовсе нет. Эгоист твой дорогой Дикон. Я лежу тут совсем один, а он играет с тобой в саду. Вот он и есть настоящий эгоист!

Мери:

– Да он самый лучший мальчик на свете. Он просто ангел!

Колин:

– Ничего себе ангел! Простой деревенский мальчишка с пустоши.

Мери:

– Это лучше, чем деспотичный раджа!

Колин (меняя тон, переходя на плач.)

- Нет, я не эгоист, потому что я болею. У меня растет горб, и я это чувствую. Чувствую, что я скоро умру.

Мери:

– Не умрешь!

Колин:

– Ах, вот как! Нет, умру!!! Я знаю, что умру. Все так говорят.

Мери:

– А я ни чуточки не верю. Ты просто это говоришь, чтобы тебя пожалели. По-моему ты даже этим гордишься. А я тебе не верю. Будь ты хорошим мальчиком, ну еще может быть. Но ты слишком противный.

Колин (несмотря на больную спину, садится на кровати и резким движением бросается подушкой в Мери):

- Убирайся отсюда!!!

Мери(поймав подушку):

- Я ухожу и больше не приду. (Приблизившись к Колину). Я хотела рассказать тебе столько интересного. Дикон привел с собой лисенка, вороненка и... А теперь ничего не скажу.

Бросив подушку обратно в Колина, Мери выходит, хлопнув дверью. Выходя, увидела смеющуюся Миссис Медлок.

Золотое Слово-7

Мери:

– Что вы смеетесь?

М. Медлок:

– Смеюсь, слушая вашу ссору. Лучшее, что могло случиться с этим болезненным и капризным мальчишкой, это то, что он столкнулся с кем-то еще более упрямым и испорченным, чем он сам. Если бы у него была вредная сестра, с которой он мог ссориться, это было бы просто идеальным.

Мери (серьезно):

- Он правда скоро умрет?

М. Медлок:

- Не знаю, и знать не хочу. Истерики и отвратительный характер, - вот его главные болезни. (*Уходит. Мери, оставшись одна, поет.*)

№ 12 Песня Мери о Колине.

Бедный мальчик, он не может
Бегать, прыгать и скакать
И своею бледной кожей
Может только напугать.

Так с рождения мальчишке
Очень сильно не везет.
Развлечение – лишь книжки,
Тут с тоски любой помрет!

Как помочь ему, бедняжке?
Я готова пострадать,
Но меня он выгнал даже,
Как теперь мне поступать?

Он со всеми несогласный,
Всем ненужный и больной.
Как такому жить ужасно
Даже в замке родовом!

Как помочь ему бедняжке?
Я готова пострадать,
Но меня он выгнал даже,
Как теперь мне поступать?

Внезапно опять появляется миссис Медлок.

М. Медлок:

– Мери, Мери! Девочка, помоги!!! Он опять довел себя до истерики. Я боюсь, он себе что-нибудь повредит. Мы ничего не можем сделать. Будь умницей, попробуй ты. Ты ему

нравишься.

Мери.

– Он же только что выгнал меня из своей комнаты.

М. Медлок:

– Вот и хорошо. Это именно то, что надо. Пойди и отругай его за это хорошенько. Пусть он задумается. Ну иди же, детка, иди скорей.

Мери влетает в комнату Колина, как молния.

Мери:

– Замолчи! Я тебя ненавижу! И все тебя ненавидят! Все уже хотят сбежать из этого дома из-за тебя, а ты кричи себе до смерти. Ты и так сейчас достукаешься, если не замолчишь. Очень хорошо, так тебе и надо!

Колин развернулся на кровати, сжимая кулаки, готовый закричать, он задыхается от злости.

Мери:

– Если ты еще раз завизжишь, то я тоже начну визжать. А я это умею делать лучше тебя, вот тогда ты у меня узнаешь.

Колин (весь дрожит):

- Я не могу остановиться! Не могу, не могу.

Мери:

– Можешь!

Колин:

– Я уже чувствую горб. Чувствую, как он растет.

Мери:

- Ничего ты не чувствуешь. Это просто психоз. Повернись, я посмотрю, что с твоей несчастной спиной. Миссис Медлок! Покажите мне его спину!

М.Медлок:

- А если он не даст?

Колин (всхлипывая):

- Покажите ей. Пусть посмотрит.

Миссис Медлок снимает рубашку со спины Колина. Все долго рассматривают его худую спину.

Мери:

– Никакого горба нет! Только кости торчат, потому, что ты тощий. У меня тоже раньше торчали, пока я не потолстела. А горба у тебя никакого нет! Еще раз такое скажешь, я тебя

Золотое Слово-7

просто засмею. (*Обращаясь к М.Медлок.*) Почему он все время думает, что у него растет горб? Вы что его этим пугаете?

М.Медлок (заикаясь):

– Я... я и не знала, что он думает, что у него растет горб. У него просто слабая спина, потому что он не хочет сидеть. Я... я сразу сказала бы, что у него никакого горба нет.

Колин:

– Это правда?

М.Медлок:

– Да, сэр.

Колин:

Значит, я нормальный мальчик? Я смогу вырасти и стать взрослым?

М.Медлок (придя в себя, менторским тоном):

– Сможете, если будете делать все, что вам говорят: не давать волю своему раздражению, побольше гулять на свежем воздухе и слушаться указаний доктора Крейвена.

Колин:

– Я... пойду с тобой, Мери. Я не буду бояться свежего воздуха, если мы пойдем туда и найдем...

Мери (перебивая его, говорит экономке иронично):

– Спасибо вам, Мисис Медлок, вы очень нам помогли. Можете идти. Я его уложу.

М.Медлок:

– Если он не заснет через полчаса, то непременно зовите меня.

Мери:

– Не волнуйтесь, все будет в порядке. (*Дождавшись, пока Мисис Медлок закроет за собой дверь, Колину.*) Я же тебе говорила, что заброшенный сад – это тайна.

Колин:

– Мери, прости, я чуть не проговорился. Я бы хотел пойти туда с тобой, если Дикон повезет мое кресло. Я так хочу увидеть его лисенка и ворона.

Мери:

– Хорошо, только ты должен знать, что для всех остальных – это тайна.

Колин:

– Мери, Мери! Я так хочу туда..., в сад, с тобой. Открой окно, я чувствую запах роз. Их так любила мама. Я знаю, она там, она встретит меня цветением Весны...

Мери (открывает окно):

– Это свежий воздух. Ложись и глубоко вды-

хай, как Дикон, когда он лежит на пустоши. Он говорит, что воздух входит к нему в кровь, делает его сильным, и тогда ему кажется, что он будет жить вечно.

Мери открывает окна. Колин дышит полной грудью. Поет.

№13. Песня Колина

Я буду жить вечно!!!

Запах трав из окошка лицо мне лизнул.
Он как будто сейчас меня к жизни вернул.

На старинном комодке играют огни.
Это солнце восходит полоской зари.

Я хочу оказаться в Волшебном саду
Целоваться с листвою, упав в резеду.

Я смогу побежать по росистой траве
Будут тело и ноги послушными мне!

Словно ветка сирени упала на грудь.
Слышу голос: «Ты сможешь здоровье
вернуть!»,

И природа, как мама, обнимет меня
И шепнет мне: «Ты будешь со мной
навсегда!».

Да, я справлюсь с недугом, он мне нипочем.
Мы откроем дверь сада волшебным ключом.

И смогу я беспечно кричать сквозь года:
«Да, я буду жить вечно! В любви! Навсегда!».

Колин:

– Я тебе верю, Мери! Этот сад волшебный и, когда я туда попаду, я стану здоров и буду жить долго-долго.

Мери:

– Спи! Мы завтра туда обязательно пойдем.

Тихая музыка продолжается. Колин успокаивается, ложится, Мери гладит его по голове, он засыпает. Мери поет свою песню Колину.

Золотое Слово-7

Мери:

Тебе расскажу, что такое подснежник,
И луковиц хитрость, и тайну дрозда.
Малиновки голос такой безмятежный
Приветствует всех, кто проникнет туда.

Нарциссы, подснежники лилии, розы
Все тянутся к солнцу в волшебном саду,
Поверь, ты ходить обязательно сможешь.
Тебя я с собой непременно возьму.

Колин засыпает. Мери уходит.

Картина № 7

Утро следующего дня. Совещание врача и сиделки-экономки в коридоре перед комнатой Колина.

Д-р Крейвен:

– Ну, как он? Когда-нибудь у него от крика лопнет кровеносный сосуд. Этот мальчишка своими истериками и распушенностью доведет себя до сумасшествия.

М.Медлок:

– Знаете, сэр, эта невзрачная девчонка, которая не лучше его самого, совсем его околдовала. Непонятно, как ей это удалось. И смотреть там не на что, и рта почти не раскрывает, но сделала то, на что никто из нас не осмеливался. Вчера ночью она влетела к нему, как разъяренная кошка, затопала ногами и приказала замолчать. Он так опешил, что замолчал. А сегодня... сами убедитесь, сэр.

*Из комнаты слышится веселый хохот детей.
Врач и сиделка входят туда.*

Колин и Мери листают вместе книгу по садоводству.

Колин:

– Вот эти синие, высокие мне больше всего нравятся. Мы их посадим там... много, много.

Мери:

– Это дельфиниумы. Дикон говорит, что их уже целые заросли. Давай посмотрим еще что-нибудь.

Д-р. Крейвен:

– Простите, сэр, я к великому моему сожалению узнал, что вам вчера было плохо.

Колин.

– Мне уже гораздо лучше. Через день, два, если будет хорошая погода, я намерен отправиться на прогулку. Мне необходим свежий воздух. Прикажите починить мое кресло-каталку.

Д.-р. Крейвен.

– Разрешите вашу руку, мастер Колин. (*Нащупывая пульс Колина, очень серьезно*). Конечно, сэр, вам необходима прогулка, но должна быть очень хорошая погода, сэр, и Вы ни в коем случае не должны переутомляться.

Колин:

– Свежий воздух меня не утомит, (*передразнивая*) сэр.

Д-р Крейвен:

– Я думал, Вы не любите свежего воздуха.

Колин:

– Один не люблю, но со мной будет моя кузина.

Д-р Крейвен.

– И, конечно же, сиделка?

Колин.

– Нет, сиделка мне не нужна. Моя кузина лучше знает, что мне подходит. Она помогла мне вчера ночью. А кресло будет везти один сильный мальчик.

Д-р. Крейвен (забеспокоившись):

– Но это должен быть очень сильный мальчик. И я обязательно должен его знать. Кто он? Как его зовут?

Мери (вмешавшись):

– Это Дикон.

Д-р Крейвен.

– А-а... Дикон? Ну, если это Дикон, то все в порядке. Он сильный, как пони.

Мери.

– И надежный. (*Переходя на жаргон.*) Он самый «клевый» мальчик во всем Йоркшире.

Д-р Крейвен (шокирован):

– Это он тебя научил так говорить?

Мери (невозмутимо):

– Я учусь местному наречию, как французскому языку. В Индии тоже есть просторечные диалекты, и очень умные люди изучают их для того, чтобы правильно «фильтровать базар». Мне нравится, и Колину тоже.

Д-р Крейвен (обалдевший):

– Ну что же, если вам нравится «фильтровать базар»... извините... то конечно. Да, кстати,

Золотое Слово-7

Колин, вы вчера принимали снотворное?

Колин:

– Нет. Сначала я не захотел. А потом Мери спела мне песню о том, как приходит весна, и я сам уснул.

Д-р Крейвен:

– Ну, хорошо. Но все-таки, сэр, вы должны помнить, что вы серьезно больны... и...

Колин:

– А я не хочу помнить. Не хочу!!! Когда я помню о своей болезни, мне хочется кричать и плакать, так я ее ненавижу. Если бы нашелся доктор, который помог бы мне ее забыть, вместо того, чтобы все время напоминать, как Вы, я бы велел его немедленно привести сюда. Именно потому, что моя кузина помогает мне забыть о своей болезни, мне и делается лучше.

Мери:

– Догоняете?

Колин:

– Сечете в натуре?

М.Медлок ахнула, доктор попытался скрыть свое удивление кашлем.

Колин:

– Сегодня утром ко мне придут вместе с Дикон лиса, ворон, две белки и ягненок. Я хочу, чтобы их немедленно привели ко мне. Предупредите слуг, чтобы не играли с животными и не задерживали их. Я жду их здесь в своей комнате.

М.Медлок:

– Да, сэр, но...

Д-р Крейвен:

– Мастер Колин, животные могут быть заразные и... они кусаются. Я протестую....

Колин:

– Разве я не сказал, что Дикон заклинатель, а у заклинателей животные никогда не кусаются!

Мери:

– В Индии, где я росла, есть заклинатели змей. *(Приближаясь к М.Медлок, гипнотизирует ее.)* Они их не только дрессируют и заставляют плясать под свою дудочку, но даже могут взять в рот голову змеи. Ам-мм...! *(Делает шуточный выпад в сторону экономки и доктора. Наводит пазы руками в их сторону.)* Змеи боятся, что им откусят головы и беспрекословно слушаются своих повелителей. Не

так ли, доктор Крейвен?

Колин:

– Отпад!

М.Медлок:

– О, Господи!

За сценой слышно карканье ворона и бляение ягненка.

Дети хохочут. Доктор и экономка пулей вылетают из комнаты.

Д-р. Крейвен.

– Да-а-а..! Это новый поворот событий. Кто бы мог подумать, что эта девица окажет на него такое влияние. Чего доброго я останусь без наследства, то есть без места. *(Опомнившись, похлопав себя по губам. Сменив тон, обращаясь к М.Медлок.)* Но нельзя отрицать, что такое положение вещей значительно лучше, чем прежде.

М.Медлок:

– Да, сэр. Он ее слушает беспрекословно буквально во всем, в это трудно даже поверить.

Входит Марта.

Марта:

– Простите, доктор. К мастеру Колину пришел Дикон со своими друзьями.

Д-р Крейвен:

– Да, кажется сегодня мы здесь лишние. *(Уходят.)*

Входит Дикон в грубых сапогах, громко разговаривая со своим разношерстным и разноцветным народцем, а с ним лисенок, ягненок, две белки и пони, всех играют дети, одетые в костюмы зверей.

Дикон.

– Привет! Ну, кто тут хилый и больной? Ну-ка покажите! Сейчас мы его быстро поднимем с постели.

№14 Встреча Дикона и Колина

На мотив песенки Дикона

1

Кто тут плачет, кто тут болен?

Кто пугает всех подряд?

Говорят, что мальчик Колин,

Может, просто симулянт?

Золотое Слово-7

Все мои друзья - трудяги,
Им не время горевать.
Сил полны, полны отваги,
Им бы травку пощипать.

Им бы травку.

Все:

Нам бы травку.

Им бы травку пощипать.

Им бы травку.

Все:

Нам бы травку.

Нам бы травку пощипать.

2

Посмотрите на ягненка
Он мой младший протезе.
Только вылез из пеленок,
А бодается уже.

Даже пони и лисенок
Знают, где и что растет.

Принесет вам вороненок
Чтобы не болел живот.

Просто травку.

Все:

Просто травку

Просто травку пощипать

Надо травку,

Все:

Надо травку

Знать, где травку пощипать!

Дикон:

– А ну-ка, хватит валяться, вставай!

Колин с горящими глазами весь музыкальный номер вертелся и поеживался, как будто сам хотел пуститься в пляс.

Колин:

- Я боюсь. Мне нельзя. Все говорят, что у меня болевая спина.

Дикон:

– Ерунда, ты просто очень ослаб от бездействия и лени. Погляди на моих друзей, они здоровы, потому что всегда заняты делом. Строят гнезда, роют норы, ищут себе пропитание, собирают ягоды, лечебные травы. А лекарство от твоей болезни это – движение.

Я тебе покажу упражнения, от которых ты окрепнешь и станешь сильным, как я.

Показывает гимнастические движения руками. Колин, сначала несмело, а потом с большей охотой повторяет.

Дикон:

– Хоккей! Скоро из тебя получится обалденный «качок»!

Колин:

– Кто?

Дикон:

– Чемпион по боксу.

Мери и Марта одобрительно кивают головами, стараясь не засмеяться.

Мери:

– Атлет.

Марта:

– Олимпиец.

С помощью Дикона Колин встает рядом с кроватью и делает несколько шагов под руководством Дикона. Потом несмело делает еще несколько упражнений. Дикон поправляет и помогает. Марта и Мери подбадривают.

Мери:

– Финиш!

Марта:

– Улет!

После этого сеанса Колин с помощью друзей в изнеможении падает в кресло.

Мери:

– Ну молодец! Ты это сделал! Я всегда знала, что ты сможешь.

Дикон:

- А теперь надо каждый день тренироваться, чтобы закрепить результат.

Мери:

- Тогда тебе не нужна будет коляска, и ты своими ногами пойдешь с нами в Волшебный сад.

Дикон:

- Мы пойдем в сад, и ты возьмешь лопату. А как только ты прикоснешься к земле, то сразу почувствуешь, как от нее исходит волшебная сила, Магия, которая возродит тебя и ты бу-

Золотое Слово-7

дешь жить долго-долго.

Колин (повелительно):

- Решено, мы завтра же туда поедем! Где слуги? Пусть приготовят мою коляску. Завтра же я выезжаю на прогулку!

Картина № 8

Утро следующего дня.

Дикон, Мери и Колин в Волшебном саду. Колин на кресле-каталке, весь обложенный подушками, но взгляд у него орлиный. Дети, прикрываемые зверушками, осторожно, крадучись пробираются по саду. Кресло подвезли под дерево, усыпанное белыми цветами, напоминающее королевский балдахин. Дикон сел на траву, на свое обычное место, достал дудочку и приготовился играть. Звери окружили их.

Мери:

- Какой сегодня прекрасный денек!

Колин:

- Как ты считаешь, может, его сделали таким специально для меня?

Мери:

- Маленький Раджа, ты неисправим. Ну конечно, природа никогда ничего не жалеет для тех, кто приходит к ней с добром.

Колин:

- Посмотрите, вон то дерево, оно очень старое и почти сухое, от него, кажется, отломалась большая ветка. Интересно, как это случилось?

Дикон:

- Это было давно. (Переводя разговор на другую тему.) Смотри, Робин появился, он искал еду для своей подружки, которая высиживает птенцов. Да, кстати, и нам не лишнее было бы перекусить...

Колин:

- Да, я ужасно проголодался! Мери, пойдешь, пожалуйста, скажи, чтобы принесли корзину с едой к кустам рододендронов. А потом вы с Диконом ее заберете и принесете сюда.

Мери:

- С удовольствием, Колин. Посмотри, как Робин заботится о своей семье (Тихо на ушко Дикону, пока Колин занят семьей малиновок.) Какой ты молодец, мы должны делать вид, что это дерево ничем не отличается от других. Ни

за что нельзя ему говорить о том, как это случилось.

Мери убегает на авансцену и сталкивается с подглядывающим садовником.

Садовник Бэн:

- Если бы ты была моей дочкой, я бы выпорол тебя как следует.

Мери (пытаясь проскользнуть мимо):

- Слава Богу, я не ваша дочь.

Садовник Бэн:

- Ты мне с первого раза не понравилась. Вредная, тощая, любопытная, всегда что-то спрашиваешь и суешь нос куда не надо. Я же говорил тебе, что в этот сад ходить запрещено. Как ты сюда попала, маленькая дрянь?

Мери:

- Птичка дорогу показала.

Садовник Бэн:

- Какая еще птичка, сейчас я тебе покажу птичку.

Мери (увертывается от него и дразнится):

- Прекратите махать руками, мне так неудобно с вами разговаривать.

За спиной Мери подъехал Дикон с коляской Колина.

Садовник Бэн (замечая кого-то еще):

- Да ты еще и гостей с собой привела?

Мери:

- Ошибаетесь, сэр, это не гости, а совсем даже наоборот...

Прямо на садовника из-за спины Мери надвигается процессия во главе с коляской Колина в сопровождении Дикона и зверушек.

У садовника опускаются руки, и от изумления он открывает рот.

Воцаряется пауза. Появление Колина напоминает парадный выезд Раджи. Дети упииваются игрой.

Мери (Дикону):

- Вы подоспели вовремя.

Колин (повелительно Дикону):

- Отвези меня туда и поставь прямо перед ним.

Дикон выполняет приказание, экипаж остановился прямо перед садовником.

Золотое Слово-7

Колин:

– Ты знаешь, кто я? (*Властно.*) Отвечай!

Садовник Бэн:

– Кто ты? Да, я знаю, с твоего лица смотрят глаза твоей матери. Бог знает, как ты попал сюда, но ты тот самый больной калека.

Колин, забыв, что у него болит спина, резко выпрямился.

Колин:

– Я вовсе не калека!

Мери:

– Он не калека! У него даже нет самого крошечного горба! Я сама видела!

У садовника задрожали руки.

Садовник Бэн:

– У тебя... у тебя не горбатая спина?

Колин:

– Нет!

Садовник Бэн:

– И не кривые ноги?

В гневе Колин начинает срывать с себя пледы и одеяла почти со сверхъестественной силой.

Колин.

– Подойди сюда! (*Кричит.*) Сейчас же подойди сюда!

Мери (*Про себя повторяет как заклинание.*)

– Он сможет! Он сможет, он сможет!

Колин поставил ноги на землю и, усилием воли, опираясь на Дикона встал, выпрямившись, как стрела. Он кажется удивительно высоким. Голова гордо закинута назад.

Колин:

– Посмотри! А ну-ка, посмотри на меня!

Дикон:

– Он такой же прямой как я. Как любой мальчик в Йоркшире!

Садовник Бен поперхнулся и заплакал.

Садовник Бэн:

. – Ох, и врут же люди... (*Причитая.*) Ты худой, как щепка, и бледный, как привидение,

но нигде ни одной шишки. Ты еще станешь мужчиной! Да благословит тебя Господь!

Колин (*еще увереннее*):

– Когда отца нет, я твой хозяин. Ты обязан мне повиноваться! Это мой сад. И не вздумай об этом проговориться. А теперь принеси нам корзину с едой. Потом ты останешься, потому, что мне надо с тобой поговорить. Придется посвятить тебя в тайну. (*Царственный жест рукой*). Поторопись!

Садовник Бэн:

– Ох, мой мальчик... (*опомнившись*). Да, сэр! (*уходит.*)

Мери.

– Я пойду помогу ему.

Мери уходит.

Колин (*радостно Дикону*):

– Я могу стоять.

Дикон:

– Я же сказал: ты встанешь, как только перестанешь бояться. Вот ты и перестал.

Колин:

– Да, перестал. Ты умеешь творить Магию.

Дикон:

– Эту магию ты сотворил сам. Это та же Магия, что заставляет побеги вылезать из земли, цвести весной и возрождаться всему вокруг.

Колин:

– Да, магии большей, чем эта не бывает, и быть не может. Я хочу подойти к тому дереву со сломанной веткой, я хочу прислониться к его стволу. Принеси мне плед. Когда войдет Бен Узерстаф, я хочу встретить его стоя.

Мери и садовник Бэн приносят еду. Мери и зверушки начинают накрывать на стол.

Колин:

– Посмотри на меня хорошенько! Разве я горбун? Или у меня кривые ноги?

Садовник Бэн (*еще в шоке*):

– Вот уж нет. А зачем ты это делал? Прятался ото всех и позволял людям думать, что ты калека и полоумный?

Колин (*возмущенно*):

– Полоумный? Кто это так думает?

Садовник Бэн (*Опять испугавшись, что ляпнул что-то не то*):

– Многие дураки. В этом мире полно болванов, которые только и могут, что врать. Так за-

Золотое Слово-7

чем ты прятался?

Колин:

– Все думали, что я скоро умру. А я не умру!

Садовник Бэн:

– Ты умрешь? Еще чего! В тебе слишком много мужества. Когда я увидел, как ты стоишь на земле, то сразу понял, что с тобой все в порядке. Садитесь, молодой хозяин, посидите немножко. Я жду приказаний.

Колин:

– Что вы делали в саду, Бен Уэзерстаф?

Садовник Бэн:

– Да что скажут. Меня держат из милости, потому, что она ко мне хорошо относилась.

Колин:

– Кто она?

Садовник Бэн:

– Твоя мать.

Колин:

– Мама? Так это ее сад?

Садовник Бэн:

– Да. Ох, и любила же она его. Все мамы, когда покидают этот мир, потом обязательно возвращаются. Может быть, она и была в этом саду и привела сюда Мери, а потом велела ей привести тебя?

Колин (стараясь не заплакать):

– Теперь это мой сад! И я его тоже люблю. Я буду приходить сюда каждый день. Но это должно остаться тайной. Мой приказ такой: никто не должен знать, что мы приходим сюда. Я буду посылать за вами, когда надо помочь, но никто не должен вас видеть.

Садовник Бэн:

– Ваша мать была такая красивая и так любила розы. Как-то раз она засмеялась и сказала мне: «Если со мной что-нибудь случится, позаботься о моих розах». Когда ее не стало, ваш отец всем приказал и близко сюда не подходить. А я все равно приходил через стену. Один раз в году. Она первая мне приказала...

Колин:

– Спасибо Вам, Бен, за то, что сад не умер. Вы умеете хранить секрет.

Колин протягивает руку и берет лопату, оставленную на земле Мери.

Колин (Дикону):

– Ты сказал, что я буду ходить, как все, и что я буду копать грядки и сажать цветы? Я по-

думал, что ты просто хочешь сказать мне приятное. Но сегодня – первый день, а я уже хожу. И, смотри, я копаю землю!

Садовник Бэн:

– Сэр, вы настоящий йоркширец! Хотите что-нибудь посадить? Я принесу Вам из оранжереи великолепную розу.

Колин:

– Неси скорее. Я хочу посадить ее, пока не зашло солнце.

Мери, Дикон и зверушки суетятся вокруг ямки, где работает Колин. Мери сбегала за лейкой. Под музыку песенки Дикона зверушки участвуют в процессе.

Садовник Бэн (приносит цветок в горшке):

– Держи. И посади ее в землю сам, как король, когда он приезжает на новое место.

Колин опускает саженец в яму, Бен засыпает и утрамбовывает землю. Все вокруг смотрят и по-своему реагируют на происходящее.

Колин:

– Готово. А солнце еще только-только садится. Помогите мне, Дикон. Я хочу стоять, когда оно зайдет за горизонт. Это тоже часть Магии.

Солнце садится, свет меркнет. Мальчик, победивший болезнь, стоит, высоко подняв голову, как верховный жрец и смеется. Повторяется в новом качестве его ария.

№15. Я буду жить вечно

Я могу побежать по росистой траве
Будут тело и ноги послушными мне!

И природа, как мама обнимет меня.
И шепнет мне: «Ты будешь со мной навсегда!»

Да, я справлюсь с недугом, он мне нипочем.
Мы открыли дверь сада волшебным ключом.

И смогу я беспечно кричать сквозь года:
«Да, я буду жить вечно! В любви! Навсегда!»

Колин стоит в свете закатного солнца. Он похож на мага и волшебника, полный сил и на-

Золотое Слово-7

дежд, способный возродить и спасти не только себя, но и весь мир.

Картина № 9

Утро следующего дня.

Приехал Хозяин Мисселтвейта - Лорд Арчибальд Крейвен. Слуги, унося его чемоданы, о чем-то перешептываются.

Он, чувствуя какие-то перемены, останавливает Экономку Миссис Медлок.

Лорд Арчибальд:

– Как чувствует себя мастер Колин?

М.Медлок:

– Видите ли, сэр, он... стал совсем, если можно так выразиться... другой.

Лорд Арчи:

– Хуже?

М.Медлок:

– Как бы это сказать... Ни доктор Крейвен, ни я, ни особенно кухарка, не можем толком разобраться.

Лорд Арчи:

– Почему?

М.Медлок:

– По правде говоря, сэр, Мастеру Колину может быть лучше, а может быть и хуже. Но его аппетит, сэр!!! (Делает большие глаза.) Тут уж совсем ничего невозможно понять. А его поведение... (Разводит руками.)

Лорд Арчи:

– Он стал еще более странным?

М.Медлок:

– Вот именно, сэр! Еще более... Он подружился с вашей племянницей из Индии, Мисс Леннокс, над которой вы взяли опеку. Надо сказать, весьма неадекватная особа... И после этого вашего сына как будто подменили. Они не пускают взрослых к себе. У них постоянно как-то тайны. Иногда наедине с мисс Мери он как-то странно смеется. Раньше с ним такого никогда не было.

Лорд Арчи:

– Как он выглядит?

М.Медлок:

– Ну-у... если бы он ел, как положено, можно было бы подумать, что он поправился, а поскольку он каждый день требует по несколько корзин с едой и все время проводит в саду, то мы опасаемся, не опухает ли он? С вашего по-

зволения, доктор Крейвен немедленно придет поговорить с вами. Он никогда в жизни не был так растерян.

Лорд Арчи:

– Не надо. Где мастер Колин сейчас?

М.Медлок:

– В саду, сэр. Он всегда в саду, хотя ни одной живой душе не позволено подходить близко и смотреть на него.

Лорд Арчи (рассеянно):

– В саду? Надеюсь не в том, куда я запретил ходить?

М.Медлок:

– Не знаю, сэр. Нам можно ходить только вон до того куста рододендронов. Хотите, я провожу Вас?

Лорд Арчи:

– Не надо, я сам его найду...

Лорд Арчибальд пересекает лужайку и сворачивает на дорожку вдоль заросшей стены. Он идет медленно, глядя себе под ноги. Дверь в заброшенный сад закрыта, но за оградой слышны детские голоса, с трудом сдерживающие эмоции, прорывается хохот, топот ног, какие-то радостные звуки, радостные восклицания. И вот кто-то хохочет в полный голос. Лорд Арчибальд растерян, похоже, он думает, что у него началась галлюцинация и он слышит голоса, не предназначенные для ушей смертных? Топот ног доносится все отчетливее и громче, слышится быстрое дыхание, приближающееся к садовой двери, радостный взрыв смеха. Дверь в стене распаивается, вылетевший оттуда мальчик, едва не сбивает с ног Лорда Арчибальда. Лорд Арчи поддержал налетевшего на него мальчика, не давая ему упасть. Но, посмотрев на него, сам едва устоял на ногах. Мальчик откинул со лба густые волосы, прилепившиеся ко лбу от бега и посмотрел на Лорда веселыми, искрящимися глазами.

Лорд Арчи:

– Кто? Что? Кто?

За Колином, в калитку выбегает Мери. Она проиграла состязание в беге.

Мери:

– Ты выиграл, Колин! (Увидев хозяина.) Здрав-

Золотое Слово-7

ствуйте, сэр Арчибальд! (*Делает реверанс*)

Колин.

– Отец!.. Ты что, не узнаешь меня?

М. Крейвен молчит, ошеломленный.

Колин:

– Папа!!! Ты не можешь поверить? Я и сам едва верю. Я же Колин. Твой сын!

Арчибальд К:

– Мальчик мой!

Лорд Арчибальд потрясен. Колин бросается в объятия к отцу. Так они стоят, обнявшись, как будто остановилось время.

Картина № 10.

Внезапно перед входом в сад происходит светопреставление. Затемнение. Снова свет. У входа в сад, как привидение, возникает женщина в белом. Это душа матери Колина, а может быть, это мать Мери, или это просто воплощение всех матерей на свете и плодотворных, живительных сил природы, в которые надо верить, и тогда они обязательно помогут.

Женщина поет.

№16. Песня матери

Дети мои, я ждала вас так долго,
Было в саду одиноко без вас.
Голос мой прятался в ветки и кроны,
Только любви моей свет не угас.
Ну а душа моя вся растворилась
В облаке запахов свежей травы.
В старом дупле сиротливо ютилась
И ожидала до лучшей поры.

Верила я, что забудется горе.
Стайкой окрепших и сильных ребят
Дети мои навестят меня вскоре,
Смело разрушив запреты преград.

Я улетаю, теперь я спокойна,
Много прошли вы подводных камней.
Жизнь ваша будет отныне достойна,
Вы повзрослели и стали сильней.

Будьте же счастливы вы и любимы,
Сад свой лелейте в душе сквозь года.
Если поймете, что с ним вы едины,
Жить будете вечно в любви навсегда.

Привидение внезапно растворяется, как будто она показалась только избранным, а остальные ее просто не заметили.

Снова проясняется дневной свет. Отец и сын стоят, обнявшись, посреди Волшебного сада.

Арчибальд К:

– Мальчик мой, неужели это ты? Мне никто не говорил, что ты поправился. Ты выглядишь просто как атлет.

Колин.

– Мы и мои друзья хранили это в строжайшей тайне. Понимаешь, это Магия. Никто не должен знать, тогда эффект получается сильнее.

На лужайку перед садом высыпает вся прислуга. Бен Уэзерстаф, Миссис Медлок. Марта, Дикон с друзьями и Мери. Они поражены увиденным и, возбужденные новостью о чудесном излечении молодого хозяина, исполняют зажигательный и веселый номер, возможно, в стиле «рэп».

№17. Он пошел!

*песня, объединяющая
взрослых и детей с садом*

Марта.

Смотрите! Как круто!
Не надо докторов!
Он ходит, как будто
Давно уже здоров!

Он больше не болеет
Танцует и поет,
Кто скажет: «Мальчик болен», -
Бессовестно наврет!

Все:

Он пошел! Он пошел!
Не нужны коляски,
Костыли и корвалол!
Он здоров, как в сказке!!!

Золотое Слово-7

Садовник:

Он больше не зануда!
Нет парня веселей!
Кто сделал это чудо?
Наверно, чародей!

Полезно для здоровья
Снимать работой стресс.
Долой средневековье!
Да здравствует прогресс!

Все:

Он пошел, Он пошел!
Не нужны коляски,
Костыли и корвалол,
Стал здоров, как в сказке!!!

Дикон:

У Мери всем на диво
Завидный аппетит.
Как розочка, красива
И больше не хандрит.

И в том, что ходит Колин,
Ее заслуга! Да!
Кто скажет: мальчик болен? -
Какая ерунда!

Все:

Он пошел, он пошел!
Не нужны коляски,
Костыли и корвалол,
Стал здоров, как в сказке!!!

М. Медлок:

Любезные ребятки!
Я с вами хоть куда...
Играют, как котятки.
Ну просто красота!

Вы в садике хотели
Цветочки поливать?
В любые дни недели,
Вам можно там гулять!!!

Все:

Он пошел, он пошел!
Не нужны коляски,
Костыли и корвалол,
Стал здоров, как в сказке!!!

Мери:

Мы сумели разгадать
Сложные загадки
И закончили играть
С грустной тайной в прятки.

Наш секрет пора раскрыть,
Потому что рядом
Чудо можно сотворить
Лишь с Волшебным садом.

Все:

Он пошел, Он пошел!
Не нужны коляски,
Костыли и корвалол,
Стал здоров, как в сказке!!!

Все веселятся, обнимаются. Выкрикивают приветствия и поздравления. Звучит главная тема, тема «Волшебного сада».

№18. Зброшенный сад

Финал

Зброшенный сад, где застыла случайно
Из прошлого тень и листвою шелестит.
Здесь в дереве каждом кака-то тайна
И старый садовник об этом молчит.

Волшебный наш сад, как же ты безнадежно
Ждал капли вниманья от взрослых людей?
Поняв, что их все обещания ложны,
Ты помощи просишь у малых детей...

Детский хор:

Спокойно, наш сад, распускай ты листочки!
Тебя мы в обиду уже не дадим!
Деревья, дорожки, кусты и цветочки
Вскопаем, польем - ты теперь не один.

Пускай расцветает с удвоенной силой,
Подарок природы - твоя красота!
Тебя возродим мы чудесной картиной
И жить будем вечно в любви навсегда!

Заключительный общий танцевально-музыкальный финал.

Содержание

ПОЭЗИЯ

- Андрей Маничев 3*
Вера Кулемина 5
Сегений Смоляков 7
Елена Белкина 9
Евгения Корн 12
Виктор Пермяков 15
Сергей Пантелеев 17
Владимир Данилевский 18
Валентин Варес 21
Виктор Кудрявцев 23
Анатолий Генералов 25
Надежда Лебедева 27
Василий Денисюк 28
Валентина Федорова 29
Людмила Ильина 30
Игорь Сафронов 31

ПУБЛИЦИСТИКА

- Евгений Раевский 38*
Егор Барбазанов 42
Софья Дубовская 46
Иван Ильин 49
Галина Ковальская 50
Дина Панасенкова 53
Геннадий Серов 56
Борис Просвирин 62

ПРОЗА

- Лев Горянин 65*
Владимир Кириллов 73
Людмила Ильина 79
Анна Скворцова 81
Валентина Чирок 84
Ольга Сафарова 88
Нина Озерова 95
Олег Опрышко 100
Виктор Пермяков 102
Макар Алпатов 105
Сергей Псарев 111
Мария Орфанудаки 127
Светлана Панова 129
Наталья Веселова 132

КРИТИКА

- Евгений Раевский 183*

ДРАМАТУРГИЯ

- Наталия Сорокина 194*

Золотое Слово №7
Литературно-художественный журнал

Санкт-Петербург
Издательство «Гамма»
2013 г., 220 стр.

Выпускающий редактор: Ефимова Е.С.
Оригинал-макет: Сафронова Н.А.

Под общей редакцией
Е.П. РАЕВСКОГО

Составитель Н.А.Веселова

Издание Российского Межрегионального союза писателей
Официальный сайт: **www.rmsp.pro**
Адрес для писем: 199178, Санкт-Петербург,
В.О., 11-я линия, д. 48, кв., 10
Контактный тел.: 8-921-908-97-16

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Палитра»
Санкт-Петербург, наб.Обводного канала, д.87
Печать офсетная. Формат 60x84/8 Печ.л. 15
Заказ № 67 Тираж 900

Полиграфическое предприятие "Палитра"

Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 87

тел. (812) 572-37-47 ,

(812) 764-26-10, (812) 575-68-88

Высококачественная полиграфия - быстро и недорого.

Типография "Палитра" успешно работает на рынке полиграфии более 12-ти лет
Зарегистрируйтесь на сайте и получите скидку 5% на все виды услуг

Наша фирма оказывает полиграфические услуги самого широкого спектра:

Дизайн-студия

Разработка макетов полиграфической продукции, соответствующих всем требованиям дизайнера и технологии печати, создадим Ваш фирменный стиль и логотип.

Офсетная печать

Многоцветные бланки, фирменные папки, листовки, каталоги, рекламные буклеты, брошюры, книги, календари, плакаты, этикетки, стикеры на самоклеющейся бумаге и пленке, отрывные блоки, коробки из любого вида картона и т.д.

Цифровая печать

Печать на полноцветной цифровой машине (оперативное изготовление небольших тиражи полноцветной продукции: визитки, листовки, карманные календарики, рекламные проспекты...).

Ризография

Оперативная печать до формата А3 включительно, используя черный, красный, синий или зеленый цвета. Ризография это несложные и недорогие фирменные бланки, конверты, приглашительные билеты, флайеры, рекламные листовки, этикетки, квитанции, ярлыки, ценники, прайс-листы, бухгалтерские и товарно-транспортные документы (возможно на самокопирующей бумаге), брошюры, отрывные блоки для записей и т.д.

Шелкография

Шелкографии - печатать на любых видах материалов: кожа, кожзаменитель, пластик, полиэтилен, самоклеющаяся пленка и бумага, любые виды картона, этикеточные бумаги, ткань. Визитные карточки, приглашения, фирменные бланки, папки, конверты, наклейки любого размера на самоклеющейся пленке или бумаге, этикетки, полиэтиленовые пакеты от 100 штук.

Горячее тиснение

Изготовление визитных карточек, приглашений, фирменных бланков и прочей рекламной продукции методом горячего тиснения с использованием широкой гаммы цветной фольги (матовой и глянцевой).

Плоттерная резка

Любые вывески, таблички, большеформатную рекламу (стенды, плакаты), стрит-лайны, оформим Ваши грузовые или легковые машины рекламной информацией и т.п.

Постпечатные работы

Ламинированию до ф. А1. Вырубка до ф.А1. Переплетные работы (на металлическую пружину, на пластмассовую пружину, на скрепку, термопереплет).

Надеемся, что, ознакомившись с информацией о нашей фирме, Вы придете к нам и станете нашими постоянными клиентами.

С уважением,
Коллектив типографии "Палитра".

www.palitra-spb.ru